VISIT…

LANZAROTE
Caliente.COM

ЭДВАРД ЛЮТТВАК

EDWARD. N. LUTTWAK

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ

ПРАКТИЧЕСКОЕ ПОСОБИЕ

COUP D'ETAT

A PRACTICAL HANDBOOK

Университет Дмитрия Пожарского

Edward N. Luttwak

Coup d'Etat

A Practical Handbook

Dmitriy Pozharskiy University

Moscow 2012

Эдвард Н. Люттвак

Государственный переворот

Практическое пособие

Университет Дмитрия Пожарского

Москва 2012

Печатается по решению Ученого совета
Университета Дмитрия Пожарского

Эдвард Н. Люттвак. Государственный переворот: Практическое пособие. Перевод с английского: Edward N. Luttwak. Coup d'Etat: A Practical Handbook / Русский Фонд Содействия Образованию и Науке — Москва, 2012. — 326 с.

ISBN 978-5-91244-021-2

Об авторе. Об авторе. Эдвард Люттвак — всемирно известный специалист по военной стратегии и геополитике. Работал консультантом в Совете национальной безопасности и в Государственном департаменте США советником президента Рональда Рейгана. Участвовал в планировании и осуществлении военных операций. Создатель геоэкономики — раздела геополитики, где исследуется борьба государств и других глобальных субъектов за сферы влияния в мире.

«Государственный переворот: Практическое пособие». Данная книга вышла в свет в 1968 году, с тех пор она была переведена на 14 языков и претерпела много переизданий. В России она издается впервые. Содержание книги очень хорошо характеризуют следующие цитаты из предисловий к изданиям разных годов:

Эдвард Люттвак. 1968. «Это — практическое руководство к действию, своего рода справочник. Поэтому в нем нет теоретического анализа государственного переворота; здесь описаны технологии, которые можно применить для захвата власти в том или ином государстве. Эту книгу можно сравнить с кулинарным справочником, поскольку она дает возможность любому вооруженному энтузиазмом — и правильными ингредиентами — непрофессионалу совершить свой собственный переворот; нужно только знать правила»;

Уолтер Лакер, 1978. «Сегодня эта книга, возможно, представляет даже больший интерес, чем в 60-е: последнее десятилетие показало, что теперь государственный переворот — отнюдь не редкое для цивилизованного мира исключение, а обыденное средство политических изменений в большинстве стран — членов ООН»;

Эдвард Люттвак. 1979. «На протяжении прошедших с момента первого издания настоящей книги лет мне часто говорили, что она послужила руководством к действию при планировании того или иного переворота. Однако один-единственный случай, когда ее использование четко доказано, не является весомым аргументом в пользу подобного рода утверждений: переворот, который имеется в виду, был поначалу очень успешным, но потом провалился, приведя к большим жертвам».

ISBN 978-5-91244-021-2

© Эдвард Н. Люттвак, текст, 2012
© Платошкин Н. Н., русский перевод, 2012
© Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2012

Посвящается моему отцу Иосифу Люттваку и моей матери.

Содержание

1. Что такое государственный переворот? 19

2. Когда возможен государственный переворот? 28

3. Стратегия государственного переворота 57

4. Планирование государственного переворота 103

5. Осуществление государственного переворота 141

Приложение А. Экономика репрессий 169

Приложение Б. Тактические аспекты
государственного переворота 177

Приложение С: статистика 184

Эдвард Люттвак. Анализ его книг и статей:
уже изданных в России и еще не переведенных на русский язык 204

Государственные перевороты в контексте противостояния
двух сверхдержав в период «холодной войны» 277

Перечень схем

Схема I. Альтернативные формы правительства.............. 113

Схема II. Формальное и реальное правительство.............. 114

Схема III. Средства телекоммуникации в распоряжении правительства.............. 119

Схема IV. «Физические» цели организаторов переворота» 121

Схема V. Физические цели в прибрежном городе 123

Схема VI. Последовательность действий и временные сроки (тайминг) 123

Схема VII. «Шум» и анализ информации в разведке. 149

Схема VIII. Время, необходимое командам для достижения их целей в «час ноль».............. 151

Схема XIX. Единовременное проникновение в систему обороны и время, необходимое для этого различным командам .. 154

Схема X. Политический лимит выживания с точки зрения налогообложения 174

Схема XI. Формула Дювалье.............. 175

Схема XII. «Умный» захват хорошо укрепленных объектов.............. 180

Схема XIII. Общая структура блокирующей позиции.............. 182

Перечень таблиц

Таблица I.	Формальные структуры и реальная цепочка командования	67
Таблица II.	Страна X. Потенциальные силы вмешательства	70
Таблица III.	Оптимальная стратегия проникновения	74
Таблица IV.	Роль этнических меньшинств в сирийской политике	78
Таблица V.	Выпуск 19 года военной академии страны X: нынешние карьерные позиции	80
Таблица VI.	Братья Ареф в Ираке, 1958–1968. Исследование их взаимной лояльности	82
Таблица VII.	Батальон № 1: перспективы привлечения военнослужащих к участию в перевороте	83
Таблица VIII.	Проникновение в вооруженные силы Португалии (отвлеченный пример)	87
Таблица IX.	Проникновение в вооруженные силы Западной Германии (отвлеченный пример)	88
Таблица X.	Группы, которые влияют на формирование американской политики по Ближнему Востоку. Формальные и неформальные	106
Таблица XI.	Альтернативные формы правительства	111
Таблица XII.	СМИ. На Ближнем Востоке и в Африке в середине 1967 года	116
Таблица XIII.	Средства политической телекоммуникации в Гане	118
Таблица XIV.	Механика возможного вмешательства лоялистских сил	146
Таблица XV.	Первое коммюнике нового режима: выбор стиля	163
Таблица XVI.	Данные национальных счетов страны X. (Предполагается равное распределение дохода)	171
Таблица XVII	Данные национальных счетов по стране X (после финансирования пропаганды и полиции)	172
Таблица XVIII.	Данные национальных счетов по стране X (средства, которые можно направить на развитие)	173
Таблица XIX.	Канун переворота: силы государства, полностью перешедшие на нашу сторону (отвлеченный пример)	179

Предисловие

«Государственный переворот», блестящая и оригинальная книга, написанная совсем еще молодым человеком, впервые была опубликована в 1968 году и немедленно привлекла к себе внимание. Впоследствии ее перевели на многие языки. Сегодня эта книга, возможно, представляет даже больший интерес, чем в 60-е: последнее десятилетие показало, что теперь государственный переворот — отнюдь не редкое для цивилизованного мира исключение, а обыденное средство политических изменений в большинстве стран — членов ООН.

В настоящее время в мире больше военных диктатур, чем парламентских демократий, и случаев, когда эти диктаторские режимы свергаются «народными восстаниями», мы наблюдали совсем не много. Гораздо чаще один военный диктатор сменяется другим или несколькими. Несмотря на все эти тенденции, на изучение государственных переворотов до сих пор существовало некое табу. Некоторые критики данной книги Люттвака явно не знали, как ее оценить. Легко понять почему. Шокирующей кажется сама мысль, что во многих частях мира с равной легкостью государственный переворот может быть осуществлен небольшой группой людей, и это свидетельствует о том, что они — будь то левые, правые или центристы — усвоили элементарные уроки современной политики.

Маркс и Энгельс много писали о революции, но почти ничего — о технологии ее совершения; единственным в XIX веке левым лидером, сформулировавшим детальные инструкции в этом отношении, был Бланки, но успехом его деятельность, по сути, не увенчалась. У него был предшественник Габриэль Нод, чей труд был опубликован в Париже в конце XVII века, а перевод на английский язык доктора Уильяма Кинга появился в 1711 году : ***«Политические размышления о высокой политике и мастерстве государственных переворотов»*** (Dr. William King: *«Political considerations upon Refined Politicks and the Master Strokes of Stale»)*. «Гром падает с небес, прежде чем его можно услышать, молитвы произносят, прежде чем на них созывает колокол; кто-

то подвергается удару, думая, что он сам его наносит, страдают те, кто никогда этого не ожидал, и умирают те, кто думал, что находится в полнейшей безопасности; и все это делается под покровом ночи и темноты, среди штормов и замешательства». Эти слова не утратили актуальности и сегодня.

Но Нода забыли на долгие времена. К тому же его концепция «мастерского переворота» была, в любом случае, гораздо шире, чем государственный переворот в современном смысле этого понятия. В наше время появились целые библиотеки по вопросам объективных условий, в которых происходят революции, о войнах гражданских и крестьянских войнах, революционных и внутренних, о партизанской борьбе и терроризме. Однако почти ничего не написано о государственных переворотах, и это несмотря на то, что в последнее время было очень мало революций, а «объективные условия» — всегда только один из факторов, участвующих в генезисе революций. Рассмотренные в таком ракурсе государственные перевороты весьма неудобны как для практических политиков, так и для политологов. Ибо на основе «объективных условий» можно легко построить модели и схемы, в то время как государственные перевороты непредсказуемы и практически уже по определению являются смертельными врагами всяких упорядоченных гипотез и концепций. Как можно научным образом вычислить политические амбиции нескольких людей, занимающих важные стратегические позиции?

Все это достойно сожаления, но не умаляет необходимости более тщательного и детального изучения государственных переворотов. Ибо, согласно всем признакам, они станут «волной будущего» — то есть распространятся шире, чем другие, более активно обсуждаемые формы политического насилия. Исследуя партизанскую войну, я пришел к выводу, что в большинстве стран «третьего мира» армия является самым сильным претендентом на политическую власть. За последние пятнадцать лет произошло примерно 120 военных переворотов, в то время как только пять партизанских движений смогли прийти к власти — и только три из них смогли сделать это после переворота в Португалии в 1974 году. Функцией партизанского движения снова стало то, что первоначально ее и составляло — прокладывание пути к власти для регулярной армии: партизаны создают беспорядки, а в седло власти вскакивают совсем иные люди. Еще в большей степени это относится к террористическим группам.

Правда, в некоторых частях мира осуществить военный переворот стало сложнее. Когда-то командир танковой бригады в какой-нибудь ближневосточной стране мог рассматриваться как потенциальный претендент на политическую власть. Теперь это уже не так, отчасти из-за

централизации военного командования, а отчасти потому, что политическая полиция теперь работает эффективнее. Но если в этих частях мира перевороты и стали более редкими, они по-прежнему являются единственной формой политических изменений, которую можно рассматривать в настоящее время.

Тем не менее хотя перевороты непредсказуемы, и к ним не применимы известные методы интерпретации (не говоря уже об их прогнозировании), они содержат в себе повторяющиеся сценарии — «все то же самое, но всегда по-другому» — того, что происходит с момента, когда замышляется заговор, до реального захвата власти. Настоящая книга представляют собой важную веху на практически не тронутом до сих пор поле исследований.

Уолтер Лакер, Вашингтон — Лондон, октябрь 1978

Предисловие к первому изданию

Это — практическое руководство к действию, своего рода справочник. Поэтому в нем нет теоретического анализа государственного переворота; здесь описаны технологии, которые можно применить для захвата власти в том или ином государстве. Эту книгу можно сравнить с кулинарным справочником, поскольку она дает возможность любому вооруженному энтузиазмом — и правильными ингредиентами — непрофессионалу совершить свой собственный переворот; нужно только знать правила. Пара слов в качестве предостережения: прежде всего, для совершения успешного переворота должны иметься определенные предпосылки, точно так же как для приготовления ухи первым делом нужно подобрать правильный сорт рыбы. Во-вторых, читателям настоящего справочника следует помнить, что наказание за неудачу может быть гораздо более серьезным, чем необходимость есть консервы, если уха не удалась (зато и потенциальная награда, конечно, гораздо весомее.)

Возможно, мне возразят: если данный справочник окажется неточным или ведущим к непредвиденным последствиям, не подвергнутся ли его читатели серьезной опасности? И напротив — если он окажется точным, не приведет ли это к беспорядкам и волнениям? В свою защиту могу сказать только то, что перевороты уже стали обычным делом, и если в результате прочтения книги большее количество людей научатся их осуществлять, это будет всего лишь шагом на пути к «демократизации» переворотов, чему должны аплодировать все сторонники либеральных убеждений.

Наконец, необходимо отметить, что рассматриваемые в книге технологии являются политически нейтральными, исследуются только с точки зрения цели захвата власти и не затрагивают последующую политику пришедших к власти режимов. Желающие подробнее ознакомиться с данной темой могут обратиться к некоторым зарекомендовавшим себя научным исследованиям, среди которых можно назвать «Роль военных в слаборазвитых странах», под редакцией Дж. Джонсона («The Role of the Military in Under-Developed Countries», edited by J. J. Johnson), «Человек

на коне» С. Э. Файнера (*S. E. Finer*, The Man on Horseback) и главу «Организация вооруженных сил» книги Мэрион Дж. Леви «Модернизация и структура общества» (*Marion J. Levy Jr's*, Modernization and Structure of Societies).

Предисловие к изданию 1979 года

На протяжении прошедших с момента первого издания настоящей книги лет мне часто говорили, что она послужила руководством к действию при планировании того или иного переворота. Однако один-единственный случай, когда ее использование четко доказано, не является весомым аргументом в пользу подобного рода утверждений: переворот, который имеется в виду, был поначалу очень успешным, но потом провалился, приведя к большим жертвам. Его главный организатор, министр обороны, который хотел добиться еще более значительного положения, был схвачен и вскоре казнен. При обыске в его домашнем кабинете нашли французское издание этой книги, испещренное пометками. В свою защиту я мог бы сказать, что рецепты книги не были усвоены и исполнены должным образом. Однако не думаю, что должен оправдываться, поскольку не собирался написать учебник по типу «сделай сам». Моя цель была совершенно иной: изучить значение политической жизни в отсталых странах, известных как «слаборазвитые».

Когда замысел книги только зарождался, западные интеллектуалы были страстно увлечены событиями в «третьем мире». Это была атмосфера надежд и ожиданий в отношении новых государств Африки и Азии, которые тогда впервые появились на мировой арене. Даже Латинская Америка вызывала новый интерес и новые надежды — в значительной мере стимулированные программой Кеннеди «Союз ради прогресса», с энтузиазмом, как и все проекты Кеннеди, воспринятой общественным мнением.

Но больше всего, вне всяких сомнений, публику интересовала Черная Африка, и зачастую этот интерес был весьма эмоциональным. Распад колониальных империй Великобритании и Франции тогда еще продолжался, и новые африканские страны были самыми новыми в мире. Их ужасную нищету не могли полностью скрыть живописные ландшафты, а практически полное отсутствие образованного класса общества бросалось в глаза. Однако на Западе лишь немногие правые экстремисты и еще меньшее количество специалистов по Африке «старой школы»

утверждали, что независимость африканским странам была предоставлена слишком рано. От этого незначительного меньшинства отмахнулись как от расистов и реакционеров. Просвещенные круги на Западе были абсолютно уверены: силу новым государствам даст свежая энергия народа, освободившегося от летаргии колониального господства; молодежь этих стран скоро получит образование и станет техническими специалистами, профессионалами и государственными служащими; при условии некоторой помощи Запада можно ожидать резкого ускорения экономического развития, а это, в свою очередь, вскоре устранит отсталость и бедность, вызванные колониальной эксплуатацией. Более того, нам говорили о моральном превосходстве этих новых государств. Молодые лидеры-идеалисты, которые боролись за независимость, должны были стать важной идейной силой на мировой арене.

Будучи студентом Лондонской школы экономики, автор настоящей книги слышал все эти рассуждения, звучащие как истина в последней инстанции. У меня не было никакого желания пополнить ряды небольшой кучки правых, которые выступали против распада британской колониальной империи. Однако я считал, что описанная выше общепризнанная точка зрения безнадежно далека от реальности; наши лучшие умы, казалось, теряли всякую способность к критическому осмыслению, когда речь шла о «третьем мире». Здесь не место рассуждать о скрытых эмоциональных причинах, которые могли бы объяснить такую явную неудачу интеллекта. Бесспорно лишь то, что оптимистичный взгляд на будущее «третьего мира» был очень широко распространен, хотя все очевидные факты полностью ему противоречили.

Меня заставила усомниться в будущем этих государств и ценности их вклада в международную жизнь вовсе не их бедность. Бедность не всегда тормозит культурное или социальное развитие, и, в любом случае, у некоторых из самых малообещающих в этом смысле стран было потенциальное богатство в виде нефти. Что касается отсутствия необходимых административных структур, оно, конечно, тоже не было фатальным недостатком: мало что разрастается столь же быстро, как государственный бюрократический аппарат. И даже чувства, которые испытывали бедняки, когда СМИ говорили им о тех немногих, что купаются в роскоши, казались мне не столь уж опасными. Представлялось, что «революция растущих ожиданий» — еще один слоган, придуманный западными интеллектуалами для оправдания грядущих лишений, — осталась нереализованной.

Однако был и остается один, но фатальный, недостаток, неотвратимо ведущий новые государства к беспорядку внутри страны и беспомощно-

сти на международной арене: отсутствие того, что эти страны не могли ни создать сами, ни получить из-за границы, — реального гражданского политического общества. Сформулировать, что это, собственно говоря, такое, не так уж легко. Для начала, пожалуй, стоит вспомнить известное сравнение нации с государством. Новые государства возникли потому, что колониальные власти передали свои полномочия тем политическим лидерам, которые агитировали за независимость; конкретнее, новым лидерам отдали контроль над армией, полицией, налоговыми органами и административным аппаратом, ранее работавшим на колониальные власти. Старые слуги империй служили своим новым хозяевам якобы ради новых целей. Но их методы и фактическая идеология оставались все теми же продуктами времен колониальных империй, сформированными по лекалам ценностей ИХ политических сообществ. Не существовало органической связи между автохтонными культурами и инструментами государственной власти, и такая связь не могла возникнуть. Прежде всего, в каждом новом государстве обычно была не одна, а несколько автохтонных культур, причем различных, зачастую противоположных друг другу. Более того, методы и операционные технологии, которые автохтонные культуры *могли бы* органически применять, обычно совершенно не годились для удовлетворения потребностей современной, то есть западной жизни. Проблема не в том, что такой диссонанс сделал бы государственный аппарат слабым, а скорее в том, что он сделал бы этот аппарат бесконтрольным и слишком сильным. Последствия теперь очевидны в полной мере. Правители новых государств наделены всей полнотой власти над индивидами, которые могут предоставить современной государственной машине новые технологии, средства телекоммуникации и современное оружие. Но поведение этих правителей не ограничено законом или моральными стандартами, которые должно утверждать и защищать настоящее гражданское общество, даже если оно требует всего лишь лицемерия со стороны власть предержащих. Прежде всего, поведение упомянутых правителей не ограничено политическим давлением, так как угнетенным не предоставляют тех электоральных возможностей, которые есть в западных демократиях, и у них нет социальных структур, где могла бы развиваться и координироваться политическая деятельность. Отсюда тотальный произвол власти, который заменил колониальное безвластие на территориях новых государств. Существовавшая всегда взятка теперь стала абсолютно нормальным инструментом в любых взаимоотношениях между гражданином и государством; детальное и навязчивое угнетение заменило дистанционный авторитаризм колониальных дней, так как ни бюрократы, ни полицейские не связаны никакими принципами законности — или хотя бы установленными законами

формальными процедурами — которые ограничивали колониальную власть. В результате регламентация общественной жизни переходит все границы. Законопослушный гражданин не может быть уверен в неприкосновенности свободы, жизни и собственности, поскольку закон не дает защиты от его хранителей, которые сами же его и нарушают.

Если колониализм и являлся преступлением, то его самым большим прегрешением было бездействие, в то время как хрупкие автохтонные культуры, эмбриональные современные общества и национальные меньшинства, не способные защищать себя, попали в руки политических лидеров, оснащенных мощной машиной современного государства.

Злодеяния Иди Амина[1] были достаточно очевидными, чтобы привлечь постоянное внимание западных СМИ. Однако Иди Амин полностью прав, когда утверждает, что эти СМИ относятся к нему несправедливо. От Алжира до Занзибара народами Африки управляют автократы, чей неограниченный контроль над государственной машиной позволяет им следовать любому пороку и совершать любые эксцессы. В одной стране правитель может быть алкоголиком, в другой он может вообще запретить употребление алкогольных напитков, так как ОН думает, что это противоречит религии; в одной стране правитель может претендовать на любую женщину или мальчика, которые ему приглянулись, а в другой — казнить за прелюбодеяние; в одной стране могут свободно импортироваться бесполезные товары роскоши, но нет иностранной валюты для приобретения самых необходимых медикаментов, а лидер другой страны волен объявить, что нельзя импортировать даже книги, хотя валюта бесполезно накапливается на счетах в иностранных банках.

Прежде всего, имеют место систематическое использование инструментария армии и полиции для подавления собственного населения и приватизация общественного достояния в фантастических масштабах. В то время как вице-президент США был вынужден подать в отставку, поскольку получал взятки (или считалось, что получал) — и все были поражены размерами сумм, о которых шла речь, в странах «третьего мира» за такие деньги нельзя было бы купить и второстепенного министра. Логика, согласно которой политическая власть может обеспечить личное благосостояние, универсальна, и обогащение властей предержащих является феноменом, который можно обнаружить во всем мире. Но есть разница в том, как данная логика действует в новых государствах, и речь здесь не только о масштабах: это не вспомогательный элемент, а сама суть процесса осуществления политического контроля, и никаких ограничений здесь не наблюдается. Открытая коррупция в новых госу-

[1] Иди Амин — диктатор Уганды в 1971–1979 годах. — *Примечание переводчика.*

дарствах — прямое следствие отсутствия гражданского общества. Только в гражданском обществе могут зародиться эффективные нормы политической жизни, которые будет осознавать и принимать каждый гражданин. Без гражданского общества не может быть эффективных норм. А без этих норм, естественно вырастающих из ценностей и убеждений общества, государство представляет собой не более чем машину подавления. Именно в этом случае государственный переворот становится возможным, потому что над аппаратом власти, как и над любым механизмом, можно получить контроль, захватив самые важные рычаги управления. Поэтому, исследуя государственные перевороты, я на самом деле писал о политической жизни в новых государствах.

1. Что такое государственный переворот?

«Я сожалею, что приходится начинать эру мира с государственного переворота, как я и замышлял».

Герцог Веллингтон, 1811 год

«...не было иного пути спасения, кроме вмешательства армии».

Константин Коллиас,
21 апреля 1967 года, Афины

Несмотря на то, что термин «государственный переворот» используется уже на протяжении более чем 300 лет, возможность относительно легкого осуществления такого переворота вытекает из особенностей развития современного общества: возникновения и развития современного государства с его профессиональным бюрократическим аппаратом и постоянными вооруженными силами. Мощь современного государства в значительной степени базируется на его непрерывно функционирующем бюрократическом аппарате — с его архивами, делами, документами и чиновниками, — который может тщательно отслеживать, а если потребуется, и контролировать, деятельность всех других организаций и отдельных людей. Тоталитарные государства всего лишь более полно используют детальную и всеобъемлющую информацию, которая находится в распоряжении и других государств, в том числе демократических: одни и те же основные инструменты используются по-разному.

Ключевыми для осуществления государственного переворота являются два последствия развития и укрепления современного бюрократического аппарата: образование четкого разделения между постоянным госу-

дарственным аппаратом и политическим руководством государства и тот факт, что, как и большинство крупных организаций, бюрократический аппарат имеет иерархическую структуру с четкими цепочками принятия и исполнения решений. Различие между бюрократом как государственным служащим и бюрократом, как личным слугой правителя — явление, относительно новое, и как британская, так и американская системы демонстрируют рудименты былой структуры[2].

Важность этого обстоятельства — в том, что если бюрократы связаны с политическим лидером, незаконный захват власти принимает форму «дворцового переворота» и касается в основном манипулирования личностью правителя. Его можно заставить согласиться с новым политическим курсом или назначить новых советников, его можно убить или лишить свободы передвижения, но, что бы ни происходило, «дворцовый переворот» способны осуществить только инсайдеры и только изнутри правящего класса[3].

«Государственный переворот» — дело, куда более «демократическое». Его можно осуществить «извне», и он может происходить вне правительства, но внутри государственной машины, которую образуют постоянная и профессиональная государственная служба, вооруженные силы и полиция. Цель такого переворота — разобщить постоянных госслужащих и политическое руководство, а этого обычно не происходит, если они связаны политическими, этническими или традиционными узами лояльности.

Современные африканские государства, подобно Китайской империи, используют этнические связи для формирования высшего слоя своего государственного управленческого аппарата. Маньчжурская династия в Китае старалась следовать исконным китайским традициям и использовать китайцев-ханьцев на государственной службе на всех уровнях, но ключевые посты в гражданском управлении и вооруженных силах, тем не менее, были заполнены потомками тех, кто пришел в страну вместе с основателями династии. Также и африканские правители назначают представителей своих племен на стратегические посты в силах безопасности.

---

2 В Британии есть конституционная фикция, заключающаяся в том, что все государственные служащие — как подсказывают их возникновение и эволюция — являются слугами короны. В США, несмотря на то, что давно прошли времена, когда партийные лидеры перебирались в Вашингтон после победы на выборах, некоторые должности в госаппарате по-прежнему раздают политическим сторонникам, а не профессионалам.

3 «Инсайдерами» могли быть преторианцы в древнем Риме или подобные им структуры в Эфиопии 60-х годов. В династической системе власти инсайдеры будут пытаться заменить нежелательного для них правителя на его более приемлемого для них сына.

Если партийная машина контролирует назначения на государственные должности — либо как часть общего тоталитарного контроля, либо потому, что правящая партия долго находится у власти, как в послевоенной Италии, — политические сторонники назначаются на высшие должности в бюрократическом аппарате, и для того, чтобы защитить режим, и для того, чтобы обеспечить проведение нужной политики. Поэтому партийные назначенцы занимают ключевые посты в полиции и органах безопасности Франции и Италии, точно так же как все высшие должности в коммунистических странах находятся в руках партийных «аппаратчиков».

Пример использования «традиционных связей» — Саудовская Аравия[4]. Здесь из-за отсутствия современных «ноу-хау» у сторонников и соплеменников королевской семьи то, чего не удавалось сделать на индивидуальном уровне, делалось на уровне организационном. Кроме современной армии, состоящей из ненадежных жителей городов, есть и «белая армия» ваххабитских бедуинов, сторонников саудовской правящей династии.

Подобные узы лояльности между политическим руководством и бюрократическим аппаратом нетипичны для современных государств. Наряду с приведенными выше примерами, гражданская служба и политические лидеры современного государства могут быть связаны классовыми или этническими узами, однако какой бы природы ни были эти узы, все эти группы достаточно велики, чтобы туда могли проникнуть те, кто замышляет государственный переворот.

Из-за раздутости бюрократического аппарата и для того, чтобы добиться хотя бы минимальной эффективности его работы государственный аппарат вынужден разделить свою работу по четко разграниченным сферам компетенции, которые распределяются между различными департаментами. Внутри каждого департамента должна существовать усвоенная всеми цепочка принятия решений и должны соблюдаться стандартные процедуры работы. Таким образом, любая информация и каждый приказ обрабатываются и выполняются в стандартной манере, и если приказ приходит из соответствующего источника на соответствующий уровень, то он выполняется.

В ключевых частях государственного аппарата — вооруженных силах, полиции и органах безопасности — все эти характеристики еще более ярко выражены, с большей степенью дисциплины и жесткости структуры. Государственный аппарат, таким образом, до определенной

---

[4] Эти связи являются религиозными по своему происхождению, так как саудовский королевский дом традиционно пропагандирует ваххабитское направление в исламе.

степени является «машиной», обычно работающей в предсказуемом и автоматическом режиме.

При совершении государственных переворотов как раз и ориентируются на такой «машинальный» режим работы бюрократии: и в процессе переворота (так как для захвата ключевых рычагов управления используются части государственного аппарата), и после него (так как ценность этих рычагов обусловлена тем, что государство является целостным механизмом).

Мы увидим, что некоторые государства так хорошо организованы, что их бюрократическая машина достаточно умна для того, чтобы в реализуемых ею планах и установках демонстрировать благоразумие: все поступающие в нее и передаваемые в ней приказы и установки автоматически сверяются с существующей «концепцией» того, что является «нормальным», а что — нет. Это имеет место в развитых государствах, и в этих условиях государственный переворот осуществить очень сложно.

В некоторых государствах бюрократический аппарат настолько мал и прост и настолько тесно связан с политическим руководством, что вряд ли подходит для государственного переворота. Такая ситуация сложилась, например, в бывших британских протекторатах в Южной Африке, Ботсване, Лесото и Свазиленде. К счастью, большинство государств находятся между двумя этими крайностями; госаппарат там достаточно велик, не очень «умен» и, соответственно, уязвим для тех, кто намерен захватить ключевые рычаги управления.

Одним из самых удивительных явлений последнего столетия было грандиозное падение общей политической стабильности. Со времен французской революции правительства свергались все быстрее и быстрее[5]. В XIX столетии французы пережили две революции, и два режима рухнули после военного поражения страны. В 1958 году смена режима представляла собой продуманную смесь обоих этих элементов. Повсюду народы следовали французскому примеру, и продолжительность жизни режимов стала падать, в то время как продолжительность жизни их подданных росла.

Это резко контрастировало с относительной приверженностью к системе конституционной монархии, которая наблюдалась в XIX веке. Когда греки, болгары и румыны завоевали независимость от турецкого колониального господства, они немедленно обратились к Германии, чтобы найти

[5] С исторической точки зрения эту тенденцию основала революция в США, однако ее воздействие на мир в целом не было столь ярко выраженным из-за удаленности Америки и ее особенностей.

там для себя подходящую королевскую династию. Короны, балдахины и регалии были заказаны обладающим высокой репутацией английским поставщикам (Англия); были построены королевские дворцы, и, где возможно, в качестве дополнительных льгот предоставлены охотничьи угодья, королевские любовницы и местная аристократия. Народы XX столетия, напротив, продемонстрировали отсутствие интереса к монархиям и их атрибутам; когда британцы любезно снабдили иракцев подходящей королевской династией, то последние предприняли несколько попыток, чтобы избавиться от нее, и, в конце концов, в 1958 году добились успеха. Военные и другие правые силы тем временем пытались действовать так же, как и народные движения, и использовали их незаконные методы для того, чтобы захватить власть и свергнуть правящие режимы.

Почему режимы в XX веке оказались такими хрупкими? Ведь парадоксально, что эта хрупкость только выросла, в то время как установленные процедуры для обеспечения смены правительства стали в целом более гибкими. Политолог может ответить на это, заявив, что хотя процедуры и стали гибче, давление со стороны населения в пользу смены режимов сделалось сильнее, и что этот рост гибкости был более медленным, чем рост давления в пользу социальных и экономических перемен[6].

Насильственные методы смены власти применяются обычно тогда, когда легальные методы бесполезны либо потому, что они слишком жестки — как в случае с правящими монархиями, где правитель контролирует формирование политики, — либо недостаточно жестки. Уже не раз отмечалось то обстоятельство, что в России трон до XVII столетия был не наследственным или выборным, а «оккупированным». Длинная череда отречений, к которым царей вынуждали боярская землевладельческая знать и стрельцы дворцовой охраны, ослабила принцип наследования, и поэтому любой, кто захватывал трон, становился царем, а преимущественное право рождения мало что значило.

Некоторые современные республики также очутились в подобной ситуации, которая обусловлена тем, что длинная череда незаконных захватов власти привела к упадку юридических и политических структур, необходимых для того, чтобы менять правительства. Например, в послевоенной Сирии было больше дюжины переворотов, а положения Конституции об открытых всеобщих выборах не могли быть применены, потому что надзиравший за их выполнением аппарат перестал функционировать. Однако если предположить, что существует установленная процедура смены руко-

[6] Возможно, главным источником дестабилизирующего давления стал потрясающий прогресс в научных открытиях и вытекающие из него технологические изменения. Однако эта тема выходит далеко за рамки данной книги. Сопоставление терминов «восстание» = «терроризм» = «национально-освободительная война» широко известно.

водства, то все иные методы, кроме этого, в той или иной степени незаконны и расцениваются нами в зависимости от того, на чьей стороне мы находимся. Но если отвлечься от семантики, то можно констатировать следующее:

Революция

Действия, во всяком случае поначалу, осуществляются неорганизованными народными массами и направлены на смену социальных и политических структур, равно как и на замену конкретных личностей в руководстве страны. Этот термин приобрел определенную популярность. Им были обозначены многие перевороты, так как считалось, что они было делом рук «народа», а не нескольких заговорщиков. Например, скрытые цели, которые провозглашал генерал Касем в Ираке[7], когда свергал режим короля Фейсала, стали известны в стране как «священные принципы революции 14 июля».

Гражданская война

Гражданская война сегодня представляет собой военные действия между элементами национальных вооруженных сил, ведущие к смене правительства.

Этот термин не слишком моден. Скажем, если вы испанец и сторонник Франко, вы назовете события 1936–1939 годов «крестовым походом» (*cruzada*). А если вы не сторонник Франко, то просто назовете это «событиями».

Пронунсиаменто

В целом — испанская и южноамериканская версия военного переворота, хотя именно ей соответствовали многие перевороты, произошедшие за последнее время в Африке. В своей первоначальной испанской форме XIX века это был процесс со своими четкими ритуалами. Сначала проводилась «работа» (*trabajos*): зондировалось мнение офицеров армии. Затем достигались компромиссы с будущими заговорщиками путем обещания наград в обмен на выполнение определенных действий. Потом зву-

[7] Генерал Абдель Керим Касем (1914–1963) — лидер прогрессивной антиимпериалистической революции в Ираке в июле 1958 года. — *Прим. переводчика.*

чал призыв к действию. И, наконец, — воззвание к войскам следовать за своими офицерами в восстании против правительства.

Часто пронунсиаменто было либеральным, а не реакционным явлением. Теоретическим обоснованием переворота было стремление обеспечить выполнение «воли нации» — типично либеральная концепция. Позднее, когда армия стала более правой, а испанские правительства — наоборот, теория пронунсиаменто сдвинулась от неолиберальной «национальной воли» в сторону неоконсервативной «реальной воли». Последняя исходит из апелляции к существованию некой национальной сущности, своего рода постоянной духовной структуры, которая не всегда отражает желания большинства. Армии было доверено интерпретировать и сохранять «истинную Испанию» и защищать ее от правительства, а если нужно, то и от народа[8].

Пронунсиаменто организовывал и возглавлял определенный военный лидер, однако осуществлялось оно от имени всего офицерского корпуса. В отличие от путча, который проводила только часть армии, или от государственного переворота, который осуществлялся гражданскими лицами, использовавшими некоторые армейские подразделения, пронунсиаменто ведет к взятию власти армией как единым целым. Этим многие африканские перевороты, в которых участвовала вся армия, очень похожи на классические пронунсиаменто.

Путч

В основе своей это феномен военного и короткого послевоенного периода. Путч предпринимается формальным органом внутри вооруженных сил и под их назначенным руководством. Явный пример — путч Корнилова: командующий группой войск на севере России попытался захватить Ленинград, чтобы установить «сражающийся» режим, который продолжил бы участие страны в Первой мировой войне[9]. Если бы он преуспел, то город, возможно, носил бы его имя, а не Ленина.

Освобождение

Сторонники перемен могут утверждать, что государство «освобождено», если его правительство свергнуто с помощью иностранной военной или

[8] Различные версии этой теории стали популярными среди французских вооруженных сил в 50-е и в начале 60-х годов.

[9] К моменту мятежа Л. Г. Корнилов был Верховным главнокомандующим. — *Прим. переводчика.*

дипломатической интервенции. Классический пример тому — установление коммунистического режима в Румынии в 1947 году. СССР заставил тогдашнего короля Михая согласиться с новым кабинетом министров, угрожая, что в случае отказа силы Советской армии в Румынии начнут действовать.

Национально-освободительная война, повстанческое движение и т. д.

В данной форме внутреннего конфликта целью начинающей его стороны является не захват власти в государстве, а скорее создание соперничающих государственных структур. Они могут быть основаны на политических или этнических принципах.

Движение за освобождение Южного Вьетнама стремится создать новую структуру общества и, как следствие, новое государство. Курды в Ираке, сомалийцы в Кении, карены в Бирме и наги в Индии хотят добиться выхода населяемых ими территорий из состава соответствующих государств.

Определение переворота

Государственный переворот включает в себя некоторые элементы упомянутых выше форм, с помощью которых можно захватить власть, однако, в отличие от них, не всегда полагается на помощь народных масс или на силу армии.

Содействие этих сил, несомненно, сделает захват власти более легким делом, но было бы нереалистично думать, что они находятся в распоряжении организаторов переворота. Если мы не командуем вооруженными силами, то, начиная планировать переворот, еще не располагаем достаточным количеством сторонников, на которых могли бы опереться. А правительство, которое мы намерены свергнуть, как правило, не дает нам возможности развить пропаганду и создать организацию, способную эффективно задействовать «народные массы».

Вторая отличительная особенность переворота — то, что он не предполагает определенной политической ориентации. Революции обычно организуются левыми силами, а путчи и пронунсиаменто — правыми силами. Переворот же политически нейтрален, и нельзя предположить, что после захвата власти будет проводиться определенная политика.

Правда и то, что многие перевороты были откровенно правого толка, но здесь нет ничего предрешенного.

Если переворот не использует массы или боевые действия, то какой же инструмент позволяет ему захватить власть? Короткий ответ может звучать следующим образом: этот инструмент заложен внутри самого государства. Длинный ответ составляет большую часть данной книги. Далее следует наше формальное и функциональное определение переворота: он состоит в проникновении в государственный аппарат небольшой критически настроенной группы, которая использует его, чтобы устранить правительство от контроля над оставшейся частью госаппарата.

2. Когда возможен государственный переворот?

«Большевики не имеют права ждать съезда Советов... Они должны взять власть немедленно... Победа обеспечена, и девять шансов из десяти, что она будет бескровной... Ожидание — это преступление против революции».

Владимир Ильич Ульянов-Ленин,
октябрь 1917 года

С 1945 года процесс деколонизации увеличил число независимых государств более чем вдвое, и возможности, открывающиеся для нашего исследования, возросли самым значительным образом. Мы должны, однако, признать, что не все государства заслуживают нашего пристального внимания. Нет ничего, что помешало бы нам совершить переворот, скажем, в Британии, но мы вряд ли сможем удержать там власть на длительный срок. Общественность и бюрократия в этой стране имеют четкое понимание природы и законных основ власти, и их реакция на переворот будет такова, что рано или поздно произойдет восстановление легитимного руководства.

Такая реакция сведет на нет любой первоначальный успех переворота и возникнет даже в том случае, если прежнее правительство было непопулярным, а «новые лица» могут показаться привлекательными. Неизбежна эта реакция потому, что значительная часть населения активно интересуется политической жизнью и участвует в ней. Это предполагает

признание того факта, что власть правительства вытекает из легитимного источника, и поэтому даже те, у кого нет основания поддерживать «старую гвардию», поддержат правительство исходя из принципа его легитимности.

Нам известны периодически проводящиеся опросы общественного мнения, которые показывают, допустим, то, что двадцать процентов респондентов не могут правильно назвать имени премьер-министра. И мы знаем, что большая часть населения не имеет определенной связи с политикой. Тем не менее в развитых странах все, кто активно интересуется политикой, составляют в абсолютном значении очень большую группу. Спорные политические решения стимулируют и выносят на поверхность такого рода участие: формируются лоббистские группы давления, направляются письма в СМИ и в адрес политиков, организуются петиции и демонстрации, и это вносит свой вклад в постоянно продолжающийся диалог между правящими и управляемыми.

Этот диалог необязательно зависит от наличия формально демократической политической системы. Даже в однопартийных государствах, где власть принадлежит немногим назначившим самих себя лидерам, измененный по форме, но все же активный диалог вполне может существовать. Высшие органы партии могут обсуждать политические решения, а во времена относительного спокойствия эти дискуссии могут распространяться и на большое количество нижестоящих организаций и находить свое отражение в публикациях с различными точками зрения — хотя и только в рамках установленной идеологии и в рамках решений, принятых высшим руководством. Степень общественной ценности диалога, который ведется в недемократических государствах, сильно варьируется. Например, в Югославии[10] коммунистическая партия превратилась в форму для все более свободных и широких дебатов по главным политическим вопросам; пресса и парламент, хотя они и не могут отстаивать свою точку зрения так же, как их коллеги в США или Великобритании, также приняли участие в «открытии» системы. Политическим решениям уже не только аплодируют — их проверяют, критикуют, а иногда им даже и противостоят им.

Вполне вероятно, что именно такое однопартийное государство уже не является хорошей питательной средой для переворота. Научившись изучать и подвергать сомнению получаемые указания, люди могут и отказаться выполнить приказ участвовать в перевороте, так же как они не следуют более приказам правительства без того, чтобы убедиться в их легитимности и желательности.

[10] И позже в Чехословакии.

С другой стороны, в Египте единственная партия — Арабский социалистический союз[11] — по-прежнему всего лишь инстанция, бездумно одобряющая решения руководства. Политические решения принимаются Насером и его соратниками и выполняются государственным бюрократическим аппаратом, а АСС способна только громко приветствовать их. Когда возник вопрос, согласится ли находящаяся под контролем АСС Национальная ассамблея с отставкой Насера после разгрома Египта Израилем в июне 1967 года, один наблюдатель заметил, что ассамблея «с радостью сделает то, что ей скажут»[12]. В том же положении находятся многие однопартийные государства.

Диалог между правящими и управляемыми может иметь место только при наличии значительного количества грамотных, сытых и способных на ответную реакцию граждан. Но даже тогда определенные условия могут привести к ухудшению взаимоотношений между сторонами диалога, а это, в свою очередь, может иногда создавать атмосферу апатии и недоверия по отношению к режиму, что делает возможным переворот.

События 1958 года во Франции во многих отношениях были похожи на переворот. Двадцать лет военных действий, которые включали в себя поражение 1940 года, немецкую оккупацию и, начиная с 1946 года, длительные и безуспешные колониальные войны в Индокитае и Алжире, подорвали политическую структуру страны. Постоянная смена правительств подорвала доверие и интерес к политике у большинства французов и оставила бюрократию без действенного руководства, так как сложные задачи конкретных министерств не могли решаться министрами, приходившими на очень короткий срок. Военных оставили сражаться в непростой алжирской войне без четких указаний из Парижа, потому что чаще министерства были заняты проблемами своего выживания в парламенте, чем проблемами на другом, в буквальном смысле слова кровавом поле боя.

Высокая цена войны, выраженная как в деньгах, так и в человеческих жизнях, оттолкнула общество и от армии, и от правительства, и многие французы стали ощущать тревогу и недоверие по отношению к этой армии, чьи чувства и идеология были им столь чужды — и не вписывались в дух времени.

В то время как структуры политической жизни при Четвертой республике разваливались, де Голль в инсценированной им самим внутрен-

[11] АСС, существовала в 1963–1976 годах. — *Прим. переводчика.*

[12] «Абд-эль-Насер» означает «Слуга Дающего Победы». «Насер» переводится как «победа», и к данной ситуации это подходит гораздо меньше.

ней эмиграции постепенно вырастал как единственная альтернатива грозившему стране хаосу. Когда армия в Алжире, казалось, уже находилась на пороге действительно решительных действий — выходящих далеко за пределы прежних театральных инсценировок на улицах алжирской столицы, — а очередное правительство опять оказалось на грани коллапса, де Голль был «призван».

Ему удалось навязать свои собственные условия. Когда 29 мая 1958 года Коти, последний президент Четвертой республики, поручил де Голлю сформировать правительство (которое было приведено к присяге 1 июня), ему предоставили полномочия шесть месяцев управлять без санкции парламента и составить новую конституцию. По условиям этой конституции, вынесенной на обсуждение в середине августа и одобренной на референдуме в сентябре, были проведены выборы, в которых большинство завоевала только что образованная де Голлем партия — Союз за новую республику (УНР). 21 декабря де Голль стал первым президентом Пятой республики с широкими полномочиями — президентом американского типа с обширной исполнительной властью, но без конгресса американского типа, который бы эту власть ограничивал.

Франция 1958 года стала политически инертной и оттого подверженной перевороту. Однако политические структуры большинства развитых стран слишком прочны, чтобы стать мишенями для возможного переворота, до тех пор, пока определенные «временные» факторы не ослабят систему и бросят тень на ее солидность. Среди этих временных факторов обычно имеются следующие:

а) серьезный и длительный экономический кризис, сопровождающийся большой безработицей или галопирующей инфляцией;
б) длительная и неудачная война или серьезное поражение, военное или дипломатическое;
в) хроническая нестабильность при многопартийной системе.

Италия представляет собой интересный пример экономически развитой, социально динамичной, но политически хрупкой страны. До тех пор, пока не была сформирована нынешняя относительно стабильная коалиция между Христианско-демократической партией (ХДП) и социалистами, ХДП — хотя она и является самой сильной партией — могла управлять, только объединяясь в тактические союзы с несколькими маленькими партиями центра, так как она никогда не могла получить на выборах абсолютного большинства голосов[13].

[13] Тем временем стабильная коалиция опять развалилась.

Коалиционные правительства всегда трудно сформировать, и в Италии эта проблема стала настолько сложной, что напоминала слишком запутанную головоломку. Если кому-то поручали сформировать новое правительство, сразу возникал целый набор взаимоисключающих предложений.

ХДП является самой крупной парламентской фракцией, но так как у нее всего тридцать процентов голосов, она не может править самостоятельно. Если прибавить две маленькие левоцентристские партии (социал-демократы и республиканцы), отпадут правые силы и правительство развалится. Если привлечь находящиеся справа от центра партии (монархистов и либералов), то левоцентристы уйдут из коалиции и правительство падет.

Если привлечь в правительство крупную крайне правую партию (неофашистов), то все левонастроенные группы проголосуют против такого кабинета министров в парламенте. Если...

Таким образом, хотя правящая партия в Италии и осталась у власти без перерыва с 1948 года, этого трудно было бы добиться, одновременно проводя реформы неэффективного и раздутого бюрократического аппарата. Все хотели реформ, но правые препятствовали изменениям в структуре местного самоуправления и полиции, а левые были против любого ограничения фантастической активности государственных корпораций[14]. Вместе с тем партии, находящиеся за пределами правительства, концентрировали свои усилия на попытках свалить коалицию, а не на внимательном анализе правительственной политики. Таким образом, злоупотребления и неэффективность правительства оставались без надлежащего контроля.

Итальянцы постепенно утратили интерес к тому, что происходило в Риме, и, появись в стране свой, итальянский де Голль, республика, несомненно, рухнула бы. (Даже без подходящего лидера переворот едва не состоялся.)

Предпосылки переворота

Франция 1958 года и, в меньшей степени, Италия 1964-го были странами, где прервался диалог между правительством и народом. Но во многих

[14] Деятельность Энрико Маттеи, главы Национальной корпорации углеводородов (ЭНИ), была описана практически в стиле бондианы в целом ряде книг; он построил индустриальную империю, боролся с международными нефтяными компаниями, вмешивался в итальянскую политику, добивался изменений во внешней политике и умер при невыясненных обстоятельствах.

странах мира, если не сказать — в большинстве, такой диалог вообще не может состояться, вне зависимости от временных условий.

Если мы составим список стран, в которых недавно произошли перевороты, то увидим, что хотя их этнические и исторические условия очень сильно разнятся, некоторые социальные и экономические характеристики являются для них общими. Выделив эти характеристики, мы составим набор индикаторов, которые в приложении к социально-экономическим данным о той или иной стране покажут нам, представляет ли собой эта страна хорошую мишень для переворота.

Экономическая отсталость

В странах без развитой экономики и относительно равного доступа к процветанию общие условия жизни населения характеризуются болезнями, неграмотностью, высокой рождаемостью и смертностью, а также периодическим голодом. Средний человек в этом обществе лишений фактически отрезан от социума за пределами своего клана и своей деревни. Он мало что может продать. У него мало средств, чтобы что-то покупать. Он не может читать формуляры, указатели на улицах и газеты, с помощью которых общество обращается к нему. Он не может писать и не может позволить себе путешествовать, и поэтому его живущий в городе кузен для него так же недосягаем, как житель Луны. Он не знает, законен ли тот или иной налог или это всего лишь поборы со стороны деревенского бюрократа; не знает он ничего и о социальных и экономических реалиях, обусловливающих политику, которой его заставляют аплодировать. Единственное средство контакта с зарубежным миром для него — правительственное радио, и он знает по прошлому опыту, что оно не всегда говорит правду.

Сложность внешнего мира и недоверие, которое она вызывает, так сильны, что беззащитный и неуверенный в себе житель деревни уходит в безопасный и хорошо знакомый мир своего клана, племени или семьи. Ему известно, что традиционные вожди племени и клана положили глаз на его скудные пожитки. Зачастую он хорошо понимает, что его и их интересы диаметрально противоположны, тем не менее, эти люди задают для него некоторые жизненные ориентиры и являются источником хоть какой-то, но безопасности — а всего этого далекое и фантастически непонятное государство ему предоставить не может.

Горожанин вырвался из удушающих объятий традиционного общества, но не избежал воздействия незнания и отсутствия чувства безопасности. В этих условиях большинство населения политически пассивно, и его отношения с политическим руководством страны представляют

собой улицу с односторонним движением. Руководство взывает к людям, учит их, будит надежды или тревоги, но никогда не слушает; бюрократия взимает с них налоги, издевается над ними, забирает их сыновей в армию, заставляет строить дороги, но мало что дает взамен. В лучшем случае, при честном режиме, где-то, очень далеко от родной деревни, строится плотина или сталелитейный завод. Эти проекты не принесут людям никакой прямой выгоды, не вырвут их из прозябания, но, по крайней мере, станут утешением, надеждой на лучшее будущее для детей. Ведь в других странах бедным отказывают даже в утешении и надежде: их налоги тратятся на дворцы, танки, самолеты и все те чудные вещи, которые так нужны политикам и их женам. Городская беднота, перебивающаяся случайными заработками и ведущая ежедневную борьбу за существование, наблюдает за тем, как правящая элита устраивает коктейль-парти, разъезжает в лимузинах и строит грандиозные виллы[15].

Большинство населения политически пассивно, но это пассивность навязанного молчания, а не инертность. Гнев, вызванный лишениями и несправедливостью, постоянно тлеет и время от времени вспыхивает. У толпы может и не быть четких политических целей, но ее действия имеют политические последствия.

Перевороту 1952 года в Египте, который привел к падению «монархии белого телефона» короля Фарука и к возникновению того, что стало впоследствии режимом Насера, предшествовал один из таких неожиданных взрывов народного недовольства народа. На 26 января 1952 года («черную субботу») была запланирована организованная демонстрация против присутствия и деятельности британских войск в зоне Суэцкого канала. Бедняки вышли из своих трущоб и присоединились к процессии. Среди них были агитаторы из движения «Братья-мусульмане», которые подстрекали толпу к поджогам и насилию[16].

Агитаторам удалось реализовать свои самые фантастические мечты. Бедняки воспользовались возможностью и разгромили атрибуты роскоши: отели, универмаги, «Тарф клаб»[17], магазины спиртных напитков и модные бутики в центре города, который превратился в поле битвы всего за один короткий день; пострадали только богатые, так как были

---

[15] Но все же даже иные из них сохранили свое чувство юмора; в некоторых африканских языках возникло новое слово, образованное от приставки ВА, которая означает племя, и если раньше были только люди племени ВА-КАМБА и ВА-ЗУНГУ, то теперь появились новые племена: ВА-БЕНЦ и ВА-РОЛС-РОЙС.

[16] Как и во всех событиях подобного рода на Ближнем Востоке, партийная принадлежность агитаторов не может быть точно установлена. Поговаривали, что все организовал сам король.

[17] Один из самых фешенебельных лондонских клубов, основанный в 1861 году. — *Прим. переводчика.*

разгромлены те места, куда бедным был обычно закрыт доступ. Организаторы демонстрации, выходцы из средних слоев, конечно, не планировали уничтожать свои любимые места проведения досуга; националисты не хотели лишить Египет 12 000 жилищ и 500 предприятий, которые были уничтожены. Они говорили об анархии, интригах и безумстве. Но для бедноты это были всеобщие выборы: те, кого лишили права голоса, проголосовали огнем.

Если не считать насильственных и не имеющих ясных целей действий толпы в ответ на какие-либо простые и драматические события, ничто и никто не оспаривает у государства его власть; нет заинтересованности и контроля над каждодневной деятельностью правительства и бюрократического аппарата. И если бюрократия издает приказы, то им либо повинуются, либо избегают их выполнения, но никогда не оспаривают и не подвергают сомнению.

Вся власть, все участие в управлении государством находятся в руках маленькой элиты. Эта элита образована, грамотна, хорошо питается и живет в безопасности, чем радикально отличается от подавляющего большинства своих соотечественников — по сути, не меньше, чем от людей другой расы. Массы это сознают и признают пожизненную монополию элиты на власть, и до тех пор, пока какой-нибудь слишком явный акт произвола не приведет к мятежу, они принимают ее политику. *Но в равной степени они примут и изменение правительства, будет оно законным или нет.* Ведь в любом случае это будет всего лишь новая группа «ИХ», которая придет к власти[18].

Таким образом, после переворота деревенский полицейский придет и зачитает прокламацию, радио скажет, что старое правительство было коррумпированным и что новое правительство даст народу пищу, медицинское обслуживание и образование — а возможно, и славу. Большинство народа не поверит и не оспорит эти обещания или обвинения, а всего лишь почувствует, что где-то, очень далеко, опять произошло нечто. Это отсутствие реакции и есть то, что нужно организаторам переворота от народа, чтобы удержаться у власти.

Низшие слои бюрократии будут реагировать — или скорее не реагировать — в схожей манере и по тем же соображениям. Ввиду отсутствия политического кругозора политика и легитимность прежнего правительства не так важны для них, как их непосредственный начальник. «Бос-

[18] Толпа, которая вышла на демонстрацию в Каире и просила Насера не уходить в отставку 10 июня 1967 года, — наглядное доказательство его популярности. Но все же это все же не было спонтанной реакцией населения — крестьяне из дельты Нила тысячами привозились на грузовиках в Каир для «стимулирования» демонстрации, широко освещенной государственными СМИ.

сы» дают указания, могут повысить или понизить в должности и, прежде всего, являются источником власти и престижа, которые делают их деревенскими полубогами. После переворота все равно надо подчиняться человеку, заправляющему на районном уровне — вне зависимости от того, был ли он на этом месте раньше, или нет, — до тех пор, пока он платит жалованье и имеет связи с политической стратосферой столицы.

Для высших чиновников, офицеров армии и полиции переворот будет смесью из опасностей и возможностей. Некоторым из них, чересчур скомпрометированным сотрудничеством со старым режимом, придется либо бежать, либо бороться с переворотом, либо выказать себя сторонниками нового режима, чтобы получить выгоду от поддержки переворота на его ранней стадии. Характер действий этой группы будет зависеть от индивидуальных оценок ее членами баланса сил обеих сторон. Но многим из тех, кто не слишком был связан с прежней властью, переворот предоставит скорее возможности, чем опасности. Они могут принять переворот и, поскольку незаменимы как группа, выторговать себе даже более высокое жалованье или лучшие должности, чем прежде; они могут создать новую оппозицию или стать ядром уже существующей; наконец, они, как то было в Нигерии в 1966 году, могут извлечь выгоду из временного состояния нестабильности и организовать контрпереворот для того, чтобы самим прийти к власти.

Многое в планировании и осуществлении переворота будет направлено на то, чтобы повлиять на настроения элиты в благоприятном для заговорщиков направлении. Однако если все же она решит противостоять перевороту в неразвитой политической среде, ей придется прибегнуть к политическому соперничеству. Элита не сможет воззвать к общему принципу легитимности, как произошло бы в политически более развитых странах, — потому что этот принцип большинство населения не принимает. Итак, вместо того чтобы действовать во имя легитимности, ей придется бороться с организаторами переворота как с открытыми политическими оппонентами — и поэтому на их же уровне. В случае переворота это приведет к мобилизации их политических или этнических оппонентов. Так или иначе, борьба против переворота означает столкновение организованной силы с импровизированной и будет происходить в условиях изоляции от широких масс, которые почти наверняка сохранят нейтралитет[19].

---

[19] Многие наблюдатели отмечали отсутствие народной поддержки низвергнутым политическим идолам. Скажем, при свержении Нкрумы жители Аккры, казалось, с таким же счастьем приветствуют его врагов, с каким еще недавно приветствовали его самого. И это не наивность, а в высшей степени рациональное поведение, если учесть социальные и экономические условия Ганы.

Поскольку переворот обычно не представляет угрозы для элиты в целом, выбор для нее будет стоять между серьезной опасностью в случае перехода в оппозицию и между безопасностью в случае бездействия. Все, что требуется для поддержки переворота, — просто ничего не делать, и так обычно и происходит.

Таким образом, население на всех уровнях, скорее всего, примет переворот. Массы и нижестоящая бюрократия — потому, что их интересы не связаны ни с одной из борющихся сторон; высшая бюрократия — потому, что любая оппозиция в условиях изоляции от народа сопряжена с большим риском. Это отсутствие реакции является ключом к победе переворота и контрастирует со спонтанной реакцией, которая имела бы место в политически развитом обществе.

В тоталитарных государствах полуночные аресты и контроль над всеми общественными объединениями (даже неполитическими) — часть общей тактики по изоляции индивидов, которые стремятся противостоять режиму. В неразвитых странах оппозиция изолирована от масс уже самими социальными условиями жизни.

А следовательно, вот первая выявленная нами предпосылка переворота: социальные и экономические условия страны, где может осуществиться переворот, должны быть такими, чтобы допускать участие в политической жизни только небольшой части населения.

Под участием мы понимаем не активную и важную роль в национальной политике, а всего лишь общее понимание основных моментов политической жизни, которое обычно можно найти среди масс в экономически развитых обществах. Эта предпосылка также предполагает, что, за исключением высшего уровня, бюрократия работает в пассивной механической манере из-за своего плохо подготовленного персонала.

В более общем смысле «экономическая предпосылка» исключает возможность существования системы местного самоуправления — или, точнее, репрезентативного местного самоуправления. Да, в слабо развитых местностях часто есть система самоуправления, основанная на традиционной власти вождей племени, но из двух возможных ролей, которые они обычно играют, ни одну нельзя считать репрезентативной[20]. Либо эти вожди пользуются полнотой власти, и тогда обычные люди подпадают под двойной контроль, или же их власть рухнула, и они пред-

[20] В Африке есть несколько племенных групп (например, кабилы в Алжире) и в других местах, где практически в чистом виде существует «греческая полисная демократия». Но это исключение из правила.

ставляют собой всего лишь нечто вроде старомодных госслужащих. Ни один из этих вариантов не позволяет обычному человеку участвовать в местной политике деревни или города так, как это происходит в западных странах.

Таким образом, в экономически отсталой среде не может происходить диффузия власти, характерная для развитых демократических обществ. Существует либо жесткое централизованное управление, либо, в качестве переходной фазы, такая степень власти для отдельных регионов, которая делает их де-факто независимыми государствами. (Последнее имело место, например, в северной Нигерии перед переворотом 1966 года.) Каждый знает, что лучше взять что-нибудь конкретное, чем что-нибудь эфемерное. Несколько упрощая, можно сказать, что власть в централизованном государстве, управляемом маленькой элитой, подобна хорошо охраняемому сокровищу; власть в развитом демократическом обществе походит на свободно перемещающуюся атмосферу — и кому под силу ее захватить?

Предпосылка экономической отсталости может быть протестирована на основании известных фактов о степени экономического развития государств, в которых свершились перевороты в последние десять лет, — и четкая взаимосвязь сразу станет ясной[21].

Но это необязательно означает, что: а) все слаборазвитые страны подвержены сами по себе опасности переворота; б) что развитые страны ни в каком случае не являются хорошей мишенью для переворота. Однако можно с уверенностью сказать, что лишь благодаря вмешательству особых обстоятельств реально предотвратить успех хорошо спланированного переворота в экономически отсталых странах, в то время как только исключительные условия (описанные в первой главе) позволят совершить успешный переворот в развитых странах.

Политическая независимость

Невозможно захватить власть в государстве, если важный источник политической власти в этом государстве не находится. Восстание 1956 года в Венгрии, например, было абсолютно успешным, и его лидеры быстро установили контроль над традиционными инструментами власти: вооруженными силами, полицией, радио и средствами связи. Но главным источником власти прежнего режима оказалось то, с чем нельзя было справиться на улицах Будапешта: присутствие сил Советской армии внутри и вокруг Венгрии.

---

[21] См. Приложение «В» и Таблицу I.

Эти вооруженные силы — намного превосходившие венгерскую армию — были более весомой опорой для поддерживаемого Кремлем правительства, чем любой элемент внутри страны. Красную армию контролировали из Москвы, и восстание в Венгрии могло добиться успеха только при условии, если бы его осуществили в Москве, а не в Будапеште[22].

Подобная зависимость одного правительства от другого является довольно распространенным явлением; хотя осталось мало колоний, существует много псевдонезависимых государств. И в некоторых случаях у них гораздо меньше свободы действий, чем у прежних колоний.

Как в Восточной Германии, так и в Южном Вьетнаме вооруженные силы великана-«союзника» гораздо более мощны, чем национальные вооруженные силы. В обоих государствах международное и внутреннее положение так тесно переплетены, что «союзник» должен иметь эффективный контроль над обширными сферами внутренней политики — даже если предположить, что он не хочет вмешиваться в них по иным причинам. Правители Восточной Германии всегда стремились заручиться одобрением советских властей даже по отношению к небольшим изменениям в своей политике, и каждое заявление политического толка руководителей ГДР можно без труда связать с их очередным визитом в Москву. В Сайгоне посольство США тоже признано всеми гораздо более значимым источником власти, чем президентский дворец.

В этих условиях переворот может быть успешным только с одобрения большого «союзника». Первый переворот в Южном Вьетнаме, в результате которого были свергнуты непопулярный диктатор Дьем и еще менее популярный семейный клан Нго, сделали люди, которые прекрасно понимали эти реалии. Когда события 8 мая 1963 года в Хюэ привели к разрыву между Дьемом и буддистами, давно проявлявшие недовольство генералы решили действовать: они «прозондировали» мнение посольства США в Сайгоне и спросили через посредника, сообщат ли американцы Дьему о «консультациях относительно возможного изменения преобладающей политической структуры». Когда после некоторых значительных дискуссий между ЦРУ, посольством, президентом и Пентагоном американские власти проинформировали заговорщиков, что Дьему ничего не сообщат, произошли события, перечисленные ниже.

---

[22] Другой причиной неудачи восстания был, конечно, тот факт, что интервенция Москвы не была остановлена Вашингтоном, но повторюсь, нельзя захватить контроль над политикой США в Будапеште.

Май 1963 года: начало интенсивного конфликта между буддистами и Дьемом.

Май — сентябрь: внутриамериканские дебаты о том, являются ли буддисты нейтралистами, с которыми надо бороться, или националистами, которых надо поддержать. Конечный вывод был примерно таким: буддисты течения хинаяны «плохие», а буддисты течения махаяны — «хорошие»[23].

Октябрь 1963 года: приостановление экономической помощи Южному Вьетнаму, то есть режиму Дьема.

22 октября 1963 года: прекращение прямой помощи со стороны ЦРУ «специальным силам» Нго Динь Нху[24]. Эти силы были главным источником власти режима и полностью финансировались и оснащались ЦРУ.

1 ноября 1963 года: переворот.

2 ноября: смерть Дьема и Нго Динь Нху.

Южновьетнамские партизаны обвинили генералов и их лидера Ван Мина в том, что они являются марионетками американцев. Однако генералы в своем диалоге с властями США были всего лишь реалистами: они понимали, что любая власть, которую можно захватить, зависит от американцев. Захват Сайгона со всеми его объектами без поддержки США был равносилен захвату пустого символа.

Восточная Германия и Южный Вьетнам представляют собой два очевидных примера зависимости, но гораздо больше стран расположены в «серой зоне» между реальной независимостью и полным подчинением. Многие бывшие колонии могут служить примерами более мягких видов зависимости, и присутствие бывшей метрополии там очень ощутимо и эффективно. Вместо больших и дорогостоящих армий в этих странах присутствуют военные и экономические «советники», оказывается экономическая помощь, а главное — существует тесная сеть давней зависимости в неполитических сферах. Например, система образования следует традициям колониальных времен, профессиональные организации равняются на систему метрополии, и, что очень важно, правящая элита состоит в основном из юристов, сам смысл существования которых базируется на использовании определенной процедуры и кодекса законов. Торговля зачастую привязана к бывшей метрополии, потому что действует сила вкусов и привычек, а также оттого, что торговые контакты часто основаны на прежних отношениях и связях.

---

[23] См. *Buddhism* by Christmas Humphries (Penguin Books, 1951). Вопросы буддизма в Южном Вьетнаме более полно рассмотрены в четвертой главе.

[24] Шурин Дьема и «сильный человек» в Южном Вьетнаме того времени.

Поэтому через пять лет после обретения независимости соседние бывшие французские и британские колонии все еще связывались друг с другом по телефону через Париж и Лондон, хотя прямая линия между ними была протяженностью всего 300 миль, а столицы прежних метрополий разделяли 5000 миль.

Сила связей между бывшими колониями и метрополиями варьируется от государства к государству. Но даже и не жесткие связи иногда могут дать экс-метрополиям рычаги, достаточно мощные для того, чтобы воспрепятствовать перевороту. Например, в 1964 году французы сорвали успешный поначалу переворот в Габоне, при этом используя только символическую силу. Власть бывших метрополий уже миновала пик своего влияния в большинстве бывших колоний, однако она все еще значительна, даже с чисто военной точки зрения. Все помнят, как несколько рот «коммандос» остановили мятежи в Восточной Африке. Французы избрали политику нейтралитета по отношению к последним переворотам в Габоне и других местах, однако если они захотят вмешаться... По состоянию на 1968 год в Африке у них все еще остаются шесть тысяч военнослужащих с достаточно мощным вооружением и военно-транспортными самолетами[25]. Шесть тысяч солдат — вроде не такая уж и грозная сила, но она огромна в сравнении с большинством армий бывших французских колоний. Например, армия Центрально-Африканской Республики насчитывает 500 человек, а средняя численность армий в бывших французских колониях равна примерно батальону (1000 человек) на страну.

Побочный продукт современных технологий — специфический вид зависимости, находящийся за пределами чисто колониальной сферы. Речь идет об ущербе политической независимости, который наносит покупка за границей современного оружия, особенно авиации. Ключевым типом такого оружия может служить реактивный истребитель: в отличие от боевых кораблей и танков, реактивные истребители дают абсолютное преимущество. Хорошая подготовка и боевой дух могут уравновесить более современное вооружение на суше, но не в воздухе. Лучшие пилоты мира на старых дозвуковых самолетах не смогут ничего сделать против новых, более быстрых летательных аппаратов. Поэтому для любой страны очень важно иметь авиацию не хуже, чем у потенциального противника. Политическая проблема здесь возникает потому, что: а) только несколько государств производят реактивные истребители; *б)* самолеты нуждаются в постоянных поставках запчастей; в) проходит

[25] В реальности военные режимы, возникавшие в результате переворотов, были еще более профранцузскими, чем прежние гражданские правительства.

довольно длительное время между первоначальным заказом и периодом, когда летный персонал и вспомогательные службы уже достаточно хорошо обучены, чтобы эффективно применять закупленные самолеты.

Таким образом, если какая-нибудь страна решит закупить реактивные истребители, ей надо наладить дружественные отношения с одной из пяти стран: Швецией, США, Францией, Британией или СССР[26]. С момента, когда сделка будет заключена, этой стране все равно придется поддерживать со страной-поставщиком дружественные отношения, в противном случае прекратится поставка запасных и сопутствующих частей. Таким образом, за первой поставкой следуют годы зависимости. Однако реактивные истребители не растут на деревьях в экономически отсталых странах, где нет собственной промышленной базы, и постоянная модернизация авиационной техники, включая электронное оборудование, ракеты «воздух-воздух», радары и т. д., может происходить только за счет импорта — причем из того же источника, что и сами самолеты.

Обе стороны сделки сознают эту зависимость, и поставка самолетов обычно сопровождается установлением общих торговых, идеологических и политических связей. На какой стадии степень зависимости достаточна, чтобы повлиять на успех переворота?

Рассмотрим хронологию отношений между Советским Союзом и Египтом с 1955 по 1967 годы.

1955 год: сделка с чехословацким оружием. Это была первая сделка по поставке вооружений между Советским Союзом и арабской страной; она имела большое значение для Египта, так как прервала монополию[27] Запада на поставки оружия и означала для Египта «реальную» независимость.

Результат: необходимость иметь запасы иностранной валюты и поддерживать дружественные отношения с поставщиками запасных частей[28].

---

[26] Некоторые другие государства (например, Япония, Италия, Канада и Индия) производят или разрабатывают технологии по производству реактивных истребителей. Но поставщики из этих стран ограничены в своей свободе действий особенностями конструкции самолетов, спецификациями, правами на продажу или производственными мощностями.

[27] Или, точнее, олигополия.

[28] Соглашение о продаже оружия было чехословацким только номинально. Кермит Рузвельт из ЦРУ (государственный департамент) был в то время советником Насера, и он предложил, чтобы сделку считали «чехословацкой» для «умиротворения» Тревельяна, британского посла.

1956 год: Суэцкий кризис. Поражение египтян на Синайском полуострове привело к потере большого количества оружия и боевой техники; оно было быстро восполнено Советским Союзом.

Результат: выросла зависимость от СССР и увеличился внешний долг Египта.

1962 год: революция и гражданская война в Йемене. После смерти правителя Йемена Ахмада ибн Яхии в стране произошла революция, а затем гражданская война, в которой участвовали поддерживаемые Египтом республиканцы и поддерживаемые Саудовской Аравией монархисты; в Йемен для поддержки республиканцев были направлены египетские войска.

Результат: чтобы содержать 30–50 тысяч египетских солдат в Йемене, требовалась советская помощь. Моральная и финансовая зависимость Египта от СССР возросла.

1966 год: окончательный разрыв с США, прекращение поставок американской пшеницы. Недостаток в продуктах питания не удалось восполнить закупкой продовольствия за свободно конвертируемую валюту на мировом рынке.

Результат: начало поставки продовольственной помощи со стороны СССР, сделавшей Египет зависимым от Советского Союза в значительной части своего импорта.

Июнь 1967 года: шестидневная война и поражение египтян на Синайском полуострове. По оценкам израильских источников от 20 июня, было уничтожено или захвачено до 80% всего египетского вооружения.

Результат: в качестве условия для нового оснащения боевой техникой египетских вооруженных сил СССР потребовал права плотно контролировать процесс обучения армии, подбор высших военных кадров и организацию разведывательных служб.

Таким образом, после двенадцати лет ограниченных отношений, изначально предназначенных для того, чтобы освободить Египет от зависимости от Запада в поставках вооружений, возникла гораздо более сильная зависимость от СССР: Египет ныне зависит от доброй воли Советского Союза в том, что касается поставок оружия, пшеницы и экономической помощи в целом. Советский флот получил базы в Александрии и Порт-Саиде, а в египетских вооруженных силах находятся несколько сотен советских советников и инструкторов. Этого достаточно, чтобы дать СССР возможность предотвратить переворот.

Советское посольство в Каире может служить центром любой деятельности по противодействию возможному перевороту; оно способно организовать и задействовать силы многих египтян, связанных с советским

присутствием в стране; оно наверняка может соответствующим образом регулировать поставки оружия. Даже после переворота СССР без труда вызовет коллапс нового режима, просто приостановив свою помощь. Если же новый режим обратится за помощью к США, к противникам переворота присоединятся антиамериканские элементы. Это сильно осложнит позиции заговорщиков и в нынешних условиях практически наверняка будет означать их поражение.

Если страны находятся в таком положении прямой и материальной зависимости, подготовка переворота должна включать в себя планирование внешней политики нового режима; если подготовке переворота противостоит одна из великих держав, он может провалиться, если только не удастся скрыть его направленность. Несколько формально еще существующих в мире колоний, в основном испанских и португальских, находятся в состоянии тотальной зависимости. Здесь, как и в Южном Вьетнаме или Восточной Германии, переворот может удаться и на месте, но его все равно придется проводить в Лиссабоне или Мадриде.

Таким образом, второй предпосылкой переворота является следующая: страна, где может произойти переворот, должна быть достаточно независимой, и влияние иностранных держав на ее внутреннюю политическую жизнь должно быть относительно ограниченным.

Утверждение, что страны скорее взаимозависимы, чем независимы, — не более чем клише; внутриполитические вопросы имеют влияние и на внешнюю политику, в то время как внешнеполитические проблемы могут отражаться и на внутренней жизни той или иной страны.

Торговые, культурные и военные связи, которые соединяют страны, дают каждой из них определенную степень влияния на события в других; таким путем можно оказывать влияние даже на самые мощные державы. Например, в период, предшествовавший вступлению США во Вторую мировую войну, в американской внутренней политике действовали пробританские и прогерманские лоббистские группы, а сегодня все стороны конфликта на Ближнем Востоке оказывают через свое лобби давление на государственный департамент.

Если даже на сверхдержаву могут оказывать влияние такие слабые страны, то любое определение взаимозависимости может оказаться слишком далеким от реальности[29]. Тем не менее можно сформулировать несколько определенных постулатов:

---

[29] В Южной Корее, например, гражданские беспорядки и последовавший за ними переворот в 1962 году, кажется, произошли без всякого влияния со стороны значительного американского военного присутствия в стране.

а) Не стоит предпринимать попытки переворота, если в данной стране присутствуют значительные вооруженные силы одной из сверхдержав. Если эти силы физически удалены от политических центров и/или если прежний режим тяготел к недружественной позиции по отношению к данной великой державе, это правило не действует.

б) Зачинщикам переворота требуется заручиться поддержкой со стороны великой державы, если значительное количество граждан этой державы находятся в стране в качестве военных или гражданских «советников».

Применение этих постулатов исключает несколько стран, которые во всех иных отношениях вполне подвержены возможным переворотам: а) испанские, португальские и иные колонии; б) Восточную Германию, Венгрию, Монголию и, возможно, Польшу; в) Таиланд, Лаос, Южный Вьетнам; г) при учете высказанных выше соображений — некоторые маленькие африканские страны, до сих пор связанные военными соглашениями с Францией или Великобританией.

Органическое единство

Рассматривая политические последствия экономической отсталости, мы констатировали, что ключевым элементом здесь является концентрация всей власти в руках малочисленной элиты. Наоборот, в развитых странах власть рассеяна, и ее сложно захватить путем переворота.

Теперь мы сталкиваемся с еще одним препятствием для возможного переворота: власть может быть в руках *групповых* сил, которые используют правительство как свою вывеску, или в руках *региональных* сил, зависимость которых от предполагаемого политического центра не более чем теоретическая.

В обоих этих случаях проблема заключается в том, что захват предполагаемого политического центра не приведет к полной победе; источники политической власти могут находиться в других центрах, слишком сильных или многочисленных для того, чтобы захватить их было просто. И в том и в другом варианте реалии власти находятся в противоречии с теоретической структурой государства, так же как и в тогда, когда политическая единица на самом деле не пользуется полной независимостью. Здесь «власть» находится внутри страны — но не там, где, как предполагается, она должна быть; не потому, что власть рассеяна и передана в субсидиарные структуры, как в развитой стране, а потому, что государство на самом деле недостаточно *органично.*

лять большую силу в этой стране, вне зависимости от того, избегает ли она власти или стремится к ней. На самом деле она почти всегда будет вынуждена вмешиваться в политику, хотя бы для того, чтобы сохранять определенный статус-кво. Если компания действует, то в ее распоряжении находится большое количество инструментов, которые она может использовать на различном уровне. Компания может замедлить поток налоговых поступлений государству, переведя производство в какую-либо другую страну, где она оперирует; может укрепить позиции того или иного политика, предоставив реальные рабочие места или синекуры его сторонникам; может купить или подкупить прессу. Словом, использовать свою власть, основанную на богатстве в очень бедной стране.

То, что способна сделать индустриальная империя в отсталом экономическом пространстве, продемонстрировало отделение от Заира (тогда страна называлась Республикой Конго) провинции Катанга в начале 1960-х годов. Когда Чомбе организовал свою независимую Республику Катанга, у него были очень скудные ресурсы губернатора провинции в Республике Конго. Однако по мере сецессии Чомбе приобрел армию с реактивными самолетами, тяжелым вооружением, бронетранспортерами и хорошо организованные бюро пропаганды в Лондоне и Нью-Йорке; он оказался в состоянии набрать высокооплачиваемых наемников и администраторов. У Катанги имелся только один источник богатства: горнодобывающая промышленность, принадлежавшая компании «Юнион Миньер» (*Union Miniire*), которая была частью связанных друг с другом горнодобывающих групп, действовавших в «медном поясе» и Южной Африке. Не нужно пропагандистского памфлета из Пекина, чтобы убедить нас, что Чомбе был профинансирован «Юнион Миньер» — и действовал в большой степени как агент этой компании.

Но даже «Юнион Миньер» работала в относительно неблагоприятной среде. Конго — большая страна, и там много месторождений, которые принадлежат другим компаниям, имеющим собственные подлежащие защите интересы. Типичное крупное предприятие действует в стране, где есть только *одна* отрасль промышленности. Например, АРАМКО, работающая в Саудовской Аравии нефтяная компания, является единственной промышленной организацией в стране. Ее «город компании» (*company town*), построенный для сотрудников, затмевает собой все другие города в этой местности; ее налоги составляют почти девяносто процентов налоговых поступлений правительства; она отвечала за строительство большинства образовательных, здравоохранительных и транспортных учреждений в стране. Саудовский режим всегда довольно эффективно удерживал политический контроль над тем, что до последнего времени было непрочной коалицией племен; старый воин пустыни и основатель

королевства Абдул Азиз ибн Сауд, мастер в контроле над племенами, к АРАМКО тоже относился как к одному из племен. Тем не менее, ясно, что АРАМКО — особо могущественное племя.

Стандартное обвинение со стороны националистов в адрес крупного иностранного предприятия звучит так: оно является «государством в государстве» и осуществляет политическую власть либо путем прямого контроля над правительством страны, либо используя «рычаги» своего государства в «принимающей стране». «Юнайтед Фрут Компани» часто обвиняли в том, что она властвует с помощью коррумпированных локальных клик, в то время как нефтяным компаниям на Ближнем Востоке приписывали использование обоих методов[30].

Гораздо менее очевидное обвинение против иностранной компании состоит в том, что она участвует в тайных операциях против государства, таких, как саботаж и шпионаж. И хотя при этом не объясняется, почему она, собственно, вообще должна предпринимать подобные действия, таким обвинениям обычно верят. Первым шагом нового режима Хосни аль-Затима, установленного в Сирии в 1949 году, было ограничение свободы действий «Ирак Петролеум Компани» (IPC). IPC проинформировали, что: а) ее самолетам отныне требуется получать официальные разрешения на каждый полет; б) частные охранные подразделения компании должны быть заменены на государственные силы правопорядка; в) персоналу компании следует получать официальные разрешения на поездки в пограничные зоны. Несмотря на отсутствие реальных доказательств участия в шпионаже (которые, как предполагалось, лежали в основе всех этих ограничений), необходимо заметить, что такие ограничения, за исключением последнего, — обычные дело в большинстве развитых стран.

Даже если у иностранной компании нет желания вмешиваться во внутренние дела «принимающей страны», она может быть вынуждена пойти на это в целях защиты своих активов и персонала. Типичным в данном отношении является случай, когда компания действует в районах, не находящихся под реальным контролем правительства де-юре, особенно в отдаленной местности, которую населяют национальные меньшинства или — что иногда одно и то же — контролируют местные повстанцы. Каучуковые французские компании в Южном Вьетнаме, например, часто обвиняли в финансировании южновьетнамских партизан. Однако вряд ли стоит подозревать эти компании в темных замыслах, потому что официальное правительство — которое также собирает налоги — не в состо-

---

30 Роман Джозефа Конрада «*Ностромо*» представляет собой блестящий и провидческий анализ причин и следствий «неоколониализма».

янии гарантировать закон и порядок, и французские плантационные компании просто платят налоги фактическому правительству, то есть партизанам.

Опыт британской нефтяной компании в Персии (первоначально «Англо-персидской», затем, прежде чем стать частью «Иранского нефтяного консорциума», переименованной в «Бритиш Петролеум») — пример того, как давление местных политических реалий вынуждает коммерческое предприятие вмешиваться во внутренние дела «принимающей страны». «Англо-персидская компания» получила свои концессии от персидского правительства в 1901 году, однако быстро выяснила, что правительство в Тегеране очень слабо контролирует отдаленные районы, где компания первоначально вела разведку, а потом добывала нефть. Шейхи Мохаммеры контролировали районы, прилегающие к Персидскому заливу, а неомонгольские ханы бахтиарских племен контролировали оставшуюся часть провинции Хузистан; и шейхи, и ханы номинально подчинялись правительству в Тегеране, но на деле были фактически независимыми.

Компания смирилась с политическими реалиями и для обеспечения безопасности своих промыслов заключила соглашения с местными правителями. Британское правительство, однако, попыталось упорядочить ситуацию, поддерживая автономию шейхов против центрального правительства, и компания, тесно связанная с английским правительством, тоже стала поддерживать автономию шейхов. Когда Реза Пехлеви захватил власть в Персии и восстановил власть центрального правительства, компания подверглась санкциям за поддержку шейхов.

Отношения между британской компанией и бахтиарскими ханами были еще более сложными. Компания осознала, что может «защитить» свои скважины и нефтепроводы, лишь достигнув договоренностей с теми, кто осуществляет фактическую власть. В этот раз, однако, вместо одного шейха было несколько ханов, находившихся в постоянном конфликте между собой по различным аспектам племенной политики и образовывавших очень непрочную коалицию, нестабильность которой негативно отражалась на купленной компанией безопасности. Было принято «естественное решение»: компания вместе с сотрудниками британских консульств вмешалась в племенную политику для того, чтобы поддержать единого вождя, способного прояснить и стабилизировать ситуацию. Однако распри между ханами так и не прекратились, и «племенная политика» компании закончилась только тогда, когда центральное правительство Резы Пехлеви разоружило ханов и восстановило контроль над этим районом.

Таким образом, компании только для того, чтобы защитить свои предприятия и избежать уплаты двойных налогов двум соперничающим

между собой властным структурам, пришлось принять участие в политике на трех различных уровнях. Она участвовала в *межплеменной* политике, чтобы поддержать и сохранить власть главного вождя бахтиарских племен; в *национальной* политике — чтобы сохранить автономию шейхов Мохаммера по отношению к центральному правительству; в *международной* политике — чтобы отсоединить территорию шейхов от Персии, действуя вместе с британскими консульскими властями в районе Персидского залива[31].

Какой порядок действий должен быть избран теми, кто планирует переворот, в случае присутствия таких квазигосударств в той или иной стране? В некоторых экстремальных случаях требуется заручиться поддержкой подобных структур: они имеют обширную информацию и, вероятно, узнают о планирующемся перевороте еще до официальных разведывательных структур. Это согласие может быть получено применением подходящего набора угроз и обещаний, выполнять которые потом вовсе не обязательно. В иных случаях эти структуры представляют собой не более чем еще один фактор, который надо учитывать организаторам переворота. Но иностранные компании после получения уроков от националистических сил по всему миру все отчетливее понимают, что нейтралитет принесет им больше всего выгод.

Региональные структуры

Сутью переворота является захват власти в главном центре принятия государственных решений и, тем самым, получение контроля над нацией.

Мы видели, что в некоторых случаях процесс принятия решений слишком рассеян внутри государственной бюрократии и страны в целом; в других случаях предполагаемый политический центр контролируется другим, иностранным центром или групповыми интересами, не зависящими от государственной машины.

Та же проблема возникает, если власть находится в руках региональных или этнических блоков, которые либо используют предполагаемый политический центр в качестве представительства своих собственных интересов, либо считают себя независимыми от него. Практически в любом государстве Азии и Африке есть пограничные районы, как правило, горные, болотные или труднодоступные по иной причине, где живут племена национальных меньшинств и где контроль центрального правительства носит чисто теоретический характер. Там, где подобная

[31] В 1953 году ЦРУ по просьбе и при содействии западных нефтяных компаний свергло центральное правительство Ирана во главе с Моссадыком, которое намеревалось национализировать иранскую нефтяную промышленность. — *Прим. переводчика.*

автономия де-факто распространяется на крупные населенные пункты, возникает проблема отсутствия органического единства страны; однако с точки зрения осуществимости переворота отсутствие такого рода органического единства не является препятствием — новый режим может разобраться с локальными автономными образованиями после захвата власти. Иногда, правда, эти местные образования настолько мощны, что контролируют центр, или — что одно и тоже — власть центра не распространяется за пределы пригородов столицы.

Именно это часто имело место в Конго[32] в 1960–1964 годах, в период после обретения независимости и мятежа вооруженных сил. *Хотя Республика Конго согласно конституции была унитарным, а не федеративным государством, она быстро утратила контроль над большинством своих «провинций»*, которые вели себя как полностью независимые образования. Внутри каждой провинции конфликтовали местные группы, но те, кто поддерживал центральное правительство, представляли собой одну из самых слабых фракций.

Политическая ситуация в провинции Южный Касай. 1960–1961 годы

В этой провинции боролись за власть несколько групп.

а) Традиционные вожди. Силы в их распоряжении: племенные ополчения.

б) Сепаратисты провинции Южный Касай под руководством «короля» Калонжи. Силы в их распоряжении: хорошо оснащенные и недисциплинированные войска под руководством офицеров — иммигрантов из Бельгии.

в) Центральное правительство. Силы в его распоряжении: молодые и неопытные администраторы с шатким контролем над небольшой национальной армией (ANC) , контингент которой располагался в восточной части провинции.

г) Горнодобывающая компания «Фор Миньер». Ресурсы в ее распоряжении: финансовая поддержка и воздушный транспорт, которые компания время от времени предоставляла сторонникам Калонжи и другим группам.

Ситуация в провинции Катанга была еще более неблагоприятной для центрального правительства; северо-восток и город Стэнливиль

[32] Имеется в виду Заир. — *Прим. переводчика.*

были в руках сил Гизенги[33]; большая часть прочей территории провинции находилась вне досягаемости центральных властей из-за коллапса закона и порядка и прерывания транспортных коммуникаций. Таким образом, успешный переворот в столице страны Леопольдвиле (ныне Киншаса) дал бы контроль лишь над очень малой частью огромной территории Республики Конго; понадобилось бы еще несколько переворотов в фактических столицах квазинезависимых провинций — Стэнливиле, Элизабетвиле, Лулуабурге и т. д., чтобы добиться контроля над страной в целом.

Федеративные государства открыто, на уровне конституции, признают самостоятельность регионов и поэтому предоставляют им соответствующую степень местной автономии. В некоторых случаях сама власть центра представляет собой результат добровольного союза регионов, и до тех пор, пока центральные органы не разовьют собственные источники власти и авторитета, правят регионы, используя центр только как агентство для проведения своей совместной политики.

Соединенные Штаты Америки стали продуктом более или менее добровольного союза штатов, и на протяжении XIX столетия, пока президентская власть была еще слаба, правительство в Вашингтоне было не более чем агентством для решения проблем, затрагивающих все штаты. Соответственно, произойди, например, в 1800 году переворот в Вашингтоне, его зачинщики захватили бы только пустой символ, но к 1900 году развитие авторитета федеральных органов достигло уже такой степени, что такой переворот привел бы к установлению контроля над большей частью страны. Советский Союз, Канада, Индия и Западная Германия — федеративные государства, но степень автономии каждой республики, провинции или штата в них варьируется от практически нулевой в случае СССР до достаточно значительной в случае Канады. Тот факт, что по конституции советские республики являются полностью автономными (и даже имеют право на выход из федерации), является еще одним примером постоянного контраста между теоретическими структурами и политическими реалиями.

В целом реалии осуществления власти — и ее внутренняя динамика — проявляют тенденцию к упадку федеративной системы. В результате — либо растущая централизация (например, в США и СССР), либо растущее отчуждение (например, в Индии, Канаде или Нигерии до переворота).

---

[33] Антуан Гизенга — соратник убитого при содействии США и Бельгии первого премьер-министра Конго Патриса Лумумбы, ставший после его смерти главой центрального правительства Конго. — *Прим. переводчика.*

Идея, что политическая власть должна быть сконцентрирована в одном центре контроля в интересах всей нации, вытекает из представления, что интересы каждого региона лучшим образом удовлетворяются в общенациональных рамках. Интересно, что это представление становится общепризнанным только после разрушения местных структур власти. Например, большинство англичан и французов согласны в том, что важные политические решения должны приниматься в Лондоне и Париже, а не на местном уровне. Однако интеллектуальное признание этого факта последовало за разгромом баронов и независимых прежде государств Бургундии, Прованса, Анжу и Уэльса[34], а не предвосхитило эти события.

Во многих слаборазвитых странах власть местных «баронов» еще более чем реальна, и местные движения, которые базируются на лингвистических или этнических связях, активно пытаются добиться либо большей автономии, либо полной независимости де-факто. По состоянию на январь 1968 года центральные правительства в Индии, Бирме, Кении, Сомали, Эфиопии и Тибете[35] находились в состоянии вооруженных конфликтов с сепаратистскими силами. Канада, Индия и (как нехотя было признано позже) Франция и Соединенное Королевство переживали политические конфликты с сепаратистскими элементами. В Испании, Югославии и Италии действовали — с разной степенью применения насилия — сепаратистские группы.

Во всех этих примерах того, как местное население не признает верховенства централизованного принятия решений, мы должны различать несколько возможных последствий для государственного переворота.

а) Регионы являются реальными центрами власти: переворот должен либо ограничиться одним регионом, либо распространиться на все сразу; предполагаемый центр власти должен быть только одной из мишеней переворота. Это усложняет переворот и увеличивает его масштаб, так как слабость поддерживающих переворот сил в каждой столице региона может вызывать противодействие противостоящих перевороту сил.

б) Один или два региона доминируют в стране: такой была ситуация в Нигерии перед переворотом 1966 года.

Северный регион, традиционно управлявшийся эмирами из народностей фулани и хауса, был самым большим в стране. Его правитель Сардау-

[34] Подъем кельтского сепаратизма в Уэльсе, Шотландии, Франции и Испании был таким неожиданным и резким, что только отсутствие джунглей помешало некоторым его представителям начать партизанскую войну по типу Южного Вьетнама.

[35] Тибет в 1968 году независимым государством ни де-юре, ни де-факто не являлся. — *Прим. переводчика.*

на из Сокото (Ахмаду Белло) полностью контролировал всю внутреннюю политику, в то время как в других регионах ситуация была более подвижной — и более демократической. Поэтому Ахмаду Белло в коалиции с политическими силами в любом другом регионе доминировал в стране в целом. Молодым офицерам из народности ибо, которые осуществили первый переворот[36], пришлось выделить столько же сил на Белло и его столицу, сколько на столицу самой Нигерии и федеральное руководство. В результате они убили и федерального премьер-министра (Абубакара Тафава Балева), и Белло. Но сил у них не хватило, и Иронси, один из высших офицеров армии, с помощью полиции и государственной бюрократии организовал контрпереворот и сам захватил власть.

Существование таких региональных сил, достаточно мощных, чтобы контролировать предполагаемый центр, может сделать переворот невозможным. Если региональный или этнический блок организован на племенной основе, то его руководство будет слишком тесным и слаженным, чтобы попытаться совершить переворот изнутри этого круга лиц. Одна из самых стабильных стран Ближнего Востока — Ливан — базируется на таком соглашении: христианский, мусульманский и друзский[37] блоки враждебны по отношению друг к другу, но признают тот факт, что никто их них не может и надеяться доминировать над другими. Поэтому правительство в Бейруте функционирует как место проведения политики, предварительно одобренной каждым из этих этнических блоков. Если кто-либо совершит переворот в Бейруте, это вызовет немедленный коллапс всей системы, так как каждая группа, опирающаяся на собственные вооруженные силы, захватит власть в своем регионе. Участники переворота, таким образом, смогут захватить только Бейрут и его пригороды и наверняка не сумеют сохранить контроль даже над этим небольшим районом.

Ливан являет собой экстремальный пример сильной роли этнических / региональных сил. В каждом конкретном случае всегда будет иметь место определенный баланс сил между регионами и центром и между самими регионами. Силы переворота должны быть распределены таким образом, чтобы разобраться с каждым этническим или региональным блоком в зависимости от того, как оценивается его роль в данном конкретном соотношении сил в стране. В немногих случаях переворот окажется невозможным, так как природа и распространение региональной власти окажется такой, что для ее подавления может не хватить сил. В других

[36] Автор имеет в виду переворот в январе 1966 года. — *Прим. переводчика.*

[37] Друзы — арабоязычная этноконфессиональная община в Сирии, Ливане и Иордании. Исповедуют исмаилизм, который, в свою очередь, откололся от шиизма. — *Прим. переводчика.*

случаях это будет всего лишь одним из дополнительных препятствий на пути успешного переворота.

Итак, третья предпосылка для переворота: страна, в которой планируется переворот, должна иметь политический центр. Если таких центров несколько, то они должны быть определяемы и структурированы политически, а не этнически. Если государство контролируется неполитической организованной структурой, то переворот можно совершить только с ее согласия или при ее нейтралитете,

Выражение «этнически структурирована» звучит странно. Она призвано замаскировать социальные группы, чье руководство возникло благодаря четким и устоявшимся (обычно наследственным) процедурам. Если конкретное традиционное руководство контролирует государство, то мы не можем завоевать власть, осуществив переворот в центре политического контроля, не можем мы и проникнуть в традиционное руководство, поскольку нас автоматически исключат из него как узурпаторов и чужаков. Например, в Бурунди государство контролировала традиционная иерархия племени тутси (ватутси) и, соответственно, для того чтобы захватить власть в Бурунди, требовалось бы проникнуть в эту иерархию. А это было бы возможно, только если бы мы: а) являлись тутси; б) принадлежали к племенной аристократии; в) были первыми в цепи наследования. В Руанде власть также контролировали традиционные вожди из народности тутси, которые подчинили себе большинство населения, принадлежавшее к народности хуту. Затем произошла революция, и теперь руководство в стране скорее политическое и состоящее из хуту, чем традиционное, состоявшее из тутси. Поэтому переворот в Руанде стал возможен.

Если государство в тот или иной момент контролируется группой, не структурированной политически, нельзя использовать для захвата власти политические методы. В эту категорию попадает всякая страна, в которой доминирует бизнес-структура. Представим себе, что «Дженерал Моторз» контролирует США, а президент и конгресс — лишь марионетки компании. Если бы это имело место, то власть следовало бы захватить не в Вашингтоне, а в Детройте. А если бы (что маловероятно) кто-либо сумел собрать достаточно средств, чтобы купить 51% акций «Дженерал Моторз», то Вашингтон стал бы приятной побочной добавкой к полученным таким образом ресурсам. Но переворот — это политическое оружие, и у тех, кто его планирует, есть только политические ресурсы. Поэтому структура «Дженерал Моторз» — США» была бы вне пределов досягаемости для возможного переворота.

Вернемся к реальности. Катанга в начале 60-х годов и центральноамериканские «банановые республики» 50-х — примеры стран, где реальные центры недосягаемы с политической точки зрения, если только у вас нет 200–300 миллионов долларов.

3. Стратегия государственного переворота

«Дин Ачесон[38] *любил рассказывать историю про члена Верховного суда США Тафта, передавая беседу, которую он вел с одним человеком о «правительственной машине». «И знаете, — сказал Тафт с удивлением в голосе, — он действительно думает, что это машина»».*

Роджер Хисман
(Roger Hilsman, To Move a Nation)
The Strategy of the Coup d'fitat

«В условиях тоталитаризма знание механизма действия лабиринта трансмиссий (правительственной машины) означает высшую власть».

Ханна Арендт
(The Origins of Totalitarianism).

Свержение правительства — дело нелегкое. Правительство будут защищать не только профессиональные охранные структуры государства — вооруженные силы, полиция и службы безопасности. Его поддержит и целый спектр различных *политических* сил. В развитом демократическом обществе сюда входят политические партии, группы по интересам,

[38] Дин Ачесон — госсекретарь США при президенте Трумене. — *Прим. переводчика.*

региональные, этнические и религиозные группировки. Их взаимодействие и взаимная оппозиция находят выражение в балансе сил, который в определенной степени и отражает правительство[39]. В не столь развитом обществе таких сил может быть гораздо меньше, но и там всегда найдутся политические группы, которые поддерживают статус-кво и, тем самым, правительство.

Если наблюдателям кажется, что те, кто осуществляет переворот, сокрушают такую могущественную структуру, лишь захватив пару зданий, арестовав несколько политических фигур и «освободив» радиостанцию, — это только потому, что главное достижение заговорщиков осталось незамеченным. На самом деле здесь имеет место очень опасный и трудоемкий процесс, во время которого нейтрализуются вооруженные силы и другие средства подавления, а политическим силам навязывается временная пассивность.

Будь мы революционерами, стремящимися изменить структуру общества, нашей целью было бы уничтожение мощи ряда политических сил, и достичь этого мы могли бы в длительной, кровавой и изнурительной революционной борьбе. Однако наша цель совсем в ином: мы хотим захватить власть *изнутри* существующей системы и сумеем остаться у власти, только если олицетворяем новый статус-кво, поддерживаемый как раз теми самыми силами, которые стремится уничтожить любая революция. Если мы хотим добиться фундаментальных социальных перемен, мы можем начать их после того, как станем правительством. Этот метод, возможно, более эффективен и наверняка менее болезнен, чем путь классической революции.

Хотя мы попытаемся избежать конфликта с «политическими» силами, некоторые из них наверняка будут противодействовать перевороту. Но эта оппозиция в основном сойдет на нет, если мы заменим старый статус-кво новым, нашим статус-кво и сможем обеспечить его с помощью контроль над государственной бюрократией и силами безопасности. Этот переходный период, который начнется, когда мы выйдем на арену, и продлится до того, как мы будем облечены авторитетом государства, — самая критическая фаза переворота. Нам придется выполнять двойную задачу по взятию под контроль государственной машины, одновременно используя ее для установления контроля над страной в целом. Любое сопротивление перевороту будет мешать реализации этих двух задач, и если возникнет цепная реакция, то переворот может быть подавлен.

---

[39] Язык небесной механики не должен скрывать неизменные земные факторы, которые влияют на баланс сил.

Поэтому в своей стратегии мы должны руководствоваться двумя принципиальными соображениями: необходимостью скорейшей реализации задач переходного периода и необходимостью нейтрализации сил, которые могут помешать нам как накануне, так и сразу после переворота. Если, совершая переворот, мы промедлим на какой-либо стадии, станет очевидной наша главная слабость: нам придется для видимости принять определенную политическую окраску, а это, в свою очередь, вызовет концентрацию тех сил, которые этой политической тенденции (реальной или воображаемой) противостоят. Но если осуществление переворота происходит быстро, и мы окружены ореолом неизвестности, ни у одного из политических течений не возникает ни мотива, ни возможности противодействовать нам. Ведь не исключено, что мы — их потенциальные союзники. В любом случае, промедление лишит нас главного преимущества: добровольного нейтралитета выжидающих элементов и вынужденного нейтралитета тех сил, которым нужно время для концентрации и перехода к активным действиям.

Необходимость действовать максимально быстро означает, что многие отдельные операции переворота должны осуществляться практически одновременно; это, в свою очередь, требует большого количества людей. Таким образом, если предположить, что мы начнем планировать переворот только с небольшой группой политических единомышленников, то большинство персонала нам придется где-то набрать. При этом наши новобранцы должны иметь подготовку и оснащение, которое позволит им предпринять быстрые и решительные шаги. Обычно для такого рода рекрутов есть только один источник — вооруженные силы самого государства.

Правда, в некоторых странах есть этнические меньшинства, которые воинственны и настроены против правительства и поэтому могут казаться идеальными рекрутами для переворота. Чаще всего это горцы, типа сирийских друзов, иракских курдов, народности шан в Бирме или пуштунов Западного Пакистана и Афганистана. Благодаря их бедности и воинственным традициям нам, скорее всего, удастся легко завоевать их на свою сторону, но это может привести к ответной националистической реакции большинства населения. А так как центры правительственной власти обычно находятся в районах проживания большинства, оппозиция последнего будет очень важным препятствием для нас.

Другой альтернативой проникновению в вооруженные силы государства является организация партийной милиции. Если существует комбинация политической свободы с неэффективным поддержанием закона и порядка, такая милиция иногда формируется для «защиты» активистов той или иной партии. В Веймарской Германии помимо «коричне-

вых рубашек» Гитлера были партийные милиции социал-демократов, коммунистов и правых националистических групп. Подобные организации — «черные рубашки», «зеленые рубашки», «красные рубашки» и, на Ближнем Востоке, «серебряные рубашки» — возникли на волне успеха фашистов и нацистов во многих странах. Несмотря на свой воинственный вид, униформу и подчас довольно солидное вооружение, почти в каждом случае конфронтации между такой милицией и силами государства первая бывала побеждена[40]. Поэтому, когда нацисты попытались использовать «коричневые рубашки», находившиеся еще в эмбриональном состоянии, в мюнхенском путче 1923 года, их быстро подавили силы полиции, а сам Гитлер был арестован. Последующий постепенный приход нацистов к власти был достигнут политическими средствами, а не усилиями «коричневых рубашек».

В любом случае, для того чтобы организовать и вооружить партийную милицию, необходимо иметь два дефицитных ресурса: деньги и свободу действовать таким образом. Напротив, привлечение сил государства не требует ни того, ни другого. Следовательно, так как нам придется нейтрализовать целый спектр сил, то придется и использовать в своих интересах государственные силы подавления. Работая с войсками, полицией и службами безопасности, мы должны будем перетянуть на свою сторону часть из них и нейтрализовать оставшихся; что касается политических сил, здесь стоит более ограниченная задача — их нейтрализация.

Из-за своей способности прямого вмешательства в события вооруженные силы и иные государственные средства подавления должны быть полностью нейтрализованы перед совершением самого переворота; с «политическими» силами обычно можно разобраться сразу после него. Однако в некоторых ситуациях политические силы могут оказывать влияние на ход событий и к ним следует относиться так же, как и к силам подавления.

В России во время периода нестабильности, последовавшего за «буржуазной» Февральской[41] революцией, серьезной силой стал профсоюз железнодорожников. Викжель (Всероссийский исполнительный комитет профсоюза железнодорожников) сыграл ключевую роль в поражении путча Корнилова, просто не разрешив работникам железных дорог перевозить его солдат по направлению к Петрограду. Позднее, когда Керенский бежал из Петрограда после октябрьского переворота Ленина

---

[40] Среди немногих исключений из этого правила можнопривести конфликт между вооруженными рабочими оловянных шахт в Боливии и армией, который вылился в революцию 1952 года.

[41] По старому стилю, март и ноябрь по новому стилю.

и нашел убежище в войсках Краснова, Викжель *пригрозил* объявить всеобщую забастовку (т. е. обездвижить Краснова) до тех пор, пока Керенский не начнет мирных переговоров с большевиками. Так как у большевиков не было серьезного намерения вести переговоры, это требование было равнозначно требованию о безоговорочной капитуляции Керенского.

В конкретных условиях России 1917 года железные дороги и те, кто их контролировал, имели ключевое значение с военной точки зрения. В иных случаях не было других политических сил, которые могли бы оказывать подобное давление: в бедных странах, где большинство горожан покупают еду каждый день понемногу, владельцы магазинов — если они хорошо организованы — могут оказать изрядное давление на правительство, отказавшись открыть свои лавки. Там, где есть сильное профсоюзное движение, забастовки могут помешать процессу установления авторитета нового правительства сразу после переворота. Религиозные и этнические лидеры могут использовать структуры своих сообществ, чтобы организовать массовые демонстрации против нового режима. Поэтому мы должны идентифицировать и оценить эти политические силы и при необходимости нейтрализовать их лидеров и руководящие центры перед переворотом[42]. С другими политическими силами, у которых нет такой сильной прямой власти, тоже придется иметь дело, но это будет происходить в процессе примирения и урегулирования, который последует за переворотом.

Нейтрализация сил сопротивления государства

Одна из характерных черт современного государства — наличие обширной и разветвленной системы органов безопасности. Эта черта стала следствием общего краха внешней безопасности и внутренней стабильности, который произошел во многих странах на протяжении жизни последних двух-трех поколений. У каждого государства есть вооруженные силы, силы полиции и службы безопасности в той или иной форме. Многие страны считают необходимым иметь полувоенные формирования жандармерии, дублировать органы безопасности и использовать другие вариации на ту же тему.

В мире до 1914 года государства были не менее агрессивными, чем сегодня, но недостаток транспортных артерий помимо железных дорог и приверженность дипломатическим обычаям приводили к тому, что

[42] См. четвертую главу, в которой описывается нейтрализация политических сил.

существовал определенный промежуток времени между возникновением враждебности и военными действиями как таковыми. Современный тип боевых действий — неожиданное нападение и необъявленная война — имеет в качестве естественного последствия «военный» мир. Вместо небольших профессиональных армий, которые являются кадрированной основой для развертывания армий военного времени, многие государства пытаются содержать постоянные армии, способные организовать немедленную оборону — и тем самым немедленное нападение.

Появление и укрепление основанных на идеологии революционных партий — как правых, так и левых — привело к симметричному укреплению внутренних сил безопасности. Тайные отделы и «политические» подразделения сил полиции, полувоенные силы внутренней безопасности стали обычным делом для многих государств, включая «демократические».

В 30-х годах вооруженные силы США насчитывали менее 300 000 человек; и единственным разведывательным подразделением в них была небольшая, но очень эффективная часть, занимавшаяся дешифровкой кодов противника. Силы внутренней безопасности в то время ограничивались несколькими сотрудниками службы охраны президента и относительно «мягким» и слабо финансируемым ФБР. Позднее разведывательное сообщество превратилось в многоголового монстра, состоящего из ЦРУ, не менее важного АНБ, других разведывательных подразделений и бесчисленных оборонных «исследовательских» институтов.

Сегодня только в корпусе морской пехоты США служат более 280 000 человек в форме, в то время как во всех армейских структурах насчитывается 3 400 000 человек, что превосходит население некоторых стран — членов ООН. В сфере внутренней безопасности у ФБР не появилось никакой конкуренции, за исключением некоторых видов специализированных работ. Но оно превратилось в мини-ЦРУ, имея несколько тысяч агентов, работающих не только в криминальной, но и в «политической» области.

Ни одно иное государство оказалось не в состоянии повторить столь бурный рост сил безопасности, и даже другая сверхдержава — Советский Союз[43] — не смогла в этом смысле соревноваться с США, несмотря на тот факт, что СССР получил ряд возможностей в этой сфере очень дешево, вспомнить хотя бы Кима Филби. Будучи не в состоянии соревноваться

---

[43] Хитрый редактор газеты «Ле Монд» возразил на утверждение де Голля, что есть только одна сверхдержава — США, сказав, что сверхдержавы две — Соединенные Штаты и ЦРУ.

с США, большинство государств сделали все, что было в их силах. Даже такая средняя по многим критериям страна, как Италия, не имеющая враждебных соседей с серьезным военным потенциалом, без серьезного повстанческого движения с прирученной и «парламентской» коммунистической партией, сочла нужным выстроить обширную систему безопасности, состоящую из национальных полицейских сил, нескольких служб безопасности, 300-тысячной армии, 40-тысячных ВМС и больших ВВС. Другие, находящиеся в более тревожной обстановке государства вовлекли в ту или иную систему обороны и безопасности практически все гражданское население.

Израиль, окруженный явными врагами, не имеющий естественных рубежей обороны и не защищенный членством в военном союзе, представляет собой экстремальный пример: несмотря на численность населения как у среднего по размерам города, он смог выставить на июньскую войну 1967 года более 250 000 мужчин и женщин.

С точки зрения осуществления переворота величина и мощь вооруженных сил, полиции и служб безопасности является как большим препятствием, так и большой надеждой.

С одной стороны, как заметил Троцкий, модернизация вооружения, транспорта и средств связи расширила пропасть между организованными вооруженными силами и гражданскими лицами, оснащенными импровизированными средствами. Троцкий подчеркивал, что если французские толпы образца 1789 года могли преодолеть обороняемые пехотинцами позиции, то российская толпа 1917 года — сколь бы большой и решительно настроенной она ни была — будет сметена «современным» автоматическим оружием. Под «современным» оружием он имел в виду неуклюжий и не очень скорострельный пулемет «максим»; сегодня каждый солдат, противостоящий толпе, может быть оснащен оружием с примерно такой же скорострельностью.

С другой стороны, рост численности регулярных вооруженных сил и «технологическая революция» улучшили и характеристики системы безопасности государства с точки зрения ее потенциальной вовлеченности в переворот. Современная армия и силы безопасности обычно слишком велики, чтобы представлять собой единый социальный организм, связанный узами традиционной лояльности; необходимость иметь в армии технический персонал разрушила барьеры, которые часто препятствовали набору в войска людей из определенных социальных групп в той или иной стране. Пуштуны и бедуины могут быть колоритны и политически надежны, но они неадекватны в качестве пилотов, членов танковых экипажей и даже сотрудников современных полицейских сил.

Избыточность и разношерстность личного состава государственной системы безопасности означает, что мы, будучи организаторами переворота, можем проникнуть в эту систему. Работая над этим, нам придется решить двойную задачу: превратить несколько подразделений в активных участников переворота, одновременно нейтрализовав остальные части. Это не означает, что мы вынуждены будем с ними бороться. Надо только предотвратить их возможное противодействие нам в короткий период совершения переворота.

Наши методы будут зависеть от характера каждой конкретной организации либо воинской части и от того, что является нашей целью — превращение ее в активного участника переворота или же только оборона. Сырье для решения наших задач — весь спектр сил подавления государства, а так как они сильно различаются по своему оснащению, размещению и психологии, мы рассмотрим каждую из них в отдельности.

Нейтрализация вооруженных сил

В июне 1967 года, когда израильтяне, победив другие арабские армии, взялись за сирийцев, глава Национального революционного совета Сирии Салах Джадид оставил две лучшие бригады сирийской армии в казармах в Хомсе и Дамаске[44]. Министр обороны Хафез Асад умолял Джадида разрешить послать 5-ю и 70-ю бригады на фронт, но Джадид, ударив министра, заявил, что хотя бригады, вероятно, и сумеют удержать несколько квадратных миль территории, их использование на фронте может угрожать выживанию режима в целом. Правительство левой партии БААС[45] не пользовалось популярностью ни в одном сегменте населения, и эти две бригады были основными опорами режима.

Вряд ли Джадид был патриотом, но он оказался, по крайней мере, реалистом. Власть в феврале 1966 года он захватил с помощью двух ключевых бригад, офицеры которых были связаны с ним политически и этнически. Эти бригады отстранили от власти предыдущего «сильного человека» — Хафеза Асада, так как *его* бригады оказались в тот момент далеко от Дамаска или были подорваны проникновением в них людей Джадида.

---

[44] *R. Atallah*, 'Six jours d'irresponsabilitd', *Jeune Afrique* No. 343, August 1967, pp. 13–15. Also *Der Spiegel*, 23 October 1967.

[45] БААС — Партия арабского социалистического возрождения. — *Прим. переводчика.*

Повсюду в мире отмечается одна и та же тенденция: в то время как численность врачей, учителей и инженеров растет медленно, численный состав вооруженных сил увеличивается очень быстро. Интересно отметить, что если технический прогресс, скажем, в сельском хозяйстве, позволил сокращающемуся количеству фермеров производить все больше и больше продовольствия, то армиям нужно все больше и больше «рабочей силы» несмотря на рост их эффективности — или, скорее, разрушительной мощи. У современного взвода из 30 человек примерно в три раза больше огневой мощи, чем у взвода образца 1945 года[46]; сомнительно, что технологии в сельском хозяйстве улучшаются в том же темпе.

Эффективность современных солдат с их быстрыми средствами транспортировки, надежной связью и хорошим вооружением означает, что даже одна лояльная режиму воинская часть может вмешаться и подавить переворот, если — как, скорее всего, и будет — наши силы не очень велики, а массы населения и оставшаяся часть сил государства нейтральны. Поэтому наше исследование вооруженных сил в государстве, где планируется совершить переворот, должно быть максимально полным: мы не имеем права упустить из виду ни одну из сил, способных вмешаться в события, — какой бы маленькой она ни была.

В большинстве государств помимо сухопутных войск есть еще и ВВС и ВМС. Но мы должны сконцентрировать свое внимание именно на первых, потому что процедуры, которым придется следовать, обычно одинаковы для всех трех видов вооруженных сил и потому что — при некоторых исключениях — только сухопутные силы важны с точки зрения переворота. Конечно, возможно использовать истребители-бомбардировщики, чтобы «выключить» президентский дворец вместо того, чтобы направить туда группу для ареста его хозяина, как и было сделано во время переворота 1963 года в Ираке, но это все же слишком экстремальная игра. Несмотря на то, что при использовании авиации достигается очень высокое соотношение огневой мощи на человека, тактическая бомбардировка нашей собственной столицы — и вероятной столицы нового режима — вряд ли способна внушить доверие к новому правительству.

Однако в определенных географических условиях транспортные элементы военно-морских и военно-воздушных сил могут оказаться важнее сухопутных войск, как произошло, например, в Индонезии. Так как центры ее населения рассеяны по нескольким крупным и тысячам мелких островов, а на самих островах не очень много хороших дорог, подразделение морских пехотинцев — или парашютистов — может

---

[46] Книга написана в 1968 году, переиздана — в 1979-м. — *Прим. ред.*

действовать эффективнее, чем гораздо более многочисленное подразделение сухопутной армии, расположенное в неподходящем месте. Когда в Индонезии разразилась организованная коммунистами революция с элементами переворота (*coup-cum*)[47], военные командиры смогли использовать свой транспортный потенциал с большим успехом. Хотя части армии, в которые проникли коммунисты, были очень мощными, они оказались в неподходящем месте, и, пока они находились в джунглях Борнео[48], антикоммунистически настроенные парашютисты и морские пехотинцы захватили столицу Индонезии Джакарту и всю страну.

Армии разделены на традиционные подразделения, с вариациями в различных странах: дивизии, бригады, полки, батальоны, роты, взводы. Однако центр принятия решений и реальная организационная структура обычно сконцентрированы на одном или двух конкретных уровнях. Для нас очень важно выявить решающий уровень, а затем направить на него все усилия. *Таблица I* показывает некоторые альтернативы, с которыми мы можем столкнуться, хотя на самом деле для того, чтобы достичь глубокого проникновения, нам придется оперировать на нескольких уровнях ниже реального центра принятия решений; оперировать выше не имеет смысла.

В разделе (а) *Таблицы I* оперативным звеном является батальон; если есть лица, имеющие должность командира дивизии, это, скорее всего, офицеры, исключенные из реальной цепочки командования и получившие пышную форму и помпезные звания в качестве утешительного приза. Если мы перетянем на свою сторону командующего дивизией или бригадой, а он отдаст приказы, продиктованные нами, командиру батальона, последний — привыкший получать приказы непосредственно из главного командования сухопутных войск — скорее всего, удивится и сообщит о казусе по инстанции. То есть помимо того, что работа с командирами дивизии в этом случае бесполезна, в неподходящем эшелоне принятия решений она может быть еще и рискованной.

В разделе (б) *Таблицы I*, где практически каждое звено является оперативным, мы можем подорвать контрольный механизм почти на каждом уровне, и отданные нами приказы будут выполняться на каждом более низком уровне. В разделе (в) мы снова можем оперировать на каждом уровне, исключая уровень дивизии и батальона.

---

[47] Автор имеет в виду события осени 1965 года. — *Прим. переводчика*

[48] По иронии судьбы, бывший пожизненный президент Индонезии Сукарно направил их туда, чтобы противостоять Малазийской Конфедерации в «конфронтации», которую ликвидировали новые власти Индонезии.

Таблица I.
Формальные структуры и реальная цепочка командования

(а) Централизованная	
Формальная структура	**Реальная цепочка командования**
Главное командование	Главное командование
Главное командование сухопутных войск	
Дивизия	
Бригада	
Батальон	Батальон
Рота	Рота
Взвод	Взвод

(б) Децентрализованная	
Формальная структура	**Реальная цепочка командования**
Главное командование	Главное командование
Главное командование сухопутных войск	Главное командование сухопутных войск
Дивизия	Дивизия
Бригада	Бригада
Батальон	
Рота	Рота
Взвод	Взвод

(в) Современная формальная структура, принятая в НАТО	
Формальная структура	**Реальная цепочка командования**
Главное командование	Главное командование
Главное командование сухопутных войск	Главное командование сухопутных войск
Дивизия	
Бригада	Бригада
Батальон	
Рота	Рота
Взвод	Взвод

Хотя может показаться, что местонахождение основного центра контроля и связи произвольно, на самом деле оно зависит от четко обусловленных психологических и технических факторов. Если уровень

подготовки и мотивации войск недостаточно высок, людей необходимо сводить в большие единые *блоки* под жестким контролем сверху, потому что у них нет ни дисциплины, ни способности воевать индивидуально. Даже очень высоко мотивированным солдатам нельзя разрешать действовать далеко от места концентрации основной массы войск, если только они не соединены с этим местом эффективной системой связи, которая позволяет им получать новые приказы и докладывать о развитии ситуации. В целом, чем проще местность и чем ниже уровень дисциплины и эффективности, тем большим по численности должно быть подразделение, которому позволят оперировать самостоятельно. И наоборот. Чем лучше обучены войска, чем современнее их вооружение, чем труднодоступнее местность (например, джунгли или болота) — тем более мелкими могут быть действующие самостоятельно части.

Оба эти экстремальных варианта наблюдались на Синае во время арабо-израильской войны 1967 года. Египетская армия была организована в три больших блока под жестким контролем верховного командования, не способных к самостоятельным действиям. Израильтяне, напротив, оперировали небольшими группами, чья численность примерно равнялась составу бригады, которые концентрировались для совместных действий и разъединялись для проникновения в оборону и тыл противника быстро и в гибкой манере.

Определив реальный оперативный эшелон в войсках страны, где готовится переворот, мы можем перейти к следующей стадии: определению тех частей, которые имеют возможность вмешаться в пользу или против переворота. Мы должны следовать двум главным критериям: вид того или иного подразделения и место его дислокации. Эти критерии описываются на примере португальских вооруженных сил.

Португальские вооруженные силы: ситуация по состоянию на 1967 год

Существующий в Португалии режим можно охарактеризовать как партнерство между землевладельческим классом, новыми предпринимательскими кругами и бюрократическим средним классом (который формирует государственную гражданскую службу и офицерский корпус вооруженных сил). Как и в Испании, ВВС и ВМС состоят из традиционно менее консервативных элементов, чем офицеры сухопутных войск, и незначительны по численности и выделяемым на них ресурсам.

Сухопутные войска. Общая численность — примерно 120 000 человек, размещенных следующим образом (исключая административный персонал).

1 дивизия сухопутных войск, имеющая на вооружении несколько средних танков, которую используют прежде всего как учебное подразделение и численность которой не превышает половины от штатной. Только 2000 человек имеют возможность транспортировки, и только небольшое количество военнослужащих оснащены танками и БТР. В любой конкретный момент дивизия состоит из множества новобранцев с низкой степенью подготовки и дисциплины

Дислокация: центральная Португалия.

1 дивизия сухопутных войск. Это соединение обычно имеет численность гораздо более низкую, чем штатная. Примерно 3000 человек прошли тот или иной вид подготовки. Транспортных средств хватает для переброски только половины этого количества военнослужащих.

Дислокация: северная Португалия.

Оставшаяся часть сухопутных войск: большое количество солдат, примерно 100 000, с высокой степенью подготовки и лучшим вооружением, рассеяны по Африке: Анголе, Мозамбику и Гвинее-Бисау.

ВМС. У португальцев есть великая мореходная традиция, и наличие «заморских» территорий, казалось, оправдывало бы наличие большого флота, который мог бы частично финансироваться за счет программ военной помощи США. Но по причинам, описанным ниже, флот Португалии поддерживался в относительно слабом состоянии: один эсминец, четырнадцать малых боевых кораблей, три подводных лодки и тридцать шесть других судов. При этом для нас имеют особый интерес двенадцать вспомогательных кораблей, четыре десантных судна, и полбатальона морских пехотинцев. Даже если бы ВМС остались особенно лояльными по отношению к режиму, из-за отдаленности африканских провинций они не успели бы быстро перебросить достаточное количество войск из Африки в Португалию. Морские пехотинцы обычно находятся далеко от страны, и их численность не очень значительна.

ВВС. Около 14 000 человек. Вооружены устаревшей разномастной техникой американского и итальянского производства. Входящие в состав ВВС 3000 парашютистов размещены в африканских провинциях, в то время как транспортная эскадрилья ВВС способна перебрасывать оттуда в Португалию лишь примерно тысячу человек каждые 24 часа.

Таким образом, в случае с Португалией при общей численности вооруженных сил около 150 000 человек только небольшая их часть будет иметь

значение с точки зрения возможного переворота. Большинство частей не смогут вмешаться в события в районе Лиссабона из-за своей отдаленности и отсутствия подходящих транспортных средств. Другие вмешаются недостаточно эффективно, так как их обучение и оснащение не подходят для этого. Итого — из общего состава вооруженных сил только три или четыре батальона (возможно, 4000 человек) имеют возможность действенно повлиять на события. Небольшая численность этих войск снижает риск провала переворота, но она же снижает и возможность для привлечения к перевороту дополнительных сил в месте его проведения.

Если ВВС и ВМС перебросят назад в Португалию из Африки некоторое количество войск, то ко времени их прибытия *мы* уже будем правительством, и эти войска уже будут под нашим командованием. А если к этому моменту нам не удастся установить свою власть — будет ясно, что переворот провалился и сам по себе, и прибытие этих войск не изменит ситуацию. Можно предположить, что предварительно мы сумеем перетянуть на свою сторону войска в Африке, но это слишком трудоемкий процесс при планировании переворота.

Из этого вытекают принципиальные критерии, по которым мы разделяем силы, ключевые с точки зрения возможного переворота, безотносительно того, вооруженны они или нет. Силами, имеющими значение с точки зрения возможного переворота, являются те, которые с учетом своей дислокации и/или оснащения способны вмешаться в события в районе своего размещения (обычно в столице) в течение 12–24 часов, необходимых им для установления контроля над государственной машиной.

Проникновение в вооруженные силы

Наше первоначальное исследование вооруженных сил в стране, выбранной мишенью для переворота, выявило две категории сведений, ключевых с точки зрения планирования переворота. Речь идет о виде и составе частей, способных вмешаться в события, и реальном оперативном эшелоне командования внутри них. Эти данные иллюстрирует приводимая ниже наглядная таблица:

Таблица II.

Страна X. Потенциальные силы вмешательства

(а) силы численностью до батальона

1,000 человек, организованы в 10 рот, с моторизованным транспортом и противотанковым вооружением. *Пункт дислокации:* столица. Оперативный эшелон (цепочка командования): батальон — верховное командование сухопутных сил.

(b) сила дивизионного масштаба
1,500 человек, организованы в 20 рот, оснащены БТР, 25 танками.
Пункт дислокации: 30 километров от столицы. Оперативный эшелон (цепочка командования): бригада — верховное командование сухопутных сил; танки находятся под отдельным командованием батальона,

(c) сила бригадной численности
3000 человек, организована в 3 батальона. *Пункт дислокации:* 300 километров от столицы; есть возможность переброски по воздуху. Оперативный эшелон (цепочка командования): командование бригады и командование эскадрильи ВВС.

До сих пор мы размышляли в категориях формальных военных подразделений, но анализ необходимо продолжить для того, чтобы выявить «ключевые» личности в каждом подразделении. Если мы имеем дело с примитивной военной организацией, то сможем быстро установить тех, кто реально командует тем или иным подразделением. В межплеменной войне, например, будет несколько типичных «вождей», отличающихся друг от друга внешним видом больше, чем происхождением или репутацией; другие воины будут отличаться друг от друга только функционально благодаря своей индивидуальной силе или сноровке.

В современной военной организации дело обстоит иным образом: эффективность целой структуры зависит от использования многих различных типов вооружения и другой техники, управляемых специализированным персоналом. В каждой конкретной ситуации это будет подходящая «смесь» для использования данных видов оружия, и поэтому вся система зависит от «ключевых» личностей двух типов: «технических специалистов» и тех, кто координирует их действия, — «лидеров»[49].

Соответственно, наша следующая задача: выявление «ключевых» индивидов в тех частях вооруженных сил, которые могут вмешаться — в нашу пользу или нет — в ход переворота. Ранее мы уже выявили оперативную цепочку командования внутри каждой конкретной военной группировки и тем самым — «лидеров». Теперь нам следует заняться выявлением «техников». Кто ими окажется, зависит от типа организации части и той задачи, которую она призвана выполнять. Если, например, во время переворота правительство обратится за помощью к боевой единице (в) из нашей наглядной *Таблицы II*, то прибытие этих сил в сто-

[49] «Лидерами», как правило, являются оперативные офицеры того или иного подразделения, но это не всегда именно так. См. сноску на странице 73.

лицу можно предотвратить сотрудничеством всего лишь с одной из следующих групп:

a) персонал, обслуживающий систему связи между политическим руководством и группировкой (в);
b) пилоты и/или наземный персонал транспортной эскадрильи;
c) охрана аэропорта/аэропортов;
d) персонал центра управления полетами в каждом аэропорте, особенно в тяжелых полетных условиях;
e) охрана аэропорта/аэропортов;
f) персонал центра управления полетами в каждом аэропорте, особенно в тяжелых полетных условиях.

В целом, чем сложнее организация, тем выше ее эффективность — но и ее уязвимость. И группировка (а), и группировка (б) в *Таблице II* могут действовать успешно, даже если значительная часть личного состава не поддерживает свое руководство. Для этих группировок потеря сотрудничества с 10% их личного состава будет означать потерю примерно 10% их эффективности; в случае с группировкой (в), однако, даже потеря всего лишь одного процента личного состава может привести к *полной* утрате эффективности при выполнении конкретной задачи (такой, как вмешательство в события в столице).

Это подсказывает нам, что, стремясь нейтрализовать группировку вооруженных сил, стоит наладить сотрудничество скорее с «техниками», чем с «лидерами», потому что первые гораздо эффективнее в индивидуальном смысле и их легче (и безопаснее) привлечь на свою сторону. Второе правило гласит, что при прочих равных нам надо избрать для нейтрализации подразделения с самой сложной организацией, а для привлечения к перевороту — самые простые с организационной точки зрения подразделения. Это сделает нас менее уязвимыми в случае неожиданного отпадения части сил и минимизирует общее количество людей, которое потребуется в конечном итоге привлечь.

Прежде чем мы займемся «подбором» «ключевых» личностей и убеждением их в целесообразности принять на нашу сторону (что даст нам реальный контроль над их подразделениями), нам нужно собрать достаточно информации по следующим моментам:

а) военные подразделения, которые могут вмешаться в события во время и в месте переворота;
б) реальная структура командования внутри таких подразделений и выявление «лидеров»;
в) техническая структура подразделений и выявление ключевых «техников».

Чтобы привлечь то или иное подразделение к участию в перевороте, необходимо заручиться активным сотрудничеством ряда его «лидеров». В случае технически простых подразделений отпадение некоторых технических специалистов не составит для нас большой проблемы. Если же в достаточно «подготовленных» к участию в перевороте подразделениях некоторые «лидеры» останутся лояльными прежнему режиму, это не станет серьезным препятствием[50].

Следует нам сконцентрировать усилия на «лидерах» или на «техниках», зависит от конкретной структуры эффективной силы вмешательства и от конкретного политического климата. Если в войсках наблюдается резкое политическое размежевание между солдатами и офицерами, возможно, мы сумеем привлечь на свою сторону целые подразделения без налаживания сотрудничества с их «лидерами». Но проблема выявления неформальных лидеров может оказаться весьма сложной, и в любом случае нет оснований считать, что мы планируем переворот именно в тот момент, когда размежевание между солдатами и офицерами достигло пика. Технические структуры в любом случае более стабильны, и одной из наших целей является избежать зависимости от слишком многих звеньев в технической цепи. *Таблица III* (стр. 74) показывает оптимальную стратегию в проникновении в типичную структуру потенциальных сил вмешательства.

Конечно, в странах, созревших для переворота, те, кто отдает такого рода приказы, сознают свою уязвимость в случае отпадения части вооруженных сил. Поэтому весьма вероятно, что «легкий» батальон № 1, тщательно выбранный нами из-за его надежности не подойдет, так как его командиры — верные сторонники правящей группы. Если это так, нам придется работать с батальоном № 3. На батальон № 2 полагаться не следует, потому что отпадение от нашего дела всего лишь нескольких его «техников» будет иметь драматические последствия.

До тех пор пока мы не начнем собирать информацию о конкретных личностях и делать первые подходы к ним, мы можем и не знать, какие подразделения вооруженных сил политически привязаны к режиму. В более общем смысле — до тех пор нам не известно, каковы наши шансы на привлечение к перевороту тех или иных подразделений. Поэтому, хотя в уме мы уже и поделили все подразделения на потенциальных союзников и потенциальных «нейтралов», такое разделение должно быть достаточно

[50] Без офицеров можно и обойтись. Как во Франции, так и в России офицеры после революции покинули свои части, тем не менее эффективность армий этих стран неожиданно возросла. В любом случае, французские военные достижения после 1789 года демонстрируют существенное улучшение по сравнению с предыдущими тридцатью годами, и то же самое имело место в России после 1917 года.

гибким. Когда картина нашего потенциала в каждом подразделении станет вырисовываться, мы сконцентрируем усилия на тех подразделениях, которые вполне реально привлечь к перевороту. Надежность подразделения — предполагаемого союзника может стать выше, если мы глубоко проникнем в него, но нет смысла слишком глубоко проникать в то подразделение, которое надо всего лишь нейтрализовать. Каждый подход к конкретной личности содержит в себе элементы риска; каждое увеличение количества тех, кто знает, что что-то готовится, снизит уровень безопасности при планировании переворота. Поэтому нам нужно избегать привлечения лишних людей.

Таблица III.
Оптимальная стратегия проникновения

Командование: 10 ротных командиров и пять реальных «лидеров» в командовании каждого батальона. Для глубокого проникновения, возможно, потребуется привлечь на сторону переворота 30 командиров взводов в каждом батальоне.			
Подразделение	**Батальон № 1**	**Батальон № 2**	**Батальон № 2**
Ключевые люди *Техническая структура*	*15–45 «лидеров»* Очень простая. Базируется на обычных средствах связи и стандартных транспортных средствах.	*15–45 «лидеров»* Очень сложная. Для переброски части в место переворота необходимы «воздушный мост» и сложные средства связи.	*15–45 «лидеров»* Средняя. Базируется на наземном транспорте, но требует наличия радиосвязи для поддержания контакта.
Ключевые люди *Оптимальная стратегия*	*Отсутствие «техников»* Привлечь пропорциональную часть «лидеров» к перевороту (тогда вся воинская часть будет на нашей стороне).	*40 «техников»* Обеспечить пассивное сотрудничество некоторых «техников» (воинская часть будет нейтрализована).	*5 «техников»* Мы выберем этот путь, если проникнуть в батальон № 1 будет слишком сложно.

Допустим, мы подошли к офицеру армии и предложили ему участие в планирующемся перевороте. Если он не ярый сторонник режима, в его мыслях возник целый ряд вариантов, таящих в себе как опасности, так и возможности. Предложение может оказаться «подставой» со стороны

органов безопасности, чтобы проверить лояльность этого офицера режиму. Предложение может оказаться реальным, но быть частью ненадежного и неэффективного заговора. И наконец, предложение может исходить от команды, у которой есть все шансы на успех.

Если предложение окажется «подставой», то его принятие может лишить офицера работы и многого другого, в то время как сообщение о нем принесет награду за лояльность. Если это реальное предложение, то у офицера есть ненадежная перспектива выиграть от переворота и вполне надежная — получить немедленную выгоду, сообщив о нем. Естественным шагом, исходя из этого, будет сообщение о предложении.

Вся техника подхода направлена на то, чтобы обезоружить эту логику. Помимо награды за участие в успешном перевороте (которую можно представить как гораздо более соблазнительной, чем награда за лояльность) есть и еще один фактор, который будет работать в нашу пользу. Он состоит в том, что лицо, которому офицер доложит о подходе, может оказаться сторонником переворота. Поэтому оба эти пункта нужно подчеркивать как можно сильнее, в тоже время уменьшая в разговоре опасность потенциального риска. Но мы надеемся, что у наших потенциальных сторонников будет и иная мотивация помимо жадности и страха, и на их выбор повлияют другие факторы. Дружеские связи с заговорщиками и общие политические взгляды могут быть важны, но обычно главными факторами при принятии решения оказываются семейные, клановые и этнические связи с теми, кто планирует переворот.

В большинстве слаборазвитых стран различные этнические группы только по видимости объединены в одно целое, а массовое образование и СМИ еще отнюдь не сломали традиционные формы соперничества и подозрительности. В любом случае, первые шаги на пути экономического прогресса обычно только усиливают эти конфликты, и часто мы видим, что этнические связи гораздо важнее, чем политические пристрастия.

Например, там, где не строятся сталелитейные заводы, не будет и региональных конфликтов на тему, где их строить; если посты на гражданской государственной службе даются только гражданам метрополии, не будет конфликта между этническими группами колоний по вопросу справедливого распределения постов. Конфликты по поводу рабочих мест в месте строительства сталелитейного завода обычно куда более интенсивны, чем старые конфликты по распределению земли: если раньше только пограничные части племени находились в контакте с соперниками, то теперь каждое племя борется с другими на национальной арене. Если по вопросу земли возможно достичь компромисса, то сталелитейный завод может быть построен либо в точке А, либо в точке В — середины здесь нет. (Альтернативой, конечно, является постройка завода

на границе двух провинций; и хотя такие места обычно удалены от дорог и других объектов, такое иногда происходит[51].)

По мере того как увеличиваются размах и интенсивность старых конфликтов, укрепляется инстинктивная солидарность внутри этнических групп, и африканский «трайбализм» — всего лишь экстремальный пример очень распространенного явления. Скажем, многие современные и подчеркнуто нерелигиозные евреи, как выясняется, заключают браки только с евреями, хотя считают себя полностью ассимилированными. Несмотря на торжественные заявления чехов и словаков об их единстве, капиталовложения распределяются в точном процентном соотношении для каждой территории, и конфликт по этому поводу был одной из причин падения правительства Новотного («великого мастера выживания») в 1968 году. На самом деле повсюду в Восточной Европе старые конфликты лишь спрятаны под поверхностью, а новая социалистическая национальная политика только реанимирует их[52]. В Румынии почти полмиллиона немцев и полтора миллиона венгров чувствуют себя обделенными, в то время как в Югославии хорваты, сербы, далматинцы и македонцы вовлечены в этнический баланс, не говоря уже о более малочисленных группах албанцев, влахов и словенцев. Во многих странах этнические конфликты отягощены наложенным на них религиозным противостоянием. Народность ибо в Нигерии, например, находится в постоянном конфликте с северянами-мусульманами на протяжении длительного периода времени, но введение среди ибо христианства лишь означало, что старый этнический конфликт между народностями ибо и хауса только обострился за счет привнесения в него нового конфликта между мусульманами и христианами.

Поэтому мы максимально учтем этническую составляющую при планировании переворота, избегая, однако, отождествления его с конкретной этнической группой. Что касается малой тактики, мы сведем каждого потенциального сторонника переворота с вербовщиком из его этнической группы и, если нужно, представим ему переворот так, как он его хочет видеть.

Но мы должны учитывать также и специфический фактор, характерный для бывших колоний. При колониальных режимах сформировалась традиция набирать в армию представителей тех национальных мень-

[51] Проблема состоит еще и в том, что программы развития обычно сфокусированы вокруг одного или двух крупных проектов, которые привлекают самое большое внимание общественного мнения — и больше всего инвестиций. Страны-доноры обычно хотят проектов, важных для всей страны, а не тех, которые важны только для отдельной местности, что только усугубляет политические проблемы.

[52] «Сионистский заговор» в Польше в начале 1968 года и перманентный конфликт между Венгрией и Румынией из-за Трансильвании являются частными примерами общей проблемы.

шинств, которые имели репутацию более воинственных людей и, что еще важнее, от которым можно было ждать, что они с энтузиазмом примут участие в репрессиях против большинства. После обретения независимости эти национальные меньшинства в некоторой степени утратили политическую власть и социальный статус, но по-прежнему составляют большую часть армии. Это привело к странному спектаклю, в котором меньшинства выступают в роли охранителя режима, который их же и подавляет. Друзы и алавиты[53] в Сирии находились именно в таком положении после того, как в 1945 году ушли французы, и поэтому неудивительно, что недовольные офицеры из этих двух групп играли выдающуюся роль в многочисленных переворотах после достижения независимости.

Во многих странах Африки народности, составляющие этническое большинство, пользуются репутацией «мягких» племен побережья[54], которые захватили политическое лидерство благодаря своей численности и образованности, в то время как большинство армии состоит из представителей малочисленных горных племен. Это результат поверхностной этнографической теории, которую британцы усвоили в Индии, а французы — в Алжире, но которая в условиях Африки была практически абсурдной. Как только офицеры колониальной армии высаживались на новой территории, они пытались найти горы и, оказавшись там, стремились повторить свои полугомосексуальные отношения с «коварным пуштуном» или *«яростным кабилом», набирая* якобы суровых горцев в армию.

Не скатываясь к сценарию межплеменной войны, нам надо использовать этот фактор, учитывая, что там, где есть реальная политическая жизнь, важны будут и политические взгляды потенциального участника переворота. Что касается нас, комбинирование всех оттенков политического спектра против левых и правых экстремистов даст нам самое желательное политическое прикрытие переворота. Режим Касема в Ираке, который существовал пять лет, балансируя между разными силами, был, в конце концов, свергнут в 1963 году, когда умеренный националист Ареф (Абдель Салам) убедил все политические фракции от левой партии БААС до правых консерваторов объединить усилия против якобы имевшего место коммунистического проникновения в правительство[55].

[53] Алавиты — самостоятельное религиозное меньшинство в исламе, примыкающее к шиизму. — *Прим. переводчика.*

[54] Нигерия — исключение из правила. Прибрежные племена там более развиты, но менее многочисленны, чем представители народа хауса — жители внутренних областей страны. Именно это и служит причиной беспорядков.

[55] Одним из тревожных знаков стало то, что Касем начал называть своих оппонентов «гитлеровскими фашистами». Адольф Гитлер — весьма популярная фигура для арабского общественного мнения, и такие эпитеты могли свидетельствовать только о том, что Касем перенимает советскую привычку использования этого термина.

Таблица IV.
Роль этнических меньшинств в сирийской политике

Друзы

1949, апрель

Первый постколониальный режим президента Кувватли пытается разрушить основу власти одного из важных друзских кланов (неудачно). Это было одним из факторов, который привел к первому перевороту Хосни аль-Затима (первый военный диктатор в арабском мире).

1949, август

Хосни аль-Затима свергает группа офицеров, многие из которых являются друзами. Эти события последовали за попыткой усмирить друзский район Джабал. Ключевые командные должности в бронетанковых частей занимали друзы, поддержкой которых заручились заговорщики.

1949, декабрь

Новый режим пытается объединить Сирию с Ираком. Замышляется новый переворот с целью прекратить это объединение. Переворот осуществляется силами офицеров-друзов из бронетанковой части, что приводит к военной диктатуре Шишакли.

1954, февраль

Режим Шишакли свергнут. Этому предшествовали военная оккупация друзского района Джабал и арест делегации друзов, что привело к беспорядкам и репрессиям. Группа, совершившая переворот, состояла из трех фракций, среди которых друзская была, вероятно, самой важной.

Алавиты

1966, февраль

Переворот левой фракции партии БААС против режима Хафеза и основателей партии Афлака и Битара из правой фракции этой же партии. Переворот якобы основывался на идеологических разногласиях внутри движения БААС. На самом деле левый режим БААС был всего лишь прикрытием для группы офицеров-алавитов во главе с Салахом Джадидом — также алавитом.

1967, февраль

Начальник генерального штаба, мусульманин-суннит заменен алавитом. Политическую власть сохранил контролируемый алавитами Национальный революционный совет, «декоративными» министрами были мусульмане-сунниты и христиане.

Если в наличии нет экстремистской фракции, нам придется прибегнуть к тактике малых действий, говоря самым разным потенциальным участникам переворота о нашей с ними политической близости. Однако помимо нарушения такой добродетели, как честность, это чревато необходимостью постоянной презентации переворота то с одной, то с другой политической точки зрения, что может привести к неудаче.

Выяснить, к какой этнической группе принадлежит тот или иной офицер, не составит труда; выявить его политические взгляды — дело, куда более сложное. Но труднее всего будет узнать, находится ли он в натянутых отношениях со своим армейским руководством. Только семье и близким друзьям этого офицера известно, считает ли он, что его начальники относятся к нему несправедливо или являются некомпетентными, раздражен ли он до такой степени, что будет приветствовать радикальное изменение существующего режима. Если у нас нет прямого выхода на конкретного человека, придется, чтобы понять его внутренний настрой, получать информацию из вторичных источников.

Стандартной процедурой сбора сведений является отслеживание карьеры того или иного офицера с целью выяснить, кого обошли при повышении в должностях и званиях, предполагая — при прочих равных — что именно они охотно присоединятся к возможному перевороту. Во многих странах мира данные о повышении в званиях в вооруженных силах публикуются в официальных газетах, и, начав с определенного выпуска военной академии (или училища), можно отследить карьеру любого офицера от выпуска до нынешнего момента. В некоторых странах, где данные о присвоении званий не публикуются (скажем, по соображениям безопасности), можно собрать соответствующую информацию, используя телефонные справочники за разные годы, в которых имена и фамилии офицеров приводятся вместе с их должностями. Там, где ни телефонные справочники, ни газеты не служат полезными источниками информации (как, например, в Советском Союзе), мы можем прибегнуть к другим методам: попросить старого товарища того или иного офицера организовать с ним встречу или составить мини-биографии с помощью знакомых этих офицеров; какими бы средствами мы ни пользовались, наша цель — восстановить как можно более точно карьерный путь каждого выпускника военной академии (училища). Карьерную позицию любого офицера надо сравнить с позицией его однокашников, а не с позицией его сослуживцев по части. *Таблица V* представляет эту информацию в нужном формате.

Таблица V.
Выпуск 19 года военной академии страны X:
нынешние карьерные позиции

Лейтенант	7
Капитан	55
Майор	33
Полковник	18
Бригадный генерал	2
Умерли или перешли на гражданскую службу	15
Всего	**130**

Семь лейтенантов наверняка с удовольствием присоединятся к перевороту, направленному на изменение существующего порядка вещей, но низкое звание этих офицеров, скорее всего, адекватно их способностям, и в таком случае их «помощь» может негативно сказаться на перевороте. В общем смысле гораздо полезнее знать, что капитаны и майоры с куда меньшим энтузиазмом поддерживают существующий режим, чем полковники[56], в то время как два бригадных генерала — если их вообще не назначили на этот пост из-за политической надежности — вероятно, станут ярыми сторонниками тех. кто дал им эту должность.

Этническая принадлежность, политические взгляды и карьерные перспективы могут служить для нас путеводной нитью для прогнозирования возможной реакции того или иного потенциального участника переворота, когда мы найдем к нему подход. Но здесь надо иметь в виду два фактора. Первый из них — организационный, а второй — чисто человеческий.

*Не*довольные офицеры обычно охотно участвуют в переворотах, однако нам нужны люди, которые не только будут сотрудничать с нами лично, как это имеет место в случае с «техниками», но и вовлекут в переворот части, находящиеся под их командованием. Таким образом, «лидеры», которых мы привлечем, могут (и должны) быть отчуждены от своих начальников, но не должны быть «аутсайдерами», которым не доверяют офицеры-сослуживцы и солдаты-подчиненные. Зачастую нас подстерегает опасность привлечения к перевороту неэффективного, непопулярного, коррумпированного недовольного офицера. Если мы позволим участвовать в перевороте подобным людям, то поставим под угрозу саму безопас-

[56] Конечно, полковники всегда играли видную роль в военных переворотах, но это были перевороты, которые инициировали они сами. Нашей целью является использование армейских офицеров, и капитаны вряд ли вырвут переворот из наших рук, чего можно ожидать от старших офицеров.

ность переворота, оттолкнем от него лучшие элементы и, что самое важное, — столкнемся с тем, что привлеченные нами «лидеры» не смогут задействовать в перевороте свои части.

Второй фактор, который нельзя упускать из виду, — непредсказуемость человеческого поведения. До сих пор мы пытались выяснить, какого рода связи могут быть выше лояльности армейского личного состава по отношению к начальникам. Можно ожидать, что из этих связей самыми сильными окажутся семейные, однако полностью полагаться на это не стоит. Арабская пословица говорит: «Я и мой брат против моего двоюродного брата; я и мой двоюродный брат против целого мира». Но вспомним историю семьи Арефа в Ираке в 1958–1968 годах (*Таблица VI*).

Отношения между братьями показывают, насколько сложно прогнозировать человеческое поведение. Между 1958-м и 1962 годами один из них находился в тюрьме, будучи приговорен к смертной казни (исполнение приговора отложили), а другой командовал частью, которая могла бы двинуться на столицу в любой момент. Лидеры БААС, которые помнили об этом прецеденте, позволили Абд-эль-Рахману Арефу сохранить командование важной бронетанковой частью вблизи Багдада, и это было их ошибкой. Сразу после первого переворота 1963 года позиции брата президента были слабыми, и партийная милиция БААС, абсолютно не обученная, но хорошо вооруженная, могла быть использована, чтобы отстранить брата-военного от командования. Однако лидеры БААС решили, что Абд-эль-Рахман не будет сотрудничать со своим братом и поведет себя так же, как в 1958-м и 1959–1962 годах. Но на этот раз он поступил по-другому, хотя брат нуждался в его помощи гораздо меньше, чем тогда, когда сидел в тюрьме и был приговорен к смерти.

Последний правитель Ирака президент Абд-эль-Рахман Ареф[57] был избран армией как компромиссный кандидат после случайной смерти в апреле 1966 года его брата Абд-эль-Салама, бывшего диктатора Ирака. Карьерное продвижение братьев показывает, что, оба будучи видными военными лидерами, они не всегда сотрудничали друг с другом.

Но, хотя люди непредсказуемы, а каждый потенциальный участник переворота обладает индивидуальными качествами, мы все же используем собранную нами информацию для того, чтобы классифицировать армейских лидеров в зависимости от возможной реакции на наше предложение сотрудничества.

После того, как мы выясним карьерный путь, а также этнические и политические связи потенциальных участников переворота, мы можем приступить к анализу наших перспектив, как показано в *Таблице VII*.

[57] Абд-эль-Рахман был к тому времени свергнут в результате переворота.

Таблица VI.
Братья Ареф в Ираке, 1958–1968.
Исследование их взаимной лояльности

Последний правитель Ирака президент Абд-эль-Рахман Ареф был избран армией как компромиссный кандидат после случайной смерти в апреле 1966 года его брата Абд-эль-Салама, бывшего диктатора Ирака. Карьерное продвижение братьев показывает, что, оба будучи видными военными лидерами, они не всегда сотрудничали друг с другом.

	Абд-эль-Салам	***Абд-эль-Рахман***
Июль 1958: в результате переворота свергнута монархия.	является соавтором переворота вместе с Касемом.	не знает о планах переворота и участвует в нем только на заключительной фазе — хотя является командиром важного бронетанкового подразделения.
Ноябрь 1958	Касем арестовывает Абд-эль-Салама, обвиняет в измене и выносит ему смертный приговор (отложенный).	Повышен в должности и стал командующим большого армейского контингента.
1962:		Отправлен в отставку.
февраль 1963: переворот БААС. Касем свергнут и расстрелян.	Освобожден и сделан президентом.	Назначен командующим 5-й бронетанковой дивизией, повышен до бригадного генерала.
ноябрь 1963: переворот против БААС	Спланирован обоими братьями вместе.	
	Они приобретают полный контроль над страной.	Повышен.
Апрель 1966	Смерть Абд-эль-Салама.	Стал компромиссным кандидатом армии на пост президента.

При анализе информации нужно, конечно, иметь в виду, что важность того или иного фактора варьируется в зависимости от среды, в которой будет происходить переворот. Например, в Латинской Америке надо в первую очередь учитывать социальное происхождение офицера. Важнейший фактор в Западной Европе и Северной Америке — политические взгляды кандидата; этническая принадлежность практически не играет роли, хотя социальное происхождение имеет определенный вес.

Итак, мы видим, что из пятнадцати потенциальных участников переворота только № 3 предпочтителен со всех точек зрения; № 5 совершенно не годится, да и подход к нему будет, вероятно, опасным делом; остальные находятся где-то посредине между ними.

Таблица VII.
Батальон № 1: перспективы привлечения военнослужащих к участию в перевороте. См. Таблицу III (стр. 74)

рспективы привлечения к перевороту пятнадцати офицеров среднего звена. опыт, взгляды и связи с точки зрения планирования переворота (повто- ть для 3о командиров взводов).
= благоприятные, n = неблагоприятные, о = неизвестные
= очень благоприятные, nn = очень неблагоприятные

фицер / номер	Политические взгляды	Этнические связи	Карьера	Да	Нет	Сомнение
1	о	x	xx	√		
2	n	xx	n		√	
3	xx	xx	xx	√		
4	nn	x	n		√	
5	nn	nn	nn		√	
6	x	x	x	√		
7	о	xx	nn			√
8	о	n	xx	√		
9	n	xx	n		√	
1о	о	nn	xx	√		
11	x	n	о			√
12	x	x	x	√		
13	n	n	n		√	
14	xx	xx	x	√		
15	о	n	xx			√

Когда мы повторим процедуру, примененную к батальону № 1, в отношении всех других частей вооруженных сил (или, во всяком случае, в отношении тех частей, которые могут реально вмешаться в ход событий), нам будет известна перспектива привлечения к участию в перевороте каждой части и каждого офицера внутри нее. Стопроцентного результата в охвате частей и личностей достичь не удастся никогда; в некоторых случаях вооруженные силы будут слишком большими по отношению к доступным нам ресурсам анализа или будут постоянно перемещаться, поэтому наш анализ может оказаться очень неполным.

Это не имеет большого значения, если «неизвестные» с точки зрения отношения к перевороту части можно нейтрализовать «технически».

Если же их способность вмешаться в ход событий не зависит от сложных и уязвимых технических средств и оборудования, то наш переворот может оказаться под угрозой. Тем не менее мы зависим не только от процедуры привлечения или нейтрализации тех или иных частей и будем в состоянии изолировать физически те части, которые неожиданно появятся в месте совершения переворота, и те, в которые нам вообще не удастся проникнуть. Перед тем как приступить к рассмотрению проблем, связанных с третьим и наименее желательным методом работы с вооруженной оппозицией, стоит уделить внимание тому, чтобы привлечь на нашу сторону людей в тех частях, по которым мы уже имеем требующуюся информацию.

Как только мы выйдем за пределы секретной фазы планирования и сбора информации, фактор опасности для нашего переворота очень сильно возрастет. Как уже отмечалось ранее, любой индивидуум, к которому мы осуществим подход, может оказаться потенциальным информатором и рассказать властям о наших усилиях, что поставит переворот под угрозу провала. Опаснее всех будет первый человек в любой части, к которому мы осуществим подход, так как у нас, пока мы не заручимся его сотрудничеством, не будет внутреннего надежного источника информации о части и ее отдельных военнослужащих. Поэтому наш первый сторонник в каждой части должен быть старослужащим, по возможности — старшим офицером или даже командиром части. Когда мы наметим «своего» человека, первым шагом станет встреча с ним на предмет «зондирования» в осторожных и расплывчатых выражениях относительно его взглядов на возможные политические преобразования. Этот зондаж следует поручить человеку или нескольким людьми, которые отвечают некоторым четким критериям отбора: он или она должны быть верными сторонниками переворота, но не входить в узкий круг его инициаторов. Другими словами, он должен быть ценным сотрудником, но таким, без которого можно обойтись. Это — идеальный вариант. Привлечение к зондажу члена узкой группы лидеров переворота может оказаться для него фатальным, ведь он рискует быть выданным властям. В Сирии, классической стране переворотов, политические лидеры практически открыто ходили по казармам, убеждая военных оказать им вооруженную поддержку, но специфические условия сирийской политической жизни вряд ли можно проецировать на другие страны.

Когда переговоры с нашим потенциальным сторонником достигнут той фазы, когда открыто обсуждается возможность переворота, ему надо сообщить три вещи: а) политическую цель переворота; б) что мы уже привлекли на свою сторону других офицеров и воинские части; в) задачу, которую ему предстоит выполнить в ходе переворота. Все, что мы

скажем потенциальному стороннику напрямую или через посредников, надо очень тщательно взвесить. Мы будем работать исходя из посыла, что каждый потенциальный сторонник может оказаться «двойным агентом» сил безопасности.

Конечно, мы не станем ассоциировать наш переворот с той или иной политической партией (чья политика известна) или конкретной политической фракцией (чьи лидеры известны). Вместо этого мы расскажем об общей политической направленности переворота, но не не переходя на конкретные политические тенденции или личности, потому что это может вызвать нежелательную реакцию. Позиция, которую мы представим, должна быть тщательно продумана, выражать озабоченность судьбой страны и предлагать пути решения существующих проблем, а по форме — отражать общие политические взгляды, превалирующие среди населения страны. Так, например, в Британии мы можем говорить о необходимости «привести к власти правительство, более связанное с бизнесом». Не помешает намекнуть (безотносительно того, правда это или нет), что переворот связан с видными общественными деятелями: владельцами газет, влиятельными бизнесменами или высшими менеджерами национализированных отраслей промышленности. В Латинской Америке представленная нами программа может содержать рассуждения на тему «святого долга вооруженных сил», который требует их вмешательства для «исправления того беспорядка, который устроили гражданские политики» в целях достижения социального/национального прогресса и с уважением к правам собственности и правам человека.

Если правительство, которое мы пытаемся свергнуть, само — продукт переворота, мы скажем, что наша цель — всего лишь восстановление «нормальной политической жизни». А если мы являемся левыми, то будем говорить о «необходимости восстановления демократии».

Выдвижение лозунгов кажется легким делом, но на самом деле лозунги надо тщательно продумать, чтобы удовлетворить ими как можно больший политический спектр. Например, следует избегать излишней конкретики — но, рассуждая в слишком общих выражениях, у умных слушателей мы вызовем подозрения, а среди идеалистов не сможем разжечь энтузиазм. Мы должны помнить, что вооруженные силы многих стран зачастую не имеют таких же психологических и политических настроений, как гражданское население, и у них могут быть иные — возможно, антагонистические — заботы и воззрения. Как граждане офицеры могут разделять мнение, что экономия государственных расходов необходима, но в то же время ощущать, что армию держат на голодном пайке. Там, где социальный статус военнослужащих подорван пораже-

нием в войне или просто слишком длительным мирным периодом, мы подчеркнем необходимость «восстановить достойное место защитников отечества в обществе».

Представляя цели переворота потенциальным сторонникам, надо проявлять определенную гибкость, чтобы достичь совпадения с теми взглядами, которые, по нашим данным, имеются у этих людей, но при этом избегать риска быть разоблаченными как непоследовательные оппортунисты. Разделяем ли мы взгляды, которые образуют наш имидж, или нет — не играет никакой роли, если удовлетворены другие условия. В любом случае надо как бы невзначай заявить, что мы идем на переворот очень неохотно и нам бы хотелось, чтобы так же думал и наш будущий сторонник.

Как только идея переворота найдет достаточную поддержку в уме нашего потенциального сторонника, мы должны обрисовать ему его роль в перевороте. Это не значит, что мы должны выдать ему оперативные детали, но следует абсолютно четко прояснить следующие моменты:

а) его роль будет ограниченной и заключаться в осуществлении малого количества конкретных действий;
б) почти каждый в его подразделении уже вместе с нами;
в) поэтому ему ничего не грозит.

Если наш собеседник станет реальным, а не потенциальным сторонником, и только в этом случае, мы можем открыть ему истинную природу его задачи. Она будет описана самым детальным образом, но так, чтобы сторонник не сумел понять все последствия, к которым приведет выполнение его задачи. Если, например, задачей станет блокирование дороги с помощью его части, ему надо сказать, как должны быть оснащены его люди, сколько их должно быть и как он получит сигнал к действию. Но не надо сообщать ему дату переворота, место, где нужно будет блокировать дорогу, или описывать задачи других участвующих в перевороте части.

Информация — самый ценный наш актив и наше самое большое преимущество на стадии планирования переворота — будет заключаться в том, что мы знаем о силах сопротивления государства многое, а те, кто их контролируют, почти ничего не знают о нас. Поэтому нам надо избегать получения кем бы то ни было любой информации, кроме той, которая на данный момент явно необходима. Даже в том случае, если наш потенциальный сторонник захочет узнать о перевороте побольше, прежде чем дать свое согласие на участие в нем, он будет ощущать себя в большей безопасности, видя, что операция готовится с максимальной осторожностью и поэтому риск ее провала невелик.

После того, как мы найдем первых сторонников в каждой части, других убедить будет гораздо легче; к тому же и людей, которые включатся в процесс убеждения, будет больше, потому что мы задействуем с этой целью своих первых сторонников в период между привлечением их к участию в перевороте и самим его осуществлением. Таким образом, в результате действий наших первых сторонников, которые постепенно создадут климат, благоприятный для дальнейшего привлечения нужных людей, мы получим эффект «снежного кома» (а если повезет — «лавины»).

Когда поиски и убеждение «ключевых» личностей начнут приносить результаты, мы сможем определить, какие подразделения сумеют принять деятельное участие в перевороте. *Они будут лишь небольшой частью вооруженных сил, но, как мы надеемся, единственной их частью, которая окажется способной сыграть активную роль в то время и в том месте, где свершится переворот.* Мы сконцентрируем дальнейшие усилия именно на них, так как глубокое проникновение в эти части будет для нас очень ценным, в то время как «излишняя нейтрализация» других частей может только представить дополнительный риск. В идеале мы нейтрализовали бы *все* части, которые не привлекли на свою сторону, но вряд ли это произойдет в действительности. Методы «изоляции» тех частей, в которые нам не удалось проникнуть, будут рассмотрены в четвертой главе.

Глубина, на которую необходимо проникнуть в военные подразделения, прежде чем приступить к оперативной фазе совершения переворота, зависит от ряда военных, политических и географических факторов; один и тот же уровень проникновения может быть достаточным для успеха в одной стране и полностью неадекватным для другой. В случае с Португалией ввиду преимущественного размещения активных войск в отдаленных африканских «провинциях», а также слабых боевой подготовки и механизации частей, дислоцированных в самой стране, мы можем удовлетвориться минимальным проникновением (*Таблица VIII*).

Таблица VIII.
Проникновение в вооруженные силы Португалии (отвлеченный пример)

Вооруженные силы в целом (сухопутные войска, ВМС и ВВС)	***150,000***
Привлечены к активному участию в перевороте:	*3,000*
Нейтрализованы путем привлечения на сторону переворота «ключевых техников»:	*12,000*
Нейтрализованы из-за неподходящего обучения и оснащения:	*45,000*
Нейтрализованы ввиду отдаленной дислокации:	
– Ангола	*45,000*
– Мозамбик	*25,000*
– Гвинея-Бисау	*20,000*

Это экстремальный пример небольшой и бедной страны, которая стремится удержать свою африканскую империю любой ценой и поэтому в метрополии держит только очень небольшие вооруженные силы. Степень проникновения в этом случае достигает всего 2%, тем не менее переворот не столкнется ни с каким вооруженным противодействием, если успеет победить в Лиссабоне в течение срока, не превышающего время, необходимое для переброски войск из Африки в Португалию. То, что нынешний режим вовсе непопулярен, лишь усилит благоприятные для переворота военные факторы.

Если, однако, мы возьмем развитую страну с хорошим транспортным сообщением, войска которой не размещены за ее пределами, то тот же самый процент сторонников переворота и активной нейтрализации, что гарантировал бы успех в случае с Португалией, привел бы к неминуемому поражению. Это иллюстрирует *Таблица IX*.

Таблица IX.
Проникновение в вооруженные силы Западной Германии
(отвлеченный пример)

Вооруженные силы, всего (сухопутные войска, ВМС и ВВС)	***450,000***
Вовлечены в активное участие в перевороте:	*9,000*
Нейтрализованы путем привлечения на сторону переворота «ключевых техников»:	*40,000*[58]
Нейтрализованы из-за отсутствия необходимого оснащения (в основном ВВС и ВМС):	*180,000*
Силы под контролем правительства:	*221.000*

Так как мы ничего не сможем сделать для предотвращения вмешательства больших войсковых группировок, наш переворот наверняка провалится, если только мы не представляем собой высшее руководство вооруженных сил.

Большинство реальных ситуаций находится где-то посредине между описанными выше примерами, когда малый процент вооруженных сил активно участвует в перевороте, больший процент нейтрализован благодаря нашим усилиям и очень небольшой процент «изолирован» благодаря выводу из строя извне его линий связи и транспортных возможностей. Кроме вооруженных сил правительство будут защищать полиция и ее полувоенные формирования, и ниже мы рассмотрим проблему их нейтрализации.

[58] В населенной местности с развитыми структурами гражданских средств связи и высокоразвитой транспортной системой, даже этого процента можно достичь только с очень большим усилием.

Нейтрализация полиции

Флаги и форма вооруженных сил разных государств отличаются друг от друга, но структура и организация обычно очень похожи, так как отражают универсальность современной технологии. Тактическое использование вооружений и вспомогательной техники диктуют определенное единство военной организации, и это позволило нам изучить возможность проникновения в вооруженные силы в обобщающей манере.

Полицейские силы, однако, организованы в соответствии с социальным и политическим условиям общества, которому служат, и поэтому они очень разнятся. Полиция может иметь тяжелое вооружение или не иметь никакого; может быть сконцентрирована в мобильных хорошо вооруженных подразделениях или рассеяна небольшими группами; может находиться под контролем министерства обороны и поэтому иметь военную подготовку и соответствующие взгляды, а может контролироваться местными органами власти, и тогда взгляды ее служащих будут близки взглядам гражданского населения.

Хотя структура полицейских сил столь различна, они похожи друг на друга целями, которым служат: предотвращение и расследование преступлений[59] и поддержание общественного порядка. Криминальная составляющая деятельности полиции требует наличия широкой сети участков, которым помогают специальные подразделения криминальной полиции в больших городах. Поддержание общественного порядка, однако, осуществляется силами отдельных полувоенных формирований или, там, где нет таких частей, с помощью концентрации и соответствующего размещения обычных полицейских, отозванных с основного места работы. Работа полиции также включает в себя элемент разведки. Информацию неформально собирает весь полицейский аппарат вместе со своими информаторами, но обычно есть и специальное подразделение полиции, которое занимается только этим делом. Разведывательный аспект полицейской работы будет эффективно нейтрализован нашими общими усилиями по защите тайны переворота в противостоянии со службами безопасности, что мы рассмотрим ниже.

Полувоенных сил полиции нет в Великобритании, где задача поддержки гражданских властей возложена на армию, но британские вооруженные силы размещены во многих странах. Во Франции, например, есть две полицейские структуры — национальная полиция (*Surete*

[59] Под преступлением понимается нарушение законов государства, а это разные вещи в разных странах — вспомним, например, законы Южной Африки о свободе поселения тех или иных этнических групп и советские законы о печати.

Nationale) и префектуры полиции *(Prefecture de Police)*[60] — но помимо них есть еще и полувоенные полицейские силы, которые обычно действуют как сельская полиция: жандармерия (*Gendarmerie).*

Жандармерия находится под контролем министерства обороны, и ее офицеры включены в состав вооруженных сил, а сотрудники имеют легкую пехотную подготовку наряду с обычной полицейской. Численность жандармерии составляет примерно 63 000 человек. Она организована в группы по департаментам, разбитые на небольшие подразделения в сельской местности и «мобильные группы», объединныеены в большие соединения (легионы — Legions). Мы можем проигнорировать департаментские группы, так как они, вероятно, не смогут вмешаться в события в течение короткого промежутка времени осуществления переворота; но мобильные части, состоящие из семи эскадронов жандармерии на грузовиках и одного бронеэскадрона каждая, представляют собой очень внушительную силу, которую придется нейтрализовать или изолировать.

Сотрудники мобильной жандармерии живут в казармах военного типа и оснащены автоматами и тяжелым пехотным вооружением; их БТР (13-тонные колесные машины с 40-миллиметровой броней) могут быть остановлены только стандартным противотанковым вооружением. Официально жандармерия — в отличие от двух других полицейских структур — не имеет собственного разведывательного подразделения; но во время войны в Алжире был учрежден отдел безопасности, и, как обычно имеет место в бюрократических организациях, он пережил отмирание своей первоначальной функции.

Национальная полиция, которая ведет работу в относительно крупных городах с населением более 10 000 жителей (исключая Париж и его пригороды), состоит в основном из секретных сотрудников (CID men) и рассеянных по местности полицейских, но у нее тоже есть свое полувоенное формирование. Это *Compagnie Ripublicaine de Securite* (республиканские роты безопасности CRS). Они насчитывают примерно 13 500 человек, и их подготовка и вооружение похожи на мобильные части жандармерии, за исключением БТР. CRS состоят из людей, которых тщательно отобрали, руководствуясь политическими мотивами, и эту структуру возглавляет заместитель министра внутренних дел. *У национальной полиции* есть разведывательная служба, которая в основном занимается расследованием особо хитрых видов преступлений, а также есть и контрразведка, которая среди прочего ведет «политическую» работу и наблюдает за иностранцами. Обе разведывательные организации оперируют по всей Фран-

[60] Весной 1968 года *Prefecture de Police* были административно слиты с *Surete.*

ции, включая Париж[61], в отличие от остальных структур *национальной полиции.*

Вся полицейская работа в парижском департаменте Сена (*Department de la Seine)* полностью подчинена префектуре полиции, которая стала знаменитой во всем мире благодаря придуманному писателем Сименоном инспектору Мегре. Институт префектуры оказал влияние на организацию полицейских сил во многих государствах Южной Европы и Ближнего Востока, и этот вид сил французской полиции мы изучим подробнее, чем прочие.

Анатомия полицейских сил на примере Парижской префектуры

Надеемся, что полиция в столице, которая станет ареной переворота, будет менее могущественной, чем описанная ниже сила. Она состоит из примерно 24 000 человек и организована в несколько директоратов, из которых к нам имеют прямое отношение следующие.

а) Муниципальная полиция (Police Municipals) представляет собой самый большой директорат и контролирует всем известных «фликов» в форме, с их в целом символическими пистолетами и широко применяемыми дубинками. Они распределены по двадцатирайонным участкам столицы и по 26 участкам в пригородах; уровень их подготовки и дисциплина сильно улучшился в эпоху Пятой республики, но жестокость еще не делает из них эффективные силы вмешательства. В случае возникновения беспорядков их направляют на место событий в автобусных колоннах гражданского типа, которые можно остановить подходящими блокпостами на дорогах. Их подготовка и менталитет, вероятно, превратят их в «нейтралов», если мы сможем предотвратить их концентрированное применение.

б) Судебная полиция (Police Judiciaire) — парижская секретная служба, один из пионеров в деле научного расследования преступлений. Мы можем игнорировать этот директорат, за исключением случайных разведывательных аспектов его работы,

в) Разведывательная служба, так же как и ее коллеги в национальной полиции, в основном занимается расследованием особо хитроумных видов преступлений: наркотики, порок, азартная игра по-крупному. Но там есть и политическая секция, которая занимается слежкой и наблюдением. Мы рассмотрим ниже оборонительную тактику в отношении подобного рода структур, как и в отношении других органов безопасности.

---

[61] Но в Париже юрисдикция разведки национальной полиции *официально ограничена железнодорожными станциями.*

г) Директорат по делам иностранцев — небольшая группа, занимающаяся главным образом бюрократическими процедурами по выдаче и проверке видов на жительство. Она наблюдает и за транзитерами, то есть иностранцами, следующими через эту страну в другую *(данные, которые вы вносите в карточку при регистрации в отеле, попадают в эту службу)*, и за иностранными общинами. Ее работа затронет нас только в том случае, если мы будем иметь дело с иностранными элементами, в особенности, с иностранными сообществами с опытом политической активности в насильственной форме.

д) Безопасность президента. Этот директорат занимается обеспечением физической защиты президента, но и превентивными разведывательными операциями тоже. После неоднократных угроз покушений со стороны ОАС[62] и близких ей организаций эта секция *полицейской префектуры* была усилена тщательно проверенным персоналом, набранным из всех структур безопасности. Созданная этой организацией система безопасности Елисейского дворца будет серьезным препятствием для его захвата во время переворота.

е) Республиканская гвардия (Garde Ripublicaine). Хотя и контролируется *префектурой, представляет собой часть жандармерии и оснащена легким пехотным вооружением и рядом транспортных средств.* Из ее состава набирается президентская гвардия (этих гвардейцев, на лошадях и в шлемах с плюмажами, можно видеть во время официальных церемоний), но два ее боеспособных мобильных полка — сила, нейтрализация которой будет ключевым фактором успеха переворота.

Существование раздельных структур полицейского аппарата представляет собой одну из проблем при нейтрализации этой составной части механизма безопасности государства. В Британии разделение полицейских сил носит в основном чисто территориальный характер, и его целью является предоставление местным органам власти определенного контроля над полицейскими силами. Но там есть и специализированные подразделения, построенные по функциональному признаку. Помимо сил полиции графств (которые сегодня сводятся в более крупные группы) существуют следующие независимые полицейские силы:

Констебли адмиралтейства — Admiralty constabulary;
Констебли министерства воздушного транспорта — Air Ministry constabulary;

---

[62] ОАС — французская правоэкстремистская организация, выступавшая против предоставления независимости Алжиру. — *Прим. переводчика.*

Констебли ведомства по атомной энергии — Atomic Energy Authority constabulary;
Пять независимых полицейских портовых подразделений — Five independent harbour police forces;
Полиция Британской транспортной комиссии — British Transport Commission police;
Констебли гражданской авиации — Civil aviation constabulary;
Констебли военного министерства — War Department constabulary.

Все эти полицейские силы строго привязаны к объектам, безопасность которых они обеспечивают, но подобные организации в других странах, где бюрократические процедуры подвержены более слабому контролю, показали их значительную способность к росту и разветвлению.

Хотя французская полицейская система является особенно разветвленной, ее основные черты можно встретить в полиции многих африканских, азиатских и ближневосточных стран. Полувоенный характер, как правило, имеют «полевые силы», приданные обычной полиции, или бронированные подразделения. Элементы по контролю над беспорядками обычно присутствуют в ближневосточных полицейских силах в виде специальных подразделений («взводов»), которые могут работать очень эффективно, несмотря на небольшую численность. Там, где, как во многих частях Азии, пришлось столкнуться с повстанческим движением, описанная выше общая организационная структура была нарушена появлением полицейских сил *ad hoc*[63], которые исполняют комбинированную функцию внутренней безопасности и административного контроля. Южный Вьетнам представляет собой экстремальный пример этой тенденции: там есть как минимум пять таких подразделений[64].

Если британская полицейская система характеризуется территориальной организацией, а французская — функциональной, то в Соединенных Штатах разделение полиции носит в целом конституционный характер. За исключением специализированных видов деятельности, закрепленных за полицейскими структурами отдельных федеральных ведомств, только ФБР имеет общегосударственную юрисдикцию, и то лишь в отношении некоторых видов преступлений, определенных

[63] От лат. *ad hoc* — «к этому», «для данного случая», «для этой цели». Способ решения специфической проблемы или задачи, который не адаптируется для решения других задач. — *Прим. ред.*

[64] Региональные силы (около 100 000 человек), народные силы (около 30 000 человек), гражданские группы обороны (примерно 20 000 человек), регулярная полиция и якобы элитные силы полевой полиции.

законом как «федеральные»[65]. Большая часть обычной полицейской работы выполняется полностью независимыми местными силами полиции, которые содержатся на уровне муниципалитетов, графств и штатов. Фрагментация системы означает, что полиция как таковая имеет очень ограниченный потенциал вмешательства в переворот, несмотря на солидные арсеналы оружия и средств связи. Конечно, в США есть еще и Национальная гвардия, но сама ее организация не даст ей реальной способности вмешаться, что показали события лета 1967 года, когда гвардия не смогла эффективно подавить даже не подготовленных специально гражданских лиц.

Таким образом, стратегия переворота в том, что касается работы с полицией в стране, где он готовится переворот, должна быть разделена на следующие составные части.

Полувоенный элемент полиции

Полувоенные силы обычно способны выполнять как военные, так и полицейские функции. Такая многосторонность привела к их быстрому росту, отчасти потому, что это — экономичный способ улучшения системы безопасности в целом, отчасти потому, что на них охотнее выделяются средства, чем на обычную полицию. Общественное мнение или оппозиционные партии зачастую сопротивляются увеличению расходов на бюджет полиции, но не возражают против выделения средств министерству обороны, а полувоенные силы находятся обычно под контролем именно этого ведомства. В новых независимых государствах полувоенные силы могут быть очень серьезным препятствием на пути переворота потому, что если армия часто появляется в процессе постколониального развития, то полиция — и ее полувоенные подразделения — обычно возникают гораздо раньше. Это означает, что полиция может быть *больше* армии и иногда превосходить ее уровнем подготовки и оснащения. В такой ситуации мы, используя ту часть армии, которую привлекли на нашу сторону, не сумеем установить контроль над полувоенными формированиями полиции.

К счастью, правительства новых независимых государств делают все возможное для увеличения численности своих вооруженных сил, и таким образом первоначально неблагоприятный для нас баланс сил между армией и полувоенными формированиями полиции обычно изменяется через несколько лет после достижения независимости. Вероятно, этим отчасти объясняется неожиданный рост числа переворотов в Афри-

[65] Конечно, фрагментация полиции в Соединенных Штатах проистекает из продуманного намерения лишить федеральное правительство возможного инструмента тирании. Однако в настоящее время основное следствие этого — невозможность эффективной полицейской работы. (См. дело «бостонского душителя».)

ке в 1966–1967 годах. Интересно отметить, что если «беспощадное угнетение» со стороны колониальных держав часто осуществлялось средствами сельской полиции с небольшим военным оснащением, то новая «эра свободы» часто требует создания тяжеловооруженных полувоенных полицейских сил[66]. В Гане, например, полицейская система была расширена после обретения независимости в 1957 году, и к уже существовавшей мобильной полиции добавились подразделения БТР; систему связи полиции сделали независимой от гражданских служб, а «эскортная полиция», которая была раньше толпой босоногих дружелюбных неграмотных оборванцев в фесках, превратилась в эффективное подразделение по борьбе с беспорядками.

Если численность полувоенной полиции велика в сравнении с теми частями вооруженных сил, которые мы привлекли к участию в перевороте, необходимо повторить всю процедуру анализа и проникновения. Мы можем даже сконцентрироваться на полувоенной полиции и ограничиться нейтрализацией армии техническими средствами. Но обычно баланс сил между различными государственными средствами подавления не требует этого, и, вероятно, нам удастся *изолировать* полицию с помощью армии на время переворота.

Первый шаг на пути нейтрализации этих сил — установление численности, дислокации и организационной структуры полувоенных полицейских формирований. Это, как правило, легче, чем в случае с армией, потому что, в отличие от последней, полувоенная полиция обычно размещается в постоянных казармах. Далее мы попытаемся выяснить степень ее преданности существующему режиму. Нам не потребуется настолько глубокий анализ, как в случае с армией, поскольку сейчас нужно выяснить только настроения всей структуры в целом, а не ее отдельных представителей. Менталитет полувоенной полиции может быть «бюрократическим», то есть озабоченным сохранением рабочего места и карьерным продвижением — как это имеет место в итальянской *Pubblica Sicurezza* и ее полувоенных формированиях *Celere*; если дело обстоит таким образом, то можно ожидать минимальной степени вмешательства. Но менталитет такого рода формирований может походить и на армейский, т. е. озабоченный лояльностью и честью[67] (наряду с работой и карьерой) или отражать политические связи, как это имеет место в случае с КГБ или «тонтон-макутами» Дювалье[68].

[66] Но см. приложение А.

[67] Конечно, корпоративный менталитет — несколько более сложная вещь, чем то, что схематично описано здесь.

[68] «Тонтон-макуты» — тайная полиция семьи гаитянских диктаторов Дювалье. — *Прим. переводчика.*

Если оснащение, дислокация и менталитет полувоенных полицейских формирований превращают их в силу эффективного вмешательства, нам надо контролировать их так же, как и «ядро твердых лоялистов» (то есть сторонников правительства) в армии (пути и методы насильственной изоляции будут рассмотрены в пятой главе). Но, скорее всего, мы выясним, что полувоенные полицейские формирования представляют собой в целом бюрократическую структуру, и поэтому, несмотря на свой внушительный вид и экипировку, они не будут выступать против инициированного армией переворота. Я не смог найти ни единого случая за последние 20 лет, когда полувоенная полиция защитила бы своих политических руководителей во время переворота, — хотя было несколько случаев, когда она поддержала переворот.

Сельская полиция и жандармерия

Во многих слаборазвитых странах именно этот элемент полиции является самым многочисленным; но неудивительно, если учесть, что большинство населения этих стран проживает в деревнях и занимается сельским хозяйством. Несмотря на большую численность, у сельской полиции и жандармерии практически никогда нет потенциала для вмешательства против переворота. Обычно там служат армейские сержанты в отставке, полностью интегрированные в сельское общество, где живут. Даже если предписания на предмет мобилизации и концентрированного применения этих сил и существуют, вряд ли их можно собрать, экипировать и подготовить для борьбы с нами. Если сельский полицейский представляет собой *garde champêtre* с древним пистолетом с гравировкой *La Lo*, или ближневосточного *Zaptie*, играющего роль деревенского босса, он едва ли сорвется с места, чтобы отправиться в далекую столицу для защиты не менее далекого от него правительства.

Городская и национальная полиция

Несмотря на то, что эта часть полиции обычно гораздо менее рассеяна, чем сельская полиция, ее основные компоненты обычно не более полезны в борьбе против переворота. Персонал городской полиции можно поделить на три широкие категории: а) криминальная полиция и следствие; б) обычное наблюдение; в) дорожная полиция. Службы секретных сотрудников (CID) обычно бывают небольшими и очень бюрократизированными, а поэтому могут быть нами проигнорированы (за исключением их разведывательного компонента)[69]. Полиция в форме, которая выполняет традиционную функцию наблюдения за общественным порядком,

[69] См. следующий раздел, с. 98.

обычно более многочисленна. Она может служить силой для борьбы с беспорядками, но вряд ли выступит против вооруженных оппонентов во время серьезного политического кризиса. Муниципальная полиция, занятая в основном регулированием правил дорожного движения, состоит в основном из людей среднего возраста, находящихся на пороге отставки, и вооружена небольшими ржавыми пистолетами. Есть здесь, однако, и свои исключения. Например, испанская *Policia Armada y del Trdfico,* чей персонал проходит политическую проверку. Она оснащена адекватным транспортом и средствами связи и оттого способна на вмешательство во время крупных политических беспорядков, а возможно, и настроена на него. Детальный анализ полицейских сил страны — мишени для переворота, вероятно, выявит следующую проблему их организационной структуры: после того как мы разделим полицию на «жесткий» и «мягкий» компоненты, мы можем обнаружить достаточно серьезные «жесткие» подразделения в «мягких» элементах структуры .

Наш краткий обзор показал, что лишь небольшая часть полиции сможет выступить против нас и лишь небольшая часть этой части сделает это с энтузиазмом. Естественной желанием полицейских будет «пересидеть» кризис и не подставлять под угрозу свои рабочие места, учитывая возможную смену работодателя. Переворот можно планировать как военную операцию, но он — если, конечно, полностью или частично не потерпит неудачу, — не подразумевает реальных *боевых действий.* Поэтому тот факт, что у полиции нет тяжелого вооружения, не объясняет в фундаментальном смысле ее низкую по сравнению с армией способность вмешательства. Главное различие между армией и полицией — в разной степени интеграции в гражданское общество. Если в армии может развиться корпоративная идеология и менталитет, которые отличаются — или даже противостоят — менталитету гражданского общества, то полиция обычно слишком вовлечена в гражданскую жизнь, чтобы там появилось нечто подобное.

С нашей точки зрения это может быть как преимуществом, так и препятствием. С одной стороны, своеобразие армейской специфики позволяет режиму может сохранить свою популярность в закрытом мире военных казарм, утратив ее в обществе в целом. Не исключено, что это помешает нам привлечь военнослужащих к участию в перевороте, но есть и обратная сторона — возможно, выяснится, что армия настроена решительно против правительства, поддерживаемого большей частью общества. Привлечь на нашу сторону полицейских практически наверняка будет труднее, чем военнослужащих. Во-первых, более низкий уровень дисциплины означает, что если мы привлечем на свою сторону офицера полиции, еще не факт, что с ним пойдут «его люди». Во-вторых, то, что поли-

цейский живет в обычном обществе, означает, что здесь не стоит ожидать эффекта «снежного кома», который в случае с закрытом миром армии привлечет на нашу сторону целые части после ограниченной степени проникновения. Эти факторы — низкая степень возможного вмешательства в переворот, как на нашей стороне, так и против нас, и сложность привлечения — указывают на то, что проникать надо именно в армию, а с полицией можно разобраться и после переворота.

Нейтрализация служб безопасности

Службы безопасности страны — мишени для переворота обычно самые малочисленные из сил профессиональной защиты государства, но зачастую и самые опасные из них. В отличие от армии и полиции, силы безопасности будут активно пытаться выявить и устранить угрозу, исходящие от таких групп, как наша; в отличие от вооруженных сил и полиции их организация, дислокация и персонал обычно не поддаются изучению извне, и мы можем вообще не знать об их существовании. Почти в каждом государстве есть тот или иной вид «секретной службы», а во многих странах — сразу несколько таких организаций, которые оперируют как в пределах, так и за пределами национальной территории. До сих пор мы описывали все эти службы общим термином «органы безопасности». Теперь первой нашей задачей будет идентифицировать их более точно.

Хорошо известно, что бюрократический организм в его естественном состоянии имеет определенные характеристики своего поведения: он растет и распространяет свою сферу действия на новые области до тех пор, пока какая-либо внешняя сила не положит этому предел. Эту роль обычно исполняет финансовая бюрократия, инстинктивно противодействующая росту всех других бюрократических структур. Столь же важно, сколь этот ограничительный фактор, совместное давление отдельных бюрократических структур, каждая из которых борется за сохранение и расширение своей сферы влияния. Кумулятивный эффект этих отдельных сил давления ограничивает до определенной степени рост бюрократии в целом, и, возможно, без этого *все* жители развитых стран сегодня уже были бы служащими государственного бюрократического аппарата.

Эти силы давления слабо выражены или отсутствуют вовсе в случае со службами безопасности. Их бюджеты распределены по нескольким различным министерствам и обычно засекречены, так что о них трудно узнать, не говоря уже о том, чтобы их сократить. Другие бюрократические структуры не могут воспрепятствовать им в проникновении на «свою» территорию, потому что, поскольку силы безопасности действуют тайно, им нельзя вменить в вину чрезмерную активность.

Наконец, тот престиж, которым часто пользуются всякого рода тайные агенты, позволяет им нарушать правила, обязательные для других бюрократов, и работать во всех сферах общественной жизни. Результат такой свободы действий предсказуем: во многих странах службы безопасности росли в более динамичной и беспорядочной манере, чем прочие части бюрократической машины, и обычно имеют дублирующие друг друга сферы деятельности.

Прежде чем начать изучать животных, зоолог классифицирует их и пытается выявить их отношение к уже известным видам. Мы используем такой же ход рассуждений и в функциональном смысле (в целом применимом ко всем странам), и в организационном (специфическим для каждой страны).

Чисто разведывательная функция

Эта функция включает в себя сбор и анализ опубликованной и неопубликованной информации всех видов, что требует владения широким спектром специализированных знаний и задействования множества самых разных организаций. Все это приводит к тому, что данный сектор оказывается самым «переполненным» разными службами безопасности. *Тактические военные сведения* (изучение того, чем занимается потенциальный противник) могут собираться отдельными службами трех видов вооруженных сил; в традиционных морских державах разведка ВМС часто самая многочисленная и развитая служба безопасности. *Стратегическая информация* (что планирует потенциальный противник?) может быть предметом деятельности различных, в том числе и конкурирующих между собой агентств, контролируемых генеральным штабом, министерством обороны и министерством иностранных дел. *Научная информация* может собираться государственным ведомством, отвечающим за «науку» и специализированными учреждениями, отвечающими за отдельные вопросы, например, за атомную энергию, космос и телекоммуникацию. *Экономическая разведка* представляет собой хрестоматийный случай дублирования, когда ведомства, отвечающие за демографию, энергетику и сельское хозяйство, действуют параллельно наряду с той структурой, которая отвечает за экономику в целом. *Политическую разведку* может осуществлять открыто через свою дипломатическую службу ведомство иностранных дел и тайно — специальное агентство.

Функция контрразведки

Эта функция, в которую входит предотвращение описанной выше деятельности, может осуществляться как единым органом, так и специализированными службами. Военные часто имеют свое собственное агентство

такого рода, полиция каждого вида вооруженных сил может заниматься тем же самым. У министерства внутренних дел наверняка есть своя служба по «отлову шпионов», такая, например, как служба безопасности МВД Великобритании (Security Service of the Home Office), а отдельные структуры ведают охраной объектов (но эта функция редко выходит за рамки обычных полицейских мероприятий). С нашей точки зрения, этот сектор является самым важным. Мы можем — если не сумеем сохранить планы переворота в тайне — попасть в поле зрения: а) полицейского агентства, вроде Специальной службы (Special Branch) в Великобритании или ФБР (FBI) в США, б) специальной службы того или иного министерства; в) военной разведки. Многое из нашей работы по планированию и проникновению с виду почти не будет отличаться от того, что делают иностранные разведки, и поэтому мы будем оперировать в сфере, за которой обычно внимательно наблюдает контрразведка.

Функция борьбы со шпионажем

Это функция, требующая особых тонкости и ума. Она включает в себя заранее спланированный контакт с противостоящими разведывательными службами для того, чтобы передать им дезинформацию или чтобы подорвать их организацию. Вряд ли этим занимаются сразу несколько агентств, потому что здесь нужен очень точный контроль над всеми операциями. Такое агентство может быть подразделением упомянутых выше служб, но для эффективной работы ему надо осуществлять ту или иную форму контроля над всеми другими конкурирующими агентствами — особенно над контрразведкой, которая соотносится с борьбой со шпионажем, как мясник с хирургом.

Внутренняя (политическая) безопасность

Для нас очень важна и эта сфера. Ведь забота о внутренней безопасности государства подразумевает предотвращение именно того, что мы намерены сделать: свержения правительства. Во многих странах есть «политическая» полиция, состоящая как из людей в форме, так и из секретных агентов. Она может находиться под контролем как МВД, так и политического руководства страны, либо напрямую, либо как в однопартийных государствах, через партию. В других местах, где есть более или менее развитая демократия, в полиции существует политический департамент, как во Франции, Италии или Западной Германии[70], и его главной задачей

[70] В ФРГ политической контрразведкой занимается специальный орган — Ведомство по охране Конституции, никак не связанный организационно с полицией. — *Прим. переводчика.*

является наблюдение за экстремистскими группами. В странах с военными диктаторскими режимами этим часто занимается военная разведка; в некоторых странах агентство, которое ведает физической охраной высшего руководства, наряду со своей основной функцией предоставления телохранителей может иметь и отдел по сбору информации,.

Внутренняя разведка

Эту функцию осуществляют информационные службы полиции и полувоенные формирования государства. В Италии помимо полиции *(Pubblica Sicurezza)*, у которой есть собственный «политический» отдел, полувоенные формирования карабинеров имеют собственную службу информации (SIFAR), в основном занимающуюся военной контрразведкой, но также работающую и в сфере внутренней политики.

Наше поведение в зарослях этих бюрократических джунглей должно быть чисто оборонительным, если у нас нет прямого канала связи с той или иной службой безопасности. Наличие этого канала обеспечит нам идеальное прикрытие для деятельности. Но, если такого счастья на нашу долю не выпало, мы можем попытаться создать прямой канал связи путем проникновения в какую-либо из служб безопасности. Однако это чревато тем, что сама эта служба использует этот контакт, чтобы проникнуть в *наши* ряды. Это стандартная процедура действий для любой спецслужбы и элементарная оборонительная тактика, используемая в случае провала проникновения в вооруженные силы (отключения связи, односторонней связи и т. д.).

Для того чтобы обеспечить нашу операцию с точки зрения безопасности, нам придется следовать правилам, которые исходят из базовой предпосылки, что *вся* информация о нашей деятельности является в той или иной степени источником опасности, если попадает за пределы нашей узкой группы. Отсюда вытекает стандартный алгоритм действий: а) любую информацию следует передавать только устно; б) информацию надо передавать другим лицам только тогда, когда нет возможности; в) все каналы связи от группы руководства переворотом к его сторонникам должны быть односторонними; г) руководители переворота не должны делать ничего, что могут сделать люди за пределами этой узкой группы.

Эти правила просты и широко известны; проблема в том, чтобы соблюдать их в психологически и эмоционально напряженной атмосфере тайной работы. Рискованнейшим видом нашей деятельности станет поиск и вербовка новых сторонников переворота. Опасность здесь усиливается из-за самой природы секретных служб: во многих странах службы безопасности спрятаны внутри абсолютно неприметных административных органов. Кое-где это отражает управленческую традицию, например,

в Министерстве финансов США, «тайна» существования Секретной службы при котором — едва ли не общественное достояние. Однако в других местах система «департамент внутри департамента» хорошо продумана и изощренно устроена. Поэтому, пытаясь внедриться в «нормальный» с точки зрения безопасности департамент, мы можем обнаружить, что имеем дело с секретной службой. Все, что мы можем сделать, — составить список мест, в которых присутствие и экспансия секретных служб были бы «естественны»: службы картографии и переписи населения; центральный банк и агентство по борьбе с подделкой товарных знаков; департаменты почтовой службы; пресс-службы; департаменты таможни и иммиграции, а также налоговые органы.

Не надо думать, что вся операция непременно полностью провалится, если в наши ряды внедрятся сотрудники секретных служб[71]. Если мы следовали соображениям конспирации, скорее всего, выявлена будет лишь небольшая часть наших действий, а конечная цель останется неустановленной. Даже узнав о планах переворота, служба безопасности может выжидать и не предпринимать каких-либо мер, чтобы затем арестовать *всех* заговорщиков, — и упустить нужный момент. Когда наши подразделения примутся за выполнение конкретных задач переворота, для секретных служб станет слишком поздно противодействовать нам с «информационной» точки зрения, а их боевая мощь незначительна в сравнении с армейскими подразделениями, которые выступят на нашей стороне. Наконец, политические секретные службы по своей природе восприимчивы к политическим тенденциям, и они могут решить присоединиться к заговорщикам, зная, что те хорошо организованы и готовы к захвату власти.

[71] Охранное отделение, царская тайная полиция, была очень эффективной и внедрилась в партию большевиков и другие революционные партии, но не смогла, однако, помешать их революционной деятельности. Роман Малиновский, возглавлявший организацию большевиков внутри России до 1914 года, работал на охранку. Охранка же редактировала «Правду», главный редактор которой был одним из ее агентов. Это впоследствии, на московских процессах 30-х годов, привело к выдвижению старым большевикам обвинений в том, что они всю жизнь были агентами иностранных секретных служб (обычно британской).

4. Планирование государственного переворота

«...Даже баррикады, казалось бы — механический элемент восстания, на самом деле значат гораздо больше, чем боевой дух...»

Лев Давидович Бронштейн (Троцкий)

Ранним утром 23 апреля 1961 года части 1-го парашютного полка Иностранного легиона захватили ключевые пункты города Алжир от имени генералов Шалле, Зеллера, Жуода и Салана. Эти четыре генерала благодаря личному престижу и своей позиции во французской военной иерархии быстро установили контроль над местным военным командованием и начали распространять его на все вооруженные силы в Алжире. В это время правительство де Голля начало переговоры с алжирскими националистами, и генералы были полны решимости заменить де Голля лидером, который продолжит войну в Алжире до победного конца. Вооруженные силы Франции в Алжире были гораздо более мощными, чем те, которые размещались во Франции и в Германии, и четыре генерала были полны надежды, что как только они установят контроль над военными в Алжире, они быстро установят реальный контроль и над французским правительством. Ведь и сам де Голль пришел к власти после похожего эпизода в мае 1958 года, и казалось, что нет серьезных препятствий для успешного повторения подобных событий.

Когда четыре генерала сделали заявление по алжирскому радио, 1-й, 14-й и 18-й колониальные парашютные полки перешли на сторону участников переворота. Несколько пехотных частей, часть морской

пехоты и большинство ВВС остались лояльными де Голлю (точно так же как в мае 1958 года они сохранили лояльность Четвертой республике), но большинство вооруженных сил в Алжире выжидали. Выжидательная тактика обычно идет на пользу перевороту, и когда генерал Анри де Пуильи перевел свою штаб-квартиру из Орана в Тлемсен, чтобы избежать принятия решения о присоединении к перевороту или о борьбе с ним, он играл на руку заговорщикам.

Казалось, четыре генерала находятся на пороге победы. Решительно настроенные французские поселенцы в Алжире стопроцентно были на их стороне. Ударной силой генералов были парашютные полки, большинство прочих вооруженных сил в Алжире либо выступали за них, либо сохраняли нейтралитет. Даже силы, лояльные де Голлю, активно не противодействовали перевороту.

В то время как лидеры переворота укрепляли свои позиции, министр обороны Франции находился с визитом в Марокко; Морис Папон, шеф парижской полиции, был в отпуске; Дебре, премьер-министр и «главный пожарный» режима (то есть специалист по чрезвычайным ситуациям) был болен; сам де Голль принимал находившегося во Франции с визитом президента Сенегала Сенгора. Другие министры совершали поездку по самому Алжиру и были быстро арестованы, вместе с другими представителями президента. Все говорило о быстрой победе переворота, тем не менее через несколько дней генерала Шалле самолетом вывезли в Париж, чтобы предать там суду, Салан и другие бежали в глубинные районы Алжира, спасаясь от ареста и в надежде эмигрировать, а 1-й парашютный полк Иностранного легиона вернулся назад в свои казармы, распевая песню Эдит Пиаф «Я ни о чем не жалею», хотя его офицеры были арестованы, а саму часть готовились расформировать.

Почему переворот провалился? Вероятно, потому, что четыре генерала фатальным образом недооценили «политические силы» и позволили видимой мощи вооруженных сил затмить собой роль, которую они могли бы сыграть, — пусть и менее отчетливую, но в конечном итоге решающую. Во время голлистского переворота в мае 1958 года действия военных и населения города Алжир были поддержаны проникновением сторонников де Голля в органы государственной гражданской службы и постоянной эрозией воли других политических групп, которые могли бы поддержать Четвертую республику. В этот раз генералы попросту проигнорировали гражданских.

Де Голль выступил по телевидению и призвал народ поддержать его: «Француженки и французы, помогите мне!» *Сменивший его на телеэкране* Дебре был более конкретен: «Идите… в аэропорты… переубедите солдат, которых обманули…» Он начал вооружать милицию, состоящую

из членов голлистской партии. Что еще более существенно, профсоюзные организации коммунистов (CGT), христианских демократов (CFTC) и социалистов (Force Ouvriére) сплотились вокруг правительства, и то же самое сделали большинство политических партий. Левое католическое движение стало устраивать сидячие забастовки среди государственных служащих в Алжире. В общем, организованные силы французского общества по большей части вмешались в события и отказались признать власть зачинщиков переворота.

Эффект такого отказа оказался решающим; большинство «выжидательных» элементов вооруженных сил прекратили выжидать и заявили о поддержке де Голля, что и привело к провалу переворота.

Мы сможем избежать повторения фатальной ошибки, сделанной четверкой генералов, только сумев нейтрализовать политические силы столь же эффективно, сколь и военные. Непосредственная политическая власть всегда сконцентрирована в правительстве той или иной страны, но в любой стране и при любой политической системе всегда будут группы вне правительства — и даже вне формальной политики, — у которых тоже есть политическая власть. Источником их силы может быть способность влиять на определенные группы избирателей (в демократических странах) или контроль над организациями, которые играют важную роль в политической жизни страны. Независимо от того, являются ли эти группы, которые мы назвали «политическими силами», группами давления, политическими партиями или иными организациями, суть не меняется. Единственное, что в данном случае важно, — их способность участвовать в формировании правительств, а позднее влиять на его решения. Природа сил, которые важны для политической жизни той или иной страны, будет отражать структуру общества и экономики и зависеть еще и от конкретной схемы принятия решений.

Если нас, к примеру, попросят перечислить наиболее значимые силы в британской политической жизни, мы представим следующий (не очень оригинальный) список:

Две основные политические партии;

Конгресс тред-юнионов и некоторые важные отраслевые профсоюзы;

Конфедерация британской промышленности;

Высшие представители гражданской службы и академического сообщества;

Сити и его учреждения;

СМИ.

Но если нас попросят выделить те группы, которые могут иметь влияние на принятие внешнеполитических решений (скажем, по Ближнему Востоку), список будет иным:

Две крупные британские и частично британские нефтяные компании;
«Арабистская» группа чиновников Министерства иностранных дел (Foreign Office) и ученых (the Foreign Office-academic 'Arabist' group);
Основные организации британских евреев;

Таблица X.
Группы, которые влияют на формирование американской политики по Ближнему Востоку. Формальные и неформальные

Официальные:

— *президент и офис Белого дома*
— *Государственный департамент и Пентагон*
— *ЦРУ (как поставщик информации)*
— *ключевые комитеты Конгресса*

Неофициальные:

а) Нефтяные компании, имеющие интересы на Ближнем Востоке. (Они стремятся защитить и расширить свои интересы и поэтому лоббируют более проарабскую политику.)
б) Нефтяные компании, работающие только в США. (Они выступают за продолжение политики по недопущению иностранных нефтяных фирм на американский рынок и поэтому настроены враждебно по отношению к любому улучшению отношений между США и арабским миром.)
в) Другие энергетические компании. (Они также против любого смягчения нынешнего контроля США над импортом дешевой иностранной нефти.)
г) Политики с большим процентом еврейского населения в их избирательных округах. (Они, естественно, проводят очевидную произраильскую политику во время голосований в Конгрессе и делают соответствующие публичные заявления.)
д) Просионистские организации американских евреев,
е) Американский совет по иудаизму. (Эта организация антисионистская и выступает против произраильских элементов.)
ж) Академические структуры с особым интересом в отношении изучения проблем Ближнего Востока и арабского мира. (Они обычно солидаризируются с мнением арабских стран и пытаются добиться того, чтобы в США к нему прислушивались с сочувствием.

В развитом обществе с его сложной промышленной и социальной структурой есть сотни организаций, которые, вне зависимости от первоначальных целей, выступают как лоббистские группы давления и пытаются так влиять на принятие властью политических решений, чтобы эти решения соответствовали интересам данных групп. Разнонаправленность интересов и установок этих организаций отражает сложность организации общества. В экономически отсталых странах структура общества проще и любой конфликт интересов, каким бы сильным он ни был, разыгрывается на гораздо меньшей арене и с меньшим количеством участников.

В Африке, южнее Сахары, религиозные группы в целом фрагментарны и аполитичны, и там, где местное бизнес-сообщество еще относительно слабо и малочисленно, основные политические силы можно свести к следующим нескольким группировкам:

— племенные и другие этнические группы;
— профсоюзы;
— ассоциации студентов и выпускников вузов;
— чиновники и офицеры вооруженных сил;
— активисты правящей политической партии.

В большинстве стран Западной Африки придется добавить сюда ассоциации местных торговцев, а в непосредственной близости от Сахары — традиционных вождей мусульманских племен. В Азии надо будет включить в список и религиозные группы и их лидеров, а в некоторых странах (Тайване, Таиланде, Южной Корее, Гонконге) важна роль местных предпринимателей. Ни в одном из списков не присутствуют иностранные компании, которые могут играть очень важную и даже доминирующую роль, но являются особым случаем, уже рассмотренным во второй главе. Но какие бы силы ни доминировали на политической сцене страны, выбранной в качестве мишени для переворота, в обычные времена, «особые условия переворота» означают, что только некоторые из них имеют для нас значение в момент совершения переворота.

Политические силы могут воспрепятствовать перевороту двумя путями:

а) мобилизовать и вывести на улицы народные массы или их часть с протестами против нового правительства;
б) манипулировать техническими средствами, находящимися под их контролем, чтобы воспрепятствовать консолидации власти нового режима.

В развитом обществе с его сложной промышленной и социальной структурой есть сотни организаций, которые, вне зависимости от первоначальных целей, выступают как лоббистские группы давления и пытаются так влиять на принятие властью политических решений, чтобы эти решения соответствовали интересам данных групп. Разнонаправленность интересов и установок этих организаций отражает сложность организации общества. В экономически отсталых странах структура общества проще и любой конфликт интересов, каким бы сильным он ни был, разыгрывается на гораздо меньшей арене и с меньшим количеством участников.

В Африке, южнее Сахары, религиозные группы в целом фрагментарны и аполитичны, и там, где местное бизнес-сообщество еще относительно слабо и малочисленно, основные политические силы можно свести к следующим нескольким группировкам:

— племенные и другие этнические группы;
— профсоюзы;
— ассоциации студентов и выпускников вузов;
— чиновники и офицеры вооруженных сил;
— активисты правящей политической партии.

В большинстве стран Западной Африки придется добавить сюда ассоциации местных торговцев, а в непосредственной близости от Сахары — традиционных вождей мусульманских племен. В Азии надо будет включить в список и религиозные группы и их лидеров, а в некоторых странах (Тайване, Таиланде, Южной Корее, Гонконге) важна роль местных предпринимателей. Ни в одном из списков не присутствуют иностранные компании, которые могут играть очень важную и даже доминирующую роль, но являются особым случаем, уже рассмотренным во второй главе. Но какие бы силы ни доминировали на политической сцене страны, выбранной в качестве мишени для переворота, в обычные времена, «особые условия переворота» означают, что только некоторые из них имеют для нас значение в момент совершения переворота.

Политические силы могут воспрепятствовать перевороту двумя путями:

а) мобилизовать и вывести на улицы народные массы или их часть с протестами против нового правительства;
б) манипулировать техническими средствами, находящимися под их контролем, чтобы воспрепятствовать консолидации власти нового режима.

Действия отдельных политических, религиозных, этнических или интеллектуальных лидеров, способных мобилизовать против нас организационные структуры своих партий или сообществ, являются примером первого вида вмешательства; забастовка персонала службы теле- и радиовещания может быть примером второго вида. Всеобщая забастовка, по сути, соединяет в себе оба вида.

Нейтрализация политических сил I: общие соображения

У политики, как и у экономики, есть своя инфраструктура. Для нормального функционирования промышленности и торговли необходимо наличие дорог, портов и источников энергии, реализация прямого политического действия также требует некоторых технических средств. Мобилизация французского общественного мнения, которая имела место во время попытки переворота в Алжире и стала главной причиной его провала, не могла бы произойти без использования целого набора технических средств. Правительство обратилось к общественному мнению через средства массовой информации, в основном через радио и телевидение; профсоюзы и другие организованные силы координировали свою агитацию через свою сеть местных организаций, связанных со штаб-квартирами линиями средств общественной связи. Массовые демонстрации, наконец, также не могли бы состояться без использования частного и общественного транспорта.

Наша *общая* нейтрализация «политических» сил будет происходить, непременно — с помощью влияния на эту инфраструктуру. Мы должны захватить и удерживать эти ресурсы, используя их в своих целях, одновременно выведя из строя на нужный нам срок другие. Если средства транспорта и связи находятся под нашим контролем или просто не функционируют, то потенциальная угроза, которую представляют для нас «политические силы», будет нейтрализована: лидеры прежнего правительства должны быть арестованы, так как они являются частью инфраструктуры и могут стать основными стимулами для воодушевления различных типов противодействиям перевороту[72].

Мы нейтрализуем некоторые политические силы — например, выявив и изолировав их лидеров и дестабилизировав их организации;

[72] Захватив лидеров правительства, мы будем способствовать изоляции тех сегментов армии и полиции, в которые не смогли проникнуть, хотя могут потребоваться и более прямые действия.

это потребуется только в отношении тех сил, которые достаточно упорны и воинственны для того, чтобы выступить против нас, даже если нейтрализована их инфраструктура.

Обе формы нейтрализации потребуют выбора объектов, которые должны быть захвачены или выведены из строя группами[73], сформированными из тех частей государственной машины, которые нам удалось полностью привлечь на свою сторону.

Если наша страна-мишень не слишком мала, а ее физические и политические структуры — не просты до предела, то система организации ее правительства будет сложной, ее техническая инфраструктура — обширной, а ее политические силы — многочисленными, что сделает очень трудным предсказание возможностей и вариантов их вмешательства.

Таким образом, мы начнем с анализа руководства правительства, чтобы выявить тех людей, которых придется изолировать на время активной фазы переворота, и тех, кого можно без угрозы для дела проигнорировать. Затем мы изучим физические объекты и выберем те из них, которые могут иметь значение во время переворота, для того чтобы спланировать их захват или нейтрализацию. Наконец, мы изучим возможную природу тех политических сил, которые все равно сохранят ту или иную степень способности к вмешательству после того, как будут осуществлены наши *общие* меры, — чтобы подготовить их индивидуальную нейтрализацию.

Члены правительства

Каким бы бескровным ни был наш переворот, какими бы прогрессивными и либеральными — наши цели, нам все равно придется арестовать некоторых людей во время и сразу после переворота. Из них самую важную группу будут составлять ведущие фигуры прежнего режима, то есть лидеры правительства и их ближайшие соратники, независимо от того, являются ли они формально политиками или нет. Члены кабинета министров обычно представляют собой большую группу от 10 до 50 человек; и, прибавив их помощников и близких советников — которые могут организовать оппозицию против нас, — мы получим группу численностью в пять раз больше. Помимо того, что эта группа имеет неудобно большие размеры, она наиболее решительно настроенную и опасную группу. Личный престиж и авторитет членов этой группы дают им

[73] Природа и состав активных групп (команд) переворота описываются в Приложении Б.

возможность собрать против нас дезорганизованные силы государства или неорганизованные массы: это может позволить им навязать свою волю команде, посланной для того, чтобы арестовать их, и превратить ее членов из потенциальных захватчиков — в их союзников. Например, сержанты французской армии в Алжире рассматривали генерала Шалле как своего патрона, и даже после полного провала попытки переворота правительство в Париже не решалось доверить военному конвою сопровождение Шалле во Францию. Правительству пришлось использовать для этих целей CRS[74], где у генерала никогда не было личного авторитета.

В любом случае, если молодой солдат, действующий за пределами своей привычной роли, встречается лицом к лицу с видным политическим деятелем, чье поведение пропитано привычкой «заставить людей себе подчиняться», то трудно быть абсолютно уверенным в том, что этот солдат выполнит то, что ему было приказано, а не контрприказы, данные именитым политиком.

Большое количество объектов, а также то обстоятельство, что некоторые из них «излучают» популярность, указывает нам, что высылаемые для ареста политических и военных лидеров команды должны быть как достаточно многочисленны, так и особенно тщательно подобраны. Поскольку наши ресурсы будут ограничены, придется сконцентрировать усилия на самых важных фигурах внутри этой группы, оставляя других «на потом», когда наши ряды возрастут за счет «выжидающих» элементов. Мы не можем арестовать всех, кто представляет потенциальную опасность, но обязаны арестовать реально опасных для нас людей, то есть ключевые фигуры в руководстве страны, не важно, значатся ли они или нет первыми в официальном «табеле о рангах».

Формализованная структура правительства распадается на две широкие категории (проиллюстрированные в *Таблице X*): структуры «президентского» типа, где власть и право принимать решения находятся в руках главы государства (как, например, в США, Франции и большинстве афро-азиатских стран), и структуры «премьер-министерские», где глава государства имеет чисто символические или церемониальные полномочия, а реальный процесс принятия решений происходит на теоретически более низком уровне (как в Британии, Индии и в большей части Европы, а также в СССР).

Третья альтернативная форма — вовсе не структура, а скорее ее отрицание — форма правительства в виде «сильного человека».

---

[74] *Compagnies Rtpublicaines de Sicurili* — часть полиции за пределами военного сообщества.

Таблица XI.
Альтернативные формы правительства

Президентская		
Реальный уровень принятия решений:	Король Президент Император Правитель	Англия XVII века США XX века Эфиопия XX века Кувейт XX века
Премьер-министр (или главный министр) Министерский уровень Заместители министров и гражданская государственная служба		
Премьер-министерская		
Церемониальный глава государства	Король Президент	Бельгия Италия
Реальный уровень принятия решений	Премьер-министр Председатель Совета министров	Соединенное Королевство Италия
Министры кабинета Младшие министры Высшие чиновники		

«Сильный человек» может не быть главным министром и вообще не занимать никакого поста, но на самом деле правит именно он, используя формальный политический орган как ширму. Этот тип режима возникает тогда, когда структура государства ослаблена до такой степени, что только реальный лидер части вооруженных сил или полиции способен контролировать ситуацию и оставаться у власти. Если такая личность хотя бы минимально воспринимается как политический лидер, она может занять и официальные посты и сделать себя видимым главой правительства. Гамаль Абдель Насер в Египте и шах Реза в Иране (отец нынешнего шаха Ирана) сделали именно это после короткого переходного периода, но иногда религиозные или расовые причины не дают «сильному человеку» занять официальный пост. Человек, который контролирует штыки, может быть абсолютно неприемлемой публичной фигурой, но по-прежнему управлять косвенно, манипулируя официальными лидерами, которых держит в руках, угрожая применением силы.

Когда в начале 1966 года сирийское правительство умеренного крыла партии БААС во главе с Мишелем Афлаком, Салехом Битаром и армейским вождем Хафизом было свергнуто крайне левой фракцией партии, новое руководство выяснило, что оно, хотя и контролирует армию и страну, не может править открыто. Армейские офицеры, которые возглавили этот переворот, были слишком молоды, неизвестны, а главное — были ала-

витами. Их лидер Салех Джадид, темная фигура, вызывал страх и ненависть среди той малой части общества, где его знали. Из всех сообществ Сирии алавиты являются одним из наименее престижных. В колониальные времена французы набирали большую часть своих репрессивных сил — *Troupes speciales du Levan* — из меньшинств, в основном именно алавитов, и дали алавитам в северной Сирии своего рода автономию, чтобы — как утверждали националисты — подорвать сирийское национальное единство. После обретения независимости суннитское большинство считало алавитов предателями, и общественное мнение с трудом могло представить себе алавита в роли главы государства.

Салех Джадид справился с проблемой, подобрав и назначив такой состав кабинета министров, который отражал баланс различных сообществ, и при этом оставив реальные полномочия по приятию решений в руках другого органа — «Национального революционного совета», который он сам и возглавил. Таким образом, хотя в Сирии есть президент (Нуреддин Атасси), премьер-министр (Юсуф Звайин) и министр иностранных дел (Ибрагим Макхус), все важные политические решения принимаются Джадидом; министры совершают государственные визиты, произносят публичные речи и появляются на различных церемониях, но власть не в их руках.

Правительство «социалистических стран» формально является партийным правительство, но обычно распадается на два вида. В первоначальной форме реальная политическая власть здесь сконцентрирована в руках центрального комитета или другого высшего органа партии, что отображено на Схеме I.

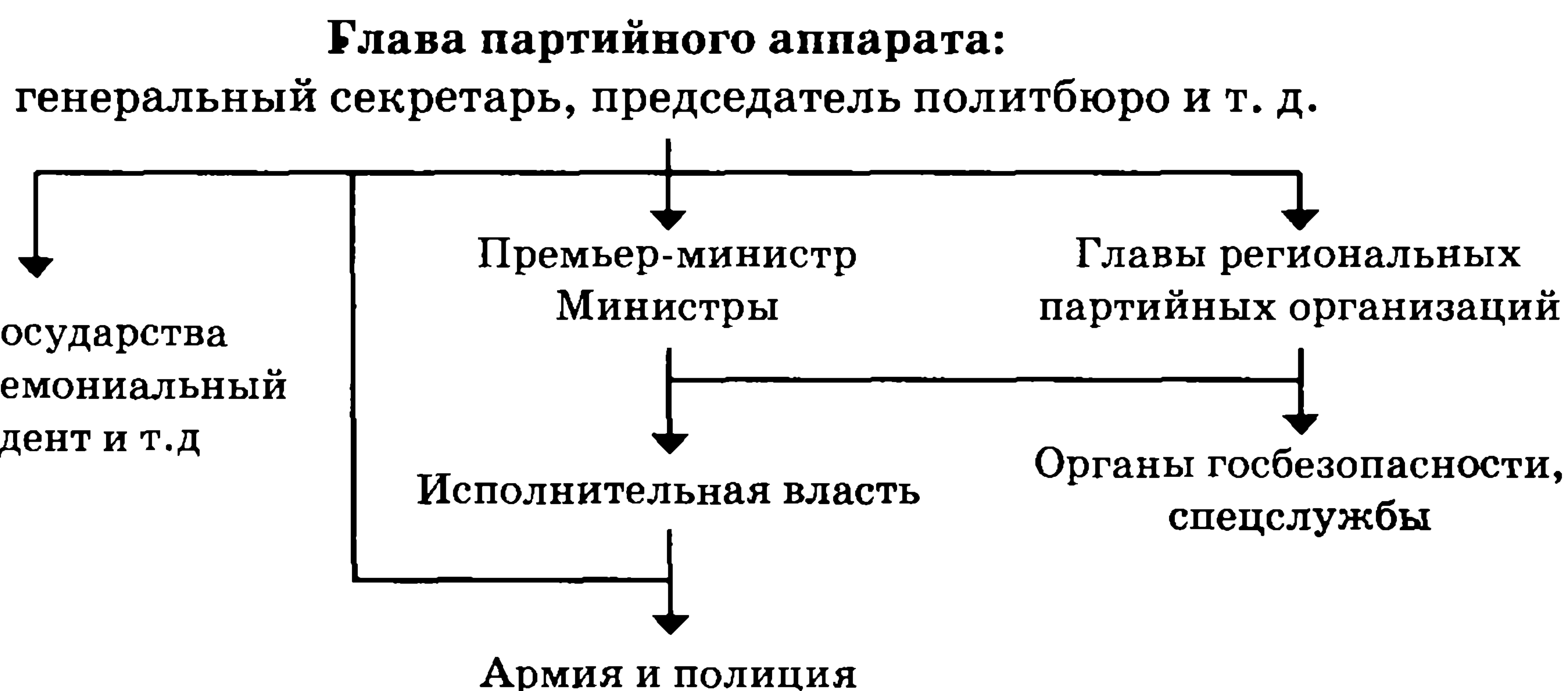
Как только нами будут исключены чисто церемониальные фигуры, количество людей, которыми все же придется заняться, сильно сократится, и, используя наш временной критерий, мы можем сократить его еще больше. Министр экономического планирования может быть ключевой фигурой правительства, а его позиция как технократа — незыблемой, но, вероятно, он не в состоянии мобилизовать против нас общественное мнение или установить контроль над вооруженными силами. Драматическая природа переворота может сократить политическую жизнь до ее конечной логической основы — голой силы, и мы сконцентрируемся на тех фигурах в правительстве, которые способны ее применить.

Такими лицами наверняка являются:

а) министр внутренних дел и его помощники (те, кто контролирует силы полиции);
б) министр обороны и его помощники (те, кто контролирует вооруженные силы);

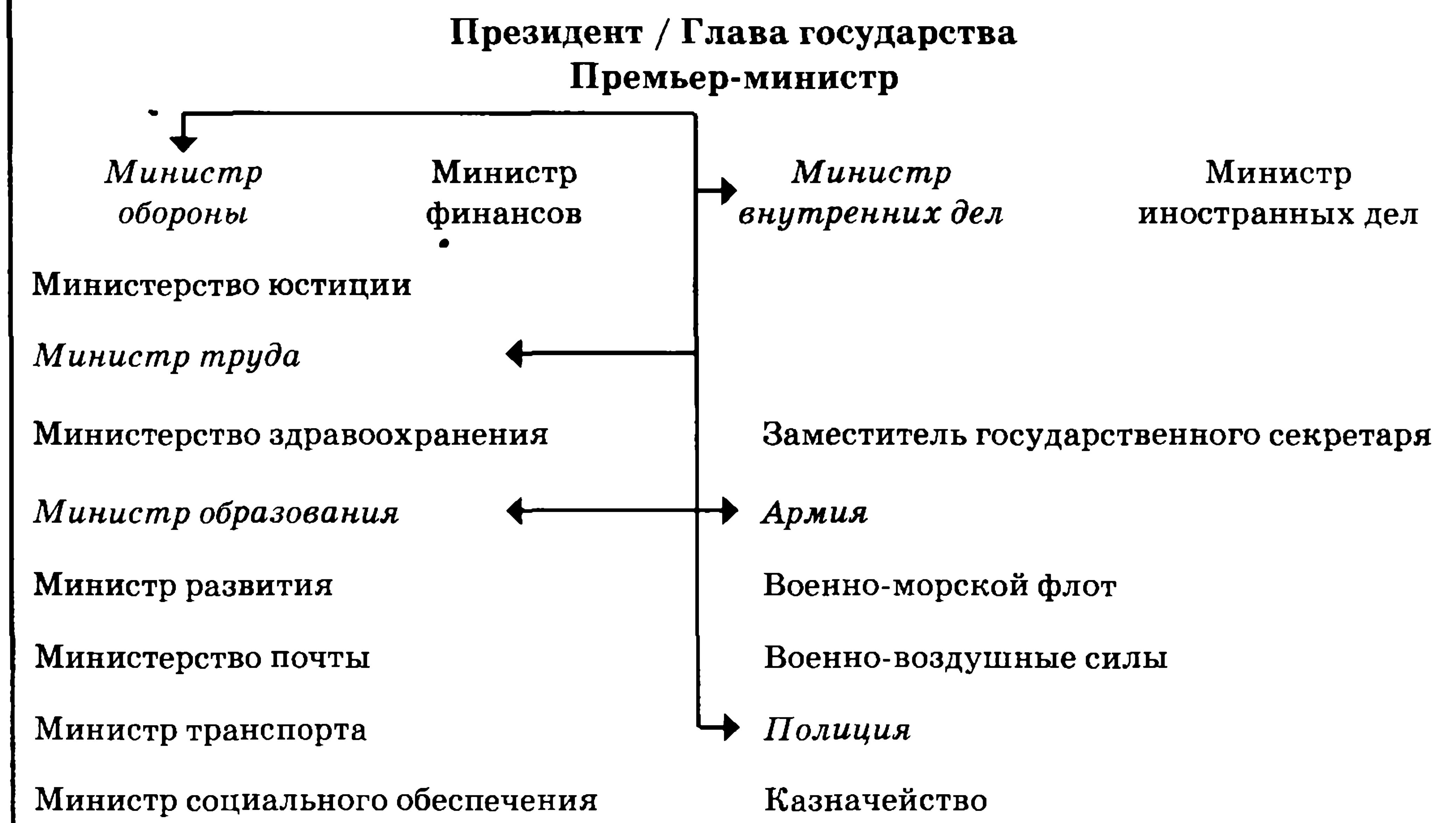
в) лидеры партий (если существует партийная милиция);
г) премьер-министр или иная центральная фигура (тот, кто координирует их всех).

Схема I. **Альтернативные формы правительства.**
Партийное правительство
в «социалистических странах» и «народных республиках»

Мы должны помнить, что в силу разных причин фигуры в правительстве могут быть на самом деле не тем, чем они кажутся. Иногда оказывается, что формально безобидный министр образования контролирует важную студенческую милицию, а министр труда — мощную рабочую милицию. Еще важнее то, что реальная власть может находиться в руках отдельной группы министров, которые совместно контролируют силы государственного принуждения и подавления. Например, правительство Чехословакии в период между выборами мая 1946 года и окончательным захватом власти коммунистами в феврале 1948-го было коалицией всех «демократических» партий», но министры-коммунисты внутри его монополизировали все реальные рычаги власти путем контроля средств принуждения. Существование группы соратников, союз которых выходит за рамки формального состава правительства, показан на Схеме II. В этом конкретном случае из примерно 18 членов правительства внутренний узкий круг, который реально держит в своих руках рычаги власти, образуют премьер-министр, министры обороны, труда, образования и заместители министров по армии и полиции.

Таким образом, описываемый процесс отбора потенциально опасных для переворота людей должен вылиться в классификацию деятелей прежнего режима по трем категориям.

Церемониальные фигуры

Их не надо подвергать аресту. Популярного среди населения главу государства нужно использовать как символ преемственности, который поможет нам основать собственную легитимность, — если, конечно, можно безопасно манипулировать им и заставить его играть эту роль. Другие, менее важные церемониальные фигуры, вероятно, стоит просто проигнорировать.

«Внутренний круг» и те, кто контролирует силы подавления

Эту небольшую группу надо арестовать и держать в изоляции до тех пор, пока мы прочно не возьмем власть в свои руки. Помимо отраслевых министров в эту категорию входит любой лидер правительства, который пользуется популярностью.

Другие министры и высшие чиновники

Эта обширная группа должна быть поделена на подгруппы с разной степенью приоритетности и распределена по описанным выше категориям, как только наши силы умножатся или высвободятся после выполнения других задач.

Влиятельные личности вне правительства

Политический вес той или иной личности в масштабном политическом сообществе важен только в рамках организации, которую этот человек возглавляет или которой манипулирует. Правда, иногда человек может достичь определенного политического значения, когда его личность ассоциируется с идеологией или поведением, авторитетными для большой части общественности. Кошут, лидер венгерского национального движения в революции 1848–1849 годов был поэтом по роду занятий, за его спиной не было никакого партийного аппарата, но обладал серьезной властью, так как массы (по крайней мере, в городах) идентифицировали его с венгерским национализмом. Махатма Ганди, который действовал в основном за пределами партийной машины в Индийском национальном конгрессе, также достиг личной власти, так как для многих индийцев был олицетворением национализма. Временная и географическая отдаленность этих примеров от нас и друг от друга показывают, что такие фигуры очень редки, и если они окажутся в стране-мишени, нам надо обращаться с ними как с церемониальными фигурами.

Физические объекты

СМИ

Контроль над потоком информации, исходящим из политического центра, станет нашим важным оружием при укреплении нашей власти после переворота. Поэтому захват основных СМИ будет задачей ключевой важности. Одной, хотя и не единственной, причиной провала контрпереворота, осуществленного греческим королем в конце 1967 года, была его неспособность обратиться к народным массам, в буквальном и иных смыслах. Обращения короля по радио города Лариса смогли достичь только небольшой части населения: передатчик был слабым, а длина волны — необычной для слушателей; вместо того, чтобы прозвучать как воззвание, декларация приняла форму призыва о помощи. Нам надо избежать подобной ошибки.

Ввиду короткого времени, за которое свершится переворот, а также из-за вероятного наличия особого «социального фона» в стране-мишени пресса не будет нашей главной целью; мы подчиним ее себе после переворота, как и другие аспекты национальной жизни. Пресса может играть только маргинальную роль в странах, где изрядная часть населения не владеет грамотой, к тому же радио- и телевещание в таких странах

обычно ассоциируются с голосом правительства. Примерные сравнительные данные по арабскому миру из *Таблицы XII* иллюстрируют важность отдельных СМИ в одной из частей «третьего мира».

Таблица XII.
СМИ. На Ближнем Востоке и в Африке в середине 1967 года[75]

Тираж ежедневных газет (оценка)	*1,500,000*
Количество телевизоров (оценка)	*1,000,000*
Количество радиоприемников (оценка)	*7,000,000*

Эта статистика преуменьшает роль радио и телевидения, так как влияние прессы лучше оценивать по уровню «циркулирования», то есть по количеству людей, услышавших новость, нежели по количеству проданных экземпляров. Радио и телевидение могут достичь более широкой аудитории даже среди бедных слоев населения, так как телевизор или радиоприемник имеются в любом кафе.

С нашей точки зрения радио и телевидение представляют две проблемы: а) обычно телекомпании и их вспомогательные службы многочисленны; б) их особенно трудно захватить. В некоторых странах с напряженным внутренним положением правительственное радио серьезно охраняют, но даже там, где этого нет, здания радиостанций захватить сложно, потому что у персонала этих СМИ есть уникальные средства, чтобы забить тревогу. Что касается возможности дублирования захваченных радиостанций, то даже на Гаити, очень маленькой и очень отсталой стране, есть восемнадцать разных радиостанций, контролируемых независимыми сетями. Наша цель — не просто контроль, а монополизация информационных потоков, и поэтому нам придется заняться каждым+ отдельным объектом СМИ. Это окажется непростым делом и приведет к распылению наших сил, если мы попытаемся захватить и удержать все объекты СМИ. Поэтому наша стратегия будет состоять в том, чтобы захватить и удержать только один объект, который больше всего ассоциируется с голосом власти, одновременно нейтрализуя другие. Лучше всего сделать это с помощью технических специалистов из персонала данных объектов СМИ, которые смогут саботировать работу объекта изнутри. Всего один привлеченный к сотрудничеству техник сможет вывести из строя радиостанцию, на захват которой потребовался бы целый ударный отряд.

[75] Данные получены из Orbis Yearbook и National Publications.

Если нам не удастся найти саботажника на самом объекте, альтернативой может быть внешний саботаж. Нет необходимости производить масштабные разрушения, так как обычно достаточно удалить или разрушить маленькую, но ключевую часть передатчика (передатчиков), чтобы эффективно нейтрализовать весь объект. Один из вещательных объектов, который нам все равно придется захватить и удержать, представляет собой особую проблему: с одной стороны, нам без него не обойтись; с другой стороны, так как этот объект — явная мишень, правительственные силы в любом случае попытаются отбить его. Это означает, что команда, которую мы пошлем на захват, должна иметь адекватную численность и оснащение и, чтобы избежать необходимости полагаться во всем на персонал, должна иметь в своем составе и технических специалистов. (В Приложении Б, посвященном военным аспектам переворота, подробно рассматривается состав отдельных групп.)

Телекоммуникация

Технический прогресс работает на нас, так как связь между нашими различными группами может осуществляться с помощью дешевых и надежных переносных радиостанций двусторонней связи, которые сейчас можно достать везде. Мы должны, однако, лишить оппозицию возможности пользоваться своими проводными системами связи. Сделав это, мы парализуем реакцию оппозиции и помешаем ей мобилизовать против нас силы, все еще находящиеся под ее контролем. Как показывает Схема III, нейтрализация средств телекоммуникации будет осложнена их многочисленностью и взаимозаменяемостью, и здесь надо обязательно добиться полного охвата. Переворот левых эсеров против большевиков в июле 1918 года провалился частично потому, что его организаторы не осознали необходимости монополизации всех средств телекоммуникации. Левые эсеры проникли в ЧК, главный инструмент большевистской власти, и различные армейские подразделения; с их помощью они арестовали главу ЧК Дзержинского, захватили несколько общественных зданий и московский телеграф. Однако они не смогли захватить телефонную станцию, и в то время как они рассылали с телеграфа по всей России сообщения с просьбой оказать им политическую поддержку, Ленин использовал телефонную связь, чтобы мобилизовать свои боевые силы, с помощью которых переворот был быстро подавлен.

Органы внутренней безопасности понимают важность бесперебойной связи, и помимо объектов, изображенных в диаграмме на с. 119, могут быть и специальные сети связи, доступные только силам безопасности. У французской жандармерии есть система региональных сетей

связи, не связанная с общественной телефонной и кабельной сетью, и даже в таких небольших странах, как Гана, полиция может обладать полностью независимой системой связи (см. *Таблицу XIII*).

Таблица XIII.
Средства политической телекоммуникации в Гане

63 телефонных станций беспроводной связи, как высокочастотной, так и в частотах VHF
Шесть мобильных радиостанций двойного назначения
Много переносных радиотелефонов

В США нет общенациональных сетей полицейской связи, но Министерство обороны имеет в своем распоряжении общенациональную и международную систему, которая является самой большой сетью в мире и связывает между собой все американские военные объекты на планете.

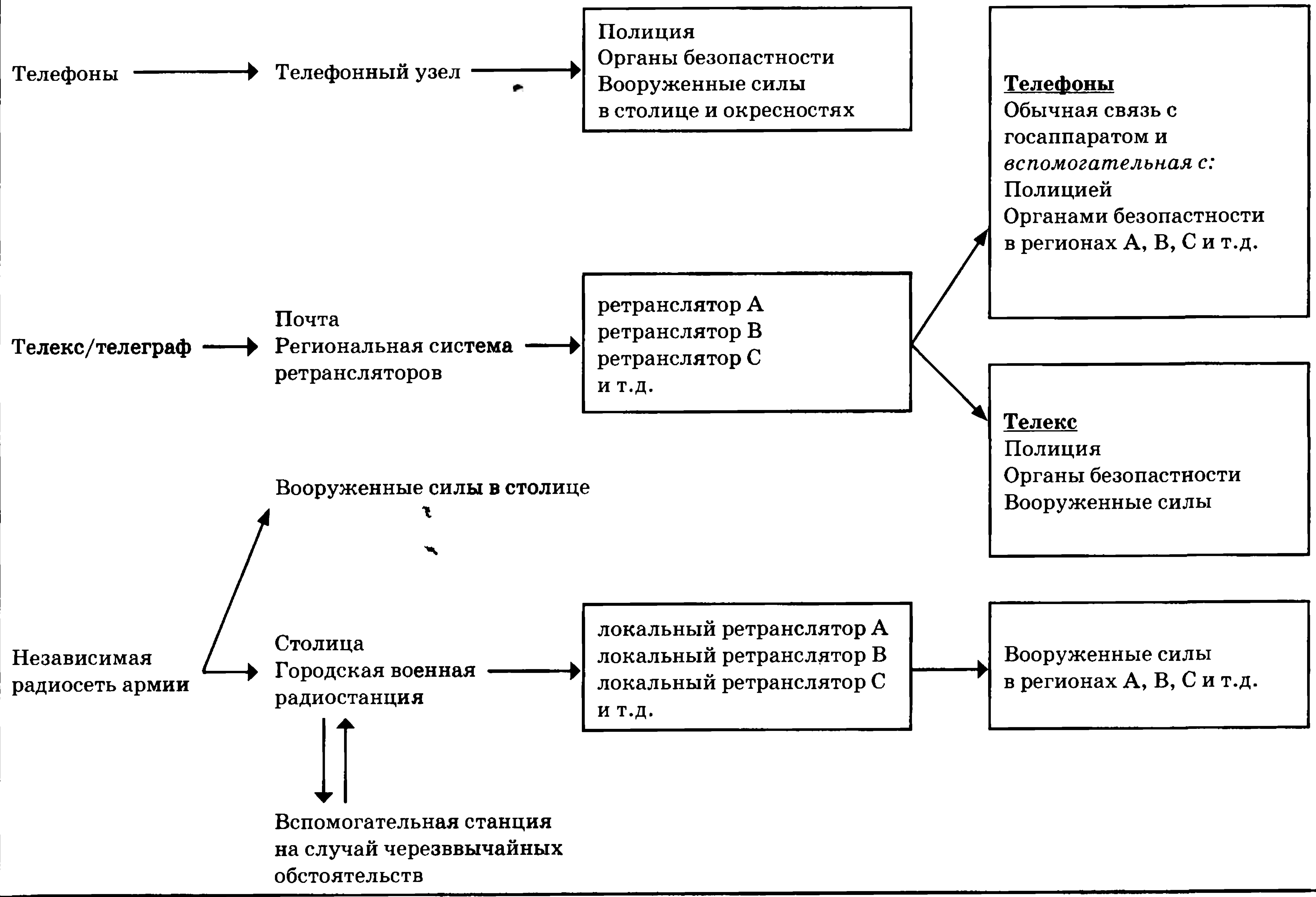
Конечно, мы не можем рассчитывать на то, чтобы захватить все устройства двусторонней связи, находящиеся в руках полиции и военных властей, но должны нейтрализовать внутренним и внешним саботажем те объекты[76], которые нам удастся выявить и локализовать. Нет необходимости захватывать и удерживать все эти объекты, поэтому нужно проникнуть в центральную организацию каждой коммуникационной системы на короткий период, достаточный для проведения саботажа ее работы, хотя, повторимся, *внутренний* саботаж был бы более легок и надежен.

Транспортные коммуникации, обеспечивающие въезд в город и выезд из него

Во время активной фазы переворота неожиданное прибытие даже небольшого контингента поддерживающих правительство или не привлеченных на нашу сторону сил может поставить под серьезную угрозу все начинание. Если правительство выяснит, что часть его собственных вооруженных сил зайдействована в перевороте в столице, его логичной реакцией будет призыв к войскам, размещенным в других местах, в надежде на то, что заговорщики смогли привлечь к перевороту только части столичного гарнизона. Так как весьма трудно проникнуть во все части на территории страны, надежда правительства может оказаться обоснованной. Мы атакуем механизм, который может привести к прибытию

[76] Стандартным путем нейтрализации какого-либо объекта, зависящего от электроснабжения, является подрыв небольших зарядов пластида на линиях электропередачи, связывающих этот объект с электростанцией (или автономным генератором при наличии последнего). К этим линиям обычно несложно подобраться снаружи.

Схема III. Средства телекоммуникации в распоряжении правительства

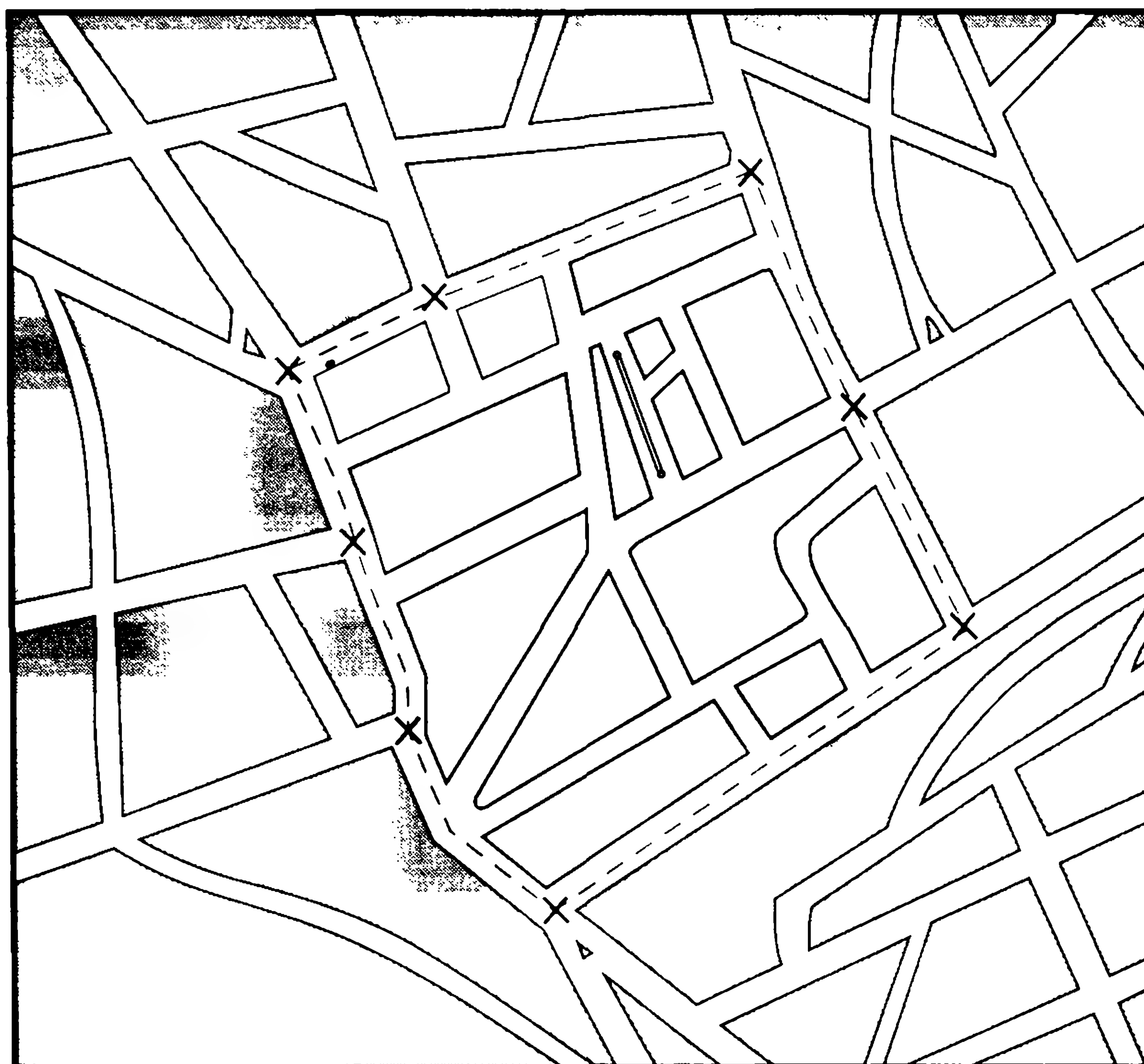

верных правительству сил в столицу на каждом его уровне: мы арестуем тех, кто мог бы призвать их на помощь, мы нарушим линии связи, необходимые, чтобы установить с ними контакт, и попытаемся изолировать верные правительству силы с помощью прямых (хотя и чисто оборонительных) военных мер. Мы также должны предотвратить вмешательство этих сил с помощью контроля над последним уровнем: периметром столицы, где совершается переворот.

Если верные правительству силы хотят успеть вмешаться вовремя, им придется выдвинуться очень быстро, а это потребует использования либо одной из основных дорог, либо воздушного транспорта.

Создав эффективные оборонительные блокпосты в подходящих местах, мы сможем воспрепятствовать проникновению верных правительству сил в столицу на то короткое время, которое нужно нам для того, чтобы взять в свои руки правительственную власть и получить заверения в лояльности от основной части вооруженных сил и бюрократического аппарата. Таким образом, к тому моменту, когда силы вмешательства достигнут места совершения переворота, *уже они* превратятся в изолированную группу повстанцев. Наиболее подходящие для возведения блокпостов места, которые можно удерживать небольшими силами и ограниченным вооружением, а также технология необходимая для такого рода действий, рассматриваются в Приложении Б и в пятой главе, где мы описываем прямую нейтрализацию верных правительству сил. Схема IV иллюстрирует места, которые будут выбраны в конкретном вымышленном примере. Но наш контроль над физическим доступом в столицу послужит и другим целям. Это будет одним из путей публичной демонстрации физического присутствия нового режима, а также предотвратит бегство лидеров правительства и других лиц, которых мы не сможем арестовать. Одна из опасностей, с которыми мы, вероятно, столкнемся, — то, что оппозиция активизируется, если какой-либо из важных фигур правительства удастся бежать из столицы и присоединиться к верным правительству силам за ее пределами. В этом случае все усилия, которые мы предприняли с целью нейтрализации таких сил внутренними мерами и путем создания помех для их транспортных и коммуникационных возможностей, могут пойти насмарку. Если верные правительству силам и не удастся достичь столицы, у политических лидеров появится шанс добраться до этих сил. Не факт, что средств, имеющихся в нашем распоряжении, хватит для того, чтобы надежно прикрыть всю столицу, хотя многое, конечно, будет зависеть от ее местонахождения и площади. Город Бразилиа, хотя и открыт со всех сторон, может быть легко блокирован, если попросту закрыть аэропорт, так как наземные коммуникации недостаточны мощны для быстрого продвижения войск из других райо-

Схема IV. **«Физические» цели организаторов переворота»**

– – – – – — *периметр, внутри которого ударные силы переворота могут безопасно оперировать,*

× — *блокпосты.*

нов страны. А Хельсинки — очень удобный для переворота город, потому что, хотя он и не отдален от других районов страны, но окружен морем и озером, и блокирование нескольких дорог сможет эффективно отрезать его от внешнего мира.

Центральные узлы уличного дорожного движения

Танки на главных площадях столицы стали символом переворота[77], но эта картина отражает и вполне практическую необходимость продемонстрировать физическое присутствие нового режима в центре политической активности. В любой столице есть место, где располагаются здания наподобие Уайтхолла в Великобритании или Капитолия в США.

[77] Танки на главной площади характерны для ближневосточного или латиноамериканского, но не африканского военного переворота. У многих африканских стран вообще нет танков.

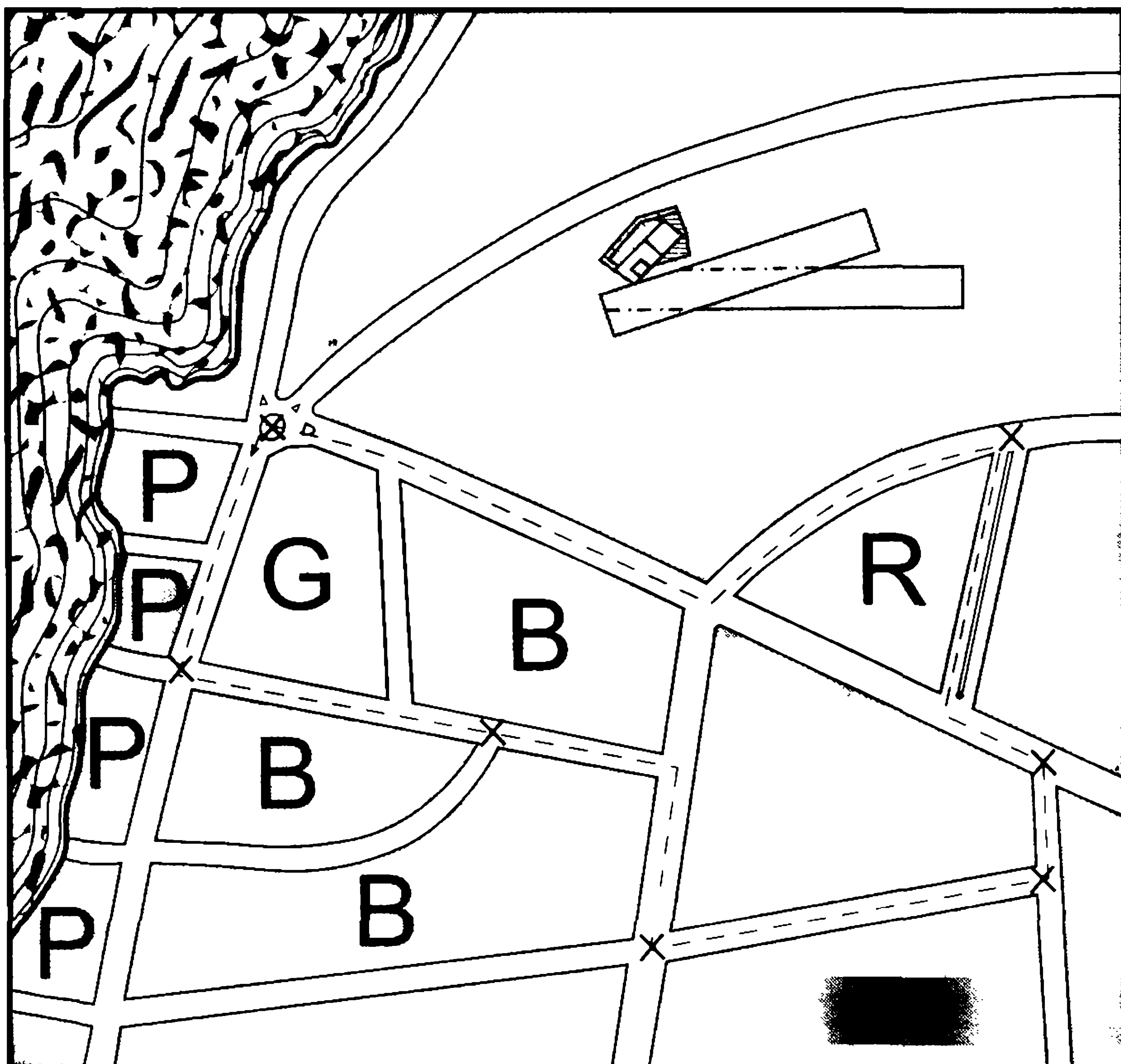
В этом же месте или неподалеку от него сконцентрированы политико-административные учреждения. Мы выберем и будем защищать определенные позиции вокруг и внутри этой зоны. Сделав это, мы добьемся сразу нескольких целей: а) наши позиции образуют кольцо вокруг наших активных ударных подразделений, и тем самым они будут защищены от любых враждебных сил, которые могут проникнуть в столицу; б) эти позиции поспособствуют росту нашего авторитета, демонстрируя видимые доказательства нашей мощи; в) они будут фильтровать поток движения в окруженную зону и из нее, давая нам возможность задержать тех, кого не удалось арестовать сразу.

Для достижения всех этих целей наши блокпосты должны быть сильными сами по себе, так как в противном случае они могут спровоцировать верные правительству силы на контратаку. Если нам удастся сформировать много команд, но малочисленных, они не сумеют эффективно фильтровать движение отдельных лиц. Поэтому искушения заблокировать все дороги любыми блокпостами, пусть и слабыми, следует избежать. И так как мы сможем надежно закрыть только несколько возможных точек, важно отобрать их с особой тщательностью. Главные точки уличного движения в прибрежном городе или городе, где протекает река, отобрать легче, — там столица имеет в плане четко очерченную форму,,и все движение происходит в ее пределах. Это показано на Схеме V. В любом случае центр политической и бюрократической активности наверняка хорошо известен местным жителям, поэтому надо только выбрать периметр из прямых и достаточно широких улиц, на пересечении которых мы установим свои блокпосты (авеню и бульвары Парижа идеальны с этой точки зрения).

Аэропорты и другие транспортные сооружения

Один из классических шагов сразу после начала переворота — закрытие аэропортов и отмена всех авиарейсов. Это часть общей тактики, которая направлена на «замораживание» ситуации и предотвращение неконтролируемого перемещения лиц и информации. Будут достигнуты и иные, более частные цели: закрыв аэропорт, мы предотвратим бегство тех лидеров правительства, которых не смогли арестовать. Мы также предотвратим выдвижение в столицу сил, верных правительству. Из-за того, что переворот совершается за короткий период времени, воздушный транспорт имеет очень большое значение; сторонники, прибывшие через аэропорт в столицу, дадут шанс изменить баланс сил в свою пользу либо нам, либо правительству. Вероятно, перебросить по воздуху удастся лишь небольшой контингент бойцов, но в контексте хрупкого баланса сил в активной фазе переворота он может сыграть решающую роль.

Схема V. **Физические цели в прибрежном городе**

X = *блок-пост в ключевых точках уличного движения на въезде в город*

P = *плотно населенный прибрежный район*

B = *смешанные жилые кварталы*

G = *правительственные, административные и иные общественные здания*

R = *резиденции лидеров правительства*

– – – – – = *Периметр, внутри которого ударные группы переворота могут действовать без угрозы извне*

Однако воздушный транспорт крайне уязвим, так как сильно зависит от наличия достаточно длинных свободных взлетно-посадочных полос; поэтому, в свою очередь, излишней зависимости от него нам следует по возможности избегать. В той степени, в какой мы сумеем обойтись без прибывающей по воздуху поддержки, нужно предотвратить использование всех аэропортов в столице и вокруг нее. Аэропорты — и военные, и все остальные — наверняка будут тщательно охранять. Это может оказаться серьезным препятствием, если правительство по-прежнему контролирует значительные вооруженные силы за пределами столицы и располагает транспортными самолетами для их доставки в столицу. Захват охраняемого аэродрома будет, конечно, непростой задачей, но воспрепятствовать его использованию гораздо проще. Нескольких грузовиков, размещенных на взлетной полосе либо тайно, либо при поддержке изнутри аэропорта и «прикрытых» небольшими группами с оружием, чтобы предотвратить их удаление с поля, достаточно, чтобы нейтрализовать целый аэропорт. Несколько предупредительных выстрелов с подходящих позиций также могут предотвратить посадку любого самолета в аэропорту.

Другие формы организованного транспорта вряд ли будут иметь значение в современных условиях. Во многих развивающихся странах железные дороги играют маргинальную роль в транспортной инфраструктуре. Но даже там, где они важны с экономической точки зрения, они зачастую удалены от крупных населенных пунктов, потому что изначально их строили для соединения месторождений полезных ископаемых и плантаций с глубоководным портом; эти пути служили задачам колониальной экономики, а не связующим звеном между населенными пунктами. В Европе и тех частях Латинской Америки, где дело обстоит иначе, железные дороги ввиду временного фактора все равно не важны с нашей точки зрения. В любом случае нейтрализовать их очень просто. Во время организованного Пилсудским в 1926 году переворота в Польше значительная часть действий разворачивалась вокруг железных дорог, но войска по железной дороге так и не смогли прибыть в срок, чтобы разрешить ситуацию, так как обе стороны без труда предотвратили перемещение противника, хотя и не обеспечили свое собственное. В таких местах, как в Эфиопии, где железные дороги (вернее, одна железная дорога: Аддис-Абеба — Джибути) имеют большое значение, должна быть осуществлена их техническая нейтрализация[78]. Железные дороги по самой своей природе зависят от функционирования всей их системы,

[78] Значительная часть эфиопской армии, которая не сражается против сомалийских боевиков «шифта», дислоцируется в гарнизонах вдоль единственной железной дороги, ведущей к морю.

и если всего одна секция дороги или дорожного оборудования подвергнется саботажу, на какой-то срок прекратит работу вся система. Разрывы между двумя участками железной дороги легко перейти, но на том конце полотна может и не оказаться подвижного состава.

Общественные здания

Необходимость обеспечить бюрократию и массы видимым доказательством реальности нашей власти должна быть постоянным элементом нашего анализа. В противном случае эта цель окажется самым неопределенной и наименее целостной. Непременно следует захватить резиденции политических лидеров, которых мы собираемся арестовать, а также здания, в которых размещены нужные нам средства, — например, здание телерадиовещательной корпорации. В первом случае нам надо войти в здание лишь ненадолго, чтобы произвести арест; однако во втором случае нужно захватить и оккупировать все здание и, возможно, противостоять контратакам сил, которые попытаются его отбить. Но есть и другие официальные здания, которые придется захватить или, по крайней мере, взять под контроль доступ в них. Приблизительно их можно определить как здания, владение которыми равнозначно обладанию политической властью.

В большинстве стран есть та или иная форма выборного органа, парламента или его местного эквивалента, но во многих странах политическая власть исходит из дворца президента или другого правителя (или центрального комитета партии); нас не должна сбить с толку конституционная фикция, и после стольких усилий, направленных на выявление различий между реальной политической властью и ее символами, мы не совершим ошибки, тратя наши ограниченные ресурсы на последние.

Тем не менее всегда найдется несколько «зданий-символов», которые могут сыграть важную роль во время ключевой переходной фазы переворота. Владение этими зданиями той или иной стороной будет сигналом для масс и рядовых членов бюрократического аппарата в смутное время, когда неясно, какая же из сторон реально контролирует положение. Если мы овладеем подобными зданиями, это привлечет на нашу сторону тех, кто до этого занимал выжидательную позицию. Поэтому, хотя, может, это и бессмысленно с прагматической точки зрения, все же есть смысл захватить эти здания-символы. Во время переворота в Гане в 1966 году, когда был свергнут режим Нкрумы, очень толковые и практично настроенные лидеры переворота почувствовали, что им необходимо пробиться в резиденцию президента, Flagstaff House, хотя там не было ни самого Нкрумы, ни важных технических устройств. Они поняли, что хотя резиденция — хрестоматийный символ, лишенный реального зна-

чения, овладение им очень важно для того, чтобы заручиться поддержкой масс Аккры, для которых контроль над политической властью естественным образом ассоциировался именно с этим зданием. К счастью, благодаря природе такого рода символов подобных зданий, овладение которыми станет важным моментом переворота, будет не больше одного-двух.

Помимо зданий-символов есть и другие, овладение которыми крайне желательно, — административные штаб-квартиры армии, полиции и органов безопасности. Поэтому в любом случае эта группа целей будет включать следующие.

а) Здания — центры реальной политической власти. Это может быть королевский или президентский дворец, здание парламента, здание ЦК или президиума правящей партии.

б) Главные административные здания. Министерство обороны, МВД, штаб-квартиры армии и полиции, если они размещены не в одном и том же здании;

в) Символические здания. Часто здания из этой категории встречаются в вышеописанных категориях; там, где есть культурный лаг между развитием политической жизни страны и традиционными привычками, массы по-прежнему ассоциируют политическую власть с прежним зданием.

Переворот (точнее, его активная фаза) уже практически закончится к тому моменту, когда граждане очнутся и начнут выяснять, кому принадлежат здания символического характера. Поэтому мы можем отложить захват этих зданий на последующие стадии переворота. Так как в прямом политическом смысле другие цели будут более важными, во всяком случае более срочными, лучшим способом использования символических зданий станет размещение там пунктов сбора команд, которые уже выполнили поставленные перед ними задачи.

Нейтрализация политических сил II: отдельные группы

Какие организованные группы окажутся достаточно сильными, чтобы противостоять нам даже тогда, когда голос правительства молчит, а столица в наших руках? Таких групп вряд ли будет много, но мы должны помнить, что даже одна хорошо организованная демонстрация или точно рассчитанная по времени забастовка может представлять серьезную

угрозу для переворота во время сложной переходной стадии. Поэтому крайне важно выявить такие группы и нейтрализовать их еще до переворота. Как только станет известно, что происходит переворот, лидеры радикальных политических организаций немедленно начнут готовить ответные действия; тогда их будет уже трудно арестовать, а их организации уже окажутся на полулегальном положении.

В странах, где политический конфликт не выходит за вербальные рамки, такого рода быстрая реакция на политические изменения маловероятна, но там, где политические конфликты принимают насильственные формы и где все организованные силы, политические и не только, могут быть вовлечены в них, подобная реакция будет более или менее автоматической. Политические партии на Ближнем Востоке и в Южной Америке, профсоюзные движения в Южной Европе, религиозные движения в Южном Вьетнаме имеют мало общего, кроме: а) способности ответить на переворот именно таким образом; б) возможности даже без оружия представлять реальную угрозу для переворота. Мы будем проводить наш анализ, изучая эти три типа «политических сил», так как их отличительные черты характерны для других видов организованных групп, которые могут иметь большое значение в той или иной стране. В Соединенных Штатах или Британии, например, ни тред-юнионы, ни религиозные группы, ни политические партии не являются достаточно боевыми для того, чтобы противодействовать перевороту, после того как заговорщики достигнут своих первоначальных целей. Но группы, потенциально способные к сопротивлению (например, полувоенные группы параноидальных правых), как правило, организованы так, что сочетают в себе черты всех трех видов, о которых говорилось выше.

Не все организованные группы, которые важны в нормальной политической жизни, будут столь же важны в судорожной атмосфере переворота. Наоборот, группы, имеющие ограниченное значение в обычной политической жизни, могут оказаться реальной угрозой. Если, например, нам не удастся нейтрализовать такие организации, как Национальная ассоциация владельцев стрелкового оружия (National Rifle Association) в США или британский Национальный союз студентов», то их реакция — какой бы неэффективной она ни была бы сама по себе — все равно может представлять собой угрозу для переворота и замедлить процесс политической стабилизации, поскольку они способны спровоцировать конфликты, которые заново поставят вопрос о власти. Другие, более осторожные группы в этом случае тоже могут пересмотреть свою позицию и начать оппонировать нам, в то время как использование силы для того, чтобы остановить агитацию групп, о которых мы до этого забыли, способно при-

вести к дальнейшему усилению оппозиции, так как побочные эффекты применения насилия увеличат враждебность к перевороту.

Наконец, есть и такие политические силы, которые *не нужно* нейтрализовывать (помимо тех групп, которые согласились поддерживать нас). Это группы, которые обычно считаются экстремистскими, но чья реальная мощь ограничена. Дав им определенный простор для деятельности, мы предоставим им тем самым возможность противостоять нам, но их оппозиция будет иметь для нас два положительных побочных эффекта: а) мы сумеем заручиться поддержкой тех сил, которые боятся *их* больше, чем нас; б) сможем начать бороться против других групп, обвинив их в том, что они проводят единую с упомянутыми экстремистами политику. Но это, однако, может оказаться опасной игрой; в сложной и драматичной обстановке переворота экстремисты могут усилить свое влияние и приобрести дополнительную политическую поддержку, и поэтому есть вероятность, что время, которое мы предоставим им для дискредитации оппозиции, пойдет им на пользу.

Религиозные организации

Во многих экономически развитых странах религиозные организации уже не имеют большой политической силы, хотя иногда по-прежнему являются важной социальной силой. Лидеры религиозных групп могут быть влиятельны в социальной и до определенной степени — в политической жизни, но приверженность им со стороны паствы редко проявляется в прямой силовой форме. В экономически отсталых странах и в тех, развитие которых ограничено или началось недавно, дело обстоит по-другому. Там, где новая технология человека применяется только недавно или вообще не применяется, старинная технология Бога все еще имеет огромное значение. Это может быть источником довольно значительной политической власти для организаций, которые идентифицируют себя с определенными верованиями и способны канализировать чувства верующих. Если отбросить в сторону локальные религии, которые слишком фрагментированы, чтобы быть важными в общенациональной политике, и в любом случае имеют тенденцию к аполитичности,[79] мы увидим, что даже мировые религии различаются по степени своей вовлеченности в политическую жизнь.

Роль католической церкви в Италии после Второй мировой войны иллюстрирует силу, которую может аккумулировать хорошо органи-

---

[79] Локальные религии могут быть важными с точки зрения местной администрации, но не с точки зрения общенациональной политики.

зованная религиозная группа, даже если действует в неблагоприятных с *религиозной* точки зрения условиях. Несмотря на то, что большинство мужчин в Италии редко ходят или вообще не ходят в церковь, итальянские женщины активно и регулярно посещают церкви. Так как Италия — демократическая страна, где женщины имеют право голоса на выборах, понятно, что если церковь захочет настроить своих прихожан на голосование за определенную политическую партию, эта партия получит много голосов женщин еще до того, как начнет свою избирательную кампанию. Церковь обычно давала такие установки, и определенная политическая партия выиграла от них: Христианско-демократическая партия (*Democrazia Cristiana* (DC). При помощи гарантированного большинства голосов женской части электората ХДП управляла Италией, единолично или в различных коалициях, с 1946 года и добилась этого во многом благодаря поддержке церкви. Поэтому вряд ли удивительно, что церкви удалось доминировать в ХДП и что через ХДП она оказывала влияние на каждый аспект итальянской национальной жизни.

Это было не «мягкое» влияние благодаря общему авторитету церкви, а скорее постоянное наблюдение за политической активностью, осуществляемое на провинциальном уровне епископами, на национальном — папой и его помощниками. На каждом уровне государственной бюрократии церковь, прямо или косвенно, осуществляет свое влияние: на получение работы в гражданском государственном аппарате и на продвижение по службе; на распределение капиталовложений и на различные формы правительственных грантов; на административные решения, касающиеся регулирования районирования и строительства.

Влияние церкви приносит свои плоды. В то время как бюрократический аппарат государства все время ухудшался по сравнению с динамичным частным и полугосударственным сектором, религиозные и образовательные церковные учреждения переживали постоянную экспансию; деньги и разрешения на их строительство никогда не были проблемой.

Если нам в случае переворота не удалось бы нейтрализовать церковную организацию в Италии, то она могла бы воодушевить и скоординировать оппозицию через свою плотную сеть приходов. Прихожане уже привыкли слышать политические послания с кафедры[80] (pulpit); священники привыкли получать детальные политические инструкции от своих епископов, а последние получают их из Ватикана. Нейтрализация

[80] В одном недавно вышедшем популярном итальянском фильме приходской священник разъясняет своей пастве, что не хочет инструктировать их перед выборами, а всего лишь просит голосовать за партию, которая является демократической и христианской.

нами теле- и радиокомпаний не предотвратит поток этих инструкций: у Ватикана есть своя собственная радиостанция, которую можно использовать, чтобы напрямую контактировать с каждой организацией церкви по всей стране.

Католическая церковь играет похожую роль и в некоторых других странах, где в нее номинально входят 99,9% населения и где она имеет статус национальной религии, но в Испании, Португалии, не говоря уже о Франции, более сильные, чем церковь, государственные структуры, не позволили ей занять такие же доминирующие позиции, как в Италии. Однако вмешательство церкви может стать мощным фактором в большинстве стран католического мира, включая Латинскую Америку, особенно если мотивы переворота будут восприняты как антиклерикальные.

Ислам, имеющий всеобъемлющий характер в качестве религии, политической системы и цивилизации одновременно, до сих пор (хотя и в гораздо меньшей степени, чем раньше) представляет собой важную политическую силу, и его религиозные лидеры играют признанную всеми политическую роль. «Профессоры» университета «Аль-Азхар» в Каире, одном из главных теологических учреждений мусульманского мира, периодически подталкиваются режимом Насера к откровенно политическим декларациям. Исламская система менее централизованна, чем католическая, поэтому ни у одного из лидеров ислама нет такого же авторитета, как у папы. Однако в каждой стране местные исламские лидеры до сих пор очень важны. Даже распространение «арабского социализма» не подорвало позиций ислама, и правительства, следующие крайне левой линии во внешней и некоторых сферах внутренней политики, до сего времени не хотят (или не в состоянии) бросить вызов исламу как государственной религии. Когда такой курс попытался осторожно проводить один из малоизвестных представителей нынешнего сирийского режима, руководство страны (следующее линии Пекина почти во всех других областях) было вынуждено официально отмежеваться от него. Но означает ли такая устойчивость ислама способность его лидеров в той или иной конкретной стране выступать в качестве *активной* политической силы — совсем другое дело. Структуры ислама как организованной религии окаменели; гибкость исламского движения первых его дней сменилась догматическим и очень консервативным набором верований, чья застылость является одной из причин современных проблем арабского мира.

Политическая стерильность ислама в последнее время означала, что, хотя он был использован правительствами для пропаганды *их* политических инициатив, ислам сам по себе действовал только тогда, когда его

религиозная ортодоксальность подвергалась прямой атаке[81]. Соответственно, если у нашего переворота нет прямой антиисламской окраски, религиозные лидеры в исламском мире не станут инициировать никаких действий против нас. Поэтому нам нужно помешать нашим оппонентам приписать нашему перевороту такую окраску.

В постоянной политической войне между «арабскими социалистами» и монархиями в арабском мире последних обвиняют в том, что они являются «инструментами сионистско-империалистических нефтяных монополий», а первых — в том, что они хотят заменить ислам своими безбожными взглядами. Но в настоящее время даже мнимые «прогрессисты» (*soi-disant*) не мечтают о вызове исламу, который, так или иначе, благодаря языку Корана остается главным фактором, связывающим друг с другом арабские страны, разделенные как историей, так и географией.

Таким образом, с учетом всего вышесказанного мы можем проигнорировать ислам как активную политическую силу. То же касается и индуизма, который, хотя и сильно отличается от ислама во всех отношениях, разделяет с ним пассивную политическую роль. Несмторя на то, что различные политические силы в Индии последовательно использовали индуистские религиозные чувства, сами религиозные лидеры никогда не начинали никаких крупных политических действий (даже периодические кампании против забоя коров обычно подхлестываются крайне правыми партиями).

Экстремальным примером возможностей динамичного религиозного руководства является «основная линия» буддистского движения в Южном Вьетнаме. Почти постоянные военные действия в стране на протяжении жизни последнего поколения и политически деструктивные последствия правления режима Дьема привели к коллапсу социальных и политических структур в стране, в то время как ее экономика сократилась до размеров локального натурального сельского хозяйства, а города зависят от американской помощи. В этой ситуации новые экономические, политические и социальные силы стали очень слабыми, а группы, основанные на старых религиозных привязанностях, — единственными значимыми гражданскими силами во вьетнамском обществе. Наряду с основным буддистским движением, возглавляемым Тхи Три Кваном и другими региональными лидерами, существует следующая расстановка сил (на начало 1968 года).

---

[81] Это и последующие заявления относятся к исламу суннитского толка: еретические шиитские секты — совсем другое дело. Их политическое и религиозное руководство часто представлено одним и тем же человеком, и они зачастую очень активны политически.

Хоа Хао Ноа Нао: реформированная буддистская группа с большим количеством приверженцев в южной части страны (дельта Меконга). Ее лидеры ориентированы на участие в политике и, за исключением локальных прочных союзов, настроены против южновьетнамских партизан. Имеются данные, что они создали рудименты вооруженной милиции.

Као Дай: важная буддистская секта со своей историей участия в политике.

Бьен Хуэн: небольшая, но очень активная полусекта, полутайное общество. Она сильна главным образом в районе Сайгона, и прежде чем режим Дьема отказался от ее услуг, в руках секты была полиция города — и его преступный мир. Секта находилась под влиянием тайных китайских обществ из местности по берегам реки Чолон, и результатом репрессий против нее со стороны режима Дьема стало не ее разрушение, а уход в подполье.

Католики: до падения режима Дьема католическое меньшинство подчиняло себе буддистское большинство. Многие из членов южновьетнамской католической общины являлись беженцами с севера страны; при французах многие католики активно сотрудничали с колониальными властями и служили во французских вооруженных силах. Сейчас, когда, как представляется, Юг Вьетнама идет по такому же пути, который избрал Север в 1954 году, католическая община оказалась в отчаянном тупике. Их деятельность против возможного прокоммунистического переворота (или переворота, который выступал бы просто за мир с южновьетнамскими партизанами) была бы немедленной и, возможно, очень эффективной.

Все эти религиозные группы способны выступить против переворота: места их встреч могут служить также для сбора и убежища наших оппонентов; священники могут вдохновить и скоординировать массы для борьбы против нас; наконец, их прямое влияние на армию и рядовых бюрократов может быть использовано для противодействия установлению нашей власти.

Религиозные группы, имеющие большой вес в той или иной стране, отличаются с доктринальной точки зрения, но в организационном отношении достаточно похожи, чтобы применить против них общий метод нейтрализации. Если у них есть собственные теле- и радиовещательные службы, такие, как «Радио Ватикана» или небольшие радиостанции американских миссионерских сект в разных частях мира, мы можем временно вывести их из строя. Места сбора верующих, где скорее будут

воодушевлять, чем сковывать оппозицию, не стоит закрывать административными методами, но доступ к ним должен быть закрыт «случайными» блокпостами.

Лидеры религиозных организаций представляют особую проблему в смысле нейтрализации: арестовывать их крайне неразумно ввиду их психологического влияния на общественное мнение. К счастью для нас, зачастую внутри религиозных организаций реально принимают решения другие люди, помоложе и не находящиеся в центре внимания общественности. С нашей точки зрения ключевые фигуры — именно они. Если лица, реально принимающие решения, — не номинальные руководители религиозных организаций, то мы арестуем их; но если это одни и те же люди, мы этого делать не будем. Короче говоря: Тхи Три Кван, который реально принимает решения, но не входит формально в высшее руководство, должен (может) быть арестован; но папу римского, репрезентативного и реального лидера одновременно, арестовать нельзя, так как это вызовет большое противодействие, и его последствия перевесят любое преимущество, которое можно получить от ареста понтифика.

Политические партии

В отличие от других групп, являющихся потенциальным источником для противодействия перевороту, политические партии — наши прямые конкуренты: их первичная цель — как и наша — завоевание политической власти[82]. Это необязательно делает их главной или даже значительной потенциальной угрозой для нас, но означает, что их реакция на переворот будет наиболее быстрой. Будет ли такая ответная реакция словесной и чисто декларативной или же более прямой и реальной, зависит от целого набора факторов, включая природу руководства партий, их организационную структуру и членов. Так как политические партии столь же отличаются друг от друга, сколь и страны, где они борются за власть, мы подвергнем их классификации, то есть разделению на несколько категорий в качестве прелюдии для изучения методов по их индивидуальной нейтрализации.

«Партийные машины»

Там, где политика является бизнесом, таким же, как и любой другой его вид, партии приобретают форму ассоциации, цель которой — получение голосов избирателей в обмен на конкретное, иногда материальное

[82] Это их цель. Их функция, однако, состоит в аккумулировании различных интересов.

вознаграждение. Местный «босс» обеспечивает партии голоса во время выборов в обмен на вознаграждение наличными и /или на получение государственных постов для себя или своих ставленников. Депутаты в законодательном органе после этого предоставляют свои голоса правительству в обмен на определенные льготы, некоторые из них затем оставляя за собой, а некоторые — передавая «вниз» тем, кто обеспечил их избрание. Партии типа «машин» могут процветать в самых разных обществах от Америки начала XX века до межвоенного Египта или Южной Америки нынешних дней. Для этого необходимы две основные предпосылки: выборная парламентская демократия и социально отсталый электорат. В Соединенных Штатах начала XX века сообщества иммигрантов в основном составляли выходцы из Восточной и Южной Европы, чья родина, как правило, была тогда страной экономически, а часто и политически, неразвитой. Поэтому у вновь прибывавших в США иммигрантов не было политической грамотности, нужной для того, чтобы получить от правительства уступки напрямую, в виде законодательства о социальном обеспечении или трудового кодекса. Но эти эмигранты научились вскоре получать непрямые выгоды, в надежде на награду обещая свою поддержку на выборах боссам местных партийных организаций. «Партийные машины» современности, такие, как ХДП в некоторых районах Италии, Демократическое действие (*Accion Democratica) в Венесуэле*, Национально-революционное движение (MNR) в Боливии, уже не распределяют свои награды столь широко, сколь старые муниципальные «партийные машины» в США. Причиной тому — участие партий в «эмплеократии» (власти служащих, чиновников), которая устанавливается в обществах, где промышленность и торговля недостаточно развиты, а сельское хозяйство является вотчиной мелких фермеров, не работающих на рынок, и крупных помещиков-аристократов. В этих условиях политика и связанные с ней рабочие места в госаппарате представляют собой для среднего класса основные карьерные пути, а партии, наряду с юридическим образованием, — ориентиры в охоте за выгодными должностями.

Партийные машины существуют из-за контраста между конституционными и социальными структурами в странах, одновременно и бедных, и «демократических». Вся их деятельность вертится вокруг обмена голосов избирателей на вознаграждение на любых уровнях; другими словами, она требует функционирования парламентского механизма, с его периодическими выборами. В случае переворота такие традиционные институты будут заморожены, и партийная машина сделается беспомощной. Даже если у нее есть массовая база поддержки, ее лидеры, будучи коалицией местных структур власти без национального «пред-

ставительства», окажется не в состоянии мобилизовать ее. Поэтому мы проигнорируем партийные машины и не станем предпринимать в отношении них какие-либо действия.

«Мятежные партии»[83]

Такие партии могут участвовать или не участвовать в открытой политической жизни (если она вообще существует в стране — мишени для переворота), но главной их целью является разрушение системы, а не работа внутри нее. Как партия большевиков до 1917 года, «братья-мусульмане» в Египте, коммунистические и правые партии в различных частях мира, эти партии находятся на полулегальном положении, имеют организационную структуру в виде ячеек, менталитет подпольщиков и зачастую полувоенные элементы. Такие партии характеризуются своей приверженностью набору четких идеологических постулатов, жестко централизованной организацией и стремлением использовать прямые действия для достижения политических целей.

В социальных и экономических условиях Западной Европы и Северной Америки «мятежные партии» слабы численно, и их вызов системе обычно далек от реальности, хотя время от времени они могут собрать массу сторонников в определенных слоях населения, находящихся за пределами основного направления развития национальной жизни. Движение «Власть черным» в Соединенных Штатах, например, имеет все черты мятежной партии, но оно действует исключительно среди негритянского населения в гетто, где условия жизни соответствуют социальным и экономическим условиям в экономически отсталом обществе. Однако в «третьем мире» постоянное давление экономических лишений может создать среди широких слоев населения революционный менталитет, который мятежные партии пытаются канализировать и эксплуатировать. Но их организационная структура часто неадекватна этой задаче, и по большей части постоянная и активная партизанская деятельность в Латинской Америке и повстанческие движения в Юго-Восточной Азии находятся за пределами их контроля.

Мятежные партии в основном могут противостоять нам тремя способами: а) посредством агитации среди народных масс, если у них есть там база; б) прямыми методами, такими, как покушение и саботаж; в) агитацией в профсоюзах. В мятежных партиях обычно отмечается авторитарная структура руководства, и их сила в сложных и запутанных условиях после переворота будет главным образом зависеть от степени единства

---

[83] Альтернативный термин «революционные партии» характерен для левых кругов, в то время как мятежность можно наблюдать на обоих краях политического спектра.

их централизованного руководства. Поэтому мы должны приложить все усилия, чтобы выявить и изолировать в этих партиях ключевые фигуры, которые принимают основные решения. Упор на партийную дисциплину и привычка ждать указаний от высшего руководства делают многие мятежные партии беспомощными, как только их руководство перестает функционировать. Социальное давление, являющееся источником силы мятежных партий, может привести к их оживлению, но это не произойдет в тот короткий промежуток времени, который столь важен для нас. Такая уязвимость мятежных партий была наглядно продемонстрирована в случае с «братьями-мусульманами» (*Al-Ikhwan al-Muslimun*). «Братья» были серьезной силой в египетской политической жизни после Второй мировой войны, и массовость их сторонников, сеть их экономических и образовательных структур, а также их полувоенные боевые молодежные группы давали им большую степень прямой власти. Однако эффективность всего движения во многом зависела от целостного единого руководства — основателя шейха Хасана аль-Банны, и движение быстро утратило влияние после его смерти при невыясненных обстоятельствах сразу же после провала переворота 1948 года. Поэтому там, где это необходимо, лидеров мятежной партии надо арестовать и держать в изоляции во время переворота. Ввиду роли партийной дисциплины обезглавленное движение, возможно, воздержится от действий в короткий, но критически важный период захвата власти.

Парабюрократические партии

В однопартийных государствах, таких, как коммунистические страны, большая часть Африки и Мексика, правящая партия утратила свою основную роль: соревнование за приобретение поддержки масс. Находясь в положении монополиста, такая партия подвержена угрозе оказаться лишней. Но, так же как и прочие бюрократические организации, партия может пережить утрату своей первичной функции системы раздела добычи либо надсмотрщика над административной системой государства. Африканские партии, сформированные во время предшествовавшей достижению независимости политической борьбы, часто закрепляли свое монопольное положение у власти, как только обретали ее. Некоторые, например ТАНУ (Танзанийский африканский национальный союз), превратились в конструктивных инициаторов коммунальных и общегосударственных программ развития; другие, например бывшая партия Нкрумы в Гане, стали придатками режима личной власти и системой выпуска пара для ее активистов. Большинство партий, однако, до тех пор, пока их не смели военные диктатуры, действовали в качестве главных агентов в главном виде местного бизнеса: политике.

Парабюрократические партии относятся к государственному аппарату как к своим подчиненным. Они обследуют его деятельность, сообщают о его поведении высшему руководству и часто требуют специальных привилегий и льгот. У них нет массы сторонников за исключением тех, кто действуют в рамках нормальной политической жизни и кого эти партии используют для организации демонстраций в поддержку той или иной позиции руководства. Как только позиции руководства окажутся под угрозой, а полицейский аппарат утратит свою функцию «стержня» таких партий, парабюрократическая партия распадется. Поэтому мы можем игнорировать такие партии во время активной фазы переворота. Однако, вторичная функция таких партий — сбор информации и безопасность — будет иметь для нас значение, и нам придется учитывать ее в рамках общих защитных мер по отношению к такого рода организациям.

Партии в развитых странах

В развитых и демократических странах основные политические партии не будут представлять прямой угрозы для переворота — независимо от того, существует там двухпартийная система, как в большинстве стран англосаксонского мира, где партии в конечном итоге являются коалициями лоббистских групп, или речь идет о классовых или религиозных партиях, как в большинстве стран континентальной Европы. Хотя такие партии пользуются поддержкой масс во время выборов, ни они сами, ни их последователи не являются мастерами в деле массовой агитации. Относительная стабильность политической жизни лишила их опыта, необходимого для применения прямых методов, и вся их деятельность зиждется на системе периодических выборов. Даже там, где, как во Франции и Италии, есть крупные и номинально революционные партии, два или более десятилетия парламентской жизни укротили их любовь к революционным методам.

Партийный аппарат с его местными организациями и лидерами на местах, однако, позволяет таким партиям играть информационную и координирующую роль, для нас потенциально опасную. Даже если лидеры таких партий и не предпримут никаких действий, их аппарат может служить рамочной структурой для агитации против переворота. Поэтому мы закроем в административном порядке сеть отделений этих партий, чего будет достаточно, чтобы нейтрализовать возможную угрозу с их стороны.

Единственная серьезная опасность в этом направлении будет исходить от профсоюзных движений, которые связаны с массовыми левыми партиями. Их опыт агитации среди рабочих дал им естественную подготовку для массового оппонирования перевороту, поэтому мы посвятим профсоюзам отдельный раздел.

Профсоюзы

В странах, где существует достаточная степень промышленного развития, и во многих странах, где этого нет, профсоюзы являются значительной политической силой. Из-за их опыта агитации среди рабочих, который может быть быстро использован для политических целей, ответная реакция профсоюзов на переворот представляет для нас серьезную угрозу. Массовая база профсоюзов — в отличие от таковой в политических партиях — функционирует постоянно: избирательные участки открываются каждые пять лет, а фабрики работают круглый год. Серьезность угрозы со стороны профсоюзов зависит от их численности, сплоченности и степени боевого настроя; фрагментированный синдикализм Великобритании с его чисто электоральной политикой не представляет собой никакой угрозы, в отличие, например, от итальянского профсоюзного движения с его централизацией и длительной историей политических забастовок.

Опыт Боливии после революции 1952 года демонстрирует нам то, как один профсоюз и его активисты могут доминировать в политической жизни страны. Боливия — одна из самых бедных стран Южной Америки, чья экономика характеризуется натуральным сельским хозяйством и большой активностью в масштабной промышленности по добыче и переработке олова. До революции и национализации рудников, принадлежавших группам Патино, Арамайо и Хохшильд, горняки работали в очень тяжелых физических и экономических условиях. После своего освобождения они, естественно, захотели немедленно и радикально улучшить этих условия, и государственная корпорация по производству олова КОМИБОЛ (COMIBOL) приступила к реформам.

Однако быстро выяснилось, что геологические и экономические условия в этой промышленности требовали роста производительности труда, достижимого только за счет использования новой техники и сокращения рабочей силы. А так как единственным источником необходимых для этого капиталовложений были Соединенные Штаты, лидеры шахтеров противостояли реформам под двойным лозунгом: «нет» империализму янки и «нет» сокращениям персонала. Эти проблемы есть и в развитых странах, но в Боливии шахтеры были еще и *армией*. Их вооружили лидеры Национально-революционного движения, принадлежавшие к среднему классу (партия MNR –*Movimento Nacionalista Revolucionario).*

Эта партия организовала боевые отряды шахтеров для того, чтобы создать противовес старой армии, связанной с владельцами оловянных рудников. Революция распустила армию, и шахтеры теперь могли не только оказывать политическое и экономическое давление, но и использовать

прямые (военные) методы. До тех пор пока лидеры MNR не нашли противовес шахтерам в лице профсоюзов фермеров и крестьян-индейцев, члены которых тоже были вооружены, шахтеры решали многие вопросы по своему усмотрению. Возглавляемые боевыми лидерами с шахт *Catavi-Siglo Veinte*, шахтеры подчинили своему контролю КОМИБОЛ и тем самым всю страну, зависящую от олова как от важнейшего источника поступлений иностранной валюты. Естественно, ни один переворот не смог бы победить без согласия горняков, и даже если бы удалось захватить центральные ведомства в столице Ла-Пас, реальная основа власти на оловянных шахтах по-прежнему осталась бы в руках лидеров профсоюзов.

Даже если отвлечься от специфических условий Боливии, профсоюзы часто представляют собой важную политическую силу, особенно в ситуации, непосредственно следующей за переворотом. Но многое зависит от конкретной организационной структуры профсоюза, степени реальной централизации его руководства и его политических предпочтений и связей. В Британии основные решения в профсоюзном движении принимаются на уровне исполнительных комитетов отдельных профсоюзов, однако в некоторых из них этот процесс переместился на уровень отдельных предприятий. Помимо своей раздробленности, которая стала бы не самой важной причиной отсутствия быстрой реакции профсоюзов на переворот, в целом умеренная политика британской лейбористской партии не создает климата, подходящего рамок для прямых действий.

Во Франции и Италии профсоюзное движение разделено не по цеховому принципу, как в Британии, или по отраслевому, как в США и большинстве стран Северной Европы, а по принципу политическому. Отдельные отраслевые союзы объединены в единую организацию, которая связана с определенной политической партией. В обеих странах самые крупные профсоюзные организации контролируются коммунистической партией, а более мелкие — социал-демократами и католическими партиями. Коммунистические профсоюзные организации, CGL в Италии и CGT во Франции,[84]имеют длительный опыт «политических» и «всеобщих» забастовок, которые давно уже стали историей в англосаксонских странах[85].

Если только переворот прямо не связан с коммунистической партией, центральные организации французских и итальянских профсоюзов отреагируют на него, причем самым предсказуемым способом. Сразу же после переворота они: а) попытаются установить контакты с другими «демократическими силами» для создания единого оппозиционного народно-

[84] *Всеобщая конфедерация труда* — Confederation GeniraU du Travail (CGT); *Всеобщая конфедерация труда* — Conjederazione Generate dJ Lavoro (CGL).

[85] События мая 1968 года во Франции.

го фронта; б) свяжутся с их сетью местных организаций, чтобы провести всеобщую забастовку; в) начнут реализовывать свои заранее намеченные планы перехода на нелегальное положение и развертывания подпольной деятельности.

Единственной их тактикой, которая может представлять угрозу для нас, является всеобщая забастовка, организованная с продуманной целью противостояния силам переворота. Наши общие меры повлияют на осуществление замыслов профсоюзов, но потребуются и особые меры для того, чтобы предотвратить конфронтацию, к которой, вероятно, будут стремиться профсоюзы. И CGT, и CGL помнят о движении Сопротивления в годы Второй мировой войны: обе организации понимают дестабилизирующую природу открытых репрессий и поэтому попытаются спровоцировать нас на использование силы.

Хотя та или иная форма конфронтации может оказаться неизбежной, важно предотвратить кровопролитие, так как это может негативно повлиять на настроения личного состава вооруженных сил и полиции. Избежание кровопролития при большом скоплении народа требует применения специальных технологий, и компетентное руководство нашими вооруженными силами будет иметь здесь ключевое значение[86].

Инциденты в провинции Реггио Эмилиа в Италии летом 1964 года, когда в ходе политической забастовки погибли семь человек, показывают, как некомпетентные полицейские силы могут повредить авторитету правительства, который пытаются защитить[87].

Если профсоюзы в стране-мишени имеют сходный с франко-итальянским уровень политической эффективности и переворот не связан с такими профсоюзами политически, нужно выявить и арестовать их лидеров и закрыть их штаб-квартиры, чтобы помешать действиям дублирующего руководства. В других случаях нам будет достаточно переориентировать часть мер для реагирования на возможную угрозу, которую может составлять для нас профсоюзное движение.

---

[86] Возрождение политической активности в последние годы как в Британии, так и в Соединенных Штатах заставило искать эффективные средства контроля уличной толпы. Изучение психологии масс и разработка специальных полицейских средств борьбы с беспорядками не должны затмевать собой фундаментальных принципов контроля над толпой. А таковыми являются: а) необходимость держать толпу на открытом пространстве, чтобы избежать клаустрофобии и давки; б) необходимость разбить анонимность и сплоченность толпы с помощью проведения *выборочных* арестов.

[87] Дестабилизирующий эффект поведения полиции во Франции в ночь на пятницу 4 мая 1968 года был детонатором кризиса.

5. Осуществление государственного переворота

«Как только разрушили моральную власть национального представительства, законодательный орган, каким бы он ни был, стал не более чем толпой из пятисот людей, менее решительной и дисциплинированной, чем батальон той же численности».

Мадам де Сталь
о перевороте Наполеона 18 брюмера 1799 года

«Я пришел на танке, и только танк может выкинуть меня обратно».

Абу Зухейр Якия,
премьер-министр Ирака, 1968 год

Активная фаза государственного переворота похожа на военную операцию — и больше, чем кажется. Если общим принципом тактики является применение силы в нужном месте, переворот достигает этого хирургически точным ударом по сердцу государства; если скорость часто является важным фактором для военных операций, то во время переворота это ключевой фактор. Однако переворот отличается от большинства военных операций в решающем отношении: если в войне зачастую предпочтительнее удерживать часть сил в качестве резерва для использования в последующих (возможно, более критических) фазах конфликта, то во время переворота действует принцип тотального использования всех сил. Активная фаза переворота занимает короткий промежуток времени, и находящиеся в резерве сегодня силы будут бесполезны завтра:

поэтому все наши силы должны быть использованы в одной решающей схватке.

То, что мы предельно ограничены во времени, означает, что нам вряд ли представится возможность исправить ошибки, допущенные на предыдущих стадиях операции. На войне тактика может быть изменена, оружие заменено, планы пересмотрены, а люди заново обучены на основе боевого опыта, но в случае переворота не будет достаточного времени для учета предыдущих шагов. В этом отношении переворот похож на наиболее современную форму военных действий, стратегический ракетный удар, и фактор времени играет главную роль в принятии решений в стадии планирования. Каждая цель должна быть детально изучена до переворота. Команда, предназначенная для ее захвата, должна соответствовать поставленной задаче с точки зрения численности и состава; каждый шаг должен быть спланирован заранее, и никакая тактическая гибкость здесь не допустима.

При таком детальном планировании не будет нужды в структуре типа штаб-квартиры во время активной фазы переворота: так как нет необходимости в новых решениях, нет и необходимости в принимающем решения аппарате и составляющих его людях. Напротив, штаб-квартира может оказаться серьезным недостатком: она будет представлять собой конкретную цель для оппозиции, причем одновременно и уязвимую, и легко обнаруживаемую. Как только переворот начнется, правящая группа поймет, что что-то происходит, но, если только перевороты в этой стране не обычное дело, не будет знать, что именно; ведь это может быть и мятеж, восстание, начало партизанской войны или даже иностранного вторжения. Все эти формы конфликта представляют угрозу для режима, но они различаются по значимости и, что более важно, по тем мерам, которые необходимы, чтобы отреагировать на них. Мы должны избегать любых действий, которые сделают более ясной природу угрозы и тем самым ослабят замешательство аппарата сопротивления режима. Наши команды выдвинутся со своих баз и начнут захватывать установленные для них цели, действуя как независимые друг от друга подразделения; их коллективная цель и их координация будут оставаться не известными до тех пор, пока не станет поздно для любого эффективного противодействия. Лидеры переворота будут рассеяны по различным командам, причем каждый из них войдет в ту команду, конечная цель которой требует его присутствия. Например, спикер переворота будет в команде, которая должна захватить теле- и радиостанцию, а будущий шеф полиции — в той, которая захватит штаб-квартиру полиции. Так как каждая команда будет небольшой и очень мобильной, и так как во время активной фазы переворота у нас не будет штаб-квартиры, оппозиция не полу-

чит отдельной цели, на которой могла бы сконцентрировать свои усилия. В этом случае ее численное превосходство будет распылено, и меньшие по численности силы переворота обретут локальное численное преимущество в районе своей конкретной цели. Это будет ключом к победе переворота.

Накануне переворота

В предыдущих двух главах мы описали планирование переворота в смысле нейтрализации «профессиональных» защитников государства и выбора целей, которые смогут помочь в нейтрализации «политических» сил. Проанализировав структуру средств подавления, мы увидели, что большинство вооруженных сил, значительная часть полицейской системы и некоторые из органов безопасности не выступят в случае переворот ни на нашей, ни на противной стороне. Им помешают отдаленная дислокации, распыленное размещение, неадекватные подготовка и оснащение либо узкая специализация. Поэтому мы внедрились в небольшую часть аппарата, который имеет возможности для вмешательства, причем большая часть его была нами нейтрализована технически, а меньшая — полностью привлечена на нашу сторону. Это обеспечит нам нейтралитет большинства сил защиты государства и активное сотрудничество некоторых из них.

Проникновение в армию и полицию дало нам инструмент: подразделения, которые мы привлекли на нашу сторону, теперь представляющие собой силы переворота. Мы также подготовили этот инструмент к использованию, избрав цели, для достижения которых эти силы применим. Мы установили физические объекты, которые должны быть захвачены, и те, которые надо подвергнуть саботажу или парализовать иным способом; мы выбрали лидеров среди потенциальной оппозиции как в правительстве, так и за его пределами, и подготовили их арест.

Однако одна из важных задач не была решена на стадии планирования: силовая изоляция «ядра» сил, верных режиму. Можно надеяться, что численность тех сил, в которые мы не сумели проникнуть и которые имеют возможность вмешаться в события, не будет слишком значительной. Но даже если они слабы с точки зрения численности, мы не должны и помышлять о том, чтобы игнорировать их. Это обесценило бы все меры, которые мы предприняли для ограждения столицы и нас самих от вмешательства враждебных сил.

Экстремальная нестабильность баланса сил во время активной фазы переворота означает: то, что в обычных условиях представляет лишь

незначительную угрозу, в условиях переворота может иметь катастрофические последствия, а если силы твердых сторонников прежнего режима велики по сравнению с нашими, нам придется выделить слишком много людей и средств для их изоляции .

Хотя нам и не удалось внедриться в эти силы твердых сторонников прежнего режима, мы все же достигнем двух целей:

а) их численность, качество и место дислокации будут нам известны;

б) наши меры общего характера по нейтрализации снизят их эффективность в целом; их боеспособность подорвать не удастся, но, как показывает Таблица XIV, их вмешательство против нас будет замедлено и подорвано.

Наша цель — не уничтожение сил, верных прежнему режиму (лоялистов), — ведь мы сможем разобраться с их личным составом в административном порядке после переворота, — а всего лишь обездвижение их на несколько решающих часов. Тактика, которую мы будем использовать, должна быть исключительно оборонительной: кольцо блокирующих позиций вокруг каждого места концентрации лоялистских сил или, если это невозможно, аналогичное кольцо вокруг всей столицы. Таким образом, хотя в стратегическом смысле мы будем наступать (в том смысле, что являемся теми, кто хочет изменить ситуацию в целом), в тактическом плане мы одновременно будем находиться в обороне, и это даст нам важные технические и психологические преимущества. Используя защищаемые блокпосты для изоляции лоялистских сил, мы возложим на них всю ответственность за начало боевых действий: наши силы вполне удовлетворятся тем, чтобы выжидать, и именно лоялистским силам придется пробиваться сквозь кольцо. Если колонна лоялистских сил подойдет к блокпосту, то ее командиры столкнутся с противостоящими им частями, носящими такую же форму и принадлежащими к той же самой корпоративной структуре, возможно, даже к тому же самому полку. Обе стороны заявят, что «выполняют приказ», но, что интересно, «приказы» командира наших сил будут выглядеть, возможно, более легитимно, чем приказы командиров сил лоялистов. Благодаря произведенным нами арестам и вмешательству в работу важных объектов «легитимные» приказы, вероятно, примут необычную форму: источником приказов для лоялистских войск будет, вероятно, не их привычный начальник во властной иерархии, а кто-то другой; столь же вероятно, что метод передачи приказов будет необычным и экстравагантным; *а сам приказ по форме может*

и не отличаться от того, который мог бы быть издан организаторами переворота.

Допустим, офицеры лоялистских сил получат приказ, гласящий: «Войдите в центр города, захватите здание парламента и радиостанцию». Даже если руководство режима добавит, что придется действовать против сил переворота, у такого приказа будет мятежный подтекст. Если офицеру армии придется делать необычные для него вещи, его естественной реакций станет попытка соотнести эти вещи с привычными для него схемами действий; и самая привычная реакция на такие события — вывод, что «политики опять виновны в том, что ввергли страну в очередной хаос». Наиболее вероятной реакций офицера в таком случае будет запрос начальству с просьбой прояснить ситуацию. Можно надеяться, что эти начальники либо сохранят нейтралитет, либо к моменту, когда придет запрос, их уже арестуют; в любом случае «прояснения» не будет.

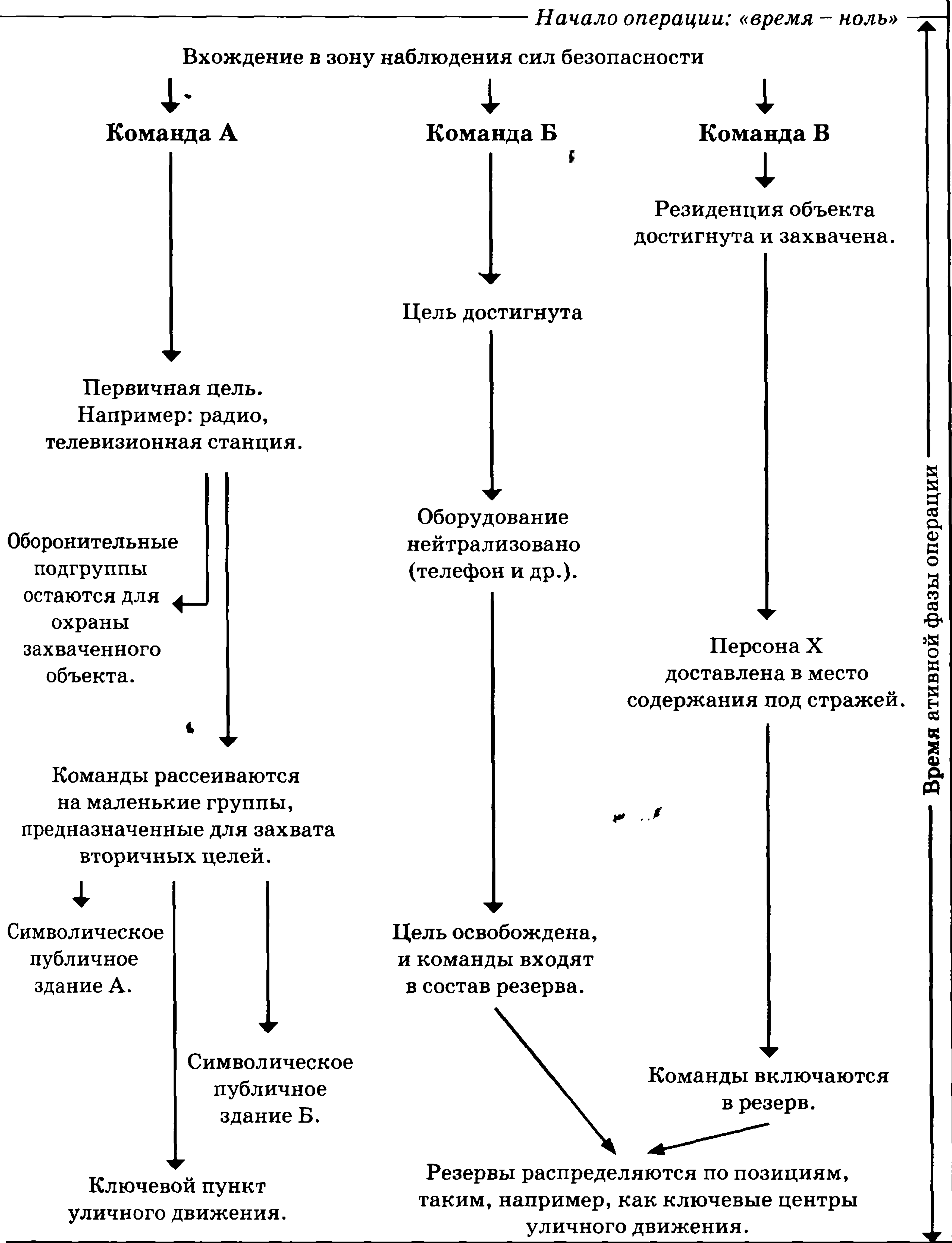
Если лоялистские силы все же решатся прорвать оцепление, то тактические преимущества обороны будут на нашей стороне. Это включает в себя возможность выбора места (естественные препятствия типа мостов и тоннелей) и возможность предварительного размещения и маскировки оружия и людей. Для того чтобы максимально использовать как психологические, так и тактические преимущества, блокпост должен иметь двойную структуру: первая линия (в основном символическая), состоящая из подходящего физического препятствия, например, поставленных поперек улицы тяжелых автомобилей, и охраняемая всего несколькими людьми, получившими приказ никого не пропускать; за первой линий будет вторая (военная) линия, гораздо более сильная в численном отношении, с вооружением и бойцами, готовыми отразить возможную атаку (относящиеся к этому оперативные детали описываются в Приложении Б).

Защитники блокпоста должны проинформировать подошедших лоялистов, что у них есть и вторая линия обороны: эта линия, частично замаскированная, послужит устрашением, даже если ее защитников на самом деле меньше, чем нападающих, так как реальную мощь последним будет оценить трудно.

Ситуация на блокпосту требует очень большой осторожности, и необходимо, чтобы наши солдаты понимали, что их главной задачей является предотвращение конфликта, а не его успешное разрешение путем боя. Говоря более конкретно, их задача — операция сдерживания, а не столкновение в битве, и это потребует точного отражения в плане используемого вооружения и тактики.

Таблица XIV.
Механика возможного вмешательства лоялистских сил

Фаза переворота	Результат наших действий общего характера
Персонал полиции/органа безопасности забьет тревогу и попытается наладить контакт со своим верховным командованием.	Телефонный узел захвачен, телексные кабельные линии прерваны, радиостанции закрыты. Они должны поэтому послать курьера со словесным сообщением. Что касается коммуникаций — см. выше.
Верховное командование полиции/органа безопасности проверит сообщения, поймет, что опасность реальна, и попытается связаться с политическим руководством.	Некоторые курьеры не смогут пройти, так как как мы постепенно займем ключевые дорожные перекрестки.
Политическое руководство призовет армию и полицию к вмешательству.	Что касается коммуникаций — см. выше. Одних частей не будет в их казармах; другие откажутся выступить; третьи не смогут этого сделать из-за их технической нейтрализации.
Политические лидеры начнут сознавать размер нашего проникновения в вооруженные силы и полицию. Лоялистские силы приступят к ответным действиям.	Что касается коммуникаций — см. выше. Только линии военной связи могут быть использованы для связи с лоялистскими частями.
Оставшиеся на стороне режима силы соберутся и подготовятся к вмешательству в события. Они попытаются запросить у политического руководства подтверждение полученных приказов. Кто-то перейдет на нашу сторону, кто-то предпочтет нейтралитет, но некоторые останутся под контролем правительства.	Многих политических лидеров на месте уже не будет; одних арестуют, другие скроются.
Лоялистские силы двинутся на столицу или, если они уже в ней находятся, — на центр города.	Аэропорты закрыты, а взлетные полосы оборудованы помехами. Железные дороги перерезаны, поезда остановлены. Въезды в город контролируются нашими блокпостами.
В силу этого лоялистские силы в столице будут изолированы посредством прямых действий.	

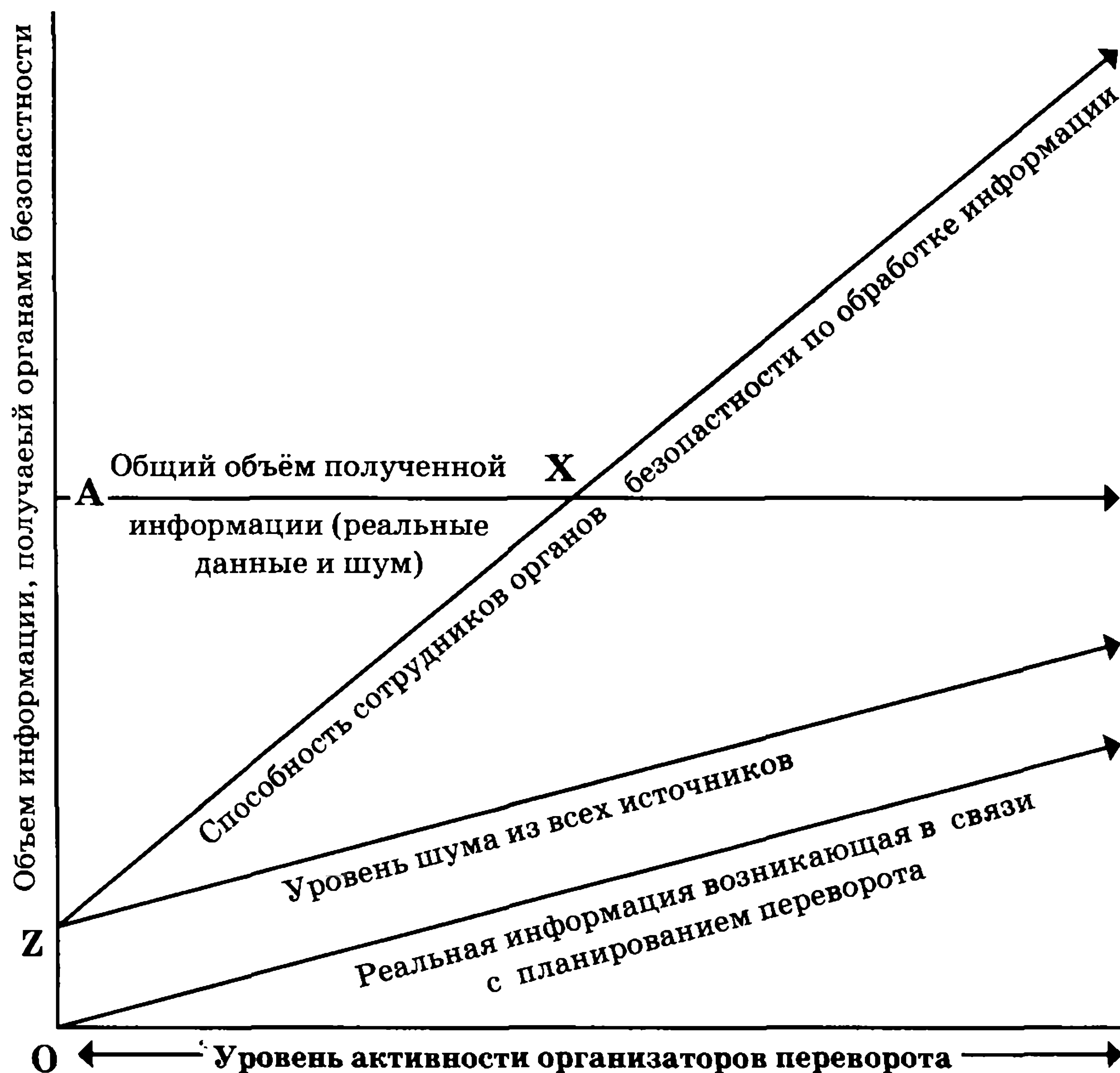

Схема VI. Последовательность действий и временные сроки (тайминг)
Начало операции: «время – ноль»
Вхождение в зону наблюдения сил безопасности
Команда А
Команда Б
Команда В
Резиденция объекта достигнута и захвачена.
Цель достигнута
Первичная цель. Например: радио, телевизионная станция.
Оборудование нейтрализовано (телефон и др.).
Оборонительные подгруппы остаются для охраны захваченного объекта.
Персона Х доставлена в место содержания под стражей.
Команды рассеиваются на маленькие группы, предназначенные для захвата вторичных целей.
Символическое публичное здание А.
Цель освобождена, и команды входят в состав резерва.
Символическое публичное здание Б.
Команды включаются в резерв.
Ключевой пункт уличного движения.
Резервы распределяются по позициям, таким, например, как ключевые центры уличного движения.
Время ативной фазы операции

Время, последовательность действий и безопасность

В идеальном случае время проведения можно будет варьировать как угодно. Так что мы извлечем преимущество из любых возможных благоприятных условий — например, временного отсутствия политического руководства в столице или случайно совпавшей с нашими планами вспышки гражданских беспорядков. Такая гибкость, конечно, очень желательна, но на практике встречается редко, поскольку проникновение в армию и полицию — динамически нестабильный процесс: круг тех, кто присоединился к нам, будет постоянно расти по мере того, как все больше людей начнут бояться опоздать на уходящий поезд; но до тех пор, пока мы на деле не приступим к перевороту, останется стремление сохранить нейтралитет или даже оказать нам противодействие. В это же время будет возрастать опасность возможного доноса, так как все больше и больше людей узнают о планируемом перевороте или, по крайней мере, почувствуют, что «что-то витает в воздухе». Время начала переворота, таким образом, будет продиктовано прогрессом в деле нашего проникновения в вооруженные силы и полицию, и как только мы достигнем удовлетворительной степени проникновения, переворот должен быть осуществлен. Это означает, что невозможно назначить задолго до переворота конкретную дату и сообщить ее разным командам. Но это и хорошо, так как информация о дате не просочится к органам безопасности. На самом деле вполне вероятно, что какие-нибудь сведения о нас все же попадут в органы безопасности, но это уже не сможет повлиять на исход переворота. По мере наращивания приготовлений к перевороту начнет циркулировать все больше и больше информации о наших действиях, но она будет во все возрастающей степени забиваться попутным «шумом» и слухами[88].

Каждый шаг, который мы сделаем, послужит источником информации, которая может достичь органов безопасности, но последствия и неправильное истолкование наших акций произведут столько же или даже больше «шума». Это будет постоянно усложнять для аналитиков из органов безопасности выявление природы угрозы, так как объем поступающей информации, который могут переработать службы аналитиков в оперативном режиме, небезграничен. Этот процесс проиллюстрирован с помощью Схемы VII, на которой *0–Z* — нормальный уровень «шума»,

[88] Выражение, используемое в спецслужбах и разведке для описания ложной и ненужной информации, которая поступает параллельно с осмысленными данными (*«жесткими данными»*).

который существует в любое время, *О–А* — оперативная мощность аналитиков из органов безопасности, их способность прирабатывать поступающую информацию, а X — точка, за пределами которой общий поток сведений превышает способность аналитиков их обработать, и поэтому каждой поступившей порции информации уделяется все меньше и меньше внимания[89].

[89] Специфическая природа работы органов безопасности мешает быстрому расширению привлекаемых к анализу той или иной проблемы сил и средств, и даже если такое расширение состоится, оно начнется тогда, когда будет выявлена реальная степень угрозы. Но это произойдет именно в тот момент, когда органам безопасности начнет мешать «шум».

Даже если органы безопасности смогут отделить реальные сведения от «шума», они, вероятно, не предпримут немедленных действий. Профессиональное чутье подскажет им сначала выявить все звенья переворота, чтобы арестовать всех его участников. Мы надеемся, что переворот уже начнется, а органы безопасности все еще будут заниматься своим анализом. Однако и органам безопасности известен этот временной фактор, и поэтому, они, скорее всего, ответят на возможную угрозу, стремясь упредить события и арестовать тех заговорщиков, которых выявят. Эта «нервозность» представляет собой особую проблему накануне переворота, так как наши финальные приготовления, возможно, приведут к резкому усилению общего потока информации, получаемой органами безопасности. Даже без отделения правдивой информации от «шума» сам по себе рост потока информации компетентные аналитики органов безопасности интерпретируют как сигнал тревоги, а это может вызвать волну арестов.

На практике лишь в редких случаях удается достичь полной безопасности при подготовке переворота, и мы должны принять как рабочую гипотезу, что в наши ряды проникнут сотрудники органов безопасности. Это не только вынудит нас принять общие меры предосторожности, описанные в третьей главе, но и окажет влияние на ход операции.

а) Каждая команда будет проинформирована заблаговременно, какое оснащение и какая тактика понадобятся ей для захвата ее цели, но точного описания самой цели ей пока не дадут.

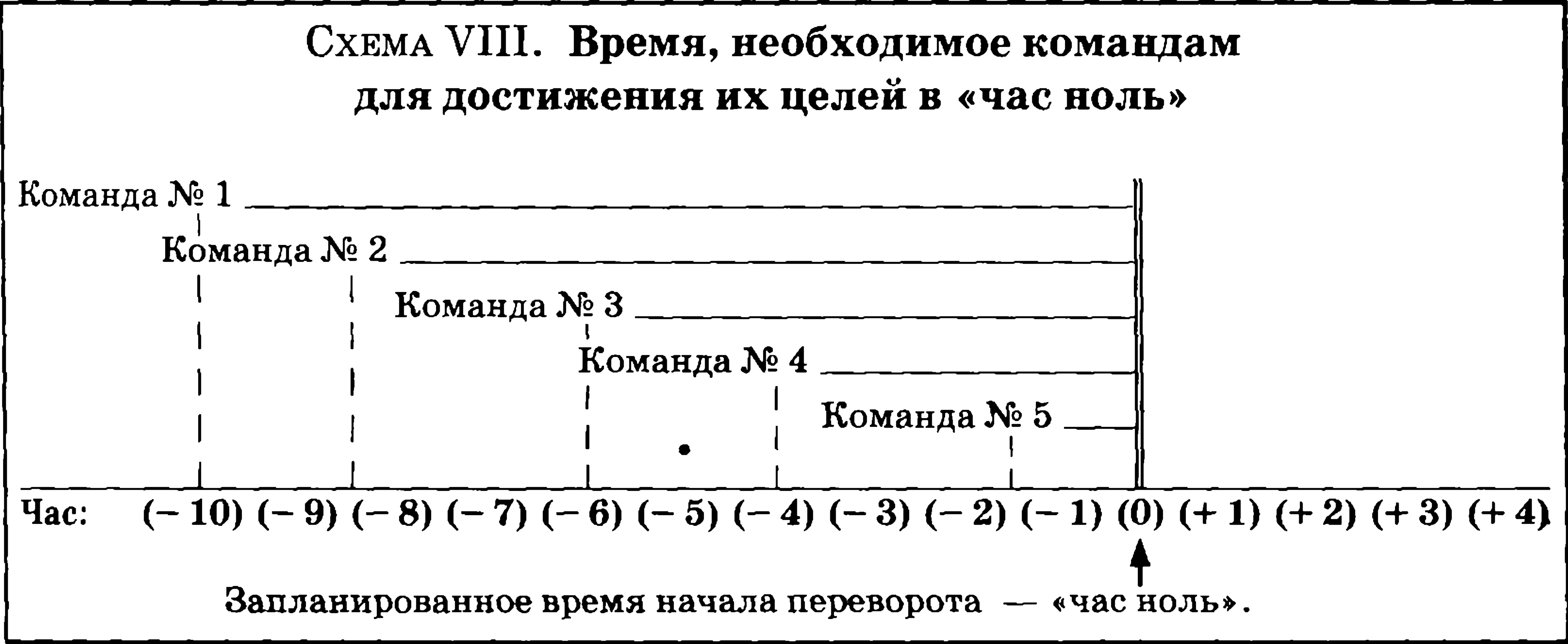
б) Каждой команде дадут точное описание цели только тогда, когда команда будет готова выдвинуться, чтобы захватить ее.

в) Каждой команде дадут свой сигнал о начале действий, причем ровно за столько времени до начала действий, сколько потребуется для подготовки к выполнению задачи. Никакого общего сигнала о начале действий для всех команд не будет.

Так как у команд будут разные точки отсчета движения и различные цели захвата, единый сигнал дошел бы до одних слишком поздно, а до других — слишком рано.

Чем больше временной промежуток между объявлением о начале переворота и его реальным осуществлением, тем больше вероятность, что информация о перевороте дойдет до органов безопасности тогда, когда у них еще будет возможность помешать нам, так как именно в это время агенты органов безопасности в наших рядах пошлют своим начальникам сигнал тревоги.

Проблема времени отдачи приказа командам и времени, необходимого для осуществления этих приказов, рассмотрена на Схеме VIII.

Если мы дадим командам десять часов на подготовку к действиям, направив им общий приказ в час – 10, тогда только команда № 1 сможет достичь своей цели точно вовремя, но всем остальным приказ поступит слишком рано. Если мы дадим всем командам приказ за два часа до начала действий, то сумеем полностью исключить заблаговременность. Но тогда команда № 5 подойдет к своей цели за несколько часов до того, как это сделает команда № 1, и те, кто защищает последний объект, уже будут предупреждены. Решение проблемы представляется довольно простым: уравнять временной промежуток от получения приказа до начала действий для каждой команды со временем, необходимым этой команде для достижения своей цели точно в «час ноль».

Но в реальности эта проблема более сложна. И дело не в одновременном подходе команд к своим целям, а в единовременном проникновении этих команд в зону «предварительного оповещения» органов безопасности. Если, например, команде № 2 придется пересечь всю столицу, чтобы достичь своей цели, то органам безопасности сигнал тревоги, вероятно, поступит тогда, когда команда войдет в столицу — скажем, во время «час – 2». Поэтому к тому моменту, когда команда № 4 достигнет своей цели, у наших противников будет два часа на подготовку к обороне. У нас, вероятно, будет очень немного информации о работе аппарата органов безопасности, но мы можем действовать исходя из предпосылки, что команду (если она большая и /или оснащена бронетехникой) заметят и доложат о ее появлении органам безопасности, как только она войдет в столицу. Поэтому мы должны обеспечить: а) защиту сведений от возможных агентов в наших рядах путем минимизации времени, за которое поступят приказы соответствующим командам; б) защиту наших отрядов от внешнего наблюдения, которая достигается тем, что все команды войдут в столицу одновременно.

Обе цели могут быть достигнуты, если приказы командам будут направлены точно за то время, которое необходимо им для достижения границ столицы (или иного установленного нами периметра). Это проиллюстрировано на Схеме IX[90].

Ход операции

Непосредственное осуществление переворота потребует от нас следующих, весьма разнообразных качеств: искусной дипломатии на блокпостах, к которым подойдут силы лоялистов; убедительности в разговоре с техническим персоналом теле- и радиостанций, который нужно привлечь к сотрудничеству; значительных тактических навыков, если окажется, что предназначенные для захвата цели сильно укреплены. Наши ресурсы, вероятно, будут слишком ограниченными для того, чтобы сформировать полностью специализированные команды из тех частей и отдельных людей, которых мы привлекли на свою сторону, но тем не менее мы должны «накрыть» разные категории целей с помощью команд подготовленных именно для удара по ним команд. Мы можем поделить цели и предназначенные для их захвата команды на три категории.

Цели А (первоочередные)

Это наиболее плотно охраняемые объекты со строгим контролем доступа к ним, такие, как королевский или президентский дворец, штаб-квартира полиции и армии. Конечно, во время кризиса подобные объекты могут охраняться военнослужащими, а во многих странах кризис — вещь постоянная. Частично для того, чтобы минимизировать кровопролитие, которое может иметь дестабилизирующий эффект на ситуацию, частично для того, чтобы сократить общее количество необходимых для осуществления переворота людей, эти цели должны быть захвачены специально подготовленными командами, использующими тактическую смесь из проникновения, диверсий и фронтальной атаки[91].

Хотя нам придется подготовиться к серьезной военной операции (довольно сложной, если только у нас нет подавляющего численного пре-

---

[90] На диаграмме «зона раннего оповещения» показана как периметр с четко очерченными границами. Однако на самом деле, конечно, эта зона будет неким районом с расплывчатыми рубежами. Мы будем считать периметром тот район, который реально подходит к условиям операции.

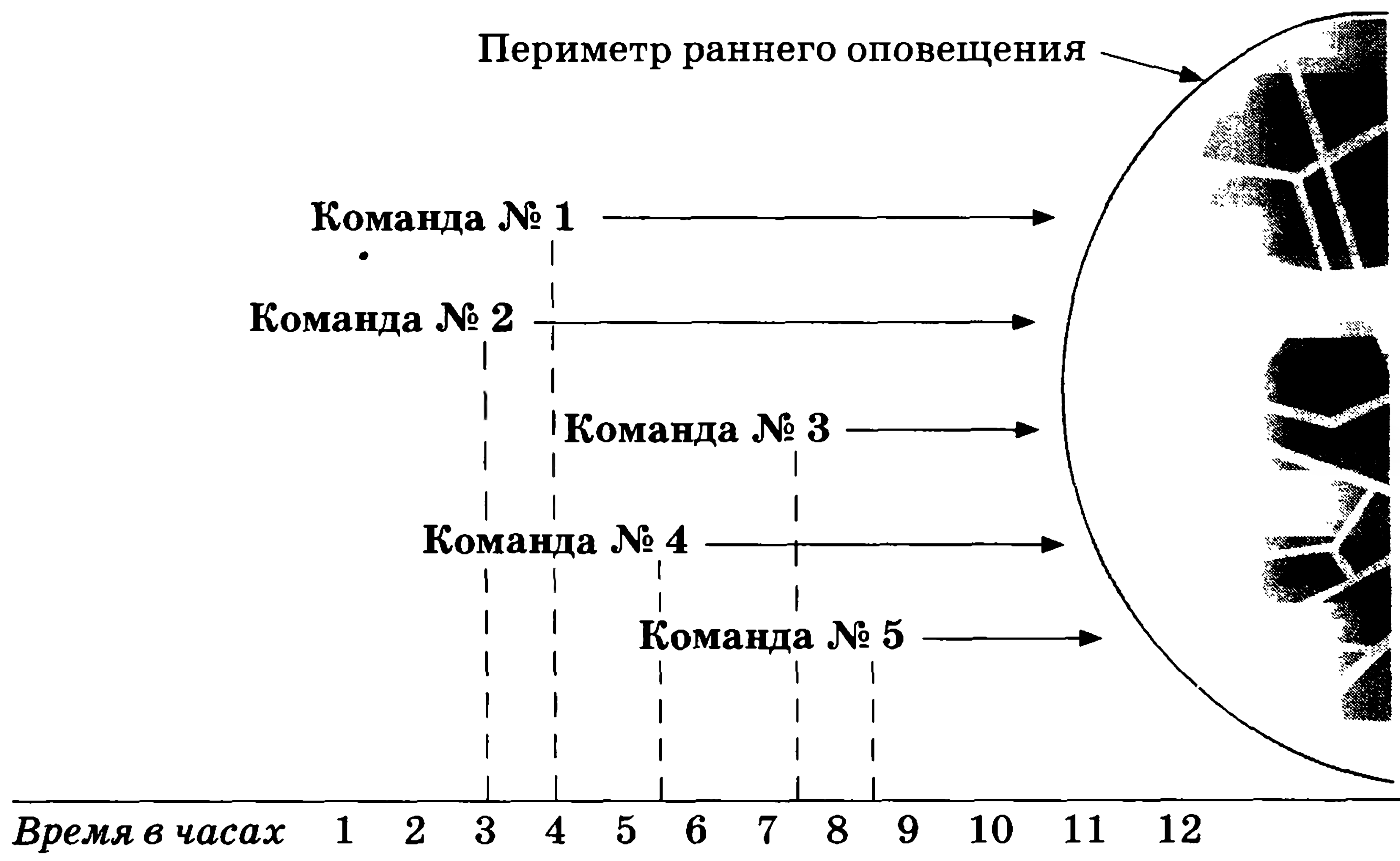
[91] Соответствующие оперативные детали рассматриваются в Приложении Б.

восходства в зоне цели), эта операция не должна вылиться в крупные боевые действия: если те, кто охраняет цель, увидят, что мы хорошо подготовились к борьбе, они вряд ли окажут сильное сопротивление.

То, что наши общие меры по нейтрализации противника перерезали контакт защитников с руководством или затруднили его; то, что патриотизм, присущий войне с внешним врагом, будет отсутствовать во внутреннем конфликте; и наконец, то, что мы сделаем все, чтобы обеспечить нашим противникам почетную капитуляцию, — все эти факты говорят против слишком длительного сопротивления.

Если нам повезло, и мы привлекли к перевороту очень большое количество войск, особенно, если эти войска оснащены внушительным вооружением, например бронетехникой, — вероятность боевого столкновения будет еще меньшей. Но эти цели, тем не менее, косвенно представляют для нас очень серьезную проблему, хотя скорее политическую, чем военную: формирование больших команд, необходимых для овладения этими объектами, поднимет деликатный вопрос «переворота внутри переворота». Во время активной фазы переворота ситуация очень запутанна и крайне нестабильна, и если прочие команды будут слишком малочисленными, чтобы внушить их командирам искушение самим узурпировать власть, то командиры команд, предназначенных для целей А, могут и не совладать с таким искушением. Человек, который командует танками, только что захватившими президентский дворец, может легко убедить самого себя, что может захватить и власть целиком, и если его команда достаточно мощна, то он может и сделать это. Наше удовлетворение по поводу успешно совершенного переворота станет сомнительной наградой за все усилия, если мы не сумеем удержать власть. Поэтому необходимо принять меры, чтобы предотвратить осложнения со стороны командиров больших команд: иногда этого можно добиться путем формирования команд для целей А из нескольких маленьких подкоманд во главе с надежными людьми. Там, где это невозможно, команды целей А должны быть разбиты на несколько меньших подразделений и направлены на овладение второочередными целями сразу же после того, как выполнят основную задачу. Таким образом, возможная угроза со стороны команд для целей А может быть предотвращена, если направить энергию их командиров на другие цели. Оперативным командирам команд А, вероятно, потребуется определенное время, чтобы свыкнуться с тем фактом, что они уже не изолированные персонажи, вовлеченные в опасное предприятие, и теперь могут мыслить и более амбициозными для себя категориями. Дело надо организовать так, чтобы они лишились своих больших и хорошо вооруженных команд до того, как эта смена понятий произойдет в их голове.

Схема XIX. **Единовременное проникновение в систему обороны и время, необходимое для этого различным командам**

Команда №	1	2	3	4	5
Заблаговременное поступление приказа (в часах)	4	3	7,5	5,5	8,5

Цели Б (второочередные)

Это технические объекты, как правило, без усиленной охраны, которые мы в любом случае скорее хотим нейтрализовать, чем захватить: телефонная станция, телеграф и второстепенные теле- и радиостанции. На каждую из этих целей будут выделены небольшие команды, в состав которых войдут технические специалисты, чье присутствие должно минимизировать объем физического ущерба от вероятного саботажа. Если возможно парализовать работу таких объектов с помощью малого и внутреннего саботажа, то команда для целей Б может состоять всего лишь из одного или двух технически компетентных операторов. Если понадобится войти в само здание хотя бы на короткое время, члены команды, пусть и небольшой, должны продемонстрировать свое присутствие и для этого быть одетыми в солдатскую или полицейскую униформу.

Цели В (третьеочередные)

Речь идет о людях, которых мы намерены изолировать на время переворота. Аресты лидеров правительства будут произведены в ходе операции по захвату президентского дворца или подобных ему целей группы А, поэтому объекты, оставшиеся группе В, не должны представлять большой проблемы с точки зрения проникновения в них. Проблема здесь состоит в возможном бегстве тех, кого мы намерены арестовать. Радиостанция или президентский дворец, конечно, относятся к тем целям, которые трудно захватить, но они, по крайней мере, не могут убежать или скрыть свою идентичность. Лица, которых мы хотим арестовать, попробуют сделать и то и другое. Поэтому очень важно уделить им внимание на ранней стадии операции, чтобы обеспечить их захват еще до того, как они сумеют скрыться от наших команд. Это обычно предполагает выдвижение команд группы В к своим целям раньше, чем других команд, и они могут сделать это, не нарушая правила одновременного проникновения в зону «раннего оповещения», так как будут достаточно маленькими и действовать отдельными группами и тайно.

Поскольку в случае с целями В речь идет о людях, эти цели будут более проблематичными, чем другие объекты; интересующие нас лица могут попытаться не только сбежать или скрыть свою личность, но и перетянуть на свою сторону посланные для их ареста команды. Если дело предстоит иметь с особо харизматическими личностями, наши команды должны быть сформированы из специально отобранных людей; в некоторых случаях, может быть, даже придется включить в них членов руководства переворотом. Команды В будут небольшими, так как их задача состоит в проникновении в частные резиденции и преодолении сопротивления одного или двух охранников. Точная численность каждой команды зависит от общего объема наших сил и их оснащения, а также потребностей операции в целом, но вряд ли будет превысит дюжину человек.

Как только те лица, которые представляют собой цели для команд группы В, будут арестованы, мы должны обеспечить их содержание под стражей. Смысл их ареста — в предотвращении использования их влияния и/или харизмы против нас. А этого можно достичь только путем их изоляции от общественности на все время осуществления переворота. Такого рода лица часто являются единственными жертвами в целом бескровных переворотов, *поскольку* иногда легче их ликвидировать, чем держать их под арестом; если мы предпочтем держать их под стражей, то импровизированная тюрьма должная быть и тайной, и надежно охраняемой. Освобождение популярной среди общественности фигуры может стать мощным фокусом действий оппозиции против переворота, и секрет-

ность места ее содержания под стражей станет более верным прикрытием, чем самая лучшая охрана.

Когда боевые команды уже будут находиться в пути к своим целям, другие наши союзники тоже приступят к действиям. Лица, которых мы привлекли на свою сторону в различных частях вооруженных сил и госаппарате, начнут выполнять свои ограниченные миссии по технической нейтрализации. А группы, которые должны образовать блокирующие позиции, будут выдвигаться к местам своей дислокации для изоляции лоялистских частей. Вклад в переворот людей, составляющих эти группы, будет очень важным, но практически незаметным со стороны. В их случае возникнет проблема доведения до них сигнала к началу действий: так как они рассеяны по чувствительным частям госаппарата, трудно проинформировать каждого в отдельности. В их рядах могут оказаться информаторы органов безопасности, так как, в отличие от личного состава ударных команд и блокпостов, членов этих групп привлекли к участию в перевороте на индивидуальной основе, поэтому принцип взаимного наблюдения, подходящий для команд, здесь не сработает. Таким образом, было бы опасно давать таким людям сигнал о начале действий заранее. Сигналом для них послужит наше первое выступление по теле- и радиоканалам, за исключением отдельных случаев, когда нейтрализация того или иного объекта должна быть осуществлена на ранней стадии переворота.

Оперативный контроль над всеми связанными с нами группами должен отвечать достижению двух целей: а) как всегда, максимальной скорости реализации поставленных перед группами задач; б) задействованию абсолютно необходимого минимума сил. Это важно не только ввиду упомянутых выше психологических и политических факторов, но и по более прямой, технической причине: из-за внешнего сходства обеих сторон конфликта. Естественно, наши команды будут состоять из граждан той страны, где происходит переворот, и бо́льшинство их членов будут военнослужащими и полицейскими, носящими такую же форму, что и противники. Это сходство даст нам определенную степень защиты, так как лоялистские силы не поймут сразу, кто на их стороне, а кто — нет. Как правило, отказ от такой маскировки посредством введения отличительной нарукавной повязки или прочих отличительных знаков — ошибка, потому что важен любой способ защиты. Когда наши команды начнут движение в районе столицы (возможно, ночью), по ним вряд ли начнут стрелять, если они не откроют стрельбу первыми; но поступить так значило бы облегчить работу нашим оппонентам, ведь именно это и поможет им отличить свои силы от наших.

Существует опасность возникновения конфликта среди наших команд, так как они формировались в тайне друг от друга, сначала для

того, чтобы предотвратить проникновение в них агентов органов безопасности, а сейчас — чтобы обеспечить наши позиции среди самих сил переворота. Поэтому смятение, которое мы вызовем среди наших противников, может иметь свою цену в виде смятения в наших собственных рядах; это чревато серьезными последствиями, если только наши сторонники не будут соблюдать правило минимального и сугубо оборонительного использования силы.

Ситуация непосредственно после совершения переворота

Как только намеченные нами цели будут захвачены, лоялистские силы изолированы, а оставшаяся часть госаппарата и вооруженных сил нейтрализована, активная (и в основном механическая) фаза переворота завершится. Однако ситуация по-прежнему будет оставаться шаткой: прежний режим лишится контроля над важнейшими частями государственного механизма, но и мы пока еще будем контролировать их лишь в чисто физическом смысле и только в районе столицы. Если нам удастся сохранить контроль над тем, что мы захватили, то политические силы, главной задачей которых является сохранение закона и порядка, вероятно, перейдут на нашу сторону. Поэтому нашей целью станет замораживание ситуации, чтобы дать этому процессу возможность состояться. То есть если до начала реального совершения переворота наша цель состояла в дестабилизации ситуации, то потом наши усилия должны быть направлены на стабилизацию или, скорее, восстановление стабильности.

Мы будем добиваться этого на трех различных уровнях: а) среди наших собственных сил, удерживая наших союзников в армии и полиции от узурпации руководства переворотом; б) внутри госаппарата, с которым мы хотим сотрудничать и чью приверженность нам стремимся закрепить; в) среди общественности в целом, чье признание мы хотим завоевать. В каждом случае мы используем рычаги одного уровня, чтобы контролировать следующий, но каждый уровень потребует и принятия особых, специфических именно для него мер.

Стабилизация наших собственных сил

На стадии планирования переворота наши сторонники в вооруженных силах будут полностью осознавать тот факт, что успех переворота и их собственная безопасность зависят от координации выполняемых ими действий. Однако сразу же после переворота единственным свидетель-

ством нашей физической мощи будут боевые силы, которые находятся под их собственным контролем. В этих условиях они могут поддаться искушению и организовать свой собственный переворот, установив контакты с другими привлеченными нами командирами и договорившись с ними об отстранении нас от руководства переворотом. Помимо различных мер противодействия этому, описанных выше, единственным эффективным средством защиты с нашей стороны станет удержание под контролем всех линий «горизонтальной» связи. Другими словами, мы должны быть единственным контактным звеном между всеми военными командирами, которых привлекли к участию в перевороте. В некоторых случаях это можно обеспечить технически, сохраняя под нашим контролем коммуникационное оборудование, соединяющее между собой различные подразделения. Но, во-первых, данный способ годится только для самых крупных столиц, во-вторых, он в любом случае не спасет нас надолго. Скорее всего, чтобы держать в отдалении друг от друга наших военных командиров, нам придется действовать обходными политическими и психологическими методами, Например, обещать быстрое продвижение по службе избранным молодым офицерам, которые иначе не могли бы надеяться на быстрый карьерный рост. Также не лишне напомнить нашим союзникам в армии и полиции, что если они не составят сплоченную группу, их оппоненты вне рядов заговорщиков попытаются отстранить их *всех* от власти. В целом мы должны обеспечить, чтобы все, от кого может исходить внутренняя угроза, выполняли задачи, важные или нет, но поглощающие их энергию, и чтобы возникли факторы, разделяющие такого рода людей. Как только военные и брократические лидеры, ранее не вовлеченные в переворот, начнут заявлять нам о своей поддержке, наши рычаги воздействия на союзников в армии и полиции возрастут очень существенно. Таким образом, проблема удержания контроля над внутренними угрозами будет краткосрочной. Укрепив свои позиции, мы вежливо отстраним опасных союзников: направим их на дипломатические посты за границу, на командные посты в отдаленных районах или чисто номинальные; «повысим», назначив на незначимые должности в госаппарате.

Весьма вероятно, что зародыши нового переворота существовали в наших силах с самого начала, поэтому общие меры безопасности, которые мы приняли для ограждения наших рядов от проникновения агентуры органов безопасности, выполнят и важную дополнительную функцию: предотвратят вторичное распространение заговора. Если наши процедуры внутренней безопасности достаточно хороши, чтобы предотвратить контакт между отдельными «ячейками» так, чтобы сдержать любое проникновение агентов органов безопасности, то они же и предотвратят координацию действий внутренней оппозиции.

Вычислено, что[92] в оборонительной позиции, даже если только двадцать процентов личного состава подразделения сохранят лояльность, это подразделение с успехом выполнит поставленную перед ним задачу. И хотя наши части в целом будут вести наступательные действия в отношении не привлеченных на нашу сторону сил государства, их цели будут оборонительными как психологически, так и тактически. Поэтому, хотя полная лояльность сил переворота — дело редкое, они могут быть до определенной степени нелояльными, но в целом все же действовать успешно.

Стабилизация госаппарата

На втором уровне наше поведение по отношению к той части вооруженных сил и госаппарата, которые не были привлечены на нашу сторону до переворота, отчасти зависит от той степени контроля, которую мы применяем к включенным в переворот силами. Если предположить, что эти силы контролируются довольно плотно, нам не стоит сразу же после победы нетерпеливо ждать заверений в поддержке большинства военнослужащих или сотрудников госаппарата, услышавших о нас, лишь когда начался переворот. Не зная об истинном размахе заговора, они будут, прежде всего, озабочены возможной угрозой своим карьерным позициям в иерархии. Ведь если бы к перевороту примкнули большинство офицеров вооруженных сил или сотрудников какого-либо министерства, те, кто этого не сделал, вряд ли вправе были бы рассчитывать на вознаграждение в виде быстрого продвижения по службе. Поняв, что группа, участвующая в перевороте, на самом деле не так и велика, военнослужащие и чиновники поймут и силу их собственной позиции: тот факт, что они в целом нужны *любому* правительству, включая и новое, которое будет сформировано после переворота. Однако в период, сразу следующий за переворотом, они, наверное, будут воспринимать себя как изгоев, чья карьера или даже жизнь находится в опасности. Это чувство опасности может вызвать два альтернативных вида реакции, причем оба экстремальные: либо офицеры и сотрудники госаппарата заявят о своей лояльности лидерам переворота, либо попытаются поддержать оппозицию против нас. Обе эти реакции нежелательны для нас. Обещания лояльности в таких случаях недорого стоят, так как исходят от людей, которые только что предали своих прежних руководителей, причем имевших законное

[92] Вычисления базируются на участии в боевых действиях контингентов, составленных немцами из украинцев и узбеков, и участвовавших в отражении высадки союзников в Нормандии летом 1944 года.

право на их верность; а оппозиция всегда опасна, а иногда и разрушительна. Наша политика по отношению к этим военным и чиновникам будет состоять в том, чтобы убавить их страхи. Мы должны установить контакт с возможно большим числом старших офицеров и чиновников и передать им следующую основную мысль в максимально убедительной и настойчивой манере: переворот не угрожает их положению в иерархии, а цели его не включают в себя полную перестройку существующей военной или административной структуры[93].

Это требование имеет и случайные технические последствия на стадии планирования переворота, когда понадобится вывести из строя средства связи так, чтобы потом их можно было быстро восстановить.

Кампания с помощью СМИ привлечет внимание этой узкой, но важной прослойки населения, но очень желательно наладить с ней более непосредственную и конфиденциальную связь. Общие политические цели переворота, которые мы разъясним в заявлениях по радио и телевидению, помогут нам заключить закулисную сделку с военнослужащими и чиновниками, тем самым заверив их, что их карьерам ничто не угрожает. В контактах с особо значимыми офицерами, контролирующими стратегически важные части, или с высокопоставленными чиновниками, мы можем пойти и дальше, напрямую обменявшись заявлениями о взаимной поддержке. Но все же следует помнить: наша главная сила — в том, что мы знаем точные размеры нашей мощи. Поэтому не стоит вступать в соглашения, дающие повод думать, что нам срочно нужна поддержка; в более общем смысле любая информация, которая выявит пределы наших возможностей, может угрожать нашей позиции, которая главным образом основана на том, что мы скрываем свою слабость. И, как и в случае с вовлеченными в переворот силами, мы должны приложить все усилия, чтобы предотвратить контакты между военными и чиновниками за пределами нашей группы. Такого рода связь, как правило, необходима тем, кто может попытаться совершить контрпереворот; неуверенность в реальной мощи сил переворота будет работать против подобных консультаций: ведь очевидно, что опасно просить кого бы то ни было принять участие в противодействии группе, к которой сам принадлежишь. Но мы должны отслеживать такие контакты и напрямую, используя наш контроль над транспортом и средствами связи.

[93] Даже если переворот является инструментом политической группы, которая хочет добиться фундаментальных социальных перемен, ее первоочередной целью будет стабилизация госаппарата и вооруженных сил. Позднее, когда будут образованы альтернативные источники прямой силы и политической поддержки, государственную машину можно перестроить и превратить в инструмент революционных преобразований.

От захвата власти к установлению авторитета нового правительства: стабилизация масс

У масс нет ни оружия как у вооруженных сил, ни административных объектов, как у чиновников, но их отношение к вновь образованному после переворота правительству будет иметь решающее значение. Наша непосредственная цель — обеспечение общественного порядка, но долгосрочная задача — завоевание поддержки масс, чтобы наши приказы выполнялись без физического принуждения. В обеих фазах мы должны использовать наш контроль над инфраструктурой и силамиподавления, но по мере того, как переворот отодвигается в прошлое, политические средства будут становиться все важнее, а физические — начнут отступать на второй план.

Первые меры, которые надо принять сразу же после активной фазы переворота, будут направлены на замораживание ситуации с помощью установления физического запрета передвижения. Тотальный комендантский час, прекращение функционирования всех видов общественного транспорта, закрытие всех общественных зданий и объектов, а также прерывание работы средств телекоммуникации предотвратят, или, по крайней мере, помешают активному сопротивлению нашей власти. Организованное сопротивление станет очень трудным делом, так как наши потенциальные оппоненты не сумеют координировать свои шаги. Неорганизованное сопротивление разрозненных групп людей также будет предотвращено, поскольку те, кто способен сформировать эти неорганизованные толпы, будут нарушать комендантский час, действуя как отдельные индивиды, а оказывать сопротивление, не имея покрова анонимности, которое дает толпа, осмелятся лишь немногие.

За пределами столицы применение физических мер будет ограничено, но так как столица является центром национальной сети транспорта и связи, то движение людей и потоков информации на периферии нарушится.

Меры физического контроля будут чисто негативными и оборонительными по своему характеру, и наша зависимость от них может быть минимальной, потому что сопутствующий им эффект — рост значения привлеченных к перевороту вооруженных сил.

Нашим вторым, гораздо более гибким инструментом станет контроль над СМИ; их важность будет особенно очевидной, так как на потоки информации окажут влияние меры физического контроля. А поскольку многие не поймут, что же, собственно, произошло, радио и телевидение будут слушать особенно внимательно. Передача сведений по радио и теле-

видению, с нашей точки зрения, служит не распространению информации о ситуации, а влиянию на ее развитие путем эксплуатации наших монопольных прав в этой сфере. У информационной кампании, которую мы начнем сразу же после переворота, будут две цели: а) уменьшить сопротивление, подчеркивая силу нашей позиции; б) успокоить тревоги, которые могут привести к росту такого сопротивления.

Первой цели мы достигнем, распространяя сведения о мощи сил переворота вместо того, чтобы пытаться оправдать его; это будет сделано путем перечисления мер контроля, введенных нами, и подчеркивания того, что закон и порядок полностью восстановлены, а сопротивление перевороту прекратилось. Одним из важных препятствий для формирования активного сопротивления будет то обстоятельство, что мы раскололи оппозицию и каждому индивиду придется действовать в изоляции, в отрыве от своих друзей и сторонников. В этих условиях новости о любом сопротивлении перевороту будут мощным стимулом для роста сопротивления, так как чувство изоляции разрушится. Прэтому мы должны предпринять все, чтобы предотвратить распространение таких новостей. Если сопротивление реально, причем возникло в таком месте или настолько интенсивно, что его трудно скрыть от тех или иных слоев общественности, мы должны признать его существование, но решительно подчеркнуть, что речь идет об *изолированном* очаге, о следствии упорства нескольких введенных в заблуждение или нечестных граждан, которые не связаны ни с одной крупной партией или группой. Постоянное повторение мотива изоляции, напоминание об установленных нами детальных и разветвленных мерах административного и физического контроля и подчеркивание того факта, что закон и порядок восстановлены, должны представить любое сопротивление опасным и бессмысленным.

Вторая цель нашей информационной кампании — успокоить общественность. Мы рассеем опасения, что переворот был инспирирован иностранными и/или экстремистскими элементами, и постараемся убедить отдельные группы населения, что он не направлен против них. Для этого мы будем манипулировать национальными символами и подчеркивать нашу веру в господствующие национальные моральные ценности; в арабском мире новый режим наверняка объявит о своей вере в арабское единство и ислам или, в некоторых случаях, — в арабское единство и социализм; там, где, как в Египте, революция стала свершившимся фактом и принята населением, необходимо подчеркнуть нашу веру в Аль-Тавру[94]. В Африке новый режим заявит о своей решимости бороться с трайбализмом и расизмом — на мировой арене. В Латинской

[94] То есть революцию 1952 года — *Прим. переводчика*

Таблица XV.
Первое коммюнике нового режима: выбор стиля

Романтически- лирический

«Это — не коммюнике, а признание, обязательство и призыв. Это признание ситуации, в которой армия и народ были попраны кучкой злых людей... это обязательство смыть позор и стыд, от которого так страдала армия... и, наконец, это призыв поднять оружие во имя чести...»

Капитан Мустафа Хамдун, выступление по радио города Алеппо, 6.30 утра 25 февраля 1954 года

Мессианский

«Власть буржуазии свергнута... началась новая эра равенства между гражданами... все договоры с иностранными государствами будут соблюдаться...»

Полковник Жан Бедель Бокасса, Центральноафриканская Республика, 15 января 1966 года

Спонтанный

[Это восстание было начато с целью] сделать Нигерию сильной, единой и свободной от коррупции и внутренней вражды... Грабеж, поджог, гомосексуализм, изнасилование, воровство государственных средств, взятки, коррупция, саботаж и лживые слухи будут караться смертью...»

Майор Нзеогву, радио Кадуна, Нигерия, 15 января 1966 года

Рационально-административный

«Миф вокруг Кваме Нкрумы лопнул... он управлял страной, как своей частной собственностью... (его) волюнтаристское отношение к экономическим проблемам... привело страну на грань экономического краха... Мы надеемся объявить о мерах по оздоровлению обстановки в стране в течение нескольких дней... будущее точно будет светлым...»

Переданное по радио коммюнике Совета национального освобождения Ганы, февраль 1966 года

Америке — о необходимости обеспечения социальной справедливости (либо о необходимости борьбы с коммунизмом или Фиделем Кастро). Везде в «третьем мире» следует использовать националистическую риторику и прославлять героический народ страны X и саму славную страну X, которую так унизил прежний режим; прежде всего, нужно побольше критиковать колониализм и неоколониализм. Такого рода заявления особенно важны там, где действуют большие иностранные компании; яростными атаками против них можно рассеять неизбежные подозрения, что переворот является продуктом их махинаций. Словесные нападки умиротворят публику, не мешая интересам бизнеса, и эти нападки должны быть еще более воинственными, если подозрения хотя бы отчасти имеют под собой основания.

В то время как религиозное мировоззрение отводит Богу роль творца собственных успехов, а самому себе — роль творца собственных неудач, националистическое мировоззрение приписывает успехи своей нации, а неудачи — иностранцам. Соответственно, восхваление Бога заменяется ритуальными проклятиями в адрес различных групп иностранцев и их деятельности. Таким образом, под фразой «империалистический неоколониальный блок держав» следует понимать англичан или французов, если эту фразу произносят африканцы из бывших колоний этих стран; а в фразе «заговорщики на службе сионизма и нефтяных компаний» имеются в виду христиан и евреев, если ее произносят в арабских странах.

В подобных обвинениях может присутствовать чисто идеологический элемент, но даже если американские крайне правые говорят о «международном заговоре безбожного коммунизма», важно, что они клеймят коммунизм как «антиамериканское», а не «антикапиталистическое» явление. Мы должны использовать какие-либо выражения из этого непривлекательного набора. Хотя их значение может быть извращено постоянным и умышленным неправильным употреблением[95], они послужат индикатором нашего незапятнанного национализма, и даже если на самом деле это вовсе не является нашей позицией, мы сумеем прикрыть такими фразами наши истинные политические цели.

Поток информации, исходящей из всех источников под нашим контролем, должен быть скоординирован с другими мероприятиями: введение мер физического контроля должно быть объявлено и разъяснено, и политические шаги, к которым мы теперь приступим, должны быть должным

[95] 12 июня 1967 года радио ГДР говорило о «нацистских зверствах евреев против арабов Газы», которых описывали как «жертв сионистского, реваншистского и империалистического заговора».

образом представлены. Физическое подавление сможет устрашить или победить прямое сопротивление, в то время как информационная кампания станет основой для установления и укрепления нашего авторитета среди населения, но только политические меры способны создать для нас массовую базу активной поддержки. Там, где прежний режим был крайне жестоким, коррумпированным или ретроградным, лидеры переворота быстро приобретут некую степень признания. Но даже тогда активную поддержку отдельных групп населения можно обеспечить только рассчитанными на них политическими мерами, то есть проведением политики, которая служит интересам определенных групп, давая им повод желать здравия новому режиму. Например, в некоторых латиноамериканских странах мы можем приобрести поддержку безземельного крестьянства, объявив о намерении провести аграрную реформу. В Западной Африке мы сообщим о решении поднять закупочные цены на приобретаемые у крестьян различными государственными и кооперативными органами товары; в Греции и Турции, где крестьяне задавлены долгами, объявим о полном списании долгов на селе. Каждый из таких анонсов свяжет с нашим правительством интересы больших и политически мощных групп, если, конечно, мы не предпочтем сделать заявления в пользу соперничающих интересов, но это приведет к враждебности других групп, чьи интересы пострадают от проводимой нами политики. В Латинской Америке, где от аграрной реформы выиграют крестьяне, от нее же проиграют помещики; в Африке от повышения закупочных цен пострадают горожане, а в Греции налогоплательщики будут вынуждены взять на себя бремя погашенных крестьянских долгов. Таким образом, поддержка интересов одних групп обычно приводит к потере поддержки — или даже откровенной враждебности — со стороны других групп.

Ясно, что надо взвесить *чистую* политическую поддержку, которую даст новому режиму то или иное политическое заявление. Это означает, что придется принять во внимание не только политический вес каждой группы, но и скорость, с какой она может проявить свою мощь. После переворота где-нибудь в Латинской Америке благоволение далеких и рассеянных по стране крестьян вряд ли поможет нам одолеть немедленную мощную оппозицию военных и чиновников, в основном — выходцев из землевладельческой аристократии. Однако если же наши кратковременные позиции сильны, но в долгосрочной перспективе нам угрожает узурпация власти нашими же военных сторонниками, потребуется создать противовес, способный при необходимости стать источником прямой силы, — например, крестьянскую милицию. Таким образом, обратимся ли мы к «левой» политике аграрной реформы, чтобы обеспечить поддержку крестьянства в долгосрочной перспективе, или к «правой» политике

подавления крестьян, чтобы заручиться немедленной поддержкой помещиков, — зависит от баланса между нашими краткосрочными и долгосрочными позициями.

Почти механические элементы, которые важны в особом климате после переворота, нарушат нормальный баланс между политическими силами в данной стране. Поэтому если наша краткосрочная позиция достаточно прочна, мы должны подавлять агитацию тех сил, которые непропорционально сильны в краткосрочном периоде, и культивировать поддержку со стороны тех групп, чья долгосрочная сила больше.

Один из элементов нашей стратегии находится примерно посередине между информацией и политической кампанией: проблема «легитимизации» переворота. Конечно, переворот незаконен уже по своему определению, но играет ли эта незаконность значение и можно ли бороться с ее последствиями, зависит от политической среды данной страны. Мы видели во второй главе, что в большинстве стран «третьего мира» легитимность или нелегитимность правительства не имеет большого значения; к правительству относятся как к части природы, то есть как к тому, к чему надо приспосабливаться, а не к тому, что принято оспаривать. Однако в других странах общие настроения масс могут быть более легалистскими. Один из путей легитимизации нового режима после переворота уже был отмечен, когда шла речь о выборе лиц, которых следует арестовать, — а именно сохранение номинального главы государства (там, где такая конституционная роль существует) в качестве *нашего* номинального главы государства. Таким образом, мы сохраним видимость преемственности государственной власти, а тем самым и видимость легитимности. Там, где глава государства не является номинальной фигурой, как при «президентском» режиме, придется использовать иную тактику: объявить о предстоящих выборах или референдуме (что-то вроде легитимизации постфактум) либо, в качестве альтернативы, открыто признать переворот чрезвычайным вмешательством в конституцию, но заявить, что он был совершен против антиконституционного режима. Тогда одно беззаконие предстанет причиной другого, но мы заявим, что если незаконность прежнего режима была *добровольной и постоянной*, то наша — *вынужденна и временна*.

Такие технологии имеют ограниченную ценность при организации политического процесса, нужного для создания массовой базы поддержки и укрепления нашего авторитета, поскольку все зависит от конкретной политической среды, в которой нам предстоит действовать; но одна из частных проблем — признание нового режима иностранными государствами — требует дополнительного рассмотрения. Это почти всегда чрезвычайно важно для тех стран «третьего мира», чьи финансовые

ресурсы находятся главным образом за границей. Если большая часть находящихся в их распоряжении средств поступает в виде иностранных кредитов, инвестиций или грантов, а иностранцы выполняют жизненно важные административные, технические и иногда даже военные функции, поддержание хороших отношений с определенной страной-донором (или странами) может оказаться определяющим фактором для нашего политического выживания после переворота. Преждевременное признание иностранным государством, то есть признание, полученное в период, когда прежний режим еще сохраняет определенную степень контроля, стало рассматриваться в международном праве как одна из форм агрессии. Но обычно признание в отношении нелегитимных режимов происходит по истечении определенного промежутка времени, если есть убедительные доводы в пользу преемственности во внешней политике этого государства. Заверения такого рода даются просто и публично в виде формальных заявлений о том, что членство страны в союзах и группировках сохранится, международные соглашения и обязательства будут соблюдены, а легитимные интересы иностранных государств в данной стране — не нарушены. Так, например, лидеры Национального совета освобождения Ганы, сформированного после свержения Нкрумы, объявили, что Гана сохранит свое членство в Содружестве наций, Организации Африканского Единства и ООН и будет соблюдать взятые на себя режимом Нкрумы международные обязательства. Точно так же пришедшие к власти в результате переворотов режимы в арабском мире обычно объявляют, что останутся членами Лиги арабских государств, а латиноамериканские страны говорят то же самое про Организацию американских государств. Гораздо важнее подобного рода деклараций значительная дипломатическая активность, которая разворачивается после переворота (а иногда даже и до него). Целью этих дипломатических действий является выяснить политическую ситуацию, а в наши дни — и дать представление об идеологической ориентации заговорщиков или же скрыть таковую. Большинство стран мира следуют британской дипломатической доктрине, признавая режимы, реально контролирующие территорию тех или иных стран. Но эта доктрина столь же гибка, сколь и само определение «контроля»; таким образом, в признании может быть и временно отказано, если прежний режим сохраняет контроль над частью национальной территории, как в случае с отказом Великобритании признать республиканский режим в Йемене.

После необходимого обмена информацией и заверениями новое правительство обычно получает признание; и это будет так, даже если незаконность режима представляет собой известное затруднение, как в случаях с отношением США к переворотам в Латинской Америке, или если

идеологическая ориентация нового режима не внушает симпатий, как в случаях с Советским Союзом и переворотами в Гане и Индонезии.

Дипломатическое признание является одним из элементов в общем процессе установления авторитета нового правительства; пока этого не произойдет, нам придется полагаться на хрупкие инструменты физического принуждения и наша позиция будет уязвима для многого, включая угрозу нового переворота.

Приложение А
Экономика репрессий

После того, как мы осуществили государственный переворот и установили контроль над госаппаратом и вооруженными силами, наше выживание в долгосрочной перспективе зависит главным образом от решения проблем экономического развития страны. Экономическое развитие всеми рассматривается как «хорошее дело», и ратует за него почти каждый хочет, но для нас — только что пришедшего к власти правительства страны X — экономическое развитие нежелательно, так как противоречит нашей основной цели: политической стабильности.

Экономика развивается, расширяя и улучшая накопленный человеческий и материальный капитал, а это требует инвестиций, либо для обучения людей, либо для строительства фабрик. Для того чтобы инвестировать, текущий доход должен быть изъят у возможных потребителей и направлен на создание капитала. Ясно, что чем выше уровень инвестиций, тем быстрее будет развиваться экономика данной страны, но и тем ниже будет *существующий на данный момент* уровень жизни. Поэтому правительства экономически отсталых стран — где нужда в развитии ярко выражена — обычно сталкиваются с альтернативой: либо замедлять темпы экономического роста, либо и далее понижать и так отчаянно низкий уровень жизни. Чем больше можно изъять в виде налогов из текущего дохода, тем ближе прекрасная заря процветания — даже если это процветание Испании или Греции, а не Западной Европы или Северной Америки. Но есть пределы норме накопления инвестиций, которую можно выжать из населения, чей подушевой доход и так очень низок. Существует лимит экономического выживания, ниже которого население —

или его большая часть — просто умрет с голода, если не перейдет к чисто натуральному хозяйству; но задолго до того, как страна достигнет этой черты, будет достигнут политический лимит выживания, ниже которого неминуемо свержение нашего правительства. Лимит экономического выживания более или менее жесток: в любой конкретной среде с тем или иным климатом, привычками питания, обычаями и традициями, должен быть минимальный годовой доход, который позволяет более-менее находчивому человеку удовлетворять свои основные физические потребности и нужды его семьи. «Лимит политического выживания», однако, очень гибок и зависит от психологических, исторических и социальных факторов, а также от эффективности системы государственной безопасности и пропагандистской машины государства.

Эта проблема особенно актуальна в новых независимых государствах «третьего мира». Колониальные режимы могли пытаться или не пытаться достичь высокого экономического развития, но если они это и делали, то без всякой спешки, характерной для новых постколониальных режимов. Поэтому сразу же после обретения независимости вместо повышения жизненного уровня, которого ожидает коренное население, происходит прямо противоположная вещь. Новое «независимое» правительство вынуждено повысить налоги и импортные пошлины для того, чтобы финансировать большие проекты, с которых часто начинается экономическое развитие: плотины, дороги, сталелитейные заводы и порты. Иностранная помощь, которую многие в странах-донорах под влиянием соответствующей пропаганды считают весьма значительной[96], дает только малую толику необходимых средств. Поэтому большинство средств изымается из текущего дохода, и уровень потребления коренных жителей, мечтавших о машинах «как у белых», еще больше снижается. Подобное обнищание и без того очень бедное население безропотно терпеть не будет — особенно если до этого его ожидания искусственно подогревались.

Исходя из этого, нашей основной проблемой является экономическое развитие — для того, чтобы удовлетворить ожидания элиты[97] и тех, кто считает себя ее частью, — без повышения налогообложения масс за пределы лимита политического выживания, что может привести к народному восстанию. Есть два инструмента, с помощью которых мы можем убе-

[96] В последние несколько лет помощь развивающимся странам как процент от ВВП развитых стран даже сокращается.

[97] Для элиты экономическое развитие подразумевает сочетание национальной цели модернизации с личной целью расширения карьерных возможностей. Для нового поколения образованных граждан (тех, кто хочет причислять себя к элите) экономическое развитие является гарантией занятости. А безработная интеллигенция представляет собой большую опасность для многих режимов в «третьем мире».

дить массы согласиться пожертвовать нынешним уровнем потребления во имя увеличения будущего дохода: пропаганды и репрессии[98]. Особенно эффективна смесь из того и другого. Итак, представим, что нам досталась в наследство страна с отсталой экономикой, статистические данные по которой приведены в *Таблице XVI*.

Таблица XVI.
Данные национальных счетов страны X.
(Предполагается равное распределение дохода)

Годовой ВНП на душу населения	
£100	Нынешний уровень дохода на душу населения в фунтах стерлингов
£90	Уровень налогообложения, принимавшийся населением в прошлом (т. е. чистый доход после оплаты налогов)
£80	
£70	
£60	
£50	
£40	
£45	Лимит экономического выживания
£30	
£20	
£10	

[98] Под пропагандой понимается весь спектр действий, чьим содержанием является информация или развлечение и в чьи функции в данном случае входит: а) отвлечение внимания от нынешнего тяжелого экономического положения; б) оправдание такого положения как необходимого для достижения счастья в будущем. Подобная пропаганда может изображать либо нет внешний мир еще более несчастным и бедным, но она практически всегда уверяет, что в прошлом уровень жизни был еще ниже. Равная по значимости цель пропаганды — убеждение людей в том, что нынешнее руководство страны является самым эффективным орудием модернизации; это может быть сделано традиционным образом с использованием специально подобранных статистических данных или иррациональным методом, когда прпвителям приписываются сверхчеловеческие свойства. Под репрессиями понимается весь набор действий политической полиции, направленных на: а) подавление индивидуальной политической активности путем слежки и арестов; б) запугивание масс демонстрацией силы; в) предотвращение распространения конкурирующей информации путем контроля СМИ и запрета политических дискуссий.

Таким образом, в прошлом в этой бедной (но все же не нищей) стране ВНП на душу населения составлял £100 в год, и из этого £10 уплачивались в виде различных налогов, а £90 тратились на текущее потребление или сберегались. Сейчас мы знаем, что каждому жителю нужно только £45 на душу для экономического выживания, и проблема состоит в том, чтобы получить часть этой разницы для финансирования экономического развития — и сделать это так, чтобы не быть свергнутыми. Если мы просто повысим налоги, часть населения, возможно, просто откажется их платить, а если мы используем для сбора налогов административные методы, вероятна реакция в виде вспышки насилия. Поэтому мы направим часть уже собираемых сегодня скромных налогов (£10 на диаграмме) на пропаганду и полицию. Это может привести к ситуации, изображенной в *Таблице XVII*.

Таблица XVII.
Данные национальных счетов по стране X
(после финансирования пропаганды и полиции)

Годовой ВНП на душу населения	
£100	Нынешний уровень дохода на душу населения в фунтах стерлингов
£90	Принятый населением уровень налогообложения после того, как, скажем, £1 на душу населения в год будет потрачен на пропаганду и полицию
£80	
£70	
£60	
£50	
£40	
£45	Лимит экономического выживания
£30	
£20	
£10	

Новая ситуация суммирована в *Таблице XVIII*.

Таблица XVIII.
Данные национальных счетов по стране X
(средства, которые можно направить на развитие)

До этого	(Расходы на пропаганду и репрессии)	После этого
£100	ВНП на душу в год	£100
£55	Минус — £45 в год, которые нужны для «выживания»	£55
£10	Собранные налоги	£20
£0	Минус — средства, которые истрачены на пропаганду и репрессии	£1
£10	Средства-нетто, которые можно направить на развитие	£19

Таким образом, потратив в течение года на пропаганду и создание эффективной полицейской системы по £1 на человека, мы понизили лимит политического выживания на £10 и после вычета истраченных на систему репрессий и убеждения средств все равно получаем £19. Если мы потратим еще по £1 на человека, есть шансы, что мы можем еще более сдвинуть вниз лимит политического выживания, но если мы будем тратить все больше и больше денег на репрессии, то с кого-то момента мы станем получать от этого все меньше и меньше пользы для укрепления безопасности нашего режима (см. Схему X).

И, конечно, тратя все больше и больше на полицию и пропаганду, мы заметим, что если первые дополнительные £10 в виде безопасного сбора налогов обошлись нам в £1, то следующие £10 обойдутся уже, скажем, в £2. *В итоге будет достигнута точка, когда (как показано на Схеме X)* дальнейшие расходы на полицию и пропаганду уже не принесут нам возможности собирать дополнительные налоги. В этой точке нам придется тратить дополнительный £1 в год для того, чтобы удержать с точки зрения политической безопасности хотя бы существующий уровень налогообложения. Но задолго до этой точки мы достигнем такой стадии, когда нам придется тратить, скажем, дополнительный £1 на репрессии и убеждение и получать точно такую же сумму в виде дополнительных налогов. Непосредственно перед этой точкой находится уровень максимальной эффективности в плане расходов на полицию и пропагандистскую машину.

Максимальная безопасность и нулевое экономическое развитие

Это формула, которую со все большим упорством применял на Гаити диктатор Дювалье после своего прихода к власти. Налоги, обременительные для страны с годовым доходом на душу населения примерно £30, тратятся почти полностью на армию, «полицию» (тонтон-макутов) и пропаганду. Единственный проект экономического развития, да и то имеющий сомнительную ценность, — строительство Дювальевиля, новой столицы, в любом случае на нынешний момент приостановленное.

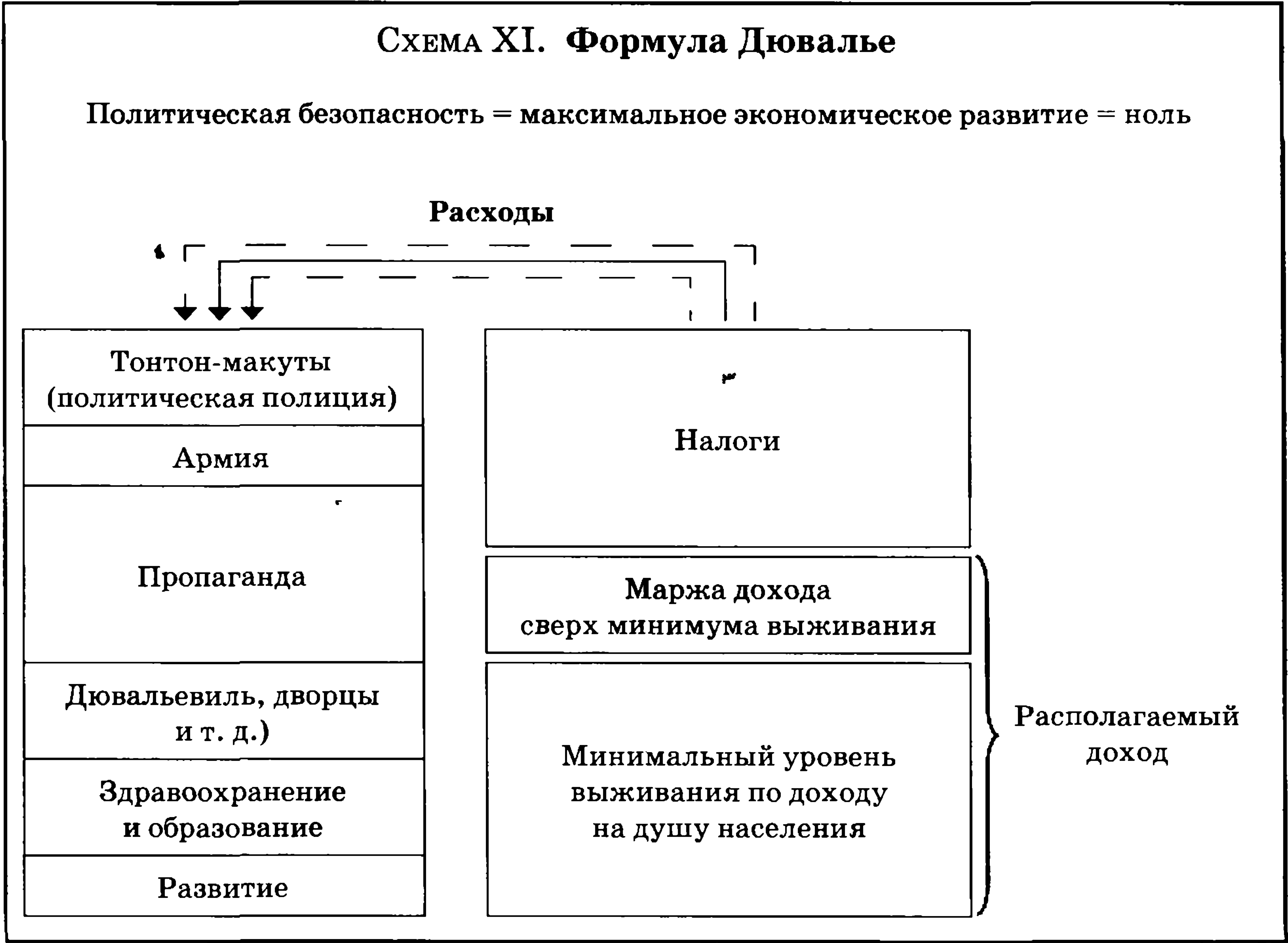
«Коктейль Дювалье», состоящий из эффективных репрессий, массированной пропаганды и отсутствия финансирования экономическое развития, полностью окупился: клан Дювалье находится у власти непрерывно с сентября 1957 года, и его режим кажется более стабильным, чем режимы в большинстве латиноамериканских стран[99]. Тонтон-макуты действуют как полусекретная президентская гвардия, выполняющая функции полиции и органов безопасности, к тому же они увеличивают свое (и так неплохое) жалованье путем частных поборов с того, что осталось от предпринимательского сектора. Пропагандистская машина, включающая в себя церемониальные парады, хвалебные фильмы и представление «папы Дока»[100] в качестве эксперта по культу вуду, практически столь

[99] Автор не умалчивает о главной причине «стабильности» режима Дювалье — его массированной экономической и военной поддержке со стороны США. Режим Дювалье был свергнут в 1986 году. — *Прим. переводчика.*

[100] Прозвище гаитянского диктатора — врача по образованию. — *Прим. переводчика.*

же дорогостояща, сколь тонтон-макуты, но и приносит не меньше пользы. Чрезвычайная бедность населения означает, что уровень его политического сознания и даже жизнеспособности очень низок; тонтон-макуты терроризируют узкую элиту и офицеров армии — за которыми постоянно следят, — а сами зависят от Дювалье, так как их позиции связаны с выживанием диктатора. Мифология Вуду и пропагандистская машина обожествляют диктатора, которого защищают тонтон-макуты, и если Дювалье исчезнет со сцены, то армия и /или массы быстро ликвидируют эту «полицию».

Президент Ганы Кваме Нкрума и многие другие африканские лидеры, ныне убитые либо находящиеся в тюрьме или в эмиграции, следовали политике высоких налогов и инвестиций, сопровождавшихся явно неэффективными пропагандой и репрессиями. Нкрума, несмотря на свою эксцентричность, был побежден своим же собственным успехом: побочным продуктом существенного экономического развития в Гане стало стимулирование активности и просвещение масс и новой элиты, а их отношение к режиму Нкрумы делалось все более и более критическим в свете образования, которым их обеспечил сам же президент. По мере того как эта тен-

денция набирала силу, приходилось тратить все больше и больше средств на репрессии и пропаганду, чтобы поддерживать политическую стабильность и, несмотря на значительные усилия, Нкрума оказался не способен выстроить достаточно беспощадную полицейскую систему. Таким образом, причиной его падения были скорее не экономические промахи, хоть и значительные, а успехи его усилий по экономическому развитию страны.

Средний путь — эффективные репрессии, широкая пропаганда и экономическое развитие, достаточное для создания приверженной режиму новой элиты, — был успешно реализован как в Советском Союзе, так и в Китае; режимы обеих стран, однако, использовали различные виды смеси репрессий и пропаганды. Эти смеси до определенной степени взаимозаменяемы, но состав наиболее эффективного снадобья будет зависеть от условий конкретной страны.

Приложение Б
Тактические аспекты государственного переворота

В решающей (активной) фазе переворота силы, которые мы привлекли на свою сторону путем проникновения и подрыва системы безопасности государства, будут использованы для захвата определенных целей и нейтрализации избранных объектов. Так как кровопролитие может иметь ненужный дестабилизирующий эффект, мы должны организовать дело таким образом, чтобы угрозы применения физических средств принуждения (а не их реального применения) было достаточно для достижения наших целей. В данном приложении мы проанализируем две главные проблемы: а) формирование активных групп (команд) и их оперативное использование; б) размещение блокирующих сил. В обоих случаях мы должны позаботиться о том, чтобы избежать или минимизировать кровопролитие и, что еще важнее, обеспечить, чтобы наши позиции не подверглись угрозе после переворота посредством узурпации власти привлеченными к участию военнослужащими и полицейскими.

Формирование активных (ударных) команд

Наше проникновение в вооруженные силы и полицию государства может либо носить всеобъемлющий и распыленный характер, либо концентрироваться на нескольких больших соединениях. При первом типе проник-

новения привлеченные на нашу сторону силы будут состоять из многих небольших подразделений, чьи командиры решили присоединиться к нам, в то время как старшие офицеры этих подразделений — те, кто командует частью как единым целым — остались за пределами нашего проникновения; при втором типе проникновения на нашу сторону целиком перейдут несколько больших частей со всем или почти всем оснащением. Оба варианта проиллюстрированы в *Таблице XIX*.

Тот и другой типы проникновения имеют свои преимущества и недостатки. Если мы привлекли на свою сторону много небольших подразделений, то получили дополнительную защиту с точки зрения безопасности, потому что сторонникам прежнего режима не удастся легко установить, какие части остались лояльными, а какие присоединились к нам; к тому же полезно противопоставить лоялистским частям команды, набранные из их же личного состава.

Но привлечение на сторону переворота нескольких больших частей минимизирует проблемы координации и распознавания и, что еще важнее, повышает уровень безопасности перед переворотом, так как в каждой крупной части будет вестись взаимное наблюдение, которое предотвратит переход людей на сторону существующего режима или утечку информации органам безопасности. Однако после завершения активной фазы переворота сборные силы, составленные из многих мелких подразделений, гораздо безопаснее. Это сокращает риск узурпации наших позиций вооруженными союзниками по трем основным причинам: а) ранги офицеров, назначенных командирами малых подразделений, а не больших частей, естественно, ниже; б) проще распылить силы после завершения активной фазы переворота, если их взаимосвязь не органична, а сконструирована нами самими; в) чем больше количество независимых командиров частей, вовлеченных в переворот, тем меньше вероятность, что они объединятся, чтобы лишить нас власти.

Какими бы ни были источники формирования привлеченных нами сил, зачастую оказывается необходимо провести их реструктуризацию для целей переворота, так как многочисленные специализированные задачи, подлежащие выполнению, требуют очень разных боевых команд (групп). Только если нас больше, чем лоялистов, или силы равны, мы сможем использовать привлеченные нами части в их первоначальном виде. Нам понадобится три типа команд, так же как и блокирующих сил, и они будут соответствовать трем типам целей, описанных в пятой главе. Поэтому мы сформируем из привлеченных нами частей и отдельных лиц команды для целей А, Б и В.

Команды типа А потребуются для захвата главных сильно укрепленных объектов: правительственной резиденции, основных теле- и радио-

Таблица XIX.
Канун переворота: силы государства, полностью перешедшие на нашу сторону (отвлеченный пример)

Рассеянный тип проникновения	Концентрированный тип проникновения
3 роты из бригады X	2 батальона бригадыX
6 рот из бригады Y	1 батальон бригадыY
7 рот из бригады Z	
1 батальон из бригады V	
4 роты из бригады U	
Общая численность = 3,000 человек	*Общая численность = 3 000 человек*

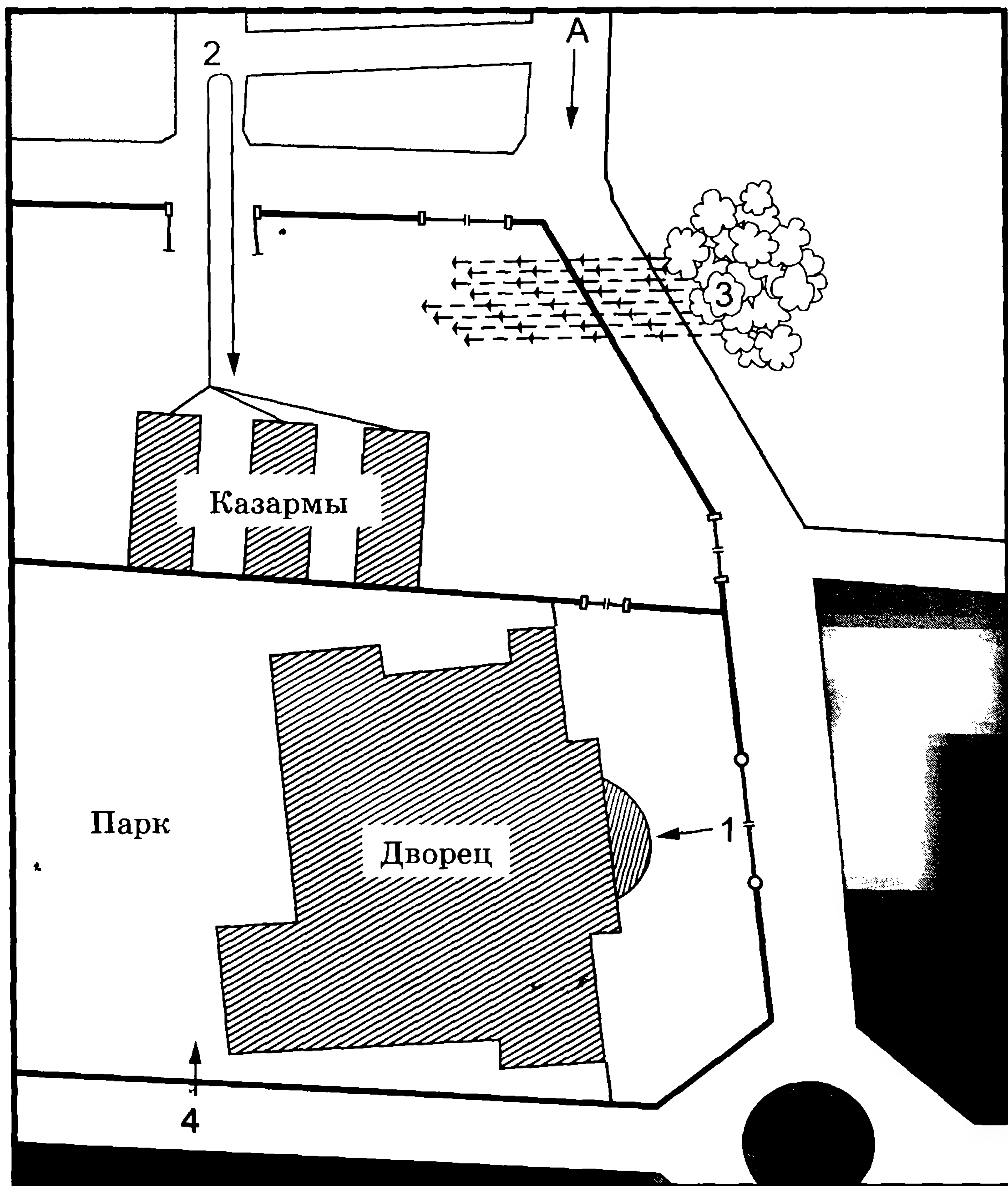
станции, штаб-квартир армии и полиции. Эти команды должны быть многочисленнее и сложнее по структуре, чем команды двух других типов. Каждая команда типа А будет состоять из четырех элементов, численность которых варьируется в зависимости от конкретной цели.

а) «Гражданская» группа проникновения — очень небольшая, состоящая из нескольких людей в штатской одежде, под которой спрятано оружие или взрывчатка. Их задача — проникнуть на объект в виде обычных посетителей для того, чтобы помочь захвату этого объекта извне. Это содействие может принять форму открытого нападения изнутри или форму внутренней диверсии; однако в случае с радиостанцией главная задача группы — предотвратить использование объекта для поднятия тревоги.

б) «Диверсионная» группа. Ее значение зависит от сил, обороняющих тот или иной объект. Там, где, как в случае с королевским или президентским дворцом, объект будет охранять целое пехотное подразделение, ключевую роль может сыграть диверсия, направленная на отвлечение части сил защитников. Диверсионная группа выполнит свою задачу, создав ложную тревогу или совершив нападение на расположенную поблизости второочередную цель. Время диверсии должно быть рассчитано так, чтобы лоялисты успели среагировать и направить силы к месту ее проведения, после чего будет совершено нападение на основную цель.

в) «Огневая» группа прикрытия. Также небольшая, но оснащенная боевыми бронемашинами и другим тяжелым вооружением. Ее задача — подавить сопротивление лоялистов демонстрацией огневой мощи и предотвратить вмешательство других лоялистских сил, прикрывая возможные пути подхода к объекту.

Схема XII. «Умный» захват хорошо укрепленных объектов

Последовательность действий

1. Проникновение людей в штатском.
2. Диверсия, направленная на отвлечение лоялистских сил от дворца
3. Отсечной огонь для предотвращения возвращения этих сил и прохода основных сил лоялистов.
4. Ударные группы начинают действовать с улицы.

А. Ожидаемый подход основных лоялистских сил.

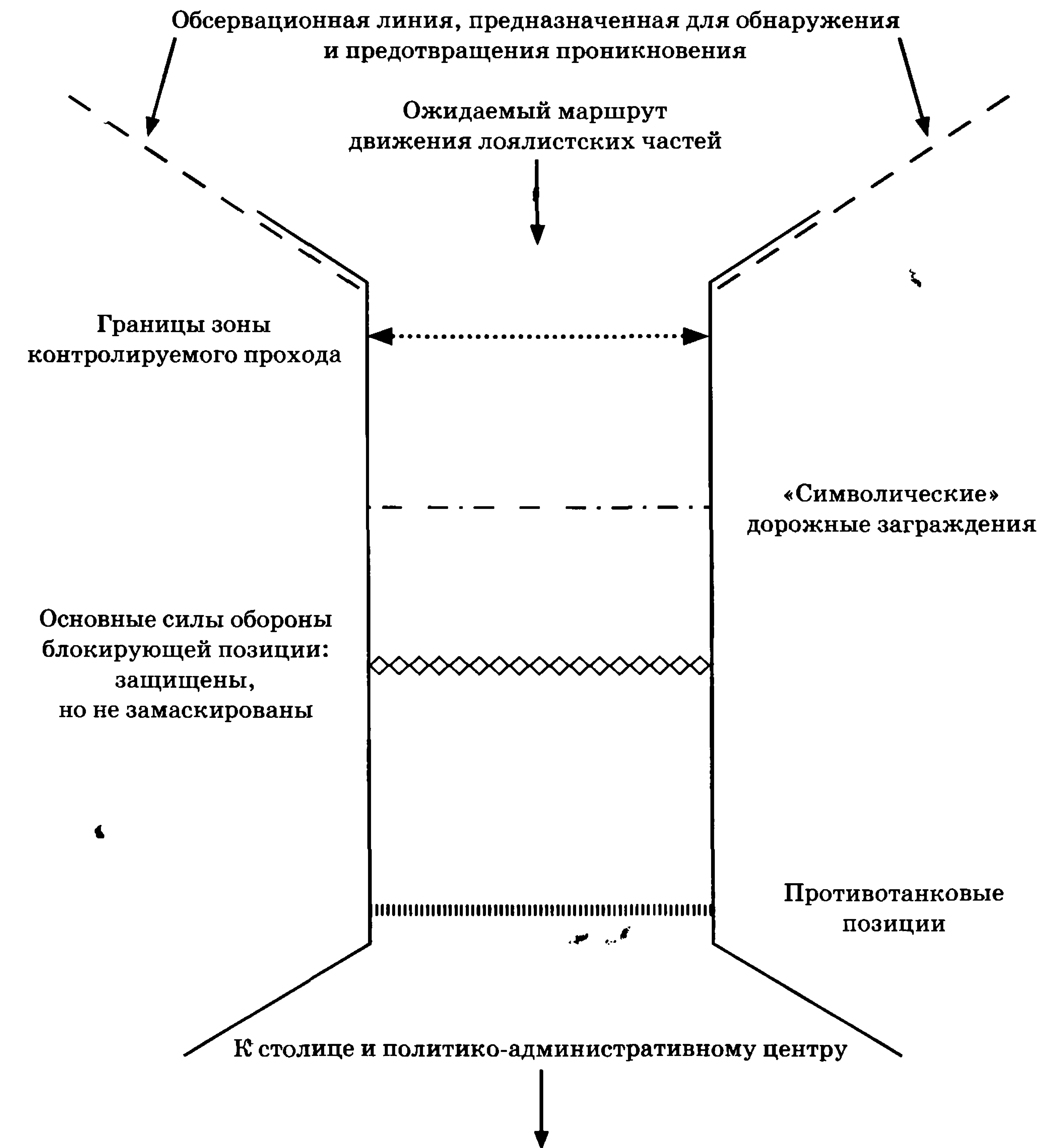
г) Ударная группа нападения. Она будет самой большой, и ее члены должны иметь боевой опыт, хотя мы и надеемся, что их навыки не понадобятся.

Комбинированная операция различных групп каждой команды типа А показана на Схеме XII. Команды Б и В, чьи задачи, соответственно, — арест политических деятелей и саботаж избранных объектов, не столкнутся с серьезными тактическими проблемами и будут формироваться из малых групп, оснащенных подходящим транспортом и координирующих друг с другом время выполнения задачи. Каждая команда должна состоять из групп военнослужащих или полицейских на джипах в сопровождении кого-то из руководителей переворотом, если речь идет об аресте видного политического деятеля, и/или в сопровождении технического специалиста, если саботаж требует специальных знаний.

Размещение блокирующих сил

Хотя мы надеемся, что существующий режим не узнает о времени начала переворота, возможно, он все-таки ощутит угрозу. Режимы в политически нестабильных странах часто стремятся иметь преданные им военные и полувоенные полицейские формирования, на которые они могли бы положиться в случае возникновения угрозы внутренней безопасности. Офицеры таких сил часто связаны этническими и/или религиозными узами с правящей группой, и для обеспечения их политической надежности принимаются специальные меры. Внедрение в такую «дворцовую гвардию» — очень сложное дело, и вовсе не исключено, что мы вообще откажемся от подобного рода попыток. Но и в ином случае мы, даже если либо привлекли на свою сторону, либо внутренне нейтрализовали все крупные части, по-прежнему остаемся под угрозой возможного перехода наших сил на сторону действующего режима или неожиданного для нас перевода в столицу не охваченных переворотом частей. По всем этим причинам блокирующие силы, предназначенные для изоляции столицы, будут иметь ключевое значение, поскольку, как уже было подчеркнуто ранее, вмешательство решительно настроенных лоялистов может иметь серьезные последствия независимо от численности их отрядов.

Операция блокирующих сил является полной противоположностью засаде: если сидящие в засаде должны нанести как можно большие потери противнику, не беря на себя блокирование ему прохода, то есть их задача — максимальный ущерб без контроля маршрута движения

ротивника, то блокирующие силы должны предотвратить проход при нанесении минимально возможных потерь.

Общая структура блокирующей позиции показана на Схеме XIII. Но схема не отражает два ключевых фактора: а) точные разведданные о дислокации и намерениях лоялистских сил; б) эффективное использование естественных препятствий (мостов, тоннелей, плотно застроен-

ных районы и т. д.) и вспомогательных блокпостов, предназначенных для того, чтобы направить лоялистов в сторону основной блокирующей позиции.

Зона ограниченного прохода на диаграмме представляет собой группу дорог или улиц, которые должны использовать лоялистские силы вмешательства, чтобы войти в город с того или иного направления; обычно здесь не подразумевается только одна дорога, хотя в конкретных условиях это и может иметь место.

«Обсервационная линия» (по военной терминологии, «линия завесы») должна попытаться внедриться в силы окружения блокирующей позиции, которые могут создать спешившиеся лоялисты. «Символические» дорожные препятствия, размещенные поперек ряда дорог или улиц, заставят лоялистов воздержаться от призывов к «соблюдению приказа» или «товарищества по оружию»; если удержать лоялистов словами не удастся, можно попытаться удержать их, продемонстрировав силу основной оборонительной позиции, а если у противника есть танки — то и противотанковую позицию. Оперативное командование главной линии обороны — «зубов» блокирующей позиции — должно быть подобрано очень тщательно для того, чтобы обеспечить решительную оборону, если лоялистские войска решат применить силу; командованию блокирующей позиции надо разъяснить, какие разрушительные последствия может иметь для переворота, если блокирующая позиция начнет действовать как засада.

Приложение С: **статистика**

Таблица I: Экономическое развитие и государственные перевороты, 1945–78 гг. 185

Таблица II: Перечень основных государственных переворотов и попыток переворота, 1945–78 гг. 190

Таблица III: Эффективность государственных переворотов, 1945–64 гг. 202

Таблица IV: Частота государственных переворотов 203

Таблица I

Экономическое развитие и государственные перевороты, 1945–78 гг. Пересмотрена и дополнена Джорджем Шоттом 8 августа 1978 года.

Примечание: Все данные по отдельным странам взяты из «Атласа Всемирного банка»: население, ВВП на душу населения и темпы роста, изданным МБРР в 1977 году. (*World Bank Atlas: Population, Per Capita Product, and Growth Rates,* World Bank, 1977.) Все данные относятся к 1976 году, за исключением данных по 12 малым странам, которые относятся к 1975 году.

Страна	Данные по ВНП отдельных стран на душу населения, в долларах США	Был или не было государственного переворот	Дата последнего успешного государственного переворота
Африка			
Алжир	990	Да	1965
Ангола	330	Да	
Бенин	130	Да	1972
Ботсвана	410	Нет	
Бурунди	120	Да	1976
Камерун	290	Нет	
Кабо Верде	260	Нет	
Центрально-Африканская Империя	230	Да	1966
Чад	120	Да	1975
Коморские острова	180	Да	1978
Джибути	1,940	нет	
Египет	280	Да	1952
Экваториальная Гвинея	330	Да	
Эфиопия	100	Да	1974
Габон	2,590	Да	
Гамбия	180	Нет	
Гана	580	Да	1972
Гвинея	150	Да	
Гвинея-Биссау	140	нет	
Кот д'Ивуар	610	нет	-

Страна	Данные по ВНП отдельных стран на душу населения, в долларах США	Был или не было государственного переворот	Дата последнего успешного государственного переворота
Кения	240	Нет	
Лесото	170	Да	1970
Либерия	450	Да	_
Ливия	6,310	Да	1969
Мадагаскар	200	Да	1975
Малави	140	Нет	_
Мали	100	Да	1968
Мавритания	340	Да	1978
Маврикий	680	Нет	
Марокко	540	Да	
Мозамбик	170	Да	
Намибия	980	Нет	_
Нигер	160	Да	1974
Нигерия	380	Да	1975
Реюньон	1,920	Нет	
Южная Родезия	550	нет	_
Руанда	110	Да	1973
Сенегал	390	нет	
Сейшельские острова	580	Да	1977
Сан-Томе и Принсипи	490	Нет	-
Сьерра-Леоне	200	Да	1968
Сомали	110	Да	1969
ЮАР	1,340	Нет	_
Судан	290	Да	1969
Свазиленд	470	Да	1973
Танзания	180	Да	1964
Того	260	Да	1967
Тунис	840	Нет	_
Уганда	240	Да	1971
Верхняя Вольта	110	Да	1966
Заир	140	Да	1965
Замбия	440	Нет	

Страна	Данные по ВНП отдельных стран на душу населения, в долларах США	Был или не было государственного переворот	Дата последнего успешного государственного переворота
Азия			
Афганистан	160	Да	1978
Бангладеш	110	Да	1975
Бутан	70	Нет	
Бирма	120	Да	1962
Камбоджа	_[1]	Да	1970
КНР	410	Нет	
Гонконг	2,110	Нет	
Индия	150	Нет	
Индонезия	240	Да	
Иран	1,930	Нет	
Япония	4,910	Нет	
КНДР	470	Нет	
Южная Корея	670	Да	1961
Лаос	90	Да	1964
Макао	780	Нет	
Мальдивы	110	Нет	
Монголия	860	Нет	
Малайзия	860	Нет	
Непал	120	Да	1960
Пакистан	170	да	1977
Филиппины	410	Нет	
Сингапур	2,700	Нет	
Шри Ланка	200	Да	
Тайвань	1,070	Нет	
Таиланд	380	Да	1977
Вьетнам	_[2]	да	1965

В условиях Кампучии оценки ВНП не имеют значения

Список составлен в то время когда в Кампучии был у власти маоистский режим «красных кхмеров», уничтоживший несколько миллионов человек и всю промышленность в стране; «красные кхмеры» были свергнуты в 1979 году при поддержке Вьетнама. — *Примечание переводчика.*

[2] Для Вьетнама ВВП на душу населения можно приблизительно оценить в $151.

Страна	Данные по ВНП отдельных стран на душу населения, в долларах США	Был или не было государственного переворот	Дата последнего успешного государственного переворота
Латинская Америка			
Аргентина	1,550	Да	1976
Багамские острова	3,310	Нет	
Барбадос	1,550	Нет	
Боливия	390	Да	1978
Бразилия	1,140	Да	1964
Чили	1,050	Да	1973
Колумбия	630	Да	1957
Коста Рика	1,040	Да	
Куба	860	Да	1952
Доминиканская республика	780	Да	1965
Эквадор	640	Да	1976
Сальвадор	490	Да	1961
Гренада	420	Нет	
Гваделупа	1,500	Нет	
Гватемала	690	Да	1963
Гайана	540	Нет	
Гати	200	Да	1950
Гондурас	390	да	1975
Ямайка	1,070	нет	
Мартиника	2,350	нет	
Мексика	1,090	Нет	
Нидерландские Антилы	1,680	Нет	
Никарагуа	750	Да	1947
Панама	1,310	да	1968
Парагвай	640	Да	1954
Перу	800	Да	1975
Пуэрто-Рико	2,430	Нет	

Страна	Данные по ВНП отдельных стран на душу населения, в долларах США	Был или не было государственного переворот	Дата последнего успешного государственного переворота
Суринам	1,370	Нет	
Тринидад и Тобаго	2,240	Да	
Уругвай	1,390	Нет	
Венесуэла	2,570	да	1952
Ближний Восток, Юго-западная Азия			
Бахрейн	2,410	Нет	
Кипр	1,480	Да	1974
Ирак	1,390	Да	1968
Израиль	3,920	Нет	
Иордания	610	Нет	
Кувейт	15,480	Нет	
Ливан	—[3]	Да	
Оман	2,680	Да	1970
Катар	11,400	Да	1972
Саудовская Аравия	4,480	Нет	
Сирия	780	Да	1970
Турция	990	да	1971
Объединенные Арабские эмираты	13,990	Да	
Йемен	250	Да	1974
Народно-Демократическая Республика Йемен	280	Да	1978
Европа			
Греция	2,590	Да	1973
Португалия	1,690	Да	1974
Чехословакия	3,840	Да	1948

Данные по ВНП за 1977 год — осторожная оценка $2.9 млрд.

Таблица II
Перечень основных переворотов и попыток переворота, 1945-78 гг, пересмотрен и обновлен Джорджем Шоттом, 8 августа 1978 года

Дата	Основные действующие силы	Итог
	Африка	
Алжир		
19 июня, 1965	Элементы трех родов войск	Успешный
13 декабря, 1967	Часть армии	Провал
Ангола		
27 мая, 1977	Армия и часть политических партий	Провал
Бенин (Дагомея)		
28 октября, 1963	Часть армии	Успешный
22 декабря, 1965	Часть армии	Успешный
17 декабря, 1967	Часть армии	Успешный
12 июля, 1969	Часть армии	Провал
21 октября, 1969	Часть армии	Провал
10 декабря, 1969	Часть армии	Успешный
28 февраля, 1972	Часть армии	Провал
26 октября, 1972	Часть армии	Успешный
21 января, 1975	Армия и часть политических партий	Провал
16 января, 1977[1]	Политическая партия при иностранной поддержке	Провал
Бурунди		
19 октября, 1965	Армия и политическая фракция	Провал
8 июля, 1966	Принц плюс часть армии	Успешный
28 ноября, 1966	Премьер–министр плюс часть армии	Успешный
1 ноября, 1976	Армия и племенная фракция	Успешный
Центральноафриканская империя		
1 июня, 1966	Часть армии	Успешный
12 апреля, 1969	Часть армии	Провал
26 августа, 1971	Политическая партия при иностранной поддержке	Провал

Широко распространено мнение о том, что данный переворот был имитирован президентом М. Кереку (Mattneu Kerekou) для решения внутриполитических проблем.

Дата	Основные действующие силы	Итог
13 апреля, 1975	Часть армии	Успешный
31 марта , 1977	Армия и племенная фракция	Провал
Коморские острова		
3 августа, 1975	Армия и политическая фракция	Успешный
4 июня, 1977	Армия и политическая фракция	Провал
13 мая, 1978	Интстраннные наемники	Успешный
Народная Республика Конго		
15 августа 1963	армия и профсоюзы	Успешный
28–29 июня 1966	армия и племенная фракция	Провал
3–31 августа 1968	часть армии	Успешный
4 сентября 1968	часть армии	Успешный
8 ноября 1969	часть армии	Провал
23 марта 1970	часть армии	Провал
22 февраля 1972	Левое крыло армии	Провал
18 марта, 1977	Политическая фракция	Провал
Египет		
23 июля, 1952	Часть армии	Успешный
5 февраля, 1966	Левое крыло армии	Провал
24 сентября, 1966	Политическая фракция	Провал
27 августа 1967	Армия и политическая фракция	Провал
1 июня 1975	Политическая фракция	Провал
Экваториальная Гвинея		
21 марта, 1969	Армия и политическая фракция	Провал
Эфиопия		
13–17 декабря, 1960	Часть армии	Провал
12 сентября, 1974	Подразделения из трех спецслужб	Успешный
22–24 наября, 1974	Фракция правящего военного совета	Успешный
3 февраля, 1977	Фракция правящего военного совета	Провал
Габон		
17–18 февраля 1964[2]	Часть армии	Провал

Правительство Леона Мба (Leon Mba) было быстро свергнуто благодаря военному перевороту, но было восстановлено на следующий день, когда французские войска были введены в страну, на основании соглашения с Францией от 1961 года.

Дата	Основные действующие силы	Итог
Гана		
24 февраля, 1966	Часть армии	Успешный
17 апреля, 1967	Часть армии	Провал
13 января, 1972	Часть армии	Успешный
15 января, 1972	Часть армии	Провал
Гвинея		
22 ноября, 1970	Политическая фракция при иностранной поддержке	Провал
13 мая, 1976	Армия и политическая фракция	Провал
Лесото		
30 июня 1970	Полиическая фракция	Успешный
Либерия		
5 фкрваля, 1963	Политическая фракция	Провал
Ливия		
1 сентября, 1969	Подразделения трех родов войск	Успешный
10 декабря, 1969	Фракция при иностранной поддержке	Провал
14 августа, 1975	Часть армии	Провал
Мадагаскар (Малагасийская Республика)		
1 апреля, 1971	Левая часть армии	Провал
18 мая, 1972	Политическая фракция	Успешный
5–12 февраля, 1975	Часть армии	Успешный
Мали		
19 ноября 1968	Часть армии	Успешный
7 апреля 1971	Часть армии	Провал
Мавритания		
10 июля 1978	Часть армии	Успешный
Марокко		
10 июля 1971	Группа генералов армии	Провал
17 августа 1972	Часть ВВС	Провал
Мозамбик		
17 декабря 1975	Часть армии и полиции	Провал
Нигер		
15 апреля 1974	Все силы	Успешный
2 августа 1975	Армия и политическая фракция	Провал

Дата	Основные действующие силы	Итог
15 марта 1976	Армия и политическая фракция	Провал
Нигерия		
15 января 1966	Часть армии	Успешный
29 июля 1966	Северная часть армии	Успешный
29 июля 1975	Часть армии	Успешный
13 февраля 1976	Часть армии	Провал
Руанда		
5 июля 1973	Часть армии и полиции	Успешный
Сейшельские острова		
5 июня, 1977	Полиция и политическая фракция	Успешный
Сьерра–Леон		
23 марта 1967	Часть армии	Успешный
18 апреля 1968	Часть армии	Успешный
Самали		
21 октября, 1969	Армия и политическая фракция	Успешный
21 апреля, 1970	Армия и политическая фракция	Провал
25 мая, 1971	Армия и политисческая фракция	Провал
9 апреля, 1978	Часть армии	Провал
Судан		
18 августа, 1955	Армия и часть национальных племен	Провал
17 наября, 1958	Часть армии	Успешный
28 декабря, 1966	Левое крыло армии	Провал
25 мая, 1969	Левое крыло армии	Успешный
19–22 июля 1071	Левое крыло армии	Провал
5 сентября, 1975	Часть армии	Провал
2 февраля, 1977	Часть ВВС	Провал
Танзания (Танганьика и Занзибар)		
12 января, 1964	Политическая фракция	Успешный
20 января, 1964	Военный мятеж	Провал
Того		
13 января, 1963	Армия и часть национальных племен	Успешный
21–22 ноября, 1966	Политическая фракция	Провал
13 января, 1967	Группа генералов армии	Успешный
8 августа, 1970	Армия и политисческая фракция	Провал

Дата	Основные действующие силы	Итог
Уганда		
23 января, 1964	Военный мятеж	Провал
25 января, 1971	Армия и политисческая фракция	Успешный
23 марта, 1974	Часть армии	Провал
Верхняя Вольта		
3 января, 1966	Часть армии	Успешный
Заир		
25 ноября, 1965	Часть армии	Успешный
30 мая, 1966	Политическая фракция	Провал
	Азия	
Афганистан		
17 июля, 1973	Армия и полиция	Успешный
30 ноября, 1976	Уволенные армейские офицеры	Провал
27 апреля, 1978	Армия и ВВС	Успешный
Бангладеш		
15 августа, 1975	Армия и политисческая фракция	Успешный
7 ноября, 1975	Часть армии	Провал
2 октября, 1977	Армия и ВВС	Провал
Бирма		
26 сентября, 1958	Часть армии	Успешный
2 марта, 1962	Подразделения из трех родов войск	Провал
24 июля, 1974	Левое крыло политических партий	Провал
Камбоджа (Демократическая Кампучия)		
18 марта, 1970	Подразделения из трех родов войск	Успешный
Индонезия		
3 декабря 1950	Часть военно-морских сил	Провал
26 апреля, 1950	Подразделения из трех родов войск	Провал
1 октября, 1965	Коммунистическая партия	Провал
16 ноября, 1965	Подразделения из трех родов войск	Провал
Корейская республика		
20 октября, 1948	Часть армии	Провал
16 мая, 1965	Подразделения из трех родов войск	Успешный

Дата	Основные действующие силы	Итог
Лаос		
9 августа, 1960	Нейтаральная часть армии	Успешный
19 аперля, 1964	Правое крыло армии	Успешный
31 января, 1965	Полиция и часть армии	Провал
21 октября, 1966	Часть ВВС	Провал
20 августа, 1973	Часть ВВС	Провал
Непал		
15 декабря, 1960	Король и часть армии	Успешный
Пакестан		
7–27 октября, 1958	Подразделения из трех родов войск	Успешный
5 июля, 1977	Подразделения из трех родов войск	Успешный
Шри Ланка		
29 января 1962	Политическая фракция	Провал
Тайланд		
9 ноября, 1947	Часть армии	Успешный
29 июня, 1951	Часть ВМС	Провал
29 ноября, 1951	Часть армии	Успешный
16 сентября, 1957	Часть армии	Провал
20 октября, 1958	Часть армии	Успешный
17 ноября, 1971	Премьер–министр	Успешный
24 февраля, 1976	Часть армии	Провал
20 октября, 1976	Подразделения из трех родов войск	Успешный
26 марта, 1977	Армия и политическая фракция	Провал
20 октября, 1977	Подразделения из трех родов войск	Успешный
Южный Вьетнам		
1–2 ноября 1963	Подразделения из трех родов войск	Успешный
30 января 1964	Подразделения из трех родов войск	Успешный
27 января 1965	Подразделения из трех родов войск	Успешный
21 февраля 1965	Подразделения из трех родов войск	Успешный
Латинская Америка		
Аргентина		
28 сентября, 1951	Подразделения из трех родов войск	Провал
16 июня, 1955	Часть военно–морского флота	Провал

Дата	Основные действующие силы	Итог
16 сентября, 1955	Подразделения из трех родов войск	Успешный
13 ноября, 1955	Часть армии	Успешный
13 июня, 1960	Часть армии	Провал
28 марта, 1962	Подразделения из трех родов войск	Успешный
8 августа, 1962	Военный мятеж	Провал
2 апреля, 1963	Часть генералов армии	Провал
28 июня 1966	Армии и генералы ВМФ	Успешный
8 июня, 1970	Подразделения из трех родов войск	Успешный
23 марта, 1971	Подразделения из трех родов войск	Успешный
11 мая, 1971	Армия и политические фракции	Провал
8 октября, 1971	Часть армии	Провал
1 марта, 1974	Полиция	Провал
18 декабря, 1975	Правое крыло в ВВС	Провал
24 марта, 1976	Подразделения из трех родов войск	Успешный
Боливия		
16 мая, 1951	Армия и часть ВВС	Успешный
9 апреля, 1952	Армия и политические фракции	Успешный
3 ноября, 1964	Армия и часть ВВС	Успешный
21 августа, 1968	Часть армии	Провал
26 сентября, 1969	Армия и часть ВВС	Успешный
6–7 октября, 1970	Армия и часть ВВС	Успешный
10 января, 1971	Правое крыло армии	Провал
19–22 августа, 1971	Правое крыло армии	Успешный
17 мая, 1972	Левое крыло политических партий	Провал
15 мая, 1973	Правое крыло армии	Провал
5 июня 1974	Часть армии	Провал
9 декабря, 1977	Часть армии	Провал
28 июля, 1978	Армия и политические фракции	Успешный
Бразилия		
29 октября, 1945	Подразделения из трех родов войск	Успешный
11 ноября, 1955	Часть армии	Успешный
26 августа, 1961	Подразделения из трех родов войск	Успешный
1 апреля, 1964	Подразделения из трех родов войск	Успешный

Дата	Основные действующие силы	Итог
Чили		
29 июня, 1973	Правое крыло армии и политические партии	Провал
11 сентября, 1973	Подразделения из трех родов войск	Успешный
Колумбия		
13 июня, 1953	Подразделения из трех родов войск	Успешный
10 мая, 1957	Подразделения из трех родов войск	Успешный
Куба		
10 марта, 1952	Часть армии	Успешный
Доминиканская республика		
13 января, 1962	Часть армии	Провал
25 сентября, 1963	Часть армии	Успешный
25 апреля, 1965	Армия и часть ВВС	Успешный
26 ноября, 1965	Правое крыло армии и политические партии	Провал
Эквадор		
14 марта, 1947	Подразделения из трех родов войск	Провал
23 августа, 1947	Подразделения из трех родов войск	Успешный
1–3 сентября, 1947	Подразделения из трех родов войск	Успешный
7–9 ноября, 1961	Подразделения из трех родов войск	Успешный
11 июля, 1963	Подразделения из трех родов войск	Успешный
29 марта, 1966	Политические фракции	Успешный
15 февраля, 1972	Подразделения из трех родов войск	Успешный
1 сентября, 1975	Часть армии и полиции	Провал
11 января, 1976	Подразделения из трех родов войск	Успешный
Сальвадор		
14 декабря, 1948	Часть армии	Успешный
26 октября, 1960	Часть армии и полиции	Успешный
25 января, 1961	Правое крыло политических партий	Успешный
25 марта, 1972	Часть армии и политических партий	Провал
Гвателмала		
9 июля, 1949	Часть армии	Провал
20 января, 1955	Политические фракции	Провал
25 октября, 1957	Подразделения из трех родов войск	Успешный
13 ноября, 1960	Левое крыло армии и политических партий	Провал
30 марта, 1963	Часть армии	Успешный

Дата	Основные действующие силы	Итог
Гаити		
11 января, 1946	Часть армии	Успешный
10 мая, 1950	Часть армии	Успешный
5–7 августа, 1963	Вооруженные политические фракции	Провал
Гондурас		
21 октября, 1956	Армия и ВВС	Успешный
3 октября, 1963	Часть армии	Успешный
3 декабря, 1972	Армия и ВВС	Успешный
22 апреля, 1975	Часть армии	Успешный
21 октября, 1977	Правое крыло политических партий	Провал
Никарагуа		
26 мая, 1947	Часть армии	Успешный
22–23 января, 1967	Правое крыло армии и политических партий	Провал
Панама		
20 ноября 1949	Полиция	Успешный
9 мая, 1951	Армия и часть политических партий	Успешный
12 октября, 1968	Национальная гвардия	Успешный
16 декабря, 1969	Часть национальной гвардии	Провал
Парагвай		
7 марта, 1947	Часть армии	Провал
3 июня, 1948	Политические фракции	Успешный
30 декабря, 1948	Политические фракции	Успешный
26 февраля, 1949	Политические фракции	Успешный
5 мая, 1954	Часть армии	Успешный
Перу		
3 октября, 1948	Часть ВМФ	Провал
27 октября, 1948	Правое крыло армии	Успешный
16 февраля, 1956	Правое крыло армии	Провал
18 июля, 1962	Подразделения из трех родов войск	Успешный
3 марта, 1963	Подразделения из трех родов войск	Успешный
3 октября, 1968	Подразделения из трех родов войск	Успешный
29 августа, 1975	Часть армии	Успешный
9 июля, 1976	Правое крыло армии	Провал

Дата	Основные действующие силы	Итог
Тринидад и Тобаго		
21 апреля, 1970	Часть армии	Провал
Венисуэла		
23 ноября, 1948	Армия и политические фракции	Успешный
11 ноября, 1950	Политическая фракция	Провал
2 декабря, 1952	Подразделения из трех родов войск	Успешный
24 июня, 1960	Фракция при иностранной поддержке	Провал
4 мая, 1962	Правая фракция ВМС	Провал
3 июня, 1962	Левая фракция ВМС	Провал
30 октября, 1966	Часть национальной гвардии	Провал
	Ближний Восток / Юго-западная Азия	
Кипр		
15 июля, 1974	Национальная гвардия	Успешный
Ирак		
15 июля, 1958	Часть армии	Успешный
8–9 марта, 1959	Левое крыло армии	Провал
8 февраля, 1963	Часть армии и ВВС	Успешный
18 ноября, 1963	Часть ВВС	Успешный
17 сентября, 1965	Часть армии	Провал
30 июня, 1966	Нессеристкая часть армии	Провал
17 июля, 1968	Правая Биасистская часть армии	Успешный
20 января, 1970	Переворот при поддержке иностранных сил	Провал
30 июня, 1973	Полиция и политичесие фракции	Провал
Ливан		
31 декабря, 1961	Армия и нациоанльные племена	Провал
Оман		
23 июля, 1970	Сын султана и дворцовая гвардия	Успешный
Катар		
22 февраля, 1972	Монархическая партия	Успешный
Шарджа		
24 января, 1972	Политические фракции	Провал
Сирия		
30 марта, 1949	Часть армии	Успешный

Дата	Основные действующие силы	Итог
18 августа, 1949	Часть армии	Успешный
17 декабря, 1949	Часть армии	Успешный
28 ноября, 1951	Часть армии	Успешный
25 февраля, 1954	Часть армии	Успешный
28 сентября, 1961	Армия и политическая фракция	Успешный
28 марта, 1962	Часть армии	Успешный
1 апреля, 1962	Часть армии–сторонники Насера	Провал
8 марта, 1963	Левая часть армии	Успешный
23 февраля, 1966	Левая группировка БААС в армии	Успешный
8 сентября, 1966	Часть армии	Провал
28 февраля, 1969	Часть армии	Успешный
13 ноября, 1970	Правая группировка БААС в армии	Успешный
Турция		
21 мая, 1960	Элементы трех родов войск	Успешный
27 февраля, 1962	Часть армии	Провал
20 мая, 1963	Армия и часть ВВС	Провал
12 марта, 1971[3]	Группировка генералов в армии	Успешный
2 марта, 1975	Часть армии	Провал
Йемен		
5 ноября, 1967	Политическая фракция	Успешный
2 марта, 1968	Левая политическая фракция и племенная группировка	Провал
25 июля, 1968	Часть армии	Провал
26 января, 1969	Часть армии	Провал
3 июня, 1974	Часть армии	Успешный
11 октября, 1977	Армия и политическая фракция	Провал
Йемен, Демократический		
26 июня, 178	Часть армии	Успешный

Военные лидеры выступили с угрозой сместить существующую власть, если не будет создано сильное коалиционное правительство взамен правителсьва Премьер-Министра Сулеймана Демирел (Suleyman Demirel). Двумя неделями позже Премьер-Министр Нибат Эмир (Nibat Emir) утвердил новое коалиционное правителсьство.

Дата	Основные действующие силы	Итог
Европа		
Чехословакия		
21 февраля, 1948	Коммунистическая партия	Успешный
Греция		
21 апреля, 1967	Правая часть армии	Успешный
13 декабря, 1967	Король	Провал
24 мая, 1973	Мятеж в ВМС	Провал
25 ноября, 1973	Армия и часть ВМС	Успешный
Португалия		
1 января, 1962	Мятеж в армии	Провал
25 апреля, 1974	Армия и политическая фракция	Успешный
24 сентября, 1974	Часть армии	Провал
11 марта, 1975	Правая часть ВВС	Провал
31 июля, 1975	Элементы трех родов войск	Провал
25 ноября, 1975	Левое крыло парашютных войск	Провал

Таблица III
Эффективность государственных переворотов, 1945-64 гг.

Итог конфликта, как функция его типа.

Тип	**Продолжающийся конфликт**	**Незавершенный конфликт**	**Проигранный**	**Ничья**	**Выигранный**	**Итог неизвестен**
Гражданские беспорядки	4	25	47	26	18	3
Государственный переворот	0	0	24	2	62	
Военный мятеж	0	3	17	0	3	
Военное восстание	0	4	33	8	2	
Партизанская война	5	2	6	4	8	1
Гражданская война	1	2	4	4	6	
Пограничный конфликт	8	14	3	3	0	
Ограниченная война	0	1	3	1	1	
Скрытое вторжение	2	5	1	1	1	
Блокада и т. д.	0	0	2	2	0	
Угроза применения силы	I	1	O	0	1	
ВСЕГО	*21*	*57*	*146*	*51*	*102*	*4*

Таблица IV.
Частота государственных переворотов

деление по времени типов различных конфликтов в 1945-64 гг.
на дате начала конфликта)

ıные периоды:
A (1 января 1946 — 30 апреля 1953);
B (1 мая 1952 — 31 августа 1958);
C (1 сентября 1958 — 31 декабря 1964).

Тип конфликта	A	B	C
Внутренний:			
Гражданские беспорядки	35	32	56
Локализованные внутренние конфликты:			
Государственный переворот	25	18	44
Военное восстание/мятеж	8	6	17
Восстание	15	12	12
Масштабные внутренние конфликты:			
Партизанская война	11	10	5
Гражданская война	4	7	6
Международные конфликты:			
С применением обычных вооружений:			
Пограничный конфликт	7	12	9
Ограниченная война	3	2	1
Прочие:			
Скрытая агрессия	6	3	7
Блокада и т. д.	2	1	1
Угроза применения силы	0	2	1
ИТОГО:	***116***	***105***	***159***

Эдвард Люттвак.
Анализ его книг и статей: уже изданных в России и еще не переведенных на русский язык

Информация об авторе и его книгах, анализ методов его работы и описание разработанной им особой интеллектуальной практики

Андрей Горев

Почему именно Люттвак и его книги?

Как и большинство издательств, мы периодически возвращаемся к поиску для себя новых ориентиров развития, к коррекции планов, ставим перед собой новые цели. Одну из таких целей мы обозначили как ознакомление российских читателей с наиболее существенными течениями западной социальной мысли. Естественно, что предварительно мы постарались выявить те направления исследований, которые по каким-либо причинам оказались мало или вообще не представлены в России. В результате было принято решение — начать данный проект с переводов и публикации книг Эдварда Люттвака. Фигура Люттвака интересна тем, что этот автор является ярким носителем и, более того, одним из создателей мало известной в России, но достаточно рельефно представленной в Соединенных Штатах интеллектуальной практики, в какой-то мере изменившей социальный и политический ландшафт современного мира.

Несмотря на то, что в России в течение всего XX века происходили радикальные трансформации социально-политической жизни, ни советские, ни (позже) российские социологи и политологи по разным причи-

нам не имели возможности или способности использовать эти события в качестве «экспериментальной базы» для разработки и проверки своих теоретических представлений и гипотез. И, по нашему мнению, им до сих пор не удалось в полной мере провести социально-политическую рефлексию происходивших в стране событий. Отчасти это объясняется тем, что в этих событиях они не были активно действующими субъектами, без чего любая рефлексия — в том числе и социальная — затруднена.

В Соединенных Штатах обстоятельства сложились по-иному. В период Второй мировой войны американское правительство привлекало различных специалистов (из области как технических, так и гуманитарных наук) для разработки методов «научного ведения войны», на эти цели тратилось много денег, сил, энергии и других ресурсов. После победы над Германией это сотрудничество власти и интеллектуалов не прекратилось, так как был найден новый враг — Советский Союз. Американские интеллектуалы получили возможность изучать социальную действительность и, кроме того, ставить перед собой цели по ее изменению. Правда, в основном не в своей, а в чужих странах, но и в этом был свой смысл, и это дало свои положительные эффекты: специалисты получили возможность сохранять необходимую для исследователя дистанцию от изучаемых или организуемых ими событий. Благодаря активной международной политике Соединенных Штатов в распоряжении американских теоретиков и практиков оказалась обширная экспериментальная база для отработки технологий трансформации или модернизации социальной и политической жизни отдельных стран и даже целых регионов. Можно сказать, что в послевоенные годы в США сложилась особая социально-политическая ситуация, когда властные элиты пошли на конструктивное сотрудничество с интеллектуальным сообществом.

В СССР такого сближения представителей власти и интеллектуалов (особенно интеллектуалов, работающих в сфере социальных наук) не произошло, что отразилось на методологическом оснащении, а также на уровне понимания текущих событий и среди тех, и среди других. Власти имели возможность производить изменения в социально-политической сфере и экономике страны, но не имели интеллектуальных средств и кадровых ресурсов для осуществления рефлексии и корректировки своих действий, к тому же были слишком сильно ограничены жесткими идеологическими рамками. Идея плановой экономики и научного управления народным хозяйством оказалась плохо реализованной в значительной мере как раз по причине отсутствия во властных структурах страны необходимых кадров. В свою очередь, советские интеллектуалы, многие из которых находились в скрытой либо в явной оппозиции к существующей власти, не имели возможностей даже для полноценного изуче-

ния социально-политического состояния общества. И уж тем более они не обладали экспериментальной базой для проверки своих представлений о том, как может что-либо меняться в социальной действительности и как ее вообще можно менять. Те российские/советские интеллектуалы, которые занимались серьезной наукой, стремились избегать идеологически заряженных тем, а диссиденты и антисоветчики, так же как и их коммунистические оппоненты, оказывались в плену идеологических установок и социальных иллюзий. По этой причине в рядах российских интеллектуалов просто не могло зародиться ни каких-либо самостоятельных теорий, ни тем более — программ их реализации на практике.

Казалось бы, что в этой ситуации для отечественных социологов и геополитиков самым разумным шагом было бы обращение к опыту своих американских коллег, к изучению разработанной ими методологии, технологий и понятийной базы. Но в советский период доступ к иностранной литературе ограничивался, поэтому освоением чужих знаний и чужого опыта заниматься было трудно. В настоящее время нам уже ничто не мешает читать работы зарубежных авторов, а кроме того, нам стали доступны документальные материалы, в которых зафиксированы некоторые планы американских «социальных инженеров», ориентированные на трансформацию социально-политической жизни самых разных стран и регионов. Мы можем ознакомиться не только с этими планами, но и с историей их создания, и даже с отчетами об успешности их реализации[1]. Но, как ни странно, на русском языке до сих пор еще не изданы многие, даже базовые труды ведущих американских специалистов по геополитике, военной стратегии и социальной инженерии.

Как уже было замечено, американские интеллектуалы имели возможность проверять свои социально-политические теории на практике. Еще более существенно то, что они ставили перед собой цели реализации определенных планов и программ, предполагающих модернизацию и трансформацию социальной действительности. В числе этих проектов были как позитивные, например план Маршалла, ориентированный на модернизацию экономики Европы, так и планы по дестабилизации социально-политической ситуации в тех странах, которые встали на «опасный путь развития», что в условиях «холодной войны» означало попытки реализации социалистических реформ. В государственных структурах США были созданы специальные отделы и департаменты, чьей задачей явля-

[1] В Соединенных Штатах в открытом доступе находятся различные документы, отражающие работу государственных органов: конгресса, исполнительной власти, а также отдельных комиссий и комитетов, в которых обсуждались планы и стратегия проведения мероприятий по трансформации социальной и политической жизни различных стран, являющихся как врагами, так и потенциальными союзниками Америки.

лось изучение текущей социально-политической ситуации в различных регионах мира, а также разработка планов по изменению этой ситуации в нужном (выгодном для Америки) направлении.

Для реализации всех этих программ и планов Соединенным Штатам потребовались квалифицированные кадры, и американские и европейские специалисты ответили на призыв крупнейшей державы мира. Лежащая перед вами книга является своего рода «манифестом интеллектуальной партии», декларацией того, что интеллектуалы могут не только выступать в роли исследователей — пассивных созерцателей социальных процессов, но и становиться активными «субъектами социальных действий». Само название книги — Coup d'Etat. A Practical Handbook («Государственный переворот: Практическое пособие») — звучит как заявление-утверждение (statement): «Мы знаем, как это делать! И мы можем это сделать!» Некоторыми людьми, гордящимися умением читать между строк, высказывалось предположение (правда, оказавшееся не соответствующим действительности), что для Эдварда Люттвака данная книга послужила чем-то наподобие открытого резюме — объявления о готовности занять должность «субъекта социального действия». Но, так или иначе, американское правительство по каким-то причинам все же приняло решение о найме на работу этого специалиста, как, впрочем, и многих других интеллектуалов его уровня. Благодаря усилиям этих профессионалов в течение второй половины XX века во многих регионах мира к власти приходили именно те правительства и политические лидеры, которые были выгодны Соединенным Штатам; расстановка социально-политических сил этих стран менялась в соответствии с планами данных специалистов[2]. И на Западе, и в России распространено мнение, что Эдвард Люттвак и его коллеги приложили свою руку к крушению Советского Союза — главного геополитического врага США, «империи зла», в терминологии президента США Рональда Рейгана, советником которого являлся автор обсуждаемой нами книги.

Нам кажется уместным сказать несколько слов о жизни автора. Эдвард Люттвак родился в годы Второй мировой войны, в 1942 году, в Румынии. После освобождения данной территории от фашистской Германии, вернее — от ее союзников, в доме, где проживала семья Эдварда, разместились на постой советские офицеры. Неудивительно, что уставшие от войны солдаты уделяли некоторое внимание оказавшемуся по сосед-

[2] Технология государственных переворотов — это не единственное средство, использовавшееся в годы «холодной войны» для утверждения в той или иной стране лояльных для «субъектов социального действия» правительств, арсенал этих средств был намного шире, но далеко не все из этих средств получили такую детальную теоретическую и организационную разработку.

ству маленькому трехлетнему ребенку: играли с ним, дарили подарки. В результате первой песней, которую будущий борец с коммунизмом выучил наизусть, оказалась русская — «Полюшко-поле...». Данные обстоятельства наложили отпечаток на отношение Люттвака к России: он всегда был яростным и принципиальным противником коммунизма, но это не мешало ему оставаться любителем русской культуры, истории и вообще — русофилом.

Отец Люттвака был успешным предпринимателем. Поэтому, несмотря на позитивный опыт общения с жившими в его доме советскими солдатами, с которыми у него сложились неплохие отношения, он предпочел эмигрировать из страны, не желая жить в условиях утверждающегося в Румынии социализма. Немалую роль в принятии этого решения сыграл и совет, который Люттвак-старший получил от знакомого офицера НКВД[3]. Остаток детства Эдвард провел в Италии и Израиле. Образование он получил в Великобритании, окончив Лондонскую школу экономики (London School of Economics), а докторскую степень (PhD) — в США, в Университете Джонса Хопкинса (Johns Hopkins University). За годы учебы и работы в данном университете Эдвардом была написана книга «Стратегия Римской империи» (The Grand Strategy of the Roman Empire).

Сферы профессиональных интересов и диапазон опыта Люттвака широки и разнообразны.

Во-первых, он является специалистом по военной стратегии. Ему приходилось выступать в качестве военного советника различных департаментов и служб США, в частности, консультантом в Совете национальной безопасности США (Office of the Secretary of Defense, the National Security Council), в Государственном департаменте США (The U. S. Department of State).

Люттвак имеет непосредственный опыт планирования и реализации военных операций, принимал участие в нескольких региональных войнах. Как уже говорилось выше, он был принципиальным борцом с коммунизмом и участвовал в нескольких операциях, в которых противодействующей стороной выступали советские спецслужбы. Эдвард приложил немало усилий для развала Советского Союза, но в то же время он с уважением относится к России, к ее истории и культуре, о чем мы также уже упоминали. По его мнению, Россия может иметь прекрасные перспективы и геополитическое будущее, если, конечно, освоит логику и грамматику большой стратегии (grand strategy). Ведь если взглянуть на такое важное для нас событие, как крушение Советского Союза, через призму разрабо-

[3] См. интервью Эдварда Люттвака для программы Conversations With History от 2007 года: ttp://www.youtube.com/watch?v=7vz1BpRf3Lc

танной Люттваком концептуальной базы, можно увидеть, что основной причиной этой трагедии оказалась не проигранная СССР гонка вооружений и даже не порочность или непрактичность коммунистической идеологии, а потеря советской элитой навыков стратегического мышления. Той самой grand strategy, которая является одним из базовых понятий теоретической модели Люттвака.

В качестве второй области специализации Эдварда Люттвака можно назвать геополитику и геоэкономику. Он является одним из ведущих экспертов в этой сфере, а также в области методологии социальных наук. Люттвак выступал в качестве советника нескольких американских президентов, в частности Рональда Рейгана, что дало ему возможность пусть косвенного и опосредованного, но реального практического участия в решении серьезных геополитических задач и реализации масштабных программ.

Люттвак ввел в обиход ряд понятий, ныне широко используемых в социальных науках: он считается основоположником геоэкономики, многие политологи, социологи и экономисты охотно пользуются разработанным им понятием «турбокапитализма». Еще важнее то, что Люттвак разработал особую методику комплексного анализа устройства и функционирования государств (как маленьких и неустойчивых государственных образований, так и сверхдержав или империй). В наиболее концентрированном виде его методологические разработки изложены в книге «Стратегия: Логика войны и мира» (The Strategy: Logic of War and Peace) и в предлагаемой вашему вниманию работе «Государственный переворот: Практическое пособие» (Coup d'État: A Practical Handbook).

Люттваком издано несколько книг и статей, посвященных изучению социального, политического и экономического устройства современной Америки, а также ряда других стран, и современной западной цивилизации в целом. Например, «Турбокапитализм: победители и проигравшие в глобальной экономике» (Turbo-Capitalism: Winners and Losers in the Global Economy (New York, 1998)) и «От геополитики к геоэкономике: логика конфликта, грамматика коммерции» (From Geopolitics to Geo-economics: Logic of Conflict, Grammar of Commerce. The National Interes, 1990).

В-третьих, Люттвак написал несколько профессиональных книг по истории, посвященных изучению военных и дипломатических практик, использовавшихся в Римской и Византийской империях: «Стратегия Римской империи» (The Grand Strategy of the Roman Empire) и «Стратегия Византийской империи» (The Grand Strategy of the Byzantine Empire). В какой-то степени к категории исторических книг можно отнести и «Стратегию Советского Союза» (The Grand Strategy of the Soviet Union (London, 1983)), но возможно, ее все-таки стоит рассматри-

вать в качестве «отчета» о предварительном анализе ситуации в стране, выбранной в качестве мишени, для совершения в ней государственного переворота.

Зарождение и развитие метода

Книга «Государственный переворот: Практическое пособие»

Coup d'Etat была впервые издана в 1968 году. В течение двух предшествующих ее появлению десятилетий распались почти все бывшие европейские империи, благодаря чему на карте мира образовалось много новых, молодых и относительно независимых государств. Эти государства предоставили богатую экспериментальную базу для изучения государственных переворотов как явления. Эдвард Люттвак решил исследовать их суть не в логике «объективно развивающихся событий», а с точки зрения потенциального субъекта социального действия — того, кто эти самые перевороты организует.

Уже при чтении этой первой изданной автором книги появляется возможность выявить черты той новой интеллектуальной практики, которую начинает разрабатывать Люттвак в этот период и которая окончательно сложится в годы его работы в государственных и исследовательских структурах Соединенных Штатов. Арсенал средств, задействованных в данной практике, включает в себя элементы стратегии, социального проектирования и комплексного гуманитарного исследования. Автор сочетает в своей работе методы социальных, политических, экономических и этнографических исследований с особым интеллектуальным средством, которое наиболее точно можно определить как метод «мыслительной имитации»[4].

С нашей точки зрения, «мыслительная имитация» является, пожалуй, наиболее интересной из всех интеллектуальных техник, которые Эдвард Люттвак демонстрирует на страницах своей книги. Она требует сочетания противоположных навыков и способностей: наличия фантазии и склонности к парадоксальной логике одновременно со строгой дисциплиной ума, последовательностью и даже педантичностью, повышенной внимательностью к деталям. Данная практика также требует широкой

[4] Эдвард Люттвак сам никаким образом не выделяет и не обозначает используемые им в работе методы анализа и средства моделирования будущих событий, он вообще не останавливается подробно на методологической стороне своей деятельности. Термин «мыслительная имитация» здесь вводится нами, поскольку целью данной статьи является именно восстановление метода работы Люттвака как самодостаточного специалиста и как представителя описываемой нами интеллектуальной практики.

эрудиции и понимания сути социально-политических процессов: знания истории их зарождения и развития, современного состояния, прогнозов на будущее. Мыслительная имитация — это не просто сценарный анализ или проведение какой-либо иной техники проспективной рефлексии, это еще и особая управленческая игра, в ходе которой осуществляется подготовка к руководству неподвластными менеджеру субъектами действия.

Значительная часть усилий разработчиков государственных переворотов, по мнению Люттвака, должна уходить на нейтрализацию максимально большего числа субъектов социальной и политической активности, способных помешать успешной реализации планируемой акции, то есть выведению их с поля игры. Но, с другой стороны, переворот, как правило, совершается «чужими руками», и поэтому его организаторы нуждаются в наличии в зоне действия какого-то оптимального количества «игроков»[5]. Поведение этих людей, организаций или социальных, профессиональных и этнических групп предсказать непросто, и их реакции могут меняться в зависимости от того, кто и под какими лозунгами оказывается задействованным в игре. Поэтому техника мыслительной имитации нацелена не только на выверку собственных шагов, но и на разработку стратегии провоцирования свободных, в общем-то, в проявлении своей политической воли людей или социальных групп (игроков) на вполне определенное поведение и совершение конкретных действий.

Для того чтобы правильно разыграть свою партию, организаторы государственного переворота должны тщательно исследовать «поле боя», а также возможности и стереотипы поведения представленных на нем игроков. Иногда в ходе этих исследований они выявляют такие подробности и особенности социально-политической жизни страны, намеченной для проведения государственного переворота, о которых не осведомлены ни простые ее жители, ни властные элиты. Интересно, что при этом не обязательно используются какие-то особые секретные данные. Чаще всего это просто результат грамотного анализа вполне доступных источников. Получение доступа к подобной информации предполагает, в свою очередь, запуск новой фазы мыслительной имитации, и с каждым поворотом этого «имитационного механизма» в нем, как в калейдоскопе, складывается

«С точки зрения осуществления переворота величина и мощь вооруженных сил, полиции и служб безопасности является как большим препятствием, так и большой надеждой. ... Современная армия и силы безопасности обычно слишком велики, чтобы представлять собой единый социальный организм, связанный узами традиционной лояльности; необходимость иметь в армии технический персонал разрушила барьеры, которые часто препятствовали набору в войска людей из определенных социальных групп в той или иной стране». *Э. Люттвак*, «Государственный переворот: Практическое пособие» (См. в главе третьей: «Нейтрализация сил сопротивления государства». С. 63).

новый узор из различных элементов социальной и политической жизни страны, которые требуют дальнейшего исследования и анализа.

Если в изучаемой стране (или в стране-мишени, как говорится в книге) у власти находятся представители каких-либо национальных кланов и логика социальной стратификации определяется этническими принципами, то организатор переворота должен провести детальное этнографическое исследование. Если же население выбранной для переворота страны очень религиозно, возникает необходимость в теологических изысканиях, для понимания социальной структуры общества иногда стоит погрузиться в историю, а в некоторых случаях необходимо проводить детальный анализ экономики страны, ее хозяйственной инфраструктуры, рынка труда и истории профсоюзных движений. Все это собирается на рабочем столе или в сознании того, кто проигрывает различные варианты действий и сценарии развития событий, а потом анализируется в режиме мыслительной имитации.

Для понимания сути разработанного Люттваком метода не так важна сама технология государственного переворота, хотя это событие, бесспорно, захватывает воображение читателей его книги. Существеннее то, что подготовка к осуществлению переворота позволяет увидеть в новом свете природу государственной власти, логику функционирования ее административной машины. Для того чтобы понять специфику работы какого-то мало понятного нам механизма, его можно сначала разобрать, а потом попытаться собрать заново. То же самое происходит и в процессе государственного переворота: производится демонтаж механизма власти и частично — бюрократической машины государства, затем подменяются некоторые из деталей (берется новое правительство, новые политические лидеры), потом происходит сборка разобранного механизма, после чего его заново приводят в действие. Показательно, что в процессе подготовки к государственному перевороту процедура такой разборки-сборки многократно производится в режиме мыслительной имитации. Организаторы этой акции подробно изучают отдельные детали государственной мегамашины, а также — то, как эти детали могут собираться в целое.

Идея или метафора «машины» постоянно используется Люттваком при описании ситуации в стране-мишени, он также пользуется этим понятием и при разработке стратегии совершения самого государственного переворота[6]. В его схеме присутствует несколько моделей, в основе кото-

[6] Эпиграфы, выбранные Люттваком для третьей главы книги («Стратегия государственного переворота»): «Дин Ачесон любил рассказывать историю про члена Верховного суда США Тафта, передавая беседу, которую он вел с одним человеком о «правительственной машине». «И знаете, — сказал Тафт с удивлением в голосе, — он действительно думает, что это машина». Роджер Хисман (Roger Hilsman. *To Move a Nation*)». «В условиях тотали-

рых лежит представление о государстве как о «машине»: во-первых, это административно-бюрократическая система — государственная мегамашина; во-вторых — особый механизм функционирования властных элит: логика получения ими доступа к власти (к рычагам управления административной системой) и способ ее удержания, доступные им инструменты управления государственной мегамашиной; в-третьих, это экономико-хозяйственная структура страны: транспортная и промышленная инфраструктура, механизмы жизнеобеспечения населения, система социального распределения, логика организации финансовых потоков.

В развитых демократических странах административная система подвержена многоуровневому контролю со стороны гражданского общества, за счет этого она как бы теряет некоторые аспекты своей машиноподобности, превращается во что-то наподобие остова — скелета государственного организма. В постколониальных странах административная система превращается в инструмент, который авторитарные лидеры или властные элиты используют для подчинения себе населения и установления контроля над национальными ресурсами. «Если колониализм и являлся преступлением, то самым большим его прегрешением было бездействие, — пишет Люттвак[7], — в то время как хрупкие автохтонные культуры, эмбриональные современные общества и национальные меньшинства, неспособные защищать себя, попали в руки политических лидеров, оснащенных мощной машиной современного государства».

Но, превращая государство в машину подавления, авторитарные лидеры тем самым создают удобную почву для совершения в стране государственного переворота. Люттвак считает, что «именно в этом случае государственный переворот становится возможным, потому что над аппаратом власти, как и над любым механизмом, можно получить контроль, захватив самые важные рычаги управления. Поэтому, исследуя государственные перевороты, я на самом деле писал о политической жизни в новых государствах»[8].

Использование понятия или метафоры «машины» позволяет Люттваку выстраивать такие модели государства, которые были бы удобны для работы с ними в режиме мыслительной имитации, что, в свою очередь, открывает ему возможность для технического, инструментального, подхода к изучению механизмов государственной власти. А инструментальный подход позволяет разрабатывать практические руководства

тализма знание механизма действия лабиринта трансмиссий (правительственной машины) означает высшую власть». Ханна Арендт (Hannah Arendt. The Origins of Totalitarianism)». *Эдвард Люттвак*. Государственный переворот: Практическое пособие.

7 *Эдвард Люттвак*. Государственный переворот: Практическое пособие. С. 17.

8 *Эдвард Люттвак*. Государственный переворот: Практическое пособие. С. 18.

и инструкции, с одной стороны, для тех, кто собирается изучать природу государственных переворотов, а с другой — для тех, кто захочет использовать государственные перевороты в качестве средства достижения своих военно-политических целей. «Государственный аппарат, таким образом, до определенной степени является «машиной», обычно работающей в предсказуемом и автоматическом режиме, — читаем мы в первой главе («Что такое государственный переворот?»[9]). — При совершении государственных переворотов как раз и ориентируются на такой «машинальный» режим работы бюрократии: и в процессе переворота (так как для захвата ключевых рычагов управления используются части государственного аппарата), и после него (так как ценность этих рычагов обусловлена тем, что государство является целостным механизмом)».

Очевидно, что уподобление государства машине является сильным упрощением или редукцией, но подобная модель, с практической точки зрения, позволяет реализовывать государственные перевороты, а с точки зрения исследователя социального и административного устройства стран — дает возможность рассматривать современные государства не только как «естественные объекты», но и как «искусственно-естественные» образования.

Попробуем выделить отличительные черты той новой «интеллектуальной практики», о которой идет речь. Как уже говорилось выше, ее суть не столько в исследовании, сколько в изменении социальной действительности (своеобразный неомарксистский подход, подхваченный людьми, чьей целью являлась борьба с коммунизмом).

Во-первых, исследования, проводимые в рамках данной практики, всегда детерминированы наличием какой-то определенной социальной и/или политической цели. Именно цель и задает системность и единство этой разносторонней и разноплановой исследовательской программе. В случае с организацией государственного переворота — это стремление утвердить во власти в какой-то конкретной стране лояльное или подконтрольное вам правительство.

Во-вторых, организаторы социальных событий — не единственные субъекты действия, и они это хорошо понимают, поэтому ими выявляются все люди, социальные группы и сообщества, которые могут активно участвовать в ходе реализации планируемой социальной или политической акции, производится комплексное исследование (социальное, политическое, этнографическое, экономическое и т. д.). Для реализации государственного переворота важно определить как

[9] *Эдвард Люттвак*. Государственный переворот: Практическое пособие. С. 22.

«объективную ситуацию» в стране — экономическую, социально-политическую, так и «субъективную» — выявить всех возможных союзников, а также всех тех, кто сможет и захочет оказать сопротивление планируемой акции, изучить их ресурсы и мобилизационные способности.

В-третьих, разыгрывается специфическая имитационная игра: проигрываются сценарии наиболее вероятностного поведения представителей различных социальных групп, профессиональных сообществ, этнических кланов, религиозных общин. Это что-то наподобие шахматной игры, с более-менее известными фигурами и с предсказуемыми ходами, но одновременно — с допущением возможности того, что какая-либо из фигур может выйти на более высокий рефлексивный уровень и превратиться в равноправного с организатором переворота игрока. К тому же, в отличие от шахмат, ведущаяся в рамках этой практики игра лишена каких-либо определенных правил. Задача организаторов переворота как раз и состоит в том, чтобы навязать другим игрокам свои правила, ломая обычные стереотипы поведения и руководствуясь не только привычной, но также и особой — парадоксальной — логикой. Позже эту игру и эту логику Люттвак назовет «стратегией».

Другой особенностью разрабатывавшихся американскими интеллектуалами социальных практик является то, что они не были нацелены на строительство и созидание, а скорее рассматривались в качестве оружия для использования в геополитических войнах, поэтому опирались не на «линейную логику производства», а на «парадоксальную логику стратегии»[10]. Не стоит забывать, что основная сфера профессионализации Эдварда Люттвака — военная стратегия, и он разрабатывал свои методы в годы «холодной войны».

Попробуем рассмотреть государственный переворот в более широком контексте. Во-первых, как уже говорилось выше, имеет смысл проанализировать технологию государственных переворотов именно в контексте «холодной войны» — сорокалетнего противостояния двух сверхдержав: США и СССР. Во-вторых — в том смысловом поле, которое Эдвард Люттвак задает в своих последующих книгах. Например, в тех работах, в которых ключевое место уделяется понятию grand strategy («Стратегия Римской империи», «Стратегия Византийской империи»), а также в тех контекстах, которые заданы в его главном труде по военной стратегии:

[10] См. изданную нашим издательством книгу Э. Люттвака «Стратегия: Логика войны и мира».

«Стратегия: Логика войны и мира». Это позволит нам проследить динамику развития авторского метода.

В качестве главной причины поражения Советского Союза в «холодной войне» обычно называют его неспособность выдержать навязанную Соединенными Штатами гонку вооружений. Утверждается, что социализм как политическая и экономическая система оказался менее конкурентоспособен, чем капитализм, а американская управленческая система оказалась эффективнее советской. Но если взглянуть на «холодную войну» сквозь призму той логики, которую Люттвак разрабатывает в своих книгах, то можно понять, что гонка вооружений — это лишь один из аспектов противостояния, что-то наподобие «войны на истощение», которая представляет собой самый простой и прямолинейный способ ведения боевых действий. В ней нет места для применения настоящего военного искусства: она не требует проявления ни полководческого, ни стратегического гения. Настоящая стратегия начинается тогда, кода приступают к использованию более тонких методов ведения войны — различного рода военных маневров. И если мы рассмотрим технологию государственного переворота в контексте «холодной войны», то сможем заметить два момента. Во-первых, она является особым оружием для относительно мирного захвата политического и экономического контроля над стратегически важными территориями; а во-вторых, данная технология может быть использована в качестве особого «военного маневра», нацеленного на нанесение неожиданного, но сокрушительного удара по организационно-командным структурам вашего основного противника.

Как известно, военный маневр предназначен не для уничтожения врага с применением всей имеющейся в распоряжении военной мощи, а скорее ориентирован на нанесение выборочного удара по слабым местам в системе его обороны и общей военно-экономической организации[11].

[11] Противостояние между США и СССР проходило в атмосфере страха перед применением ядерного оружия. В такой ситуации непосредственное столкновение двух сверхдержав на поле боя считалось обеими сторонами недопустимым. По этой причине суть «холодной войны» свелась к экономическому и политическому соревнованию двух политических систем, которое с признанием некоторой степени условности можно было бы назвать «войной на истощение». Помимо этого соревнования велась борьба за сферы влияния, в ходе которой активно применялась практика государственных переворотов (установление одной из сверхдержав в различных регионах и странах подконтрольных ей и враждебных сопернику правительств). Гонка вооружений, соревнование политических систем и борьба за сферы военного и политического влияния при анализе специфики «холодной войны» изучались достаточно подробно, но те «военные маневры» и парадоксальные ходы, которые США использовали в борьбе с Советским Союзом, изучены еще недостаточно. Государственный переворот — это лишь одна из многих технологий, которые сверхдержавы пытались использовать не только в борьбе за сферы влияния,

В книге «Стратегия. Логика войны и мира» Эдвард Люттвак пишет: «...те, кто настроен на истощение, будут, прежде всего, искать цели для атаки, не уделяя сколько-нибудь серьезного внимания природе врага; тогда как те, кто намерен совершить маневр, будут стремиться понять внутренние законы действий врага, логику размещения его войск, практику принятия решений и стили руководства, выискивая уязвимые места, которые могут быть вовсе не материальными, а скорее политическими, культурными или психологическими».

Попробуем найти ответ на вопрос: а в чем же были слабые стороны Советского Союза? Косвенный ответ на него можно найти уже в первой книге Люттвака: выявляя страны, подходящие для совершения в них государственных переворотов, он называет ряд качеств, которыми они должны обладать. Слабыми местами стран-мишеней оказались изолированность их политических элит от населения страны и недостаточная развитость институтов гражданского общества. Население этих стран было аполитичным и обладало низкой социальной рефлексией. Властители подобных стран обычно использовали доставшуюся им в наследство от колониальных времен административно-бюрократическую систему для утверждения и удержания своей власти. Оказалось, что эти социальные мегамашины имеют поразительную устойчивость и инертность, а разломать или демонтировать их и, главное, заменить чем-то иным очень сложно. Но, как и любая машина, административно-бюрократическая система подчиняется тем, кто имеет доступ к рычагам ее управления — именно этим обстоятельством обычно и пользуются организаторы государственных переворотов[12].

Сумев захватить и удержать всласть в 1917 году, большевики тем не менее были вынуждены использовать для управления страной элементы и конструкции старой имперской административной машины — несмотря на их прежние призывы разрушить весь старый мир до основанья. Они попытались расшатать, модернизировать, переустроить эту систему, однако им все-таки пришлось опираться на ее старые организационные структуры, а иногда даже использовать их прежнее кадровое наполнение.

но и в войне друг против друга. Эдвард Люттвак вошел в историю именно с разработкой этого средства.

[12] «Ключевыми для осуществления государственного переворота являются два последствия развития и укрепления современного бюрократического аппарата: образование четкого разделения между постоянным государственным аппаратом и политическим руководством государства и тот факт, что, как и большинство крупных организаций, бюрократический аппарат имеет иерархическую структуру с четкими цепочками принятия и исполнения решений». *Э. Люттвак.* «Государственный переворот: Практическое пособие». С. 19.

Сталин пришел к власти, по сути, совершив новый государственный переворот. Он уничтожил или распылил всю прежнюю партийную гвардию, после чего очень тщательно контролировал подступы к системе управления государством. Кроме того, он произвел своеобразную социальную селекцию для наполнения бюрократической системы страны новыми кадрами. Сталин не позволял людям, попавшим на верхние этажи социальной иерархии, приобрести свободу действия: они могли жить и функционировать только в качестве «механизмов» той государственной машины, для работы в которой их возвысили, они были вынуждены четко и механистично выполнять ту почетную роль, которую им предоставили. Так что пока был жив вождь народов, осуществление государственного переворота внутренними силами в СССР было практически невозможно.

После смерти Сталина произошел ряд очень важных событий: во-первых, было успешно осуществлено нескольких «дворцовых переворотов», во-вторых, властная элита оформилась в особую социальную группу, а потенциальный доступ к рычагам управления административной системой получили многие члены этого сообщества. В-третьих, население большей части СССР оставалось аполитичным, а разрыв между властными элитами и обществом продолжал увеличиваться. В общем, страна приобрела все необходимые качества для того, чтобы превратиться в потенциальную мишень для проведения в ней государственного переворота[13], или для вмешательства в ее жизнь при помощи каких-либо других, более сложных и совершенных оружий «избирательного социального поражения».

По мнению Люттвака, страны становятся удобной мишенью для совершения в них государственных переворотов не потому, что их государственный аппарат слишком слаб, а скорее по причине того, что этот аппарат

---

[13] «Его (государственный переворот) можно осуществить «извне», и он может происходить вне правительства, но внутри государственной машины, которую образуют постоянная и профессиональная государственная служба, вооруженные силы и полиция. Цель такого переворота — разобщить постоянных госслужащих и политическое руководство, а этого обычно не происходит, если они связаны политическими, этническими или традиционными узами лояльности». *Эдвард Люттвак.* «Государственный переворот: Практическое пособие». (С. 20). В СССР все руководящие работники должны были быть членами коммунистической партии, но «менеджеры» внутрипартийных органов (политруки и политработники) обычно более быстро продвигались по карьерной лестнице и легче попадали в высшие эшелоны власти, чем работники «хозяйственного блока» (руководители производственных и научных структур). Таким образом, в Советском Союзе существовал зазор между «красными директорами» и партийными номенклатурными работниками. Проблемы карьерного роста и выживания на политическом олимпе для представителей советской политической элиты порой становились более значимы, чем управление страной, — что еще сильнее увеличивало разрыв политического истеблишмента с «рабочей бюрократией».

оказывается слишком бесконтрольным и слишком сильным. «Последствия теперь очевидны в полной мере. Правители новых государств наделены всей полнотой власти над индивидами, которые могут предоставить современной государственной машине новые технологии, средства телекоммуникации и современное оружие. Но поведение этих правителей не ограничено законом или моральными стандартами, которые должно утверждать и защищать настоящее гражданское общество, даже если оно требует всего лишь лицемерия со стороны власть предержащих»[14]. Чем больше население утрачивает веру в то, что оно может хоть как-то влиять на логику управления страной; чем больше оно теряет возможность понимать, что на самом деле творится во властных структурах, как эти структуры формируются, кто, как и по каким принципам туда отбирается или попадает, — тем слабее становится контроль доступов к рычагам управления государственной машиной со стороны общественности.

В рядах политической элиты всегда есть место для соперничества и интриг, особенно в тех случаях, когда отсутствует единый сильный и авторитарный лидер. Борьба за первенство далеко не всегда ведется на основе демократических принципов, и побеждают в ней далеко не всегда те, кто способен и имеет желание эффективно управлять страной. Более слабые группировки могут попытаться усилить свои позиции за счет поддержки со стороны «мирового сообщества». То же самое могут сделать и те, кто хочет окончательно закрепить свое текущее доминирование во властных структурах. Но если в среде властных элит какой-либо страны существует люди, которые в принципе готовы принять поддержку от другого государства, то это означает, что в ней всегда можно найти надежных исполнителей государственного переворота. Некоторые лидеры могут искренне восхищаться принципами управления, уровнем жизни и военно-политической мощью других, даже враждебных их стране, государств и считать, что помехой для установления подобных порядков у них дома является неудобная или устаревшая национальная идеология. В этом случае поиск потенциальных исполнителей государственного переворота становится еще проще, а самое главное, не возникает необходимости их реальной вербовки или подкупа — нужно просто усилить идеологическую обработку будущих «субъектов социального действия», которая может осуществляться дистантно, бесконтактно и даже анонимно[15].

---

[14] *Э. Люттвак.* «Государственный переворот: Практическое пособие». Авторское вступление к изданию 1979 года.

[15] «Многое в планировании и осуществлении переворота будет направлено на то, чтобы повлиять на настроения элиты в благоприятном для заговорщиков направлении. Однако если все же она решит противостоять перевороту в неразвитой политической среде, ей придется прибегнуть к политическому соперничеству. Элита не сможет воззвать

В 1976 году Эдвард Люттвак публикует книгу «Стратегия Римской империи» (The Grand Strategy of the Rome Empire). В ней проблема изучения государственных структур поставлена «от противного»: если в «Политическом перевороте» обсуждается возможность захвата власти в слабом и несбалансированном государстве, то в новой книге изучается возможность крупной державы, империи поддерживать в течение длительного времени свое могущество. Как известно, в V веке Рим пал, значит, в его стратегии были не только сильные, но и слабые стороны. В 1983 году выходит книга «Стратегия Советского Союза» (The Grand Strategy of the Soviet Union), что вполне предсказуемо. В этой работе автор изучает слабые и сильные стороны государственного управления основного противника Соединенных Штатов на международной арене.

После разработки методов «мягкого захвата» небольших, слабых и не очень устойчивых государственных образований, каковыми являлись многие страны на постколониальном пространстве, оказалось возможным использование данного оружия и в отношении более крупных и мощных держав[16]. Было бы странно, если американцы не воспользовались бы этим опытом для выработки способов борьбы со своим главным врагом в «холодной войне» — Советским Союзом.

Динамика развития метода и окончательное формирование новой практики

Книги о grand strategy: «Стратегия Римской империи», «Стратегия Византийской империи», «Стратегия Советского Союза»

Ниже мы приводим список основных работ, изданных Эдвардом Люттваком, для того чтобы у читателя была возможность проследить динамику изменений его интересов и логику развития метода. В некоторых случаях тематика его книг и статей говорит сама за себя.

к общему принципу легитимности, как произошло бы в политически более развитых странах, — потому что этот принцип большинство населения не принимает». *Э. Люттвак.* «Государственный переворот...». (С. 36). «Итак, вместо того чтобы действовать во имя легитимности, ей придется бороться с организаторами переворота ... на их же уровне. Так или иначе, борьба против переворота означает столкновение организованной силы с импровизированной и будет происходить в условиях изоляции от широких масс, которые почти наверняка сохранят нейтралитет».

[16] С точки зрения Люттвака, Шарль де Голль пришел в 1958 году к власти во Франции благодаря эффективно проведенному государственному перевороту. Так что уже в 60-х годах Люттвак понимал, что перевороты могут случаться не только в африканских или латиноамериканских странах.

Coup d'État: A Practical Handbook (London, 1968) — Государственный переворот: Практическое пособие
A Scenario for a Military Coup d'État in the United States, 1970 — Сценарий военного переворота в США
A Dictionary of Modern War (London, 1971) — Словарь современной войны
The Strategic Balance (New York, 1972) — Стратегический баланс.
The Political Uses of Sea Power (Baltimore, 1974) — Политическое использование военно-морокой силы.
The US — USSR Nuclear Weapons Balance (Beverly Hills, 1974) — Соединенные Штаты и СССР. Баланс ядерного вооружения
The Grand Strategy of the Roman Empire from the First Century AD to the Third (Baltimore, 1976) — Стратегия Римской империи: от первого столетия нашей эры до третьего
Strategic Power: Military Capabilities and Political Utility (California, 1976) — Сила стратегии: Военные возможности и политическое использование
The Israeli Army (with Dan Horowitz) (Cambridge, Massachusetts, 1983) — Армия Израиля (в соавторстве с Данном Горовицем)
The Grand Strategy of the Soviet Union (London, 1983) — Стратегия Советского Союза
The Pentagon and the Art of War (New York, 1984) — Пентагон и искусство войны
Strategy and History (New Jersey, 1985) — Стратегия и история
Strategy: The Logic of War and Peace (Cambridge, Massachusetts, 1987) — Стратегия: Логика войны и мира
"From Geopolitics to Geo-economics: Logic of Conflict, Grammar of Commerce" The National Interes. 1990 — «От геополитики к гео-экономике: Логика конфликта, грамматика коммерции»
The Endangered American Dream: How To Stop the United States from Being a Third World Country and How To Win the Geo-Economic Struggle for Industrial Supremacy (New York, 1993) — Угроза американской мечте: Как остановить превращение Соединенных Штатов в страну третьего мира и как выиграть геоэкономическую битву за экономическое превосходство
Turbo-Capitalism: Winners and Losers in the Global Economy (New York, 1998) — Турбокапитализм: Победители и проигравшие в глобальной экономике
Give War a Chance (Foreign Affairs, July 1999) — Дайте войне шанс
The Grand Strategy of the Byzantine Empire (Cambridge, Massachusetts, 2009) — Стратегия Византийской империи.

The Rise of China and the Logic of Strategy: a history of the (almost) inevitable future (еще не изданная книга[17]) — Возрастающая мощь Китая и логика стратегии: история о почти неминуемом будущем

Мы можем пропустить книгу «Сценарий военного переворота в США», написанную в 1970 году, так как ее, скорее всего, стоит рассматривать в качестве «сопроводительного письма» к тому «открытому резюме», о котором речь шла выше (в комплекте с книгой «Государственный переворот»). Следующие за этим трудом книги, посвященные военной стратегии, в основном написаны уже в США, когда Люттвак приступил к работе в качестве консультанта в различных департаментах и службах американских вооруженных сил. Эти книги отражают процесс рефлексии и теоретической переработки автором своего широкого профессионального опыта — советника по военной стратегии. При этом Люттвак постоянно отмечает тот факт, что он не является чисто кабинетным или штабным работником, а часто выезжает в «поля» — на места реально развивающихся событий.

В 1976 году выходит книга «Стратегия Римской империи» (The Grand Strategy of the Roman Empire). В ней прослеживается очередной шаг в развитии восстанавливаемого нами метода. К слову “strategy”[18] отныне почти все время добавляется слово “grand”. На русский язык термин “grand strategy” перевести очень сложно. Традиционно его переводят как «большая стратегия», но при этом из смыслового поля данного понятия выпадают некоторые характеристики: системная, объемлющая, дифференцированная, включающая в себя много разных элементов и организационных схем и, наконец, — стоящая на более высоком рефлексивном уровне.

Разработка стратегии для империи предполагает изучение ее как единого и сложного целого — системы (метафора «машина», так часто используемая в книге «Государственный переворот», в новых работах встречается значительно реже и уже не имеет ключевого значения), а кроме того, усложняется то мыслительное пространство, в котором происходит выстраивание концептуальных моделей и рабочих схем.

---

[17] Статья под тем же заголовком, являющаяся кратким изложением еще не изданной работы автора, размещена в качестве приложения в изданной нами книге: *Эдвард Люттвак*. Стратегия: Логика войны и мира.

[18] Расширив масштабы исследуемых им объектов, к тому же — обладающих более высокой степенью сложности, Эдвард Люттвак тем не менее сохранил те навыки и методы интеллектуальной деятельности, которые продемонстрировал в «Государственном перевороте». И ту «интеллектуальную технологию», которую ранее мы обозначили как «мыслительная имитация», в своих новых работах сам Люттвак начинает называть «стратегией», и далее — «большой стратегией», “grand strategy”.

Люттвак постоянно указывает на то, что каждая конкретная империя (страна) является лишь одним из участников на общем поле геополитических игр (именно в этих масштабах и действует grand strategy). Другие участники этих игр могут быть также сложно организованы, как и изучаемое нами государство, к тому же они могут обладать ресурсами, которые у данной страны отсутствуют, но доступ к которым для нее очень желателен. Grand strategy, в отличие от стратегии, реализуемой на поле боя или театре военных действий, всегда предполагает наличие в происходящем противоборстве более двух сторон. И для этого высшего проявления стратегического мастерства существенным является как раз умение уберечь свою страну от прямого военного столкновения, предоставив другим державам истощать свои силы в войне на взаимоуничтожение.

Помимо таких концептов, как «система» и «игра»[19], для понимания того, что у Люттвака называется «стратегией», важно иметь в своем арсенале еще и представление о многоуровневом устройстве социальной жизни и административной системы государства, а также особую схему, предполагающую выявление «двух измерений стратегии»: вертикального и горизонтального[20].

Вертикальное измерение у автора задается, с одной стороны, в логике традиционной военной стратегии: технический, тактический и операционный уровни, уровень театра военных действий и большая стратегия (grand strategy), то есть, в логике изменения масштабов действия, а с другой — в логике усложнения управленческих уровней и изменения наборов используемых на этих уровнях средств, задействованных в противостоянии. Оперативный уровень задается не столько в логике масштабов действия, сколько в представлении о возможности совершения военных маневров, то есть — в логике используемых средств. Гори-

[19] Люттвак не очень часто использует слово «игра», так же как и слово «интрига». В данном случае мы вводим это понятие для того, чтобы прояснить структуру и динамику взаимоотношений, складывающихся между различными участниками международных отношений, которую он обозначает понятием "grand strategy". В своих книгах Люттвак постоянно описывает ситуации, которые удобно изучать, используя концепт «игры»: когда участники описываемых автором событий на несколько шагов просчитывают свои действия и действия своих врагов или партнеров; когда они провоцируют друг друга на совершение каких-то действий, используя знания о типовых реакциях или сведения о текущем состоянии того или иного контрагента; а кроме того (что часто подчеркивает Люттвак), участники описываемых им событий обладают умом, свободой воли и непредсказуемостью.

[20] Подробнее о выделении горизонтального и вертикального измерения стратегии, предлагаемом Люттваком, можно прочитать в его книге «Стратегия: Логика войны и мира».

зонтальное измерение предполагает как бы видимый процесс динамического противостояния и двух — тех или иных отдельно взятых стран, и всех государств, представленных на поле единой мировой геополитической игры.

Таким образом, предметом исследования в новых работах Люттвака становится не отдельная страна, а комплекс стран, окружающих империю. Если быть предельно точными, то его масштаб еще шире — все страны, которые способны оказывать прямое или косвенное влияние на внутреннюю и международную политику империи. Успешное существование державы зависит от того, каким образом распределяются «силовые линии» в напряженном поле международной политики: в каких местах вспыхивают войны, по какой линии проходят границы альянсов, по каким маршрутам проходят торговые, транспортные и финансовые потоки. Grand strategy — это способность мыслить «топографически», с сохранением понимания того, что успех одной из фигур (в случае исследований Люттвака — Византии или Римской империи) зависит не только от ее мощи, но и от общей комбинации сил в едином геополитическом пространстве. Отметим, что в том, как Люттвак определяет grand strategy, снова прослеживается та самая управленческая игра, о которой мы говорили в разделе, посвященном «Государственному перевороту». Византия так же пытается управлять неподвластными ей и свободными в проявлении своей воли «субъектами действия», как и организаторы государственных переворотов. Но только действия происходят в иных пространственных (географических) и временных масштабах, а кроме того, усилия главного субъекта действия (некоего гипотетического держателя имперской стратегии) направлены не столько на захват чужого государства, сколько на сохранение своего.

В изданной нами книге «Стратегия Византийской империи» (The Grand Strategy of the Byzantine Empire. 2009/2010) Люттвак показывает, в чем было преимущество стратегии Византии по сравнению со стратегией Римской империи и почему Византийская империя смогла просуществовать почти тысячелетие, имея не менее агрессивное окружение, чем Рим.

Логика любой стратегии полна неожиданностей и парадоксов, логика grand strategy — еще более парадоксальна. Византия редко стремилась к окончательному и полному разорению и уничтожению своих врагов, наоборот — нередко, нанеся врагу сокрушительное поражение, она всячески поддерживала восстановление его военной мощи: ведь этот побежденный враг мог понадобиться ей в качестве союзника для борьбы с другим, более сильным противником. На поле геополитической игры должно присутствовать достаточное количество игроков для того, чтобы

у твоей страны имелось пространство для дипломатических маневров, ведь выгоднее и дешевле побеждать врага чужими руками, чем воевать с ним самому. И византийцы хорошо понимали это правило, постоянно стравливая между собой своих соседей.

Внимательно читая «Стратегию Византийской империи», можно выявить основные правила или законы, которые, судя по всему, применимы для любой империи, сверхдержавы или крупного государства. Люттвак не говорит о них прямо, но они имплицитно присутствуют в тексте его исследования.

1. Во-первых, это закон «оптимального размера территории империи». Если страна слишком мала, то она не в силах мобилизовать достаточный объем ресурсов для того, чтобы иметь возможность выступать в качестве достойного игрока на геополитической арене. Но империи, если она захватила под контроль слишком обширные территории, в какой-то момент становится трудно эффективно управлять всеми своими владениями[21].
2. Во-вторых, это закон «оптимальной сложности». Находящаяся в распоряжении страны административная система должна быть достаточно комплексной и дифференцированной для того, чтобы иметь возможность управлять имперскими владениями. Если социально-политическое, географическое, этническое и культуральное устройство страны будет слишком сложным, если включенные в империю страны и регионы окажутся слишком разнородными, то управлять всем этим хозяйством с какого-то момента станет невозможно. Чем обширнее владения страны и чем разнороднее ее региональный, социальный и этнический состав, тем более сложной и массивной должна становиться система административного управления, тем многочисленней должна быть ее бюрократия. Все это приводит к быстрому росту расходов на содержание административной машины, который рано или поздно начинает обгонять рост доходов империи от сбора налогов, податей, дани, таможенных пошлин и т. д. в подвластных ей регионах.
3. В качестве третьего закона можно назвать «закон центростремительного притяжения». Чем более богатой и процветающей становится ваша страна (империя), чем комфортнее и безопаснее в ней проживание, тем более привлекательна она для грабителей и завоевателей.

[21] Так, Рим вынужден был отказаться от части своих провинций — ранее завоеванных им стран (в частности в Британии), поскольку был не в состоянии эффективно управлять ими, а кроме того, содержание этих стран в составе империи требовало постоянного пребывания в них существенного военного контингента.

Римская и Византийская империи были очень привлекательны для набегов кочевников и варварских племен. Современная Америка (Соединенные Штаты) — очень привлекательны для мексиканских наркоторговцев, трудовых мигрантов, беженцев и других искателей более богатой и безопасной жизни, чем та, которую они могут найти на территории своего проживания. Администрация США тратит существенные средства на регулирование незаконной миграции и контроль мексиканской границы. С похожими трудностями сталкиваются и европейские страны. Возникающая разность потенциалов между богатством и бедностью, между дикостью и цивилизованностью заставляет империи постоянно увеличивать затраты на защиту своих границ. Империи разрушаются не только по причине прямой агрессии со стороны других государств или от набегов варваров — они гибнут от коррозии властных элит, когда в их ряды проникают бывшие иммигранты или представители завоеванных территорий, а также по причине того, что социальный и этнический состав их населения становится слишком неоднородным.

4. «Необходимость в пространстве для маневра при ведении геополитических игр» (экономический аспект). Государство должно постоянно доказывать гражданам необходимость своего существования, оправдывать необходимость сбора налогов и содержания огромного бюрократического аппарата. Поэтому властители пытаются увеличивать объемы финансовых поступлений в государственную казну не только за счет налогов, собираемых со своих граждан, но и путем поиска тех или иных способов и форм изымания ресурсов у представителей других стран и у других народов. Это могут быть таможенные пошлины, плата за проезд по своей территории, сбор дани и контрибуции с побежденных, но не включенных в империю стран; открытие новых рынков для сбыта производимой на территории страны продукции, протекционизм, обеспечение доступа отечественного бизнеса к сырьевым ресурсам, расположенным в других регионах, а также к их рынкам; торговля своим культурным и символическим капиталом и др.

Включение чужих территорий в состав своего государства позволяет взимать с населения подчиненных стран налоги, но одновременно с этим накладывает на государство (империю) определенные обязательства: защиту от внешней экспансии, поддержание порядка и законности внутри империи, выполнение хотя бы элементарных социальных гарантий, интеграцию в общие государственные структуры. С экономической точки зрения, иногда намного выгоднее получать какие-то не столь очевидные, сколь налоги, но доста-

точно ощутимые бюджетные поступления с тех территорий, которые не включены в состав империи, не беря при этом на себя никаких обязательств по обеспечению социальных гарантий населению, на них проживающему. Добиться этого можно подкупом чиновников или правителей других стран или путем привода к власти в этих странах лояльных и подконтрольных империи лидеров (одним из инструментов, используемых для реализации этой стратегии, может служить все тот же государственный переворот). Войны между соседними странами или политическая дестабилизация каких-то регионов также могут приносить империи определенную экономическую выгоду.

5. «Необходимость в пространстве для маневра при ведении геополитических игр» (военный аспект). У любой империи периодически возникает необходимость выискивать дополнительные возможности для обеспечения безопасности своих границ. Чем больше страна, тем протяженнее ее границы и тем больше соседей могут угрожать ей быстрым вторжением на ее территорию. Держать мощную армию, способную отразить все потенциальные угрозы вторжения, очень дорого и практически невозможно. Поэтому империя вынуждена искать себе временных и постоянных союзников — в геополитическом пространстве вокруг страны должны присутствовать другие игроки, для того чтобы империя имела пространство для маневра в разыгрывании различных партий и комбинаций, позволяющих создать такую расстановку сил, при которой угрозы вторжения на ее территорию были бы минимальны. Византия всегда считалась мастером дипломатических интриг, вовремя заключая и разрывая военно-политические союзы так, чтобы ее соседи были как можно чаще заняты войной друг с другом и у них не было времени и сил тревожить имперские границы.

СССР после Второй мировой войны очень сильно расширил зону своего влияния — на всю Восточную и значительную часть Центральной Европы. С точки зрения grand strategy это было рискованным мероприятием: Советский Союз нарушил сразу несколько законов, соблюдение которых дает империи возможность сохранять свое могущество.

Во-первых, осуществлять управление таким огромным и неоднородным образованием, как «лагерь социалистического содружества», с однозначной пользой для себя было предельно сложно. Издержки на поддержание этого единства были существенно выше получаемых от него экономических и политических выгод. Во-вторых, сам факт установления контроля над территорией Восточной Европы настроил против СССР не только Соединенные Штаты и Великобританию, которые

еще в период войны видели в своем временном союзнике будущего врага, но и большинство западноевропейских стран: они были напуганы излишним усилением и без того мощной державы. Сработала парадоксальная логика стратегии: Россия перешла за «кульминационную точку» геополитического успеха[22] — потенциальные партнеры начали объединяться во враждебный альянс (США получили возможность убедить большинство европейских стран в том, что СССР представляет для них угрозу). Установив контроль над Восточной Европой, Советский Союз существенным образом подорвал авторитет и уважение, завоеванные им в процессе войны с гитлеровской Германией.

В-третьих, СССР потерял пространство для геополитического маневра. Если бы Россия оставила все освобожденные ею страны независимыми, то она сохранила бы возможность строить с ними партнерские отношения, не расходуя излишних экономических ресурсов, и не теряя идеологических и дипломатических очков в геополитических играх. Если бы США попытались установить контроль над этими территориями, то они были бы вынуждены взять на себя и заботы о восстановлении экономики этих разоренных войной стран, а также подавлять коммунистические и национальные движения, представители которых завоевали большой авторитет в глазах населения Европы в годы войны, тем, что противостояли фашистским режимам, участвуя в Сопротивлении. С точки зрения grand strategy Советскому Союзу было бы более выгодно получить хоть какую-то контрибуцию с побежденных стран (тех, кто в период войны являлся союзником Германии), чем помогать им в восстановлении их экономики. Советский Союз потерял возможность для политического маневра в Европе: восточноевропейские страны перестали существовать в качестве независимых игроков, а западноевропейские, испугавшись излишнего усиления своего восточного соседа, попали в более сильную зависимость от Соединенных Штатов. Мир поляризовался, СССР был вынужден принять навязанную ему игру, не обладая столь объемными ресурсами, какими владели не сильно пострадавшие от войны США и созданный ими альянс[23].

---

[22] Понятие «кульминационная точка успеха» Люттвак обсуждает в книге «Стратегия: Логика войны и мира».

[23] Интересно, что Сталин после окончания войны очень осторожно относился к предложениям о навязывании восточно-европейским странам социалистического пути развития, а также оказанию на них политического или военного давления. И это происходило вовсе не по причине внезапно пробудившихся в нем миролюбия и демократизма: он просто понимал ограниченность ресурсов своей страны и был способен адекватно оценивать расстановку сил на международной арене. Сталин хотел всеми возможными способами избежать противостояния со своими бывшими союзниками или хотя бы оттянуть время начала новой войны. Соединенные Штаты после Второй мировой войны оказались

Таким образом, Советский Союз после очень тяжелой победы во Второй мировой войне не оставил себе простора для политических, военных и дипломатических маневров. Союз стран социалистического содружества оказался очень сложным для управления образованием. Те политические, военные и экономические выгоды (увеличение «стратегической глубины» своей территории и др.), которые СССР мог получить на подконтрольном ему пространстве, были сокрушительно малы по сравнению с финансовыми, ресурсными, идеологическими и политическими издержками, которые он заплатил за поддержание контроля над этими странами. Вряд ли Советскому Союзу удалось бы воспользоваться военно-промышленным потенциалом Восточной Европы, если бы началась реальная война с США. Население подчиненных стран нашло бы возможности противостоять желанию своего старшего партнера завладеть их ресурсами для ведения войны, а сил на подавление вспыхнувшего сопротивления или простого саботажа у России в состоянии войны с могущественным противником просто не оказалось бы.

Если рассмотреть стратегию Советского Союза в контексте тех представлений, которые Люттвак описывает в своих книгах, то можно сказать, что СССР вел «холодную войну», руководствуясь «линейной логикой производства», в то время как США действовали, ориентируясь на «парадоксальную логику стратегии»[24]. В идеале, СССР стремился к тому, чтобы построить и утвердить социализм в как можно большем количестве стран (именно — построить: произвести что-то новое, ранее не существовавшее). США же ориентировались на сколачивание военно-политических альянсов против СССР и дестабилизацию тех регионов, в которых могли прийти к власти просоветские силы или любые левые партии. Руководствуясь в своих действиях конструктивной «производственной логикой» (строительство социализма в дружественных странах), Советский Союз был вынужден идти на существенные расхо-

в лучшем финансовом и экономическом положении, они имели хорошо вооруженную и обученную армию, имевшую опыт участия в боях, но не понесшую таких больших потерь как армия СССР. И после победы над фашизмом американцы были готовы к борьбе и с другим «злом» — с коммунизмом. История свидетельствует о том, что США и Великобритании удалось втянуть СССР в новое противостояние, в котором альянс западных стран в итоге одержал победу. Долгие годы управления страной, находящейся во враждебном ей международном окружении, и участие в мировой войне научили Сталина мыслить в логике grand strategy, но его авторитарный стиль правления не позволил вырастить и создать в стране геополитически грамотных властных элит и профессиональную бюрократию.

[24] Понятия «линейная логика производства» и «парадоксальная логика стратегии» также обсуждаются Люттваком в книге «Стратегия: Логика войны и мира».

ды собственных ресурсов. США действовали в «парадоксальной логике стратегии» — то есть в логике войны, грамотно перераспределяя свои ресурсы для победы над врагом[25].

В итоге к концу XX века социализм так и не был построен (не прижился) ни в одной из союзных СССР стран (за исключением Кубы), в то время как Америке удалось очень успешно дестабилизировать ситуацию практически во всех государствах, попытавшихся встать на путь социалистического развития. Несмотря на то, что Советский Союз распался и у стран НАТО уже не было оснований для пребывания в едином альянсе, Соединенные Штаты смогли сохранить этот альянс и многие другие созданные ими в годы «холодной войны» союзы (что говорит об их дипломатическом мастерстве и владении грамматикой grand strategy). Сохранение этих построенных на противостоянии общему врагу альянсов произошло вопреки базовому закону геополитики, гласящему, что все альянсы распадаются вскоре после того, как исчезнет угроза, ради которой они создавались.

Стремясь утвердить свое влияние в стране, приступившей к строительству социализма или просто продекларировавшей такое решение, советское руководство начинало оказывать ей техническую и экономическую помощь. Американцы действовали более прагматично: они организовывали в стране государственный переворот или находили какой-то иной способ утверждения у власти подконтрольного им правительства либо лидера. Для этого были свои резоны. Во-первых, осуществление государственного переворота требует меньше затрат, чем поддержка революционного движения и последующая (в случае победы революции) модернизация национальной экономики. А во-вторых, США ставили своей целью именно утверждение в стране лояльного и подконтрольного им правительства, а не изменение к лучшему жизни ее населения[26]. Для поддержания у власти в лояльной вам стране устраивающего вас лидера (даже если он не пользуется поддержкой населения) потребуется суще-

---

[25] США оказывали экономическую помощь европейским странам (в частности — план Маршалла), но их помощь не была бескорыстной. В широких временных масштабах Америка получала от этих вложений ощутимую экономическую выгоду.

[26] «После того, как мы осуществили государственный переворот и установили контроль над госаппаратом и вооруженными силами, наше выживание в долгосрочной перспективе зависит главным образом от решения проблем экономического развития страны. Экономическое развитие всеми рассматривается как «хорошее дело», и ратует за него почти каждый, но для нас — только что пришедшего к власти правительства страны X — экономическое развитие нежелательно, так как противоречит нашей основной цели: политической стабильности». *Эдвард Люттвак.* «Государственный переворот...». Приложение А. С. 169.

ственно меньше затрат, чем на финансирование программы экономического развития этой страны.

Основной причиной поражения Советского Союза в «холодной войне» можно считать не его неспособность выдержать навязанную Соединенными Штатами гонку вооружений, а отсутствие у советских лидеров того, что Эдвард Люттвак называет пониманием «парадоксальной логики стратегии». В свое время Люттвак достаточно жестко критиковал американских стратегов в Пентагоне за то, что те пытались применять «линейную логику производства» к организации военной инфраструктуры и к ведению боевых действий (имелась в виду Вьетнамская война). Оказалось, что применение прямолинейной логики производства к международной политике столь же опрометчиво.

В книге «Стратегия Советского Союза» (The Grand Strategy of the Soviet Union, 1983) Люттвак отмечает, что, по его расчетам, около 15% ВВП СССР уходило на содержание военных сил (не считая КГБ, МВД и милиции), еще 14% ВВП расходовалось на поддержку Кубы и других стран социалистического содружества. В целом получалось, что содержание советской империи обходилось ее населению в 50% ВВП, в то время как западные страны расходовали на свои военные нужды 4–6%. Тем не менее способность конвертировать свой ВВП в военную мощь у СССР была значительно выше: Люттвак считал, что в этом вопросе Советский Союз был в пять раз эффективнее НАТО, несмотря на то, что объем ВВП входивших в него стран был в пять раз больше советского. Победить СССР, попросту навязав ему «войну на истощение»[27] в виде гонки вооружений, было бы сложно, но одержать над ним победу на уровне большой стратегии оказалось возможным.

Усовершенствование метода и отражение этого процесса в книге «Стратегия: Логика войны и мира»

В 1987 году Эдвард Люттвак опубликовал книгу «Стратегия: Логика войны и мира». Мы осуществили перевод второго издания этой работы, с поправками и доработками, сделанными автором после рефлексии и анализа опыта натовской операции в Югославии, проведенной в 1999 году. В данной книге в наиболее концентрированном виде разработана

[27] Подробное описание логики войны на истощение и военных действий с применением реляционных маневров см.: *Э. Люттвак.* Стратегия: Логика войны и мира.

методология военной стратегии, а также задано несколько новых методологических схем, помогающих понять grand strategy и то, как она реализуется на практике.

Стоит отметить, что книга очень интересна не только с содержательной, но и с композиционной точки зрения. Автор использует оригинальный подход к изложению материала и к раскрытию смыслового поля, в котором может быть адекватно воспринято понятие «стратегия». Он постоянно рассматривает реальные примеры или описания типовых ситуаций, постепенно погружая читателя в стихию военных действий, позволяя ему понять и прочувствовать логику динамического противостояния на всех выделяемых им уровнях стратегии, последовательно поднимаясь с уровня на уровень. Богатый практический опыт и эрудированность позволили Люттваку предоставить обширный фактический материал и насытить текст наглядными примерами, а мощные аналитические способности и умение нестандартно мыслить дали возможность делать неожиданные выводы и формировать необычное видение описываемых им событий.

С методологической точки зрения Люттвак исследует военное противостояние в той логике, которую в советской традиции называли «искусственно-естественный» или «естественно-искусственный подход»[28]. С одной стороны, он выявляет «естественный закон», проявляющийся в любом военном противостоянии: если силы противников хотя бы условно и относительно сопоставимы, то динамика их противоборства будет представлять циклический или волнообразный характер. «Кривая успеха» одной из противоборствующих сторон постепенно доходит до некой «кульминационной точки», после чего накапливаемый побеждающим груз организационных, логистических и системных ошибок становится чрезмерно тяжелым и его былые преимущества оборачиваются трудностями и недостатками. Наступающий с неизбежностью распыляет свои ресурсы. Проигрывающий же постепенно теряет территории, людей, сырье и производственные мощности, но получает возможность произвести более радикальную форму мобилизации и перераспределения оставшихся у него ресурсов, устранить свои прежние организационные ошибки и сконцентрировать свои силы. Именно этот «естественный закон» военного противостояния сработал в войне 1812 года с Наполеоном, и он же проявил себя в войне между СССР и Германией в 1941–1945 годах. Ни Наполеон, ни Гитлер не осознали, что уже перешли за кульминаци-

[28] См. работы Г. П. Щедровицкого: Избранные труды, 1995. Статьи ««Естественное» и «искусственное» в семиотических системах» (1967.) и ««Естественное» и «искусственное» в социотехнических системах» (1975).

онную точку своего успеха, неправильно оценив «стратегическую глубину» российской территории и способность России к военной мобилизации своих ресурсов.

Этот «естественный закон военного противостояния» срабатывает на всех уровнях стратегии. Так, на техническом уровне мы можем наблюдать, как взлет «кривой успеха» в ведении боевых действий, вызванный применением какого-то нового типа оружия или технического устройства, вдруг обрывается по причине того, что противнику удалось найти эффективное противодействие этому оружию. При этом данное противодействие может быть найдено как на техническом уровне (удалось разработать аналогичное оружие), так и на более высоком уровне стратегии, например на тактическом (противник разработал тактику ведения боя, при которой преимущества вашего нового оружия сводятся на нет).

Тот же самый закон мы можем наблюдать и на уровне большой стратегии (grand strategy). Так, боевые успехи, обусловленные военным мастерством и технической мощью одного из противников, могут быть сведены на нет дипломатической игрой его оппонента. Излишнее усиление позиций одной из стран вызывает опасения у ее соседей. Если проигрывающая в противоборстве сторона убедит «мировое сообщество» в том, что ее противник представляет угрозу не только для нее, но и для других стран, она сможет создать новый военный альянс, чего ей было бы трудно добиться, если бы ее противник не одержал над ней столь заметную победу и не продемонстрировал свою военную мощь всем соседям.

Помимо волнообразности военного противостояния Люттвак указывает еще и на его особую парадоксальную логику. Он проводит различие между «прямолинейной логикой производства» и «парадоксальной логикой стратегии». В производственной и в коммерческой деятельности вы обычно имеете дело либо с пассивным и неодушевленным материалом, либо с реальным или потенциальным партнером, который заинтересован в конструктивном исходе вашего взаимодействия. На войне вам противостоит противник, наделенный свободой воли и действий, и он вовсе не заинтересован в позитивном для вас исходе событий. В военных действиях ни у кого нет установки на конструктивность — хитрость и обман превращаются в проявление доблести, а способность действовать нелогично, нестандартно и парадоксально может принести больше пользы, чем самые разумные и предсказуемые шаги.

Люттвак постоянно указывает на то, что только в условиях войны выбор в пользу качественной и прямой дороги может оказаться ошибочным, а выбор пути по разбитой и более длинной дороге — верным.

Построить какой-либо сложный объект, техническое средство или систему намного сложнее, чем ее разрушить, — и это является одной из базовых реалий военного противостояния. Мощное оружие позволяет производить более существенные разрушения, но и это супер-оружие может быть уничтожено или обезврежено каким-то более примитивным и простым средством. Например, оснащенные точными системами наведения ракеты могут быть отведены от целей радиопомехами.

Динамика военного противостояния со всей его парадоксальностью, «неконструктивностью» и «волнообразностью» образует горизонтальное измерение стратегии. Но любой конфликт разворачивается на нескольких уровнях, и боевые действия — это лишь одно из проявлений конфликта. Взаимодействие различных уровней противостояния — технического, тактического, оперативного, уровня театра военных действий и далее еще более высоких уровней — задает вертикальное измерение стратегии. Стратегия — это сложная игра, с переходом с одного иерархического уровня на другой при взаимном рефлексивном управлении одного другим. При этом действия на самом нижнем «этаже» противостояния, в «горизонтальном измерении», могут эхом отдаваться на более высоких уровнях и предоставлять возможности и ресурсы для реализации маневров на уровнях театра военных действий или дипломатических интриг — и все это охватывает и удерживает в себе большая стратегия[29].

Хорошо продуманная диверсия на уровне дипломатических интриг или информационная атака могут свести на нет ваше военное и техническое превосходство. Удачная бомбардировка, уничтожившая крупный и укрепленный населенный пункт противника, в случае реализации им продуманного информационного маневра, усиленного провокациями, может привести к политической и экономической блокаде вашей стра-

[29] «Что касается уровня большой стратегии, все происходящее на нижележащих, военных, уровнях в той или иной форме отражается в широком контексте международной политики, что сказывается и на невоенных отношениях между государствами: формальных дипломатических связях, пропаганде в средствах массовой информации, тайных операциях, на собираемых разведкой сведениях о соседях, а также на всех экономических сделках, значение которых выходит за пределы интересов частных лиц. Следовательно, на этом непропорционально просторном верхнем этаже в постоянных взаимодействиях между странами всплывает то, чего им удалось или не удалось достичь в военной сфере: на техническом, тактическом, оперативном уровнях и на уровне театра военных действий. Если взять другой образ, ухватывающий динамическую реальность нашего предмета, то большую стратегию можно рассматривать как слияние военных взаимодействий, перетекающих вверх и вниз с одного уровня на другой и образующих «вертикальное» измерение стратегии, в то время как на поверхности мы видим различные отношения между государствами, образующие «горизонтальное» измерение стратегии». *Эдвард Люттвак.* Стратегия: Логика войны и мира. Москва, 2012. С. 267.

ны со стороны мирового сообщества. Грамотно организованный прорыв незначительного по размерам, но маневренного и хорошо подготовленного подразделения в тыл более сильного противника может дестабилизировать всю его армию. А удачно проведенный государственный переворот во властных структурах врага может отменить саму необходимость ведения против него боевых действий.

На уровне большой стратегии ситуация усложняется не только по причине разрастания масштабов действия. Здесь существенно увеличивается число субъектов действия, вовлеченных в ситуацию. Если для военного противостояния на уровне театра военных действий обычно предполагается наличие двух противоборствующих сторон, то на уровне большой стратегии в противостоянии задействованы как минимум три стороны, а чаще — все страны, имеющие свои интересы в данном регионе, даже если они находятся в другом конце земного шара.

Другой отличительной чертой большой стратегии является то, что противостояние охватывает не только период открытых войн, но и мирное время. С точки зрения grand strategy мир — это только период временного отсутствия войны, война со знаком «минус». Если внутренняя политика стран обычно ориентирована на мир и подчиняется, по словам Люттвака, «линейной логике производства», то внешняя политика — это всегда война, даже если страны декларируют мирное сосуществование. Войны могут носить открытый характер, приобретать форму «холодной войны» или войны без использования вооружения, когда используются экономические, торговые и дипломатические формы противостояния, но это противостояние всегда подчиняется «парадоксальной логике стратегии». И даже те страны, которые находятся в одном военно-политическом альянсе, все равно вынуждены рассматривать друг друга как потенциальных противников в какой-нибудь будущей войне.

За последнее столетие изменились формы ведения войны, появились государства, которые не могут позволить себе вступить друг с другом в открытое противостояние (обладая существенным запасом ядерного оружия)[30], тем не менее от войны никто не отказался, в том числе и раз-

[30] «Хотя Соединенные Штаты и Советский Союз были разубеждены наличием ядерного оружия, вследствие чего отказались от прямых военных действий друг против друга на всем протяжении «холодной войны», их враждебность находила себе отдушины в войнах, которые вели их союзники, клиенты и агенты. Поэтому оборотной стороной небывалого мира между великими державами стало преобладание и накал войн между державами малыми: в период «холодной войны» 1948–1991 годов произошло около 144 таких конфликтов. Таким образом, триумф разубеждения посредством ядерного оружия был парадоксальным образом очевиден в насилии, осуществлявшемся неядерными средствами». *Эдвард Люттвак.* Стратегия: Логика войны и мира. Москва 2012. С. 283.

витые западные страны. В статье 1990 года «От геополитики к геоэкономике: Логика конфликта, грамматика коммерции» (From Geopolitics to Geo-economics: Logic of Conflict, Grammar of Commerce) Люттвак пишет, что в будущем столетии (в XXI веке) большинство развитых и развивающихся стран будут вовлечены в новую форму противостояния. Об этом будет рассказано в следующем параграфе.

От геополитики к геоэкономике. Смена целей меняет структуру и логику метода

«От геополитики к геоэкономике: Логика конфликта, грамматика коммерции», 1990
«Угроза американской мечте: как остановить превращение Соединенных Штатов в страну третьего мира и как выиграть геоэкономическую битву за экономическое превосходство», 1993
«Турбокапитализм: победители и проигравшие в глобальной экономике», 1998

Развал Советского Союза поставил в тупик многих американских стратегов и политиков. Для борьбы с «империей зла» были мобилизованы значительные финансовые, организационные, кадровые и интеллектуальные ресурсы. Так что самороспуск этой зловещей империи, пожалуй, оказался самым большим злом, которое она причинила армии американских военных, работников спецслужб и сотрудников интеллектуальных центров за весь период «холодной войны». Ведь они неожиданно утратили цель своей жизни, свою миссию, оказались перед угрозой лишиться любимой и хорошо оплачиваемой работы (победа обернулась если и не поражением, то существенными потерями). Можно сказать, что распад СССР нанес удар не только по этому сообществу, кормящемуся на «холодной войне», но и по всей стране в целом: военно-промышленный комплекс был и остается очень важным элементом в структуре организации административно-бюрократической системы Америки, а удар, нанесенный по важному блоку, способен дестабилизировать и всю систему в целом. И в данном случае опять срабатывает так любимая Люттваком парадоксальная логика стратегии: именно потому, что данный элемент был очень сильным и занимал в системе чрезвычайно важное место, его дестабилизация оказалась способной нанести системе такой ощутимый ущерб. Самороспуск Советского Союза можно рассматривать как особую форму военного маневра, который советские стратеги совершили случайно или по недоразумению.

В общем-то, не так сложно восстановить ход дальнейших событий. Американский ВПК совместно с ЦРУ, большим количеством консультационных, исследовательских центров, некоммерческих организаций и в совокупности с различными засекреченными подразделениями — весь этот бюджетный рай, образовавшийся в центре предельно либеральной страны, каковой являются США, — настигла угроза сокращений и возврата в суровый климат либерального капитализма. В не менее тяжелом положении оказалось и большое количество коммерческих компаний, портфель заказов которых в значительной степени формировался из правительственных центров, ориентированных на борьбу с СССР. Далее в среде этого сообщества стали разворачиваться два процесса. Во-первых, началась борьба за выживание — жесткая конкуренция за сокращающееся бюджетное финансирование и государственные заказы. Как известно, в такой борьбе чаще побеждают не те, кто обладает наиболее высокими профессиональными качествами, а те, кто силен в социальных играх, в подковерной борьбе и в интригах, то есть обладает хорошим социальным инстинктом и интеллектом. Во-вторых, началась консолидация лоббистских групп данного сообщества для совместного отстаивания своих сословных интересов.

Оставшиеся не у дел американские стратеги приступили к поиску нового врага и сфер применения своего опыта, накопленного в процессе противостояния СССР. Можно предположить, что военные операции НАТО в Югославии, Ираке и Афганистане, а также в Ливии и угрозы демократизировать Иран и Сирию — это серия таких попыток: военные стремятся показать, что их можно использовать для принуждения агрессоров к миру. Армия теперь борется не с «империей зла», а с вопиющей несправедливостью, которая все еще царит в мире, — с отдельными очагами авторитаризма, разбросанными по всему земному шару. Но так как американских налогоплательщиков трудно уговорить отдавать свои деньги на борьбу с какой-то эфемерной несправедливостью, то в Ираке стали искать оружие массового поражения, в Афганистане — убежище мирового терроризма, а в Иране — разработки ядерного оружия.

Стоит отметить, что Эдвард Люттвак отреагировал на эту ситуацию (распад Советского Союза) по-иному: он не стал хвататься за старое, а приступил к выработке для своей страны и для себя новых целей. И эти цели снова были сформулированы в логике фиксации ключевых проблем, с которыми США столкнулись в изменившейся ситуации: «как остановить превращение Соединенных Штатов в страну третьего мира, или — как выиграть геополитическую битву за экономическое превосходство» (книга «Угроза американской мечте...», вышедшая

в свет в 1993 году*)*. Основной тренд, наметившийся в международной политике в начале 90-х, Люттвак определяет как переход от геополитики — к геоэкономике, к новой реальности, к новой логике государственных противостояний.

После того как могущество зловещей империи (СССР) перестало завораживать внимание и воображение американских интеллектуалов, некоторые из них обратили свой взгляд на то, что происходит в их родной стране. И нужно сказать, что сложившаяся ситуация не очень их обрадовала. Оказалось, что у современного капитализма также есть немало недостатков[31]. И это еще одна проблема, на которую остро отреагировал Эдвард Люттвак. Книги «Угроза американской мечте» и «Турбокапитализм» являются результатом его размышлений на данную тему[32].

В книгах и статьях, вышедших после крушения Советского Союза, Люттвак в основном обсуждает несколько блоков проблем. Вот их список:

1. Новые подходы к стратегии развития государства, формы его трансформации и модернизации в свете текущих событий, последствия этих изменений для жизни населения и для того, как будет складываться и функционировать будущая система международных отношений *(книги «Турбокапитализм» (1999), «Угроза американской*

[31] Corey Robin. The Ex-Cons: Right-Wing Thinkers Go Left: http://linguafranca.mirror.theinfo.org/print/0101/cover_cons.html , www.mail-archive.com/ctrl@listserv.aol.com/msg60433.html.

[32] В работах российских авторов турбокапитализм упоминается в основном в контексте обсуждения перехода мировой экономики на новую фазу. Вот выдержка из статьи в русскоязычной версии Википедии, демонстрирующая типичное понимание данного термина, проявляющееся в дискурсе российских экономистов и геополитиков: «Турбокапитализм — экономика нового типа, в которой все процессы происходят быстрее, главным образом за счёт глобализации и информатизации. На таком рынке большая доля торговли идёт в виртуальном пространстве, а капитал освобождается от государственных и национальных границ. Термин был впервые употреблён американским экономистом Эдвардом Люттваком. С одной стороны, турбокапитализм ускоряет экономические процессы и способствует росту благосостояния некоторых слоёв общества. Но в то же время, турбокапитализм приводит и к поляризации доходов. Немногие государства борются с проблемой бедности в достаточной мере, а меж тем происходит дематериализация реального сектора экономики, что в свою очередь ухудшает состояние среднего класса в плане рисков (существует возможность как выгодно вложить деньги, так и скатиться в нищету) и граждан с изначально низким уровнем дохода. Более того, в развивающихся странах такие условия позволяют богатым слоям подмять под себя всю экономику и национальные богатства, тем самым ухудшая жизнь остального населения» (http://ru.wikipedia.org). В данной статье мы делаем попытки высветить другие темы на том смысловом поле, который Эдвард Люттвак задает, обсуждая термин «турбокапитализм».

мечте» (1994), сборник статей «Виртуальная Американская империя», статья «От геополитики к геоэкономике...» (2009), ряд других статей).

2. Новые формы войны, которые ведутся и будут вестись в изменившихся социально-политических, культурных и военно-технических обстоятельствах *(статьи «От геополитики к геоэкономике...» (1990) и «Дайте войне шанс» (1990), книга «Стратегия: Логика войны и мира» (1987–2001)*[33] *и др.).*
3. Новые контуры международной ситуации, в которых будет разыгрываться следующая фаза grand strategy: основные игроки, расклад сил, комплекс объективных и субъективных проблем *(еще не вышедшая книга «Возрастающая мощь Китая и логика большой стратегии: история о почти неминуемом будущем»).*

Изменение подходов к стратегии развития государства. Появление турбокапитализма

В книге «Государственный переворот» (1968 год) Люттвак обсуждал ситуации, в которых административная система государства использовалась в качестве инструмента захвата государственной власти. Он сравнивал административно-бюрократический аппарат с «машиной» и показывал, что тот, кто получает доступ к рычагам управления этим социальным механизмом, получает власть. Кроме того, захвативший рычаги управления получает возможность использовать эту машину в качестве оружия подавления оппозиции, уничтожения или устранения других претендентов на власть, приобретает возможность по своему усмотрению перераспределять национальные ресурсы. В демократических странах с развитыми институтами гражданского общества административная машина находится под перекрестным контролем общественности и политических партий, в странах с неразвитыми социальными институтами мощный государственный аппарат оказывается в руках авторитарного лидера или какой-либо группы людей. В статье «От геополитики к геоэкономике» и в последующих работах (начало 90-х) Люттвак также обсуждает ситуации использования административного аппарата государства, но уже со стороны крупного корпоративного бизнеса, политиков и отраслевых лобби.

---

[33] Первое издание книги вышло в 1987 году. Мы выпускаем повторное и доработанное издание этой книги от 2001 года. В нем автор размещает результаты своего анализа операции НАТО в Югославии (1999 год), а также ряда других событий, случившихся после крушения СССР и окончания «холодной войны».

Тезис, что государство принадлежит народу, относится к разряду идеологических и нормативных утверждений, в действительности все обстоит несколько иначе. Для того чтобы использовать административную мощь государства, в демократических странах вовсе не обязательно пытаться захватить в свои руки рычаги управления ее бюрократическим аппаратом. Динамика развития современных экономики, техники и технологий бизнеса приводит к тому, что на международной арене появляются субъекты действия, сопоставимые по мощности с государством, во всяком случае, вынуждающие государство считаться с их существованием и с реализуемой ими активностью. В свою очередь, эти субъекты понимают, что государство — это сильный ресурс и при поддержке его геополитически активной бюрократии можно добиться большего, чем в противном случае. Появление транснациональных корпораций и создание условий для ведения бизнеса без привязки к какой-либо конкретной территории поставило перед государствами ряд проблем, а также открыло для них новые возможности. В своих книгах и статьях Люттвак как раз и обращает наше внимание на этот круг проблем и возможностей.

Динамика трансформации административной системы современного западного государства

Та государственная машина, основы которой до сих пор присутствуют в административных системах современных западных стран, сформировалась в эпоху развитого феодализма и представляла собой именно «централизованное государство». Прототипом для формирования организованной армии чиновников послужила модель военных образований[34]. Изначально высшие эшелоны гражданских служб, так же как и армейских подразделений, были заполнены в основном представителями дворянского сословия. По мере разрастания административной системы и усложнения стоящих перед ней задач на высшие посты в бюрократической иерархии

[34] «Лишь немногие государства вынуждены были воевать ради сохранения своего существования, но похоже, что все государства созданы для войны — или, по крайней мере, они все еще структурированы так, как будто война является их самым важным предназначением». *Э. Люттвак.* Угроза американской мечте. (*Edward Luttwak.* The Endangered American Dream, 1993. P. 315).

«Далеко не все государства были вынуждены бороться за свое существование, но все государства существуют для того, чтобы бороться, и, по крайней мере, они организованы так, что готовность к противостоянию и войне является их основной функцией. Большинство из существующих сегодня 160 с небольшим независимых государств не находится в состоянии войны с внешними врагами, и многие из них не были в состоянии войны в течение нескольких поколений, тем не менее управленческая структура современного государства такова, что до сих пор ориентирована на конфликтное поведение». *Edward Luttwak.* From Geopolitics to Geo-economics: Logic of Conflict, Grammar of Commerce.

стали попадать и образованные представители низших сословий. С какого-то момента критерий образованности стал обязателен для занимания командных постов в государственной системе: вне зависимости от того, к какому сословию принадлежали претенденты на тот или иной пост, они должны были быть образованными людьми.

Поначалу демократизация западных обществ и появление парламентов не изменили принципа отбора кадров для бюрократической системы: «руководящий состав» должен был обладать уровнем образования более высоким, чем среднестатистические представители населения. Вдобавок к этому было желательно, чтобы чиновник принадлежал к высшему сословию, происходил из богатой или знатной семьи, имел на территории данной страны какую-то собственность (землю, недвижимость, производство) или, по крайней мере, обладал высоким уровнем профессионализма. И армейское, и чиновничье «офицерство» являлось если не привилегированной, то, во всяком случае, почетной частью общества: и по уровню занимаемого статуса в социальной иерархии, и по уровню материальной обеспеченности.

Развитие капитализма и дальнейшая демократизация общества привели к тому, что социальный статус военных и гражданских «офицеров» в современном обществе существенно снизился. Работа на частные коммерческие структуры стала не менее престижна и чаще — более доходна. Бюрократия из элиты превратилась в «слуг народа», среднестатистический образовательный уровень современного чиновника сегодня уже не выше, чем у работников частных компаний, и считается, что эффективность его труда ниже, чем в частном секторе.

Таким образом, административные системы сохранили прежнюю квазивоенную логику организации, но утратили свой социальный статус, перестали быть образованной элитой общества и, как ни странно, — в какой-то мере потеряли идеологическую лояльность по отношению к представителям власти. Они все еще подчинены властной и политической элите, но у них нет с ними «классового единства», нет общности интересов, нет безусловной преданности: бюрократы могут служить любой политической силе, которая придет к власти, представителем каких бы социальных слоев общества эта власть ни являлась.

Сопоставление бюрократии с представителями политических и властных элит

В разных странах существуют свои принципы восхождения по карьерной лестнице или свои секреты пользования «социальным лифтом», но далеко не всегда они предполагают обязательное постепенное восхождение с самых низших должностей на все более и более высокие. Представите-

ли властных элит далеко не всегда являются представителями бюрократии, дослужившимися до «генеральских чинов». Политическая карьера отличается от административной, во всяком случае, она не тождественна ей. Чиновники, занимающие выборные должности, чаще всего сделаны из иного «человеческого материала», чем те их коллеги, которые постепенно взбираются по карьерной административной лестнице. Постепенно меняются и приоритеты наиболее амбициозных и успешных представителей бюрократии. В каждой стране сложилась своя ситуация, но в государствах с повышенной «геоэкономической активностью» уже не модно выбирать военную или классическую дипломатическую карьеру, более престижной считается работа в сферах, обслуживающих эту самую геоэкономическую активность[35].

Что собой представляют держатели власти и чем они отличаются от армии чиновников и “day to day” политиков, занимающих выборные посты, точно определить трудно. Как уже говорилось, предполагается, что власть принадлежит народу, но по факту — ею пользуется не вполне прозрачное разношерстное сообщество, состоящее из избранных представителей высших чинов бюрократии и выборных политиков, а также представителей бизнеса, способных лоббировать свои интересы, адвокатских контор и ассоциаций, — далее открываются просторы для конспирологов.

Внутренняя политика

В ряде своих книг и статей Люттвак отмечает постепенную коммерциализацию государственной административной системы, которая приводит к ряду последствий[36]. Начиная с 80-х годов XX века в мировой экономике появился устойчивый крен к новой форме либерализма, который предполагал снижение роли государства в экономике, тотальную приватизацию[37], снятие государственного контроля со многих

---

[35] «Войны и дипломатические интриги обычно притягивали к себе амбиции аристократов. Высшие военные чины или дипломатические посты обычно занимались аристократами или теми, кто вел себя как аристократ, или, по крайней мере — стремился к аристократическим привилегиям. Генералы геоэкономических войн являются не более скромными особами. Они также хотят быть вершителями судеб на мировой арене: они хотят быть теми, кто создает технологии, а не теми, кто занимается банальным производством по чужим лицензиям; теми, кто разрабатывает новые продукты, а не теми, кто их только потребляет; теми, кто занимается экспортом, а не теми, кто ввозит в страну чужие товары». *Edward Luttwak*. The Endangered American Dream. P. 310.

[36] См. «Турбокапитализм», «От геополитики к геоэкономике» и другие статьи, отмеченные в подзаголовке данного раздела.

[37] Все это более характерно для англосаксонских стран, особенно для Великобритании и США, но эти две страны имели достаточно ресурсов и мощи для того, чтобы их устремления оказали влияние на всю мировую экономику.

типов коммерческой и финансовой активности, сокращение расходов на социальные нужды.

Снижение уровня государственного регулирования экономики, особенно финансовой сферы, действительно способствовало быстрому росту некоторых ее отраслей: высоких компьютерных и биотехнологий — и новых типов банковских и финансовых услуг, которые позволили осуществлять быстрый доступ к быстро концентрирующемуся капиталу. Этот механизм быстрой концентрации и сжатия капитала, втягивающий в финансовую сферу все те ресурсы, которые ранее были распылены или заморожены в производственных, дистрибутивных, логистических и социальных структурах, позволяет осуществлять быстрый рост экономики в каких-то определенных высокотехнологичных сферах и, кроме того, быстро капитализировать новые технологии и инновации. Все это напоминает работу турбореактивного двигателя. Возможно, по аналогии с ним Люттвак и ввел термин «турбо-капитализм»: капитализм, стремительно меняющийся и развивающийся.

С точки зрения Люттвака, такие эксперименты с организацией системы функционирования государственной и международной экономики являются экстремистскими. Он сравнивает их с идеями социализма и коммунизма: «...удивительно, но этот новый турбокапитализм имеет очень много общего с советской версией коммунизма. Он также предлагает единую систему, модель поведения, одинаковый набор средств и правил для всех стран по всему миру, игнорируя любые различия в социальной организации, традициях, культуре и национальном темпераменте»[38].

Основной принцип турбокапитализма — это концентрация, сжатие и быстрое «сжигание» денег для выхлопа деловой и финансовой активности, которая обеспечивает быстрый прирост капитала и втягивание в этот процесс еще большего количества денег. Это что-то наподобие тех «огненных вихрей», при помощи которых американцы и англичане в конце Второй мировой войны сжигали немецкие города. Но только военные стратеги в своих схемах делали ставку на изменение направления воздушных потоков, которые начинали двигаться к эпицентру пожаров, вспыхивающих при бомбардировках городов, и чем сильнее бушевали эти пожары, тем большее количество воздуха они в себя втягивали. В результате в этом огненном смерче выгорали целые города[39]. Финансисты же вме-

[38] *Эдвард Люттвак.* Турбокапитализм: победители и проигравшие в глобальной экономике. (*Edward Luttwak.* Turbo-Capitalism: Winners and Losers in the Global Economy, 1999. P. 27).

[39] При обсуждении этого события в своей книге «Стратегия: Логика войны и мира» Эдвард Люттвак делает ссылку на следующий источник: эффект «огненного смерча» был впервые описан в знаменитом отчете главы гамбургской полиции от 1 декабря 1943 года.

сто огненных вихрей запускают вихри финансовых потоков. Разработка механизмов быстрой концентрации капитала, быстрой выдачи кредитов и получения быстрых дивидендов или иных форм прибыли приводит к эффекту всасывания все большего и большего количества денег в «эпицентры финансового горения». А эти эпицентры находятся в зонах, максимально освобожденных от контроля со стороны государства, то есть в англосаксонских странах.

Турбокапитализм приводит к перераспределению национальных ресурсов. В масштабах отдельной страны интеллектуальные, финансовые и организационные ресурсы начинают концентрироваться вокруг финансово-банковской сферы, в которой оседает наибольший процент прибыли от всех бизнес-активностей, втянутых в потоки этого все набирающего и набирающего темпы процесса. Другим полюсом концентрации ресурсов оказываются сферы бизнеса, способные предоставить перспективные коммерческие проекты, акции которых (и деривативы от этих акций) обещают высокую прибыль.

Согласно стратегии, разработанной представителями радикального либерализма, стимулирование со стороны государства перспективных и быстро развивающихся сфер экономики должно привести к перестройке и модернизации экономической системы государства, что сделает ее более конкурентоспособной. Снижение уровня вмешательства государства в экономику должно было придать ей большую мобильность, а снятие излишнего контроля финансово-банковской сферы — обеспечить новые быстро развивающиеся направления бизнеса или удачные проекты уже существующих и успешных компаний быстрыми кредитами и инвестициями. Для того чтобы финансовые накопления, концентрирующиеся в кошельках людей, сумевших встроиться в структуры «новой экономики», не уходили из страны, была запущенна программа по стимулированию потребления товаров и услуг, а тем, кто не смог приспособиться к новым условиям, высокий уровень потребления обеспечивался программой пропагандирующей «жизнь в кредит».

Все эти программы действительно привели к перестройке экономики и к быстрому развитию ее перспективных направлений. Но, как всегда случается в ситуациях «опьянения радикальными идеями», стремление к излишней либерализации привело к ряду проблем и перекосов в функционировании экономической системы в целом: в банковской сфере появляются «финансовые пузыри»; население страны оказывается недостаточно мобильным для того, чтобы поспевать за быстро перестра-

См. краткую выжимку в: SAO, IV. Приложение 30. P. 310–315; а также: *Middlebrook, Martin.* The Battle of Hamburg («Битва за Гамбург»), 1981. P. 214–240.

ивающейся экономикой, затребовавшей новые типы и уровни профессионализма; в сфере потребления возникает кризис невозврата кредитов; многие «перспективные проекты» оказываются нереалистичными; а поиск новых регионов для экономической экспансии национального бизнеса приводит к тому, что производство и некоторые другие службы этого бизнеса переносятся в более выгодные для его ведения страны, что увеличивает риск разрастания структурной безработицы.

Во внутренней политике новая экономическая стратегия привела к снижению «воспитательно-образовательной» миссии государства, которая замещалась программами, нацеленными на стимулирование роста потребления населения. Успех внутренней политики либерального государства определяется темпами роста ВВП, индексами потребительской активности населения, созданием новых рабочих мест. И бизнес, и власть заинтересованы в увеличении в стране уровня активного и платежеспособного спроса, а не нравственной чистоты нации или роста уровня образования граждан. Правда, геоэкономически активные страны часто прибегают к стратегии создания особых инкубаторов для разработки новых технологий, а наполнение этих зон рабочими кадрами обычно решается путем создания «интеллектуальных гетто» в виде привилегированных университетов и научных центров или же приглашения уже готовых специалистов из других стран.

Одна из проблем современных капиталистических стран (вырастивших в себе, по мнению Люттвака, особую, новую форму капитализма — турбокапитализм) заключается в том, что темпы развития технологий — финансовых, промышленных, научных, инфраструктурных — существенно опережают темпы развития всеобщего образования. Во-первых, система образования устарела в целом, а во-вторых, ни правительство, ни бизнес не заинтересованы в его развитии. Правительство не считает нужным тратить деньги на образование по причине того, что у того нет своих лобби (за исключением сильных университетов, но, как уже отмечалось, они выводятся в особые «интеллектуальные гетто»), к тому же за имеющиеся бюджетные деньги и так идет непрестанная война.

Было бы ошибочным возлагать ответственность за повышение уровня образования и на бизнес. Ведь он не заинтересован в обучении широких народных масс, а кроме того, он не хочет за свои деньги выращивать себе конкурентов. Человеку, владеющему какой-то особенной бизнес-схемой или знающему, как капитализировать какую-либо технологию, выгодно не видеть на рынке других людей, способных сделать то же самое, поэтому он не будет ни делиться своим опытом, ни обучать своему искусству кого-либо еще. В период существования «контролируемого капитализ-

ма»[40] государство брало на себя расходы по поддержке образования населения на уровне, необходимом для развития национальной экономики. В условиях турбокапитализма население оказалось предоставленным самому себе, не имея ни ориентиров, ни средств для самообразования в ситуации, когда умение осваивать новые знания и навыки становится особенно важным для «экономического выживания» в быстро меняющихся условиях.

Турбокапитализм своим возникновением обязан, с одной стороны, естественной логике развития капитализма, вышедшего на уровень капитализации интеллектуальных ресурсов, а с другой — тому сдвигу в логике международного противостояния, которое Люттвак определяет как переход от геополитики к геоэкономике. Примерно в этот же период произошло и существенное изменение подходов к организации внутренней политики государства (особенно — в государствах англо-саксонского блока). Как уже говорилось выше — произошел отказ от модели «контролируемого капитализма».

Формирование контролируемого капитализма прошло через несколько этапов. С конца XIX века, или, по крайней мере, с первых десятилетий XX в западных странах начался процесс постепенного приручения свободного и дикого капитализма: ставились нормативные и правовые ограничения, регулирующие не только отношения между субъектами экономической активности, но и трудовые нормы взаимодействия работодателей и наемных работников. А после серии удавшихся и провалившихся социалистических революций внимание к проблемам социальной защищенности и социальных гарантий существенно возросло, особенно в европейских странах[41]. В какой-то мере ограничение капитализма и установление контроля над ним со стороны законодательства, правительств, профсоюзов, общественных организаций и политических партий предохраняло государства от угрозы социалистических революций. Социалистические принципы были как бы инкорпорированы в структуры капиталистических государств в виде особых регуляторов. Разные страны создали для себя свои варианты «контролируемого капитализма»[42].

---

[40] См. *Edward Luttwak.* Turbocapitalism: Winners and Losers in the Global Economy. P. 31–36.

[41] «В Западной Европе после 1945 года утвердились сильные демократические и социалистические тенденции, даже в тех странах, которыми управляли далеко не социалистически ориентированные правительства. Казалось бы, конкуренция была ограничена только в розничной торговле и в некоторых индустриях и профессиональных сферах, включая сельское хозяйство, но по факту все виды профессий и все типы работников были защищены от конкуренции законами, регулирующими трудовые отношения». *Edward Luttwak.* Turbocapitalism: Winners and Losers in the Global Economy. P. 28.

[42] См. *Edward Luttwak.* Turbocapitalism: Winners and Losers in the Global Economy. P. 27–50.

Однако в 70-х годах XX века, в основном в США и в Великобритании, начала реализовываться в жизнь стратегия «дерегулирования экономики». Был выдвинут тезис, что и производственные, и инфраструктурные, и финансовые, и даже социальные структуры лучше и эффективнее управляются частными лицами, чем государственными органами, и поэтому необходимо произвести максимально глубокую приватизацию самых различных аспектов государственной деятельности. Это решение, по мнению Люттвака, и послужило одним из спусковых механизмов запуска процесса формирования новой «экономической формации» — турбокапитализма.

Вот что он пишет об этом явлении: началась «приватизация государственного бизнеса всех видов и конвертация различных государственных и публичных институтов в инструменты частного предпринимательства. При этом подобной приватизации подвергается самый широкий круг государственных объектов: от университетов и ботанических парков до тюрем, от библиотек и школ до домов престарелых. Взамен всему этому предлагается — более динамичная экономика, которая будет генерировать новое богатство и благополучие, но при этом ничего не говорится о распределении всего этого богатства — ни обещаемого нового, ни того, что уже было накоплено»[43].

В основе типового западного государства лежит комплекс противоречивых и «враждебных» друг другу принципов, которые компенсируют друг друга и не позволяют какому-либо одному из них слишком радикально усилиться, что нивелирует «побочные эффекты» их применения для оздоровления системы функционирования государства как целого. Так, принцип «демократизма» компенсируется «правом» и законом, не допуская разгула демократии, который может привести к неоправданному ущемлению интересов социальных меньшинств или подавлению большинством личной свободы отдельных граждан. Демократические принципы, в свою очередь, ограничивают излишнее усиление либерализма с его склонностью к эгоцентризму, а также к концентрации ресурсов и потенциальной власти в руках наиболее успешных или удачливых граждан. И точно так же «либерализму» (в его экономическом проявлении) и «свободному рынку» противостояли принципы «социальной ответственности», социальных гарантий, социальной защищенности — то есть, по сути, — социалистические принципы. Можно даже составить список этих базовых идей, входящих в несущий каркас идеологии типового западного государства: право, либерализм, свобода рынка (капитализм), демократия, социальные гарантии (социализм), национальные традиции (консерватизм).

---

[43] *Edward Luttwak*. Turbocapitalism: Winners and Losers in the Global Economy. P. 27.

С точки зрения радикальных либералов, излишне жесткие правовые, общественно ориентированные и консервативные установки тормозят развитие и рост экономики, снижают ее эффективность. При этом забывается то, что при разработке моделей устройства западных государств эффективность экономики не была единственным ориентиром[44]. «Неэффективность этих моделей компенсировалась скрытыми преимуществами, — пишет Люттвак в своей книге о турбокапитализме, — состоявшими в том, что обеспечивалась стабильность и средства вкладывались в улучшение «человеческого капитала»: в семью, в образование детей и др. И действительно, с точки зрения экономики легко доказать, что находящиеся вне конкуренции практики — менее эффективны. Но цепочка причинно-следственных связей, соединяющая социальную стабильность с экономическим ростом, значительно сложнее, и она проходит также и через области психологии и экзистенции, которые неподвластны экономической логике»[45].

По мнению Люттвака, организационно-законодательные эксперименты, способствовавшие возникновению турбокапитализма, приводят к разрушению системы воспроизводства «западного человека». Американцы заражаются безудержной страстью к безмерному потреблению, семейные ценности рушатся, граждане цивилизованных западных государств не хотят рожать детей, происходит быстрое расслоение общества. Среди представителей тех социальных групп, которые не сумели попасть в струю турбокапитализма, падает уровень образования, нарастают социальные проблемы, растет угроза расширения и профессиональной, и социальной базы для безработицы; люди становятся беднее духовно, интеллектуально и морально — человеческий капитал обесценивается.

Демографические проблемы, существующие во всех западных странах, Люттвак считает предельно важными и опасными. Нежелание женщин рожать детей может привести к вымиранию или к растворению западной цивилизации. В настоящее время многие западные страны заселяются этнически и культурно инородными ее населению людьми,

---

[44] «Согласно уверениям энтузиастов сегодняшнего турбокапитализма, именно с применением этих трех методов было связано замедление экономического роста, а вмешательство государства в экономику объявлялось главной причиной ее неэффективного управления. Сторонников данной версии не смущает даже то обстоятельство, что во все периоды, когда практиковались эти методы управления экономикой (50-е, 60-е и 70-е годы XX века), экономический рост был гораздо более быстрым, чем в наши дни». Под тремя методами управления экономики здесь подразумеваются американская, европейская и японская модели «контролируемого капитализма». *Edward Luttwak.* Turbocapitalism: Winners and Losers in the Global Economy. P. 30.

[45] *Edward Luttwak.* Turbocapitalism: Winners and Losers in the Global Economy. P. 30.

которые, в отличие от европейцев и американцев, охотно рожают детей. Чрезмерное усиление либеральных принципов (свобода рынка и отказ от модели «контролируемого капитализма») привело к ослаблению всех остальных принципов, лежащих в основе западного общества. Урезание затрат на социальные гарантии, поддержание национальных традиций, расходы на воспроизводство образованного населения и на образование трудоспособных граждан — это одна из причин, по которой западное общество уже не может ассимилировать в себя представителей инородных культур, приезжающих для проживания в их страны. Эти приезжие обладают большими витальностью, энергией и экзистенциальной целостностью, чем европейцы или американцы, что при условии прироста их процентной составляющей среди населения страны (усиление темпов иммиграции при высоком уровне рождаемости среди иммигрантов) может привести к тому, что это они будут ассимилировать западную цивилизацию, а не она их.

Внешняя политика. Геополитика и геоэкономика. Турбокапитализм и глобализация

Согласно Эдварду Люттваку, геоэкономика как практика появилась благодаря пересечению интересов двух социальных или профессиональных групп: крупного бизнеса, заинтересованного в экспансии на международные рынки, и новой генерации бюрократов, стремящихся делать карьеру в качестве бойцов в новых формах геополитического противостояния (в геоэкономике). Интересы крупного устоявшегося бизнеса и новых компаний, стремящихся к быстрому росту (или хотя бы к его демонстрации), достаточно понятны и очевидны[46]. Но к этому стоит добавить еще несколько комментариев, посвященных освещению тех возможностей, которые были предоставлены бизнесу развитием турбокапитализма.

Снятие или снижение государственного контроля с многих областей финансовой деятельности позволило финансовым системам западных стран производить быструю концентрацию капитала и осуществлять не менее быстрые его вложения в широкий спектр коммерческих проектов. Но для успешной работы этого механизма было необходимо наличие

[46] «Негативные случаи государственно-частного взаимодействия не могут происходить очень часто, но они оказываются очень важными, когда все-таки происходят. Геоэкономически активные страны, которые выступают против государств-конкурентов, могут в той же степени выступать и против иностранных компаний, выбранных теми в качестве «избранных инструментов», но также и против обычных иностранных компаний, которые имели несчастье оказаться на пути этих стран». *Edward Luttwak.* From Geopolitics to Geo-economics: Logic of Conflict, Grammar of Commerce.

реальных перспективных (или хотя бы правдоподобных) проектов и, кроме того, требовалось продемонстрировать максимально широкие горизонты для их потенциального роста. Символом новой экономики стали высокотехнологичные виды бизнеса: компьютеры, телекоммуникация, интернет, биотехнологии и др., а широкие горизонты для его развития должна была предоставить экспансия на новые рынки. Но никакой широкой и интенсивной экспансии на новые рынки не могло произойти, если бы не были сняты излишние нормы регулирования не только национальной, но и международной экономики. Для этих целей была запущена программа «глобализации». Таким образом, зараженная предельно либеральными идеями бюрократия западных стран, будучи заинтересованной в демонстрации быстрого эффекта от своих нововведений — быстрого роста экономической активности, стала работать на предоставление бизнесу максимально удобных условий для развития и экспансии.

Грубо говоря, геоэкономика — это деятельность государства по расчистке пространства для роста своей национальной экономики и поддержки экспансии национального бизнеса на международные рынки. Глобализация, с одной стороны, предполагает, так же как и турбокапитализм, ослабление роли государства в экономике (и каждого конкретного государства, и всех государств в целом) и открытие международного пространства для экономической экспансии бизнеса геоэкономически активных стран. Но, с другой стороны, глобализация подразумевает и обратное — увеличение активности бюрократии, тех государств, которые имеют геоэкономические амбиции, и в этом смысле — предельно жесткое навязывание своей воли и своих идей всем участникам международной экономикой системы. Для реализации программы глобализации требовалось активное вмешательство геоэкономически активных государств и в сферу регулирования международной экономики, и в механизмы организации экономической жизни многих стран.

В теоретических построениях Люттвака всегда можно выделить естественный и искусственный планы в описаниях исследуемого им процесса, события, ситуации или объекта. Турбокапитализм — это процесс, зародившийся на геополитических просторах нашей планеты благодаря естественному развитию капитализма, но в то же время — он приобрел те формы и направления развития, которые имеет сегодня, благодаря организационным и нормативным действиям властных элит ведущих западных государств. Механизм, придавший процессу развития турбокапитализма ту скорость, позволил набрать то ускорение, которые Эдвард Люттвак смог выявить к моменту выхода в свет его книги, а мы можем наблюдать сейчас, был запущен властными элитами англосаксонских

стран еще в конце 70-х — начале 80-х годов[47] (в основном США и Великобританией).

Очевидно, что в какой-то момент властные элиты США и Великобритании смогли увидеть не только внутриэкономические (оказывающие влияние на экономику отдельной страны), но и внешнеэкономические проявления этого запущенного ими и набирающего темпы процесса. Оказалось, что организационной и финансовой мощности двух крупных держав хватило для того, чтобы придать развитию всей мировой экономики нужную им логику и форму. Банковская и финансовая системы Англии и Америки и ранее были крупнейшими в мире, но запущенный благодаря этим странам процесс турбокапитализма позволил им набрать еще больший вес. Остальным же странам осталось лишь добровольно войти в этот процесс либо просто быть втянутыми в него не по своей воле и часто — без понимания сути происходящих событий.

В 1998[48] году Люттвак на страницах своей книги отмечает пагубные последствия турбокапитализма, но очевидно, что его оппоненты видят в этом процессе скорее позитивные моменты и готовы и дальше стимулировать его развитие. Однако уже начиная с середины 90-х бурное течение турбокапитализма начинает содрогаться от некоторой турбулентности из-за серии азиатских кризисов. В 2000 году происходит обвал на рынках, связанных с телекоммуникационным бизнесом: производство высокотехнологичных продуктов и услуг, для оказания которых эти продукты необходимы[49]. А ведь этот бизнес являлся одной из тех сфер, в которые втягивались освобожденные от государственного контроля — концентрирующиеся и ускоряющиеся в обращении — финансы. И только начавшийся в 2008 году и продолжающийся в наши дни экономический кризис заставил западные страны всерьез задуматься над проблемой государственного регулирования экономики и вернуться к рассмотрению идеи «контролируемого капитализма».

Итак, для понимания тех проблем, которые Люттвак обсуждал в течение 90-х годов, имеет смысл взять на вооружение три термина: «глобализация», «турбокапитализм» и «геоэкономика». Два последних поня-

[47] В Великобритании этот процесс начался с приходом к власти Маргарет Тэтчер, в 1980 году. Тэтчер являлась яростным сторонником идеологического движения, выступавшего против идеи «государства всеобщего благосостояния», а после победы на выборах приступила к реализации альтернативного подхода: монетаризма, связанного с идеями экономистов Милтона Фридмана и Фридриха фон Хайека. В Соединенных Штатах эти идеи были широко распространены и предлагались к реализации уже в 70-х годах.

[48] 1998-й — год выхода в свет книги Люттвака «Турбокапитализм», а значит, анализом этого явления он занялся еще раньше.

[49] Кризис на рынке «додкомов» назревал в течение нескольких лет, приблизительно с 1995 года. Обвал произошел в 2000 году, когда обрушился рынок NASDAQ.

тия были введены в обиход современной геополитики непосредственно самим автором. «Глобализация» указывает на сферу, пространство, в котором разворачивается действие, и она предполагает расчистку этого пространства; «турбокапитализм» — указывает на процесс, который разворачивается в этом пространстве; а «геоэкономика» — это та практика, которая способна управлять подобными процессами: менять их интенсивность и направление. Можно сказать, что держатели этой новой практики — геоэкономически активные государства — используют и турбокапитализм, и глобализацию в качестве оружия реализации своих целей.

Можно предположить, что те схемы экономической экспансии, которые Люттвак описывает на страницах своей книги, объединяя термином «турбокапитализм», организаторы и менеджеры этого процесса начали осознанно использовать еще в конце 80-х — начале 90-х. А крушение Советского Союза расширило границы для возможной экспансии и высвободило огромные кадровые, организационные и финансовые ресурсы, которые ранее были задействованы в противостоянии «империи зала», благодаря чему турбокапитализм смог развиваться еще стремительнее. Однако подтверждение или опровержение этих предположений выходит за рамки данной статьи, так как Эдвард Люттвак об этом не писал, хотя если следовать логике его рассуждений, содержащейся в изданных им книгах и статьях, то такое продолжение развития его мыслей кажется вполне возможным.

Исторически случилось так, что прежде чем выявить этот базовый процесс, стягивающий на себя все происходящие на международной арене события, деформирующий и логику международных отношений, и развитие мировой экономики, Люттвак указал на основных субъектов действия, управляющих этим процессом, и на логику их поведения. «Турбокапитализм» вышел в свет в 1998 году, а о геоэкономике и геоэкономически активной бюрократии западных стран Эдвард Люттвак сообщил миру еще в 1990-м (статья «От геополитики к геоэкономике: Логика конфликта, грамматика коммерции») и в 1993-м (книга «Угроза американской мечте»)[50].

[50] Как уже было сказано выше, при обсуждении идеи турбокапитализма российские геополитики и экономисты чаще всего указывают на то, что это явление представляет собой как бы «новую фазу капитализма». То есть о турбокапитализме говорят как о естественном процессе, однако Люттвак, в силу специфики его метода, говорит о турбокапитализме как о процессе искусственно-естественном и указывает на конкретных «авторов» этого творения. Люттвак также указывает на те последствия, которые данный процесс вызывает в экономической, социальной, психологической или, лучше сказать, экзистенциальной сферах организации жизни западного общества, а также на геополитические последствия этих когда-то принятых решений.

Геоэкономически активная бюрократия

В прежние времена дворяне охотно шли на войну, так как она служила для них чем-то наподобие «социального лифта», позволяющего сделать более быструю карьеру, чем это было бы возможно при службе в гражданских ведомствах. Но современные бюрократы, имеющие амбициозные цели, стремятся попасть в те департаменты, которые запускают проекты по поддержке экономической экспансии национального бизнеса в других странах, по той причине, что сегодня именно они открывают просторы для осуществления быстрой карьеры.

Пытаясь выявить субъектов действия в геоэкономических сражениях, Эдвард Люттвак пишет следующее: «Но в государствах, которые в наше время вовлечены в серьезные международные процессы, при условии, что обычные военные вопросы и задачи классической дипломатии уже потеряли свое прежнее значение, в среде бюрократов появились новые установки. Для европейских, японских и особенно — для американских бюрократов возможность заняться геоэкономикой является единственным замещением прежних сфер приложения усилий: военной и дипломатической карьеры. Только будучи вовлеченными в геоэкономический тренд они могут получить некоторое превосходство и власть и над теми, кто выбрал бизнес-карьеру, и над обычными людьми»[51].

Здесь стоит напомнить об уже упоминавшемся в начале данного раздела нашей статьи событии: о крушении или самороспуске Советского Союза; а также о том ударе, которое данное событие нанесло американскому военно-промышленному комплексу и многочисленной армии интеллектуалов, борющихся с «империей зла» более мягкими и не военными средствами. Можно предположить, что часть этих людей переквалифицировалась в «геоэкономистов», и можно также предположить, что они используют в новых типах противостояний некоторые из разработанных ими ранее средств борьбы и элементы прежнего опыта. Обычно цели и ориентиры для действия меняются проще и быстрее, чем изменение набора доступных к использованию средств и форм самоорганизации.

Наличие или отсутствие в стране бюрократии, способной мыслить геоэкономически, или (согласно концепции Люттвака) владеющей грамматикой grand strategy, определяет то, будет эта страна играть существенную роль в современных геополитических играх или нет. Какие же цели ставят перед собой бойцы геоэкономических войн и какое оружие они для достижения этих целей используют? Люттвак дает на этот вопрос следующий ответ: «Традиционно в международной политике целью войны

---

[51] *Edward Luttwak.* The Endangered American Dream. P. 313.

была защита своей территории, или захват и установление контроля над территориями других стран, или же — установление дипломатического контроля над правительствами иностранных государств. Цели стратегов геоэкономических войн иные, и они не сводятся к достижению максимально высокого уровня жизни для населения страны, а скорее ориентированы на завоевание превосходства в мировой экономике или в защите уже завоеванных позиций»[52].

В статье «От геополитики к геоэкономике» Люттвак пишет: «И, кроме того, государства могут получать и внутренние импульсы к конкурентному поведению на международной арене. Эти импульсы могут приходить со стороны собственных ведомственных и бюрократических структур. Чиновники будут соревноваться друг с другом в достижении карьерного успеха. Их амбиции могут распространяться и на сферу международных отношений, при этом их стратегии в отношении других стран могут быть как кооперативными, так и конфликтными (в зависимости от внутригосударственной или внутриведомственной конъюнктуры). На самом деле происходят и более существенные события: если говорить о Бюрократии с большой буквы, то можно сказать, что государства приводятся в движение амбициями бюрократии, чье стремление к самосохранению и самовозвышению приводит к появлению «геоэкономики», которая замещает отжившую себя и обветшалую геополитику»[53].

Арсенал средств, используемых для ведения геоэкономических завоеваний, достаточно широк. В него входят и традиционные схемы — установление таможенных тарифов; субсидирование отдельных отраслей национальной экономики; выдача льготных кредитов и налоговое регулирование, стимулирующее развитие приоритетных для страны направлений бизнеса; инвестиции в разработку новых передовых технологий и инноваций, — и новые типы вооружений. «В геоэкономике, как в войне, доминируют наступательные вооружения. И среди них наибольшее значение имеют вскормленные при государственной поддержке и на деньги налогоплательщиков программы исследований и стратегии развития R&D (R&D: research and development — исследования и развитие). В обычной войне артиллерия подготавливает почву для возможности захвата обстрелянных ею территорий пехотой, в геоэкономических баталиях R&D также играют роль артиллерии: они позволяют осуществить захват индустриальных территорий за счет достижения технологического превосходства над противником»[54].

[52] *Edward Luttwak.* The Endangered American Dream. P. 309–310.

[53] *Edward Luttwak.* From Geopolitics to Geo-economics: Logic of Conflict, Grammar of Commerce.

[54] *Edward Luttwak.* The Endangered American Dream. P. 307.

Помимо традиционных средств достижения геоэкономического превосходства над странами-конкурентами имеются и менее знакомые широкой публике виды вооружений, которые были привнесены в сферу экономического противостояния из других практик, но о них речь пойдет ниже.

Люттвак указывает на тот факт, что лишь немногие страны имеют достаточно активные политические стратегии и бюрократические структуры, ориентированные на ведение геоэкономических войн. И далеко не всегда это крупные индустриальные страны, в некоторых случаях маленькие, но активные государства создают в своих пределах подходящие условия: повышая уровень образования, оказывая поддержку инновациям, создавая организационную, финансовую и правовую инфраструктуру. Но в любом случае качество бюрократии имеет очень большую роль. Каждая геоэкономически активная страна имела свою историю и свою схему выращивания бюрократии, способной к ведению геоэкономических битв.

Как уже упоминалось выше, Соединенные Штаты в период Второй мировой войны смогли использовать опыт своего национального бизнеса, преуспевшего в «научной организации производства[55]», для разработки «методов научного ведения войны», в котором уже преуспели американские и английские военные. И все эти навыки в годы «холодной войны» были успешно конвертированы в «методы бесконтактного ведения войны» в условиях, когда невозможно вступление в открытые боевые столкновения с противником, поскольку тот обладает ядерным оружием. На разработку оружия и методов ведения «холодной войны» Америка потратила слишком большие объемы бюджетных средств для того, чтобы по ее окончанию выбросить все эти технологии в утиль. Скорее всего, американской элитой делалось все возможное для их конвертации в новые средства, для защиты национальных интересов в изменившихся условиях — в ситуации, когда в логике организации международных отношений произошел сдвиг: от геополитики к геоэкономике.

Америка — это либеральная страна, поэтому проблему привлечения профессиональных кадров в области решения геоэкономических задач она решает путем создания получастных-полугосударственных научно-исследовательских или общественных структур, наделенных особым статусом (think tanks и др.). Работники этих структур могут быть более или менее связаны с государственными службами: при определенных обстоятельствах они переходят на государственную службу или наоборот — уходят с государственной службы на работу в эти особые струк-

[55] Опыт научной организации производства на фабриках Форда; научные изыскания и попытки их внедрения на практике, производившиеся Тейлором, и др.

туры. Специалисты, с одной стороны, могут привлекаться для работы в государственных органах на временной основе для ведения какого-либо локального проекта; с другой стороны — могут уходить с государственной службы, завоевав необходимый авторитет, накопив связи и полезный опыт, в получастные структуры на руководящие должности. Таким образом, поддерживается постоянная связь чиновников с научными, экспертными и профессиональными сообществами, а поэтому у властных элит имеются ресурсы для мобилизации профессиональных команд при решении сложных задач, в том числе и задач по проведению геоэкономических «военных операций».

В сравнении с США Франция — это социалистическая страна, поэтому кадровые вопросы в ней решаются на высшем государственном уровне. Во Франции существует особая система подготовки представителей будущей государственной элиты. Есть специальные школы, производится многоуровневая селекция наиболее подходящих кандидатов. Кроме того, у Франции имеется практика «выращивания национальных чемпионов»: в каждой значимой для страны сфере бизнеса или экономики французская бюрократия старается вырастить сильную компанию, способную выдерживать конкуренцию на международной арене. Традиционно в ряды высших чинов французской бюрократии и на высокие посты в престижных компаниях стараются попасть выходцы из дворянских семей, которым при этом приходится конкурировать как с представителями богатых семей французского бизнеса, так и с талантливыми и амбициозными молодыми людьми из обычных семей, окончившими престижные вузы (Les Grandes Ecoles) и особые школы подготовки национальной бюрократии (Национальная школа администрации: «ЕНА»).

В России каких-либо понятных и продуманных механизмов попадания талантливых и амбициозных людей в среду властных элит не наблюдается. В том числе и для тех, из кого могла бы вырасти геоэкономически активная бюрократия. Несмотря на то, что, так же как и в западных странах, военная и традиционная дипломатическая карьеры уже не являются путем, по которому можно пройти в ряды национальных элит, в России не появилось новых сфер для реализации этих амбиций. В нашей стране еще не сформировалось практики, предназначенной для отстаивания ее геоэкономических интересов. В России не создано новых путей и «социальных лифтов» для попадания во властные элиты и на высокие посты в бюрократической системе новых людей, обладающих новыми типами профессионализма. По этим причинам даже в том случае, если у российских властных элит вдруг появятся свои геоэкономические цели, и они захотят всерьез играть в геополитические игры, им будет трудно найти исполнителей для реализации своих замыслов. Наверное, именно поэто-

му, рассуждая о геоэкономически активных странах, Люттвак упоминает о Великобритании, Соединенных Штатах, Франции, Китае и даже об Израиле, но не о России.

«Территориальная зависимость» государств и их врожденная склонность к войне

Уже более тридцати лет ведутся рассуждения о том, что бизнес давно вышел за пределы отдельных государств, о появлении транснациональных корпораций, акциями которых может владеть представитель любой страны, а топ-менеджеры, работающие в таких компаниях, могут являться представителями самых разных национальностей и иметь любое гражданство. Говорится также об армии предельно мобильных профессионалов, которые могут без особых проблем перемещаться по всему миру и работать в любой стране и в любой компании. Вроде бы, звучат призывы от правительств самых разных, в первую очередь — развитых стран о ценностях глобализации и снятия национальных преград для развития бизнеса и международной торговли. Казалось бы, все эти заявления находят себе подтверждения на практике и в реальной жизни. Тем не менее глобализация (в том виде, в котором она обсуждается на страницах книг, в СМИ и в политических дискурсах) — это всего лишь иллюзия. Государства по принципу, по своей природе — образования территориальные, именно привязка к конкретной территории, населенной конкретными людьми, дает им право на существование и обеспечивает их легитимность. Потеряв контроль над своей территорией и своими границами, государства перестали бы существовать, а они этого не хотят, и у них есть возможности бороться за свое существование[56].

По мнению Люттвака, логика поведения государств была и остается логикой конфликта — той самой «парадоксальной логикой стратегии». «Несмотря на то, что мы живем в стороне от тех несчастных стран и регионов, в которых происходят военные столкновения, и независимо от того, что осталось от «холодной войны», Мир Политики не уступит дорогу Миру Бизнеса (то есть, такому порядку, когда коммерции будет позволено жить исключительно по своей логике, не подчиняясь территориаль-

---

[56] «Мы видим то, что происходит во взаимоотношениях между государствами и блоками государств, и в этой сфере вряд ли могло сложиться другое положение дел. Государства являются пространственными (территориальными) образованиями по своей природе, они ревностно следят за соблюдением установленных границ и борются за утверждение эксклюзивного контроля над тем, что происходит внутри их территории. Кроме того, государства стремятся добиться для себя определенных преимуществ на международной арене за счет своих соседей, и они будут искать для этого другие способы, если нельзя применять военную силу». *Edward Luttwak.* From Geopolitics to Geo-economics: Logic of Conflict, Grammar of Commerce.

ным интересам государств. Вместо устремления к всеобщей гармонии и транснациональным интересам мы наблюдаем своеобразную трансформацию деятельности государств, в процессе которой появляется «геоэкономика». Данный неологизм предназначен для описания формирования особого логического коктейля, состоящего из логики конфликта с примесями приемов коммерции»[57].

Государство — понятие, с одной стороны, конкретное и самоочевидное, а с другой — предельно абстрактное и умозрительное. А вот бюрократия — и как социальный класс, и как отдельные люди, встроенные в единую административную машину, — это что-то очень живое и слишком человеческое. Не менее «человечны» и политики, а также представители властных элит, добившиеся возможности получения доступа к рычагам управления государственной машиной и способные благодаря этому получать от государства или через него какую-то выгоду для себя. Трудно предположить, что все эти люди, все эти социальные группы, организационные структуры и иерархически выстроенные армии чиновников, живущие за счет государства, вдруг захотят от него отказаться в угоду каким-то общечеловеческим ценностям и идеям глобализации.

Слабые, экономически и социально неблагополучные государства боятся открыть свои границы, опасаясь того, что их граждане разбегутся, унеся с собой все имеющиеся у них ресурсы. Сильные и процветающие страны, наоборот, боятся открыть свои границы по причине того, что не хотят допустить на свою территорию орды голодных и злых жителей неблагополучных стран. Любые сокращения бюджетных поступлений и как следствие — сокращение бюджетных расходов приводят к снижению уровня благосостояния жителей страны. Все эти, как и любые другие не очень популярные среди населения решения властей, могут привести к социальным протестам и к попыткам населения скинуть разочаровавшие его правительство и власть. Трудно предположить, что в этой ситуации государства искренне говорят о стремлении к безоговорочному открытию границ для иностранного бизнеса или о благосклонном отношении к вывозу национального бизнеса в другие страны. Разумеется, все эти разговоры — либо блеф, либо какая-то сложная игра, в которой каждый из участников надеется на некий выигрыш. Как раз в этой-то игре и заключается суть современной геополитики, которая, по мнению Люттвака, постепенно превращается в геоэкономику.

Как уже обсуждалось выше, геоэкономическая активность страны зависит от амбиций ее бюрократии и от той логики, по которой эта

[57] *Edward Luttwak.* From Geopolitics to Geo-economics: Logic of Conflict, Grammar of Commerce.

бюрократия была сформирована. «Степень зараженности государства воинственными амбициями бюрократии и уровень его подверженности «инструментализации» со стороны лоббистских групп может быть разной, и она различается от страны к стране и от сектора к сектору, — пишет Люттвак. — Но в целом государства все больше и больше склоняются к «геоэкономическому» поведению, в соответствии со своей природой: ведь государства — это территориально (пространственно) заданные образования, созданные для того, чтобы противостоять друг другу на международной арене. Что касается всех других функций, ради которых и был создан институт «государства» — предоставления льгот отдельным привилегированным группам и индивидуумам, предоставления населению различных услуг и инфраструктур, а также защиты населения от внешних врагов и от внутреннего криминала, хронологически первой функции, — то все это отходит на второй план»[58].

Классическая война, при помощи которой в прежние времена решались многие геополитические и экономические споры, в наше время уже не считается лучшим способом решения проблем, так же как и обычные угрозы применения военной силы. Сегодня на международной арене приняты другие правила игры, которые никто открыто нарушать не рискует. Эти правила принуждают к более мягкому отношению к стремлению бизнеса выходить за рамки границ своего государства, сейчас принято положительно относиться к идее «открытого рынка», но никто не может запретить государствам по своему усмотрению регулировать свою экономику. И в тех случаях, когда государства прислушивались к чужим указаниям и советам или, поддавшись чужому давлению, начинали управлять своей экономикой согласно этим требованиям (прекратить защиту своих территорий и своей экономики от экспансии иностранного бизнеса), как правило, ничем хорошим это не кончалось.

Эдвард Люттвак считает, что, отказавшись от использования войны как средства решения споров или как средства достижения для себя более привилегированного положения на международной арене, государства стали еще больше внимания уделять вопросам регулирования своей экономики и попыткам как-то повлиять на логику организации международной экономики[59]. «Экономическое регулирование — такой же инструмент управ-

[58] *Edward Luttwak.* From Geopolitics to Geo-economics: Logic of Conflict, Grammar of Commerce.

[59] «Геоэкономика появилась в мире, в котором не было иерархии модальностей (*когда экономическая мощь могла быть легко преодолена военной*). Подлежащие запрету на импорт суперкомпьютеры не могут быть насильственно поставлены в банки и университеты воздушным десантом, точно так же и конкуренция на автомобильном рынке не может быть решена за счет затопления в море парома, перевозящего автомобили. Воен-

ления государством, каким раньше была военная оборона. Таким образом, поскольку внешние последствия принимаются всерьез и им придается большое значение, то логика государственного регулирования в какой-то степени является логикой конфликта. <...> Государственное регулирование устроено так, что пользуется секретностью и обманом в типично военном смысле: для того чтобы выиграть время или добиться неожиданности (так, внедряемые стандарты для новых товаров и услуг сначала формулируются в тайных переговорах с отечественными производителями и лишь значительно позже декларируются в публичном пространстве)»[60].

По мнению Люттвака, государства не стали менее воинственными, чем они были прежде, и не могли стать, так как это противоречило бы их природе и их интересам. Они начали вести военные действия иными средствами, но все так же стремятся одержать победу над врагом. «Подобно "горячей" войне, экономическая война, преследующая геополитические цели, тоже является настоящей "войной" и отличается от простой экономической конкуренции. И "горячую", и экономическую войну объединяет то, что обе они ставят перед собой ту же стратегическую задачу — "победу" над врагом, то есть подчинение побежденного воле победителя»[61].

Государства все так же стремятся к тому, чтобы ввести более высокие таможенные тарифы на ввоз в страну чужих товаров и добиться более низких пошлин на ввоз в другие страны товаров своих производителей. Они все так же пытаются заманить на свою территорию иностранный бизнес, для того, чтобы иметь возможность получения дополнительных налогов. Они могут субсидировать некоторые отрасли национальной экономики, если это поможет им выдавить со своего или других рынков иностранных конкурентов[62]. Все эти методы были известны давно, и никто от них не собирается отказываться, просто этим стали заниматься в менее явном виде.

ные силы потеряли ту роль допустимого подспорья экономической конкуренции, которую играли в век меркантилизма, — это очевидно». *Edward Luttwak.* From Geopolitics to Geo-economics: Logic of Conflict, Grammar of Commerce.

60 *Edward Luttwak.* From Geopolitics to Geo-economics: Logic of Conflict, Grammar of Commerce.// The National Interest. 1990.

61 Карло Жан. Геоэкономика: теоретические аспекты, методы, стратегия и техника. Статья, размещенная на сайте: «Русский Архиплаг»: http://www.archipelag.ru/geoeconomics/osnovi/geoeconomics/theoretical-aspect/

62 «И здесь мы можем наблюдать еще одно знаковое явление: «инструментализацию» государства группами, обладающими определенными экономическими интересами и стремящимися к манипулированию поведением государства на международной арене в соответствии их частным интересам — что часто приводит к «геоэкономическому противостоянию». Ни одна из государственных структур не избавлена от этого воздействия. Фискальная система может быть выгодно дифференцирована, так что импорт иностранных товаров становится менее выгодным. Правила регулирования, льготы, услуги и инфраструктура могут быть выстроены так, чтобы поддерживать национальные интере-

Государства всегда искали дополнительные статьи доходов, помимо взимания налогов со своего населения. Раньше все эти «дополнительные доходы» были в той или иной степени связаны с войной и военной силой (от прямых грабежей и сбора дани с побежденных до создания колониальной системы) или же с использованием стратегического положения своих территорий по отношению к другим странам (пошлины за проезд по территории, плата за использование портов, господство на море и др.). В XX веке помимо военной силы огромное значение стал играть уровень экономического развития страны, а в последние десятилетия на первое место выходит даже не экономическая мощь, а уровень технологического оснащения национальной экономики. Сегодня слаборазвитые в технологическом отношении страны «платят дань» более продвинутым государствам.

Эдвард Люттвак указывает на стремление государств к достижению технологического превосходства над своими конкурентами: на программы «исследования и развития» (R&D: research and development). И эта стратегия приобрела еще большие значение и размах в условиях турбокапитализма. Те государства, которые способны создать необходимую инфраструктуру для разработки новых технологий, получают конкурентные преимущества по сравнению с теми странами, в которых бизнес ориентируется на использование старых технологий. Поэтому геоэкономически активные страны оказывают явные и скрытые субсидии тем компаниям, которые создают устройства с более совершенными техническими характеристиками или же средства, позволяющие использовать эти устройства для оказания новых типов услуг, а также тем, кто занимается разработкой новых технологий ведения бизнеса или способов коммерциализации научных открытий. Но эта конкуренция не является абсолютно свободной, и лишают ее этой «свободы» как раз действия бюрократии геоэкономически активных стран.

Не столь очевидные способы ведения геоэкономической войны

Мы сейчас подошли к границам того смыслового поля, которое Люттвак задавал в своих статьях и книгах, и в частности — к выходу за рамки приведенного им списка средств, которые геоэкономически активные страны используют для защиты своих национальных интересов. Мы выходим

сы в самых разных отношениях (в ущерб иностранному бизнесу). И, конечно же, программы поддержки технологического развития национальных предприятий и компаний организуются таким образом, чтобы не получающие поддержки иностранные предприятия оказывались в дискриминированном положении (например, им не даются налоговые льготы)». *Edward Luttwak.* From Geopolitics to Geo-economics: Logic of Conflict, Grammar of Commerce.

на еще не нанесенную им на карту территорию, о существовании которой легко можно было бы догадаться, следуя по маршрутам, намеченным логикой его рассуждений и опираясь на методы его анализа. Люттвак не пишет об этом подробно, но в его книгах, статьях, интервью звучит критика чрезмерного злоупотребления этими средствами со стороны западных стран, прежде всего — Соединенных Штатов[63].

В той особой интеллектуальной практике, которую Эдвард Люттвак на заре своей карьеры начинает создавать и осваивать на примере разработки технологии государственного переворота, а в более поздних работах, выйдя на уровень действия в иных масштабах, обозначает как "grand strategy", уже заложены все ходы, которые геоэкономически активные страны используют сегодня. Попробуем обозначить те средства или те типы вооружения, которые эти страны используют для достижения своих новых целей, и которые выходят за рамки привычных средств защиты государством своей национальной экономики:

Во-первых, это навязывание другим участникам международного сообщества своих правил игры. Запуск таких игр, в которых всегда побеждает тот, кто эти игры и лежащие в их основе правила придумал. Так, предлагаемая для утверждения на международной арене игра в «глобализацию», с ее требованием открытости национальных рынков, выгодна в основном экономически развитым странам с их компаниями, способными выдержать международную конкуренцию. Процесс формирования международной системы распределения труда запущен не стихийными законами «свободного рынка», а усилиями геоэкономически активных стран. Ошибочность многих современных экономических теорий, возможно, заключается в том, что они все еще рассматривают мировую экономику как «естественную стихию», игнорируя тот факт, что на сегодняшний день уже имеются «субъекты действия», способные задавать направления ее развития и придавать ей определенные очертания.

[63] «Если инертная реальность американского первенства, которое в настоящее время служит по большей части источником позитивной поддержки, уступит место активному стремлению к мировой гегемонии, это сможет вызвать лишь тот ответ, который всегда вызывали подобные попытки: подпольное сопротивление со стороны слабых и открытую оппозицию со стороны не очень слабых. Чтобы обеспечить свою независимость, не только Китай и Россия, но и многие прежние союзники Америки будут вынуждены вступить в единую коалицию против новой стратегии Соединенных Штатов. В настоящее время отсутствие единой антиамериканской коалиции доказывает, что США лишь потенциально являются единственной глобальной сверхдержавой. Ибо мощь державы всегда определяется единственно возможным способом, точным, как лакмусовая бумажка: по тем реакциям, угодливым или враждебным, которые она вызывает. Насколько далеко и быстро все это будет развиваться в направлении к открытым формам противостояния — сказать нельзя». *Эдвард Люттвак*. Стратегия: Логика войны и мира. Москва, 2012. С. 327.

Уже описанный нами процесс развития турбокапитализма, способный переформатировать согласно имманентной ему логике всю международную экономику, был запущен благодаря утверждению в умах западных политических элит идей радикального либерализма. Как уже говорилось выше, турбокапитализм предполагает концентрацию мирового капитала в тех странах, которые уже построили развитую финансовую и банковскую системы, разработали особую инфраструктуру, способную быстро распределять этот капитал по перспективным проектам и быстро собирать прибыль с этих вложений. Открытие турбокапитализму доступа к государственным, корпоративным и частным капиталам в не столь продвинутых странах приводит к тому, что их ресурсы начинают работать на нужды геоэкономически активных стран.

Другим примером применения идеологических концепций для ведения геоэкономических войн являются те способы использования принципа «демократии», которые мы можем наблюдать в течение последних десятилетий. Все страны делятся на демократические, то есть «хорошие» и имеющие право на свободу действий на международной арене, и на авторитарные, которые следует всячески урезать в правах и возможностях. Если авторитарная страна вписывается в структуру создаваемого геоэкономически активной страной альянса и ведет политику, выгодную для «демократических стран», то ее можно оставить в покое. Но в том случае, когда авторитарное государство заявляет о своих собственных геополитических интересах или начинает налаживать партнерство с другой геоэкономически активной страной (вашим реальным или потенциальным конкурентом) — оно провозглашается «врагом демократии» и ставится вне закона. А в отношении «врагов демократии» допустимо применение тех мер, которые в обычных международных отношениях являлись бы нарушением правил. Так, возможно, основной виной Ливии было то, что Каддафи стал проявлять слишком высокую геоэкономическую активность: создание альянса африканских стран, вывод сбережений из западных банков — что было бы очень плохим прецедентом, вступление в слишком тесные экономические отношения с Китаем.

Создание дружественных альянсов для борьбы с каким-то общим врагом является старым и проверенным приемом ведения геополитических войн. Но геоэкономические страны выбирают этого общего врага, руководствуясь несколько иной, чем прежде, логикой. Так врагом может оказаться не тот, кто несет какую-либо военную угрозу, а тот, кто отказывается вписываться в предложенную систему международного распределения труда, тот, кто не хочет понимать и принимать складывающиеся правила игры. Симметричной практике создания дружественных союзов является практика разрушения потенциальных альянсов, которые мог-

ли бы сложиться или уже складываются вокруг конкурентов. Скорее всего, в ближайшие годы мы будем наблюдать ситуации, когда многие наличные или потенциальные партнеры Китая начнут отворачиваться от него и портить с ним отношения. А если же кто-то не захочет поменять орбиту своего геополитического вращения, тот будет объявлен авторитарным государством, со всеми вытекающими отсюда последствиями. В ближайшие годы мы сможем наблюдать попытки дестабилизации экономической и социально-политической ситуации не только в отдельных странах, но целых регионов. Этот процесс уже начался в Северной Африке и на Ближнем Востоке, скорее всего, далее он перекинется в Среднюю Азию и на Кавказ.

К третьему блоку средств ведения геополитических войн можно отнести активно внедряемую уже в течение нескольких десятилетий схему «международного аутсорсинга». Данная схема предполагает вынос производства из развитых стран с дорогой рабочей силой и с развитой системой социальных защит труда в слаборазвитые страны. Интересно, что никого не интересует уровень демократичности страны, выбранной для места вывоза производства. Даже наоборот — очень важно, чтобы положение дел в стране было стабильным благодаря наличию в ней сильной авторитарной власти, которая не допустит ни усиления социалистических настроений, с требованиями больших социальных защит для будущей дешевой рабочей силы, ни возмущений экологов, требующих от компаний, владеющих производством, вкладывать больше денег в защиту окружающей среды. Получаемая в процессе работы по схеме аутсорсинга прибыль распределяется непропорционально между странами — владельцами технологий и капитала и странами — владельцами дешевой рабочей силы. И эти пропорции сдвинуты в сторону западных стран. В какой-то мере аутсорсинг — это новая геоэкономическая форма колонизации технологически развитыми странами отсталых стран. Оружием захвата новых колоний являются не самолеты и пушки, а финансы и технологическое превосходство в экономической сфере.

Четвертый блок — это стратегия ложного обучения. В данном случае проводится не только идеологическая, но и информационная и логическая обработка сознания конкурентов или жертв геоэкономической экспансии. Россия в конце 80-х — начале 90-х годов прошлого века стала классической жертвой такой игры, и похоже, что наши властные элиты до сих пор не могут очистить свое сознание от навязанных им идеологем и логики восприятия происходящего.

В обычной войне поводится много самых разных мероприятий по дезинформации противника, по формированию у него ложного восприятия происходящего. Так государство может активно готовиться к нападению

на соседа, но при этом всячески уверять его в том, что нацелено на установление длительных добрососедских отношений. Армия может готовить прорыв на одном участке фронта, но при этом создавать ложную активность войск на другом, заставляя противника производить перегруппировку своих войск на основании ложных представлениях о месте планируемого наступления.

В геополитических войнах используются похожие средства. Можно убедить властные элиты государства в необходимости проведения определенного блока реформ, который в итоге приведет к гарантированному ухудшению экономического и социально-политического положения в стране. Решения о проведении именно таких реформ и именно в такой форме могут приниматься правительствами по причине опьянения ложными идеями или доверия непроверенным теориям. Идеологические декларации, подкрепленные псевдонаучными и «как бы практическими» доводами, могут вселить в умы политиков неоправданные ожидания, например, представления о том, что одной из самых важных задач, стоящих перед страной на данном этапе, является привлечение иностранных инвестиций, а для привлечения этих инвестиций нужно создать благоприятный для иностранного бизнеса политический и законодательный климат. В результате инвестиции в страну так и не приходят, но внутренние рынки открываются для иностранных производителей, притом — в одностороннем порядке.

Использование новых форм ведения войны в геоэкономических целях. «Постгероические войны»

В книге «Стратегия: Логика войны и мира» Эдвард Люттвак подробно разбирает новые принципы войны, которые западные страны начинают вести в изменившихся политических, экономических, идеологических и демографических обстоятельствах. Суть этих войн сводится к тому, чтобы максимально (а в идеале — и полностью) избежать возможных потерь со своей стороны и снизить потери мирного населения противника[64]. Дело в том, что современные западные общества уже не готовы к тому, чтобы их гра-

[64] «Итак, если бы мир не приводил к войне, тогда войны не было бы вообще. Но в последнее время начали появляться исключения из этого правила: в обществе начинают происходить перемены, которые удерживают правительства от войны, предполагающей неизбежные жертвы. Это является вторичными последствиями роста процветания, которые, которые, в свою очередь, сами являются вторичным последствием мира. В прошлом процветание само по себе поощряло войну — в первых рядах стран-агрессоров были именно экономически развитые страны». *Эдвард Люттвак.* Стратегия: Логика войны и мира. Москва, 2012. С. 96.

ждане гибли на войне, тем более на тех войнах, которые ведутся для достижения каких-то не очень понятных населению геоэкономических целей или для того, чтобы демократизировать какую-то далекую авторитарную страну. «Данные новой семейной демографии свидетельствуют[65], что ни одна из развитых стран с низким уровнем рождаемости больше не может играть роль классической великой державы: ни США, ни Россия, ни Британия, ни Франция, ни тем более — Германия и Япония. Иные из них еще обладают атрибутами военной силы или экономической базой для развития военного потенциала, но их общество настолько не переносит жертв, что в действительности демилитаризовано или близко к этому» [66].

Техническое превосходство современных западных государств, и в первую очередь — США, над слаборазвитыми странами позволяет им вести дистантную войну при помощи авиации, ракет, беспилотных летательных аппаратов, так чтобы по минимуму задействовать в войне наземные силы.

В качестве примера Люттвак рассматривает военную операцию НАТО в Югославии в 1999 году (а также использует опыт войны в Ираке 1991 года)[67]. Он рассматривает этот тип войн как особое искусство, указывая на то, что использование всех задействованных в них высокотехнологичных видов вооружения («умных бомб», систем наведения на точечные цели и др.) становится осмысленным только в том случае,

---

[65] «В семьях, составлявших население исторических великих держав, четыре, пять или шесть детей были нормой, а семь, восемь или девять встречались чаще, чем современные один, два или три. С другой стороны, показатели детской смертности тоже были высоки. В те времена, когда было вполне нормальным потерять одного или более детей вследствие болезни, утрата еще одного сына на войне имела совсем иной смысл, чем для современных американских и европейских семей, где в среднем рождается по 2,2 ребенка или меньше того, причем ожидается, что все они выживут, и каждый из них представляет собой значительно большую долю семейного эмоционального капитала». *Эдвард Люттвак*. Стратегия: Логика войны и мира. Москва, 2012. С. 99.

[66] *Эдвард Люттвак*. Стратегия: Логика войны и мира. Москва, 2012. С. 102.

[67] «24 марта 1999 года, когда США и восемь их союзников, стран — членов НАТО, начали бомбардировки Союзной Республики Югославии, ..., мир стал свидетелем начала первой войны, которая велась по постгероическим правилам: никаких жертв в рядах сражающихся. От них уже не требовалось ничего более опасного, чем запускать крылатые ракеты с дальнего расстояния или наносить удары управляемым оружием с безопасных высот — и никаких намеренных атак на вражеское население! Итогом одиннадцатинедельных бомбардировок стала первая в истории победа, одержанная исключительно военно-воздушными силами, без каких-либо военных действий на земле. Ретроспективно это пролило свет на войну в Персидском заливе в 1991 году, в которой значительная победа ВВС была подпорчена запоздалым вмешательством сухопутных войск. Кроме того, победа ВВС в войне в Косове была одержана пилотами, которые совершали полеты в условиях более безопасных, чем пассажиры некоторых авиалиний «третьего мира»». *Эдвард Люттвак*. Стратегия: Логика войны и мира. Москва, 2012. С. 104.

если имеются команды специалистов, способных осуществлять правильный выбор целей и очередность их поражения. Ведь для того чтобы правильно выбрать объекты точечного поражения, необходимо выявить логику функционирования хозяйственной, экономической, транспортной и военной инфраструктуры противника, необходимо понять принципы организации системы управления его армией, логику принятия решений. Эти специалисты по выбору целей должны быть хорошими инженерами, социологами, этнографами, менеджерами — то есть теми, кто способен выявить слабые и узловые места в системе организации жизни и обороны противника.

«Особая опасность кроется в ободряющем зрелище пассивности противника: бомбардировки могут быть удивительно точными, но все же не эффективными с точки зрения лидеров противника. Ни Саддам Хусейн во время войны в Персидском заливе 1991 года, ни Слободан Милошевич во время войны в Косове в 1999-м не были особенно озабочены тем, как им реагировать на воздушную войну, ведущуюся против их режимов. Возможно, оба они даже усматривали в разрушениях пользу — или, по крайней мере, считали их воздействие нейтральным с точки зрения сохранения своей власти. И оба впоследствии все-таки остались у власти. Поскольку постоянная эффективность воздушной войны требует постоянного обновления списка целей, то любое промедление между ударами воздуха и поступлением сведений о степени причиненного этими ударами ущерба может нанести вред».[68]

Границы допустимости использования тактики постгероических войн, отведенные ей Люттваком, заметно отличаются от того, как западные страны пользуются ею на практике. «Способность надежно направить бомбу в зону радиусом в три фута от цели бесполезна, если нет достаточных сведений о месте этой цели в общей схеме положения дел у противника. — Пишет он в книге «Стратегия: Логика войны и мира». — Достигший высокого развития к концу Второй мировой войны «анализ уязвимости» стал впоследствии бесполезным и забытым искусством, так как пришествие способного уничтожить всё и вся ядерного оружия, вроде бы, сделало его ненужным. Но это не так в «постъядерном» настоящем, особенно сейчас, когда оружие может быть точно наведено даже на небольшие части небольших объектов (на воздуховоды бункеров, наружные аварийные генераторы и т. д.). До определенной степени анализ уязвимости является предметом инженерной науки, но в гораздо большей степени он остается искусством. Зачастую самую большую уязвимость представляют собой процессы в рамках конкретных структур,

[68] *Эдвард Люттвак*. Стратегия: Логика войны и мира. Москва, 2012. С. 257–258.

а не эти самые структуры как таковые, причем нередко скорее управленческие или бюрократические процессы, чем технические»[69].

В своих работах Люттвак часто проводит мысль о том, что современная демократическая страна не может победить в партизанской войне или в любой другой войне, ведущейся на территории противника, если ее вмешательство не поддерживается подавляющим большинством населения захваченной страны. Дело в том, что в прежние времена западные страны могли выигрывать колониальные войны, имея существенно меньший разрыв в технологическом отношении по сравнению с туземцами, чем они имеют сегодня, по той причине, что тогда общественное мнение этих стран поддерживало войны. Но в наши дни население демократических стран уже не готово допускать той жестокости и тех жертв, которые требует ведение партизанских войн. Общественность, СМИ и политическая оппозиция в наши дни уже не допустят больших потерь ни в рядах солдат своей страны, ни среди мирного населения, проживающего на оккупированной территории, поэтому правительство рано или поздно будет вынуждено вывести войска.

Со времени выхода в свет этой книги прошло более десяти лет, и очевидно, что Америка и НАТО продвинулись вперед в деле ведения дистантных, постгероических войн. Так, в Афганистане и Ираке они еще вынуждены были задействовать наземные силы после того, как авиация уже сломила сопротивление авторитарных режимов, но в Ливии авиации и ракетам помогали уже не натовские наземные войска, а местные повстанцы. В настоящий момент Сирия «раскачивается» до состояния гражданской войны, и к тому времени, когда начнутся полномасштабные боевые действия между правительственными войсками и вооружаемыми из-за границы повстанцами (пополнившими свои ряды наемниками из других стран), НАТО снова сможет наносить точечные авиационные удары по военно-промышленным объектам войск диктатора.

Стоит отметить, что Эдвард Люттвак достаточно критически относится к попыткам использования армии западных стран для «демократизации» авторитарных режимов и для разрешения межнациональных споров. В наиболее четкой форме его отношение к этим темам прозвучало в статье «Дайте войне шанс»[70]. Люттвак указывает, что практически во всех ситуациях, когда войска миротворцев или армейских частей западных стран были использованы для решения межнациональных конфликтов или усмирения «авторитарных агрессоров», это приводило лишь к большему насилию и большему количеству жертв среди мирного населения. В какой-то

[69] *Эдвард Люттвак*. Стратегия: Логика войны и мира. Москва, 2012. С. 257.
[70] *Edward Luttwak*. Give War a Chance (Foreign Affairs). July 1999.

степени война является средством разрешения неустранимого конфликта, и насилие прекращается в тот момент, когда ресурсы, подпитывающие стремление сторон к противостоянию, иссякают. А если происходит вмешательство третьей стороны, то это чаще всего приводит к еще большему разжиганию и продлению конфликта, так как западные миротворцы начинают поддерживать ту сторону, у которой меньше ресурсов, поощряя ее к продолжению и эскалации войны. То, что мы имели возможность увидеть в Ливии в 2011 году, являлось как раз таким примером разжигания гражданской войны, приведшего к ничем не оправданному увеличению количества жертв среди мирного населения. Судя по всему, насилие в Ливии не прекратилось, и конфликт чреват еще большим количеством жертв, не говоря уже о разрушении экономики страны. На события в Ливии Эдвард Люттвак ответил статьей «Ливия. Это не наша война»[71], в которой участие США в этом противостоянии было оценено им, как деструктивное: и для населения Ливии, и для имиджа Соединенных Штатов.

Проявление парадоксальной логики стратегии в геоэкономических войнах. Когда будет пройдена «кульминационная точка успеха»?

Уже на страницах книги «Стратегия: Логика войны и мира» в 2001 году Люттвак говорит об угрозе того, что Соединенные Штаты Америки рано или поздно перейдут кульминационную точку успеха. По логике grand strategy, излишнее усиление державы может привести к тому, что против нее будет создана мощная коалиция стран, опасающихся этого бесконтрольного усиления. На период завершения «холодной войны» Америке удалось создать несколько сильных альянсов, эффективно действующих международных структур, которые были организованы таким образом, чтобы максимально защищать интересы Соединенных Штатов. Но история показывает, что политические альянсы сильны до тех пор, пока существует общий и сильный враг, против которого имеет смысл объединяться, пренебрегая некоторыми своими узкими национальными интересами. Уже в течение двух десятилетий после распада СССР Америке удается сохранять возникшие на противопоставлении этой стране альянсы, тем не менее НАТО несколько раз оказывалось на грани раскола. В других организациях также усиливаются разногласия и споры[72].

---

[71] *Edward Luttwak.* Libya: It's not our fight. Los Angeles Times. March 21, 2011. http://articles.latimes.com/2011/mar/21/opinion/la-oe-luttwak-libya-20110321-31

[72] «Иными словами, вся суперструктура западных и мировых институций, созданная Соединенными Штатами в основном по своему образу и подобию и с большими затратами поддерживаемая ими в течение полувека, будет все меньше и меньше служить американским целям. Уже одно это наказание способно перевесить любое возрастание

События последних лет — глобальный экономический кризис, дестабилизация огромных регионов планеты, появление на международной арене новых геополитически активных стран (Китай, Бразилия) — все это говорит о том, что в сфере геоэкономики также работает парадоксальная логика стратегии. Геоэкономические войны также сопровождаются всплесками побед и поражений, и их участники также могут перейти кульминационные точки своего успеха.

Оказалось, что земной шар имеет свои естественные географические пределы, и экономическая экспансия не может продолжаться до бесконечности. Так, схема аутсорсинга начинает истощать свои возможности: на планете остается все меньше стран, способных предоставить Западу дешевую рабочую силу и гарантии относительного политического порядка и стабильности. Большинство юго-восточных азиатских стран уже задействовано в этом процессе, а африканские и азиатские государства не могут предоставить гарантии, необходимые для ведения бизнеса, и их властители не могут заставить население работать задешево.

С другой стороны, развивающиеся страны, задействованные в схеме аутсорсинга, уже начинают находить средства противостояния геоэкономической экспансии технологически развитых стран. Ведь аутсорсинг был возможен только по причине огромного разрыва в уровне научно-технического развития Востока и Запада. Но в последние годы этот разрыв стал сокращаться. Некоторые страны (и прежде всего — Китай) продемонстрировали способность к быстрому освоению передовых западных технологий, как в смысле разработки новых продуктов и инфраструктуры их использования, так и в смысле освоения передовых технологий ведения бизнеса. Кроме того, некоторые азиатские страны вырастили профессиональную и геополитически активную бюрократию, способную мобилизовать свой национальный бизнес на совместное ведение геоэкономических войн. Получается, что темпы разработки западными странами новых передовых технологий отстают от темпов освоения этих технологий восточными странами, что приводит к сокращению разрыва.

Экономия в расходах на социальные нужды и сокращение расходов на образование привели к тому, что западное общество начинает терять

могущества, которого можно достичь на первых порах, предвосхитив реакцию благодаря связной стратегии и последовательной политике. Создание коалиций против США вовсе не нуждается в военном измерении для того, чтобы оказаться болезненно эффективным. Различные антиамериканские дипломатические коалиции с переменным членством, меры торгового противодействия, интенсивные техническо-промышленные усилия а также любые формы культурного отторжения остаются технически вполне возможными. Все это способно причинить тяжкий, притом кумулятивный ущерб американским интересам и без всякой военной угрозы, не говоря уже о каком-либо применении силы». *Эдвард Люттвак*. Стратегия: Логика войны и мира. Москва, 2012. С. 328.

организационную и интеллектуальную мобильность. Подрастающие поколения не способны подстраиваться под быстрые темпы развития турбокапитализма, а «интеллектуальные гетто» не способны произвести достаточное количество квалифицированных и мобильных кадров. Для того чтобы сохранять технологический разрыв между Востоком и Западом, развитые страны должны были бы не сокращать, а увеличивать расходы на систему образования и производить ее качественную модернизацию. Но этого не произошло. К тому же сократились темпы «вымывания умов» из развивающихся стран и стран бывшего социалистического лагеря, образовательная система которых предоставляла Западу профессиональные кадры, за подготовку которых не требовалось платить. Находящаяся в состоянии победоносного наступления армия геополитически активных западных стран забыла о своих тылах, пока еще они страдают лишь от собственного организационного трения, но как только их конкуренты мобилизуют свои силы и выработают систему контрмер, мы сможем наблюдать в этом противостоянии переходную точку–«кульминационную точку успеха»

Похоже, что и разогнавшийся до безумных пределов турбокапитализм также исчерпал свои возможности. Наглядным свидетельством этому является начавшийся в 2008 году и продолжающийся до сих пор международный экономический кризис, приведший государства к необходимости проводить мероприятия по спасению банковской и финансовой системы, которая ранее так ревностно освобождалась от государственного контроля.

Прогнозы

В XIX–XX веках, оказавшись в похожих ситуациях, геополитически активные страны развязывали войны. Однако возможность возгорания Третьей мировой войны, по принципу предыдущих мировых войн, маловероятна: ввязываться в реальные «горячие конфликты», ведущие к открытому вооруженному противостоянию при наличии у потенциальных противников ядерных арсеналов, сегодня никто не хочет. Что, впрочем, не исключает возможности резкого обострения геоэкономических баталий, в комплекте с разжиганием региональных конфликтов, в процессе которых будут использоваться стратегия постгероических войн и технология разжигания гражданских войн.

Текущий экономический кризис с некоторыми уступками можно упаковать в концепцию естественного развития капитализма, которому свойственны всплески и падения, кризисы и войны. Но дело в том, что происходящее сегодня в определенном смысле являлся еще и искусственно организованным событием. И если кому-то уже несколько раз удавалось, пусть даже и случайно, спровоцировать экономический кризис,

то в будущем появляется возможность технологизировать этот процесс и сделать эти кризисы управляемыми. Их можно организовывать в отдельно взятых странах, в отдельных регионах, на отдельно выделенных рынках (например — сырьевом или на рынке энергоносителей, если потребуется приструнить производителей нефти, газа или металлов), а можно действовать и в геополитических масштабах, просто нужно продумать меры по защите своей национальной экономики. Ведь, по сути, «финансовый пузырь» — это стихийно возникшая «финансовая пирамида». В возникновении финансовых пузырей обычно обвиняются «естественные законы развития капитализма», и осудить эту социально-экономическую стихию невозможно, ведь даже не все создатели финансовых пирамид закончили свою карьеру в тюрьме.

По мере разрешения текущего экономического кризиса на международной арене, скорее всего, будут набирать силы процессы, обратные процессам глобализации и турбокапитализма: государства начнут более ревностно защищать свои национальные рынки, национальную валюту и по возможности проявлять собственную геоэкономическую активность. Усилится и уровень контроля государств над экономикой, что в некоторых западных странах может привести к победе на выборах социалистов или/и умеренных националистов. Будут продолжаться попытки снижения роли доллара как международной резервной валюты.

Но для противостояния процессам глобализации и втягивающей силе турбокапитализма не достаточно одной лишь геоэкономической воли и решимости национальных элит, для этого еще нужны сырьевые, энергетические, технологические и финансовые ресурсы. Большинство западных, во всяком случае — европейских, стран сегодня находятся в очень сильной сырьевой и энергетической зависимости от других государств, поэтому, несмотря на лозунги о защите своих национальных экономик, они будут вынуждены ратовать за все большую свободу мирового рынка. В условиях свободного рынка для западных стран существуют два пути сохранения конкурентных преимуществ: во-первых, вложение в развитие своих производственных, финансовых, инфраструктурных и военных технологий и, во-вторых — запуск процессов, мешающих потенциальным конкурентам развивать их технологии и их собственную экономику. Добиться еще большего увеличения темпов роста в рамках существующих моделей устройства западного общества довольно-таки трудно, зато использовать наличную военную, финансовую и организационную мощь для дестабилизации регионов претендующих на реализацию собственных геоэкономических амбиций у Запада пока еще вполне достаточно.

Несмотря на суровый климат, который создают на международной арене процессы глобализации, остается потенциальная возможность для

расцвета некоторых относительно «самодостаточных стран». Тех государств, на чьей территории имеются богатые запасы сырья и энергоресурсов и которые имеют достаточно развитую научную и производственную базу для модернизации своей экономики, хотя и не обладают первенством в развитии передовых технологий. При реализации грамотных экономических реформ, предполагающих, в частности, разумный обмен имеющихся природных ресурсов на недостающие в стране технологии, и при условии поддержки государством национального бизнеса, эти страны могут завоевать себе возможность несколько дистанцироваться от процессов глобализации, или же предложить собственные условия участия в этом процессе. Россия и Бразилия вполне подходят под определение подобных стран. Однако для того чтобы воспользоваться имеющимися ресурсами и предоставленными обстоятельствами, страна должна обладать сильной и легитимной властью, с реальной поддержкой населения, а также иметь профессиональную геоэкономически активную бюрократию. И то и другое на сегодняшний день в России отсутствует.

Развитию «самодостаточных стран» могут помешать не только внутренние, но и внешние обстоятельства. Уже существующие сейчас геоэкономически активные страны, имеющие достаточно мощные технологические и финансовые ресурсы, а также сложившуюся и способную к ведению геоэкономических войн бюрократическую машину, будут препятствовать попыткам закрытия национальных рынков и ужесточения доступа к природным ресурсам, производимым слаборазвитыми странами. Запад уже упустил из виду Китай, который в течение нескольких десятилетий превратился из экспортера сырья в крупнейшего в мире потребителя, поэтому к промышленным политикам других развивающихся стран, обладающим богатыми запасами природных ресурсов, внимание будет очень пристальным. Ведь если и Россия вдруг действительно запустит реформы, предполагающие смену парадигмы развития, и приступит к диверсификации экономики с увеличением объемов внутреннего потребления, то дефицит природных ресурсов в мировой экономике станет еще более острым. Сложившийся альянс сильных в экономическом, технологическом и военном смысле государств постарается использовать пока еще имеющееся геоэкономическое и военное превосходство для утверждения на международной арене нужного им положения дел.

В идеологическом плане могут быть разработаны новые демократические принципы. Например, утверждены на международном уровне законы «об эффективном и демократичном использовании страной подвластной ей территории» в комплекте с законом «о справедливом использовании мировых природных ресурсов для нужд всего человечества». И Европа, и США, и Китай поддержат эти начинания, и тогда «самодо-

статочная» (в смысле имеющихся природных ресурсов), но не демократическая и неэффективно управляющая своей территорией Россия получит порицание от мирового сообщества, со всеми вытекающими последствиями. Вряд ли объединение в один альянс с Бразилией, Венесуэлой и странами Персидского залива поможет в противостоянии с вышеуказанным альянсом развитых стран.

Возвращение эры большой стратегии. Китай и США

В феврале 2011 года Эдвард Люттвак посетил Россию с серией лекций, содержание которых заключалось в том, что, судя по всему, практика grand strategy будет задействована вновь[73]. У Америки была возможность в течение двадцати лет существовать в качестве единой сверхдержавы, но в наши дни на горизонте появляется новый достойный игрок в геоэкономических и геополитических играх — Китай. Данная страна накопила достаточную экономическую и финансовую мощь, она освоила тактику ведения геополитических игр, сумела сформировать геоэкономически активную бюрократию, набрала высокие темпы развития и, буквально в последние годы, приступила к активному наращиванию не только экономического, но и военного потенциала.

По мнению Люттвака, Китай переходит к более активной и агрессивной стратегии поведения в международной политике. У него начали портиться отношения с соседями, появились и обострились территориальные претензии к другим странам. В последние годы Китай все чаще вступает в конкурентные отношения с США в сфере экономики и геоэкономики[74].

[73] См. *Edward Luttwak*. The Rise of China and the Logic of Strategy: a history of the (almost) inevitable future. В данной статье Люттвак обсуждает те же темы, которые прозвучали на лекции. Русский перевод этой статьи — «Возрастающая мощь Китая и логика стратегии: история о почти неминуемом будущем» — размещен в качестве приложения в изданной нами книге «Стратегия: Логика войны и мира». Статья является сокращенной версией одноименной еще не изданной книги Эдварда Люттвака, перевод расширенной и доработанной версии которой мы планируем издать в ближайшем будущем.

[74] «Каждая страна и исторический период различны, что обессмысливает большинство аналогий, но парадоксальная логика стратегии всегда одна и та же — отсюда аналогичные рецепты Карла фон Клаузевица и Сун Цзы (孫子) столь отдаленных друг от друга во времени, расстоянии и в культурном контексте. По этой логике, из-за возрастающего сопротивления, вызванного растущей мощью, Китай может даже стать слабее на уровне большой стратегии именно из-за своей собственной растущей силы, что является поистине парадоксальным итогом. Такой результат может быть, по крайней мере, смягчен, если не вовсе предотвращен, если растущая мощь Китая будет компенсирована во все большей мере миролюбивой и ненастойчивой внешней политикой. Таким образом, парадоксальная логика действует вопреки обычному здравому смыслу и нормальным человеческим инстинктам, так как нет ничего естественного в том, чтобы стать более

«Однако начиная с 2008 года китайская политика резко изменилась. — Пишет Люттвак в своей статье. — Возможно, это было вызвано решительной переоценкой роли Китая в мире, вызванной западным экономическим кризисом, который, вроде бы, подтвердил правильность китайской экономической политики («пекинский консенсус») и одновременно сильно подпортил имидж демократического капитализма западного стиля. Но, вероятно, первопричиной стал просто взрыв высокомерия. В любом случае последствия всего этого были предсказуемы: самоуверенные утверждения, ироничные опровержения и резкие предупреждения стали более частыми в китайском официальном языке при комментариях международных проблем, что сопровождалось многочисленными разговорами на тему перехода Китая от «следования правилам» к «установлению правил[75]»».

Еще в 90-х годах прошлого века Люттвак указывал на то, что Китай является реальным конкурентом Соединенным Штатам, и сейчас он еще сильнее укрепился в этом мнении. Кроме того, Люттвак всегда считал, что после распада Советского Союза Россия является не врагом, а потенциальным союзником и партнером США. В новых геополитических раскладах, по мнению Люттвака, Россия снова получает возможность играть важную роль. Уже не будучи на данный момент сверхдержавой и геоэкономически активной страной, Россия, тем не менее, получает сильные позиции в назревающем геоэкономическом противостоянии. От того, чью сторону она займет в этом противостоянии, зависит его исход. Если Россия войдет в один альянс с Китаем, Пакистаном и Ираном, сохранив свои крепкие отношения с Индией, то Китай одержит как минимум временный успех над Соединенными Штатами, если же Россия поддержит США, то выиграет альянс Америки и Европы.

В Интернете была размещена запись выступления Эдварда Люттвака 22 февраля 2011 года в МГИМО в рамках цикла лекций, организованных Фондом поддержки гражданских инициатив «Стратегия-2020»[76]. Этот видеоролик вызвал неоднозначную реакцию прессы, а также российских геополитиков и политологов. Самым радикальным стало, пожалуй, утверждение, что Люттвак хочет расколоть Россию на несколько частей (по какой-то причине говорилось о семи частях, наверное, потому что это число имеет некий сакральный смысл). Возможно, авторы этого заявления перепутали Люттвака с Бжезинским. Мы останавливаемся на этом, казалось бы, про-

скромным, если твоя сила растет». *Эдвард Люттвак*. Почему Китай не станет следующей сверхдержавой глобального масштаба... И как бы он мог ею стать. С. 361.

[75] *Эдвард Люттвак*. Почему Китай не станет следующей сверхдержавой глобального масштаба. И как бы он мог ею стать. С. 363–364.

[76] http://www.mgimo.ru/news/international_contacts/document182811.phtml?ac=show&page=0&gallery=182810#gallery182810

ходном случае, поскольку он кажется нам показательным для реакции российских интеллектуалов (в данной полемике принимали участие политологи, геополитики, эксперты аналитических служб и центров, дипломаты) на действия и предложения Америки. Люттвак писал в одной из своих книг о том, что русские умеют либо восхищаться, либо ненавидеть.

Американская властная элита неоднородна, и в ее рядах много самых разных фракций, которые в том или ином ключе разыгрывают российскую карту. Россию могут не любить потому, что так нужно для сбора голосов избирателей или поддержки определенных лоббистских групп; кто-то может ненавидеть нашу страну по привычке или из-за каких-то личных соображений; кто-то — потому что видит в ней реального врага или конкурента. Но в то же время в Америке достаточно людей, которые видят в России потенциального партнера. Известно, что в реальной политике вообще не бывает любви или дружбы, в ней бывает только временное партнерство. Сегодня у Америки много объективных причин для поисков российской дружбы. Это означает в том числе и то, что США хочет использовать Россию в каких-то своих целях. Такое поведение естественно, просто нам нужно задуматься о том, чем нам могут быть полезны Соединенные Штаты. И если на протяжении недавней истории Америка несколько раз обманывала Россию, то в этом имеет смысл винить не ее (не только ее), а скорее наших политиков и нашу дипломатию. В любом случае, если Россия попала в зону действия grand strategy, то это означает, что нам нужно изучать ее логику и грамматику, а также логику и привычные стратегии поведения других участников геоэкономических игр.

Книги Эдварда Люттвака являются очень хорошим пособием для изучения геополитики, геоэкономики, военной стратегии и grand strategy, которая в его теории объединяет в себе все перечисленные практики. В мире существует не так много людей, способных провести грамотный анализ геополитической ситуации; очень мало людей, способных предъявить собственный подход и методы изучения сложных геополитических и геоэкономических процессов; мало людей, имеющих возможность конвертировать свои теоретические построения в практические рекомендации; и считанные единицы тех, кто имел бы при этом собственный опыт реализации на практике хотя бы отдельных элементов военной стратегии или опыт участия в проектах геополитического масштаба. Люттвак имел такой практический опыт, и он сочетает в себе все вышеперечисленные интеллектуальные и профессиональные качества.

Государственные перевороты в контексте противостояния двух сверхдержав в период «холодной войны»

Государственный переворот как особая военно-политическая технология

Государственные и «дворцовые» перевороты, наверное, появились сразу же после возникновения первых государств. Тысячелетиями аристократы, политики, придворные, военные и политические авантюристы использовали это средство для захвата власти в своей или в соседних странах. Но в XXвеке, с его стремлением к технологизации самых различных сторон человеческой деятельности, появилась возможность обобщения опыта тысячелетий и перевода его на уровень продуманной и четкой политической технологии.

Из средства захвата власти отдельными национальными лидерами или организациями государственный переворот превратился в оружие относительно мягкого захвата чужих территорий, а точнее — подчинения этих территорий своему политическому и экономическому влиянию. Действующие лица, непосредственно исполняющие перевороты, потеряли статус самостоятельных игроков, оказавшись втянутыми в более сложные и масштабные геополитические игры. На международной арене сложилась новая — неоколониальная система, с установлением более сложных способов установления зависимости слаборазвитых стран от цивилизованного мира. Подлинными субъектами действия в этой системе стали уже не отдельные государства, а сверхдержавы, формирующие вокруг себя военно-политические альянсы.

Наиболее активно технологию государственных переворотов использовали американцы. Она являлась важным оружием ведения геополитических сражений во время «холодной войны» — в период противостояния двух сверхдержав: США и Советского Союза. СССР значительно реже прибегал к этой практике, по причине того, что к моменту начала «холодной войны» в его в арсенале данной технологии в пригодной для применения форме уже не имелось (несмотря на то, что именно большевики вдох-

новили западных интеллектуалов на ее разработку)[77]. Советские стратеги более полагались на некий опыт свершения революций, унаследованный ими от героических политических предков. После победы над троцкизмом и избавления партии от представителей старой большевистской гвардии политические лидеры СССР стали опираться на ленинскую трактовку ведения политической борьбы, а не на стратегию, предлагавшуюся ранее Троцким. Достичь решающей победы при помощи восстания и переворота считалось невозможным — для победы социализма нужна революция. Но революция предполагает наличие мощного народного движения и для ее победы в стране должна созреть особая «революционная ситуация», поэтому Советский Союз обычно приступал к активным действиям только тогда, когда в том или ином регионе появлялись народно-освободительные движения, нуждающиеся в его поддержке.

Тот факт, что американцы в большей степени ориентировались на государственные перевороты, а Советский Союз — на поддержку революционных движений, объяснятся и идеологическими причинами. Господствующей идеологией американцев был демократический либерализм, СССР — коммунизм, а также социальное равенство и социальная справедливость.

Страны, которые оказывались в зоне внимания противодействующих сторон (за исключением европейских стран), были чаще всего бедными, и у власти там стояли не очень популярные правители, в той или иной степени находившиеся в зависимости от бывших колониальных властей. Если в таких странах случались революции (любого толка) или начинали нарастать народно-освободительные движения, то в итоге они чаще всего вставали под знамена социализма или национализма (иногда с религиозной подоплекой). При демократических выборах в таких государствах приход к власти прозападных либеральных партий был маловероятен, зато победа социалистов или националистов — почти гарантирована.

Советский Союз имел возможность найти в этих регионах социальную базу для пропаганды своей идеологии, что Соединенным Штатам было сделать трудно: коммунисты и социалисты являлись их злейшими вра-

[77] См. *Курцио Малапарте.* «Технология государственного переворота». Впервые издана в 1931 году в Париже. «По его мнению (по мнению Троцкого), тактика повстанцев вовсе не зависит от условий в стране и от наличия революционной ситуации, благоприятствующей восстанию. Применять тактику октября 1917 года в России, управляемой Керенским, было ничуть не легче, нежели, скажем, в Голландии или в Швейцарии... Чтобы добиться успеха, не нужно ни опасаться неблагоприятных обстоятельств, ни полагаться на обстоятельства благоприятные. Нужно соблюдать тактику, действовать на ограниченном пространстве небольшим числом людей, сосредоточить усилия на главных направлениях, ударить точно и сильно, не поднимая шума. Восстание — это бесшумная машина». Цит. по русскому переводу. М., «Аграф», 1998.

гами, а националисты не подходили по причине приверженности к идее национализации экономики и сырьевых ресурсов. Устремления националистов наносили существенный вред интересам транснациональных корпораций, чьи корни очень часто росли из США.

Таким образом, СССР был более склонен к поддержке революционных движений, а США — к совершению государственных переворотов. Ведь, по точному замечанию Эдварда Люттвака, государственный переворот, в отличие от революции, — политически нейтрален[78]. К власти можно привести ту фигуру или ту политическую силу, которая по тем или иным причинам вас устраивает.

В XXвеке технологию государственных переворотов нельзя (или, по крайней мере, непродуктивно) рассматривать вне контекста «холодной войны». Перевороты можно охарактеризовать как особое средство из более широкого арсенала «вооружений», задействованных в этом полувековом противостоянии двух сверхдержав, и в то же время можно сказать, что государственные перевороты (и подобные им технологии) представляют собой особый метод ведения войны в условиях невозможности перехода к прямому вооруженному противостоянию.

В список подобных методов можно включить следующие пункты.

1. Дипломатические войны, формирование военно-политических блоков и альянсов; убеждение, подкуп, обман или запугивание потенциальных союзников или врагов.
2. Экономические и торговые войны, политические и экономические блокады; формирование финансовой и сырьевой зависимости; формирование «наркотической зависимости» от экспорта сырья, шантаж закрытием сформировавшихся рынков сбыта; дестабилизация финансовой сферы противоборствующей страны, спекулятивные игры по обрушению курса национальных валют; угрозы сворачивания в данном регионе деятельности транснациональных корпораций[79];

---

[78] «Будь мы революционерами, стремящимися изменить структуру общества, нашей целью было бы уничтожение мощи ряда политических сил, и достичь этого мы могли бы в длительной, кровавой и изнурительной революционной борьбе. Однако наша цель совсем в ином: мы хотим захватить власть *изнутри* существующей системы и сумеем остаться у власти, только если олицетворяем новый статус-кво, поддерживаемый как раз теми самыми силами, которые стремится уничтожить любая революция.... Этот метод, возможно, более эффективен и наверняка менее болезнен, чем путь классической революции». *Э. Люттвак.* «Государственный переворот: Практическое пособие». С. 58.

[79] «Если государство бедно и нестабильно, то богатая и хорошо организованная горнодобывающая или плантационная компания будет представлять большую силу в этой стране, вне зависимости от того, избегает ли она власти или стремится к ней. На самом

3. Идеологические и информационные войны — провокации, дезинформация, «ложное обучение», формирование у населения и властных элит враждебного государства определенного (искаженного) видения ситуации и событий и др.;
4. Поддержка в «стране-мишени» политической оппозиции, сепаратистов и националистов, финансирование и организационная поддержка антиправительственных военных формирований и диверсионных групп; организация и поддержка военных и государственных переворотов; дестабилизация ситуации в стране (регионе) за счет провокации различных групп населения на социальные протесты; организационная, информационная и финансовая поддержка в стране-мишени стачек, забастовок и саботажа;
5. Косвенное или опосредованное участие в региональных конфликтах и гражданских войнах на стороне одной из противоборствующих сторон. Разжигание гражданских войн. Миротворческие операции. Военный и политический шантаж;
6. В 1990 году Эдвард Люттвак указал на еще одно средство противостояния, которое, по его мнению, будет доминировать в XXI веке, — это использование «геоэкономического оружия».

При чтении данного списка может возникнуть впечатление, что в этой подборке тактических и стратегических приемов ведения «холодной войны» государственный переворот занимает важное, но все-таки второстепенной место. Однако это кажущаяся скромность: с одной стороны, для свершения некоторых переворотов бывает необходимо задействовать все перечисленные выше средства, с другой — удачно реализованный государственный переворот может избавить от необходимости использования остальных видов вооружения из данного арсенала.

В ситуации «холодной войны», когда ни одна из сторон не могла позволить себе применение против своего соперника военной силы без риска спровоцировать ядерную войну, противоборствующие стороны были вынуждены активно использовать иные формы противостояния. Так,

деле она почти всегда будет вынуждена вмешиваться в политику, хотя бы для того, чтобы сохранять определенный статус-кво. Если компания действует, то в ее распоряжении находится большое количество инструментов, которые она может использовать на различном уровне. Компания может замедлить поток налоговых поступлений государству, переведя производство в какую-либо другую страну, где она оперирует; может укрепить позиции того или иного политика, предоставив реальные рабочие места или синекуры его сторонникам; может купить или подкупить прессу. Словом, использовать свою власть, основанную на богатстве в очень бедной стране». *Э. Люттвак.* « Государственный переворот: Практическое пособие». С. 46.

дипломатические и экономические войны становились все более и более напряженными, а информационные, которые ранее называли «войнами» лишь условно, превратились в реальные баталии. И подобным образом каждая из перечисленных выше практик, к тому времени уже давно известных человечеству, в течение полувека была доведена до уровня четкой и выверенной технологии.

Данная книга посвящена описанию технологии государственного переворота. Но с тех времен, когда Эдвард Люттвак закончил свое изыскание и его труд вышел в свет, практика государственных переворотов развивалась и совершенствовалась, а кроме того, отрабатывались методы ее применения в комплекте с другими средствами ведения «холодной войны». Любой пункт из приведенного нами списка может превратиться в тему будущего исследования, и указанные в нем военно-политические технологии еще ожидают своих исследователей. Наше издательство готово принять участие в этих работах и, конечно же, готово издать написанные на данные темы книги.

Мы решили разместить в качестве приложения к работе Эдварда Люттвака «Государственный переворот: Практическое пособие» краткое описание некоторых событий, имевших место в годы «холодной войны», составленное Н. Н. Платошкиным, а также его статью о венгерском кризисе 1956 года. По нашему мнению, данные работы задают особый контрастный фон, на котором можно более рельефно увидеть некоторые аспекты государственного переворота.

Эдвард Люттвак является принципиальным и последовательным борцом с коммунизмом и патриотом своей страны, его также относят к кругу сторонников американского неоконсерватизма, поэтому нам трудно сказать, что его видение истории XXвека не подвержено влиянию политических факторов. Хотя, безусловно, люди такого интеллектуального уровня способны отделить свои политические убеждения от профессиональной деятельности. Николай Платошкин, хотя и на более скромных позициях — будучи профессиональным дипломатом, также имел некоторый опыт участия в противостоянии «холодной войны» — на стороне Советского Союза. Его политические взгляды и жизненная позиция также хорошо просматриваются сквозь строки, что тем не менее не мешает и ему проводить объективный анализ исторических событий. Мы (представители издательства) тешим себя надеждой, что остаемся политически нейтральными. Во всяком случае — мы не придерживаемся идеологии коммунизма или радикального либерализма, и уж точно — не являемся сторонниками американского неоконсерватизма. У нас также есть убежденность в том, что наши читатели обла-

дают достаточным уровнем образования и социальной рефлексии для того, чтобы избежать неосознанного попадания под влияние той или иной политической идеологии.

В рамках проекта «Холодная война» мы издали три сборника научных статей: сборник статей, посвященный юбилею Виктора Леонидовича Малькова[80]; сборник статей сотрудников Института всеобщей истории под редакцией Н. И. Егоровой — «Многосторонняя дипломатия в биполярной системе международных отношений», а также сборник статей, составленный по материалам докладов конференции на тему «холодной войны», проведенной Университетом Дмитрия Пожарского, под редакцией А. С. Степанова — «Хмурые будни холодной войны. Ее солдаты, прорабы и невольные участники». Мы также издали серию книг, посвященную истории различных латиноамериканских стран, попавших в водоворот «холодной войны». Это «Чили 1970–1973 гг. Прерванная модернизация», «Интервенция США в Доминиканской республике 1965 года». В планах стоит издание книги о Сандинистской революции в Никарагуа. Следующая серия будет посвящена событиям, которые разворачивались в этот период в Европе.

Помимо «Государственного переворота» мы перевели еще две работы Эдварда Люттвака: «Стратегия Византийской империи» (The Grand Strategy of the Byzantine Empire) и «Стратегия: Логика войны и мира» (Strategy. The Logic of War and Peace). Мы также планируем издание еще не вышедшей в свет книги Люттвака «The Rise of China and the Logic of Strategy: a history of the (almost) inevitable future» («Возрастающая мощь Китая и логика стратегии: история о почти неминуемом будущем»).

А. А. Горев

---

[80] *Сборник статей.* Многоликость целого: Из истории цивилизаций Старого и Нового света.

Государственные перевороты в контексте противостояния двух систем

Н. Н. Платошкин

Под государственным переворотом обычно понимается насильственное свержение власти, осуществленное небольшой группой заговорщиков. Из этого определения практически вытекает следующая ключевая особенность переворота — он, как правило, производится с опорой на силовые структуры, прежде всего армию. Только таким образом небольшая группа людей может навязать свою волю стране.

Революция отличается от переворота тем, что приводит к коренному изменению политической и социально-экономической структуры государства, в то время как переворот обычно нацелен лишь на удовлетворение властных амбиций тех или иных политиков или квазиполитиков в военной форме. При этом переворот может стать началом революции — небольшая группа людей берет власть с тем, чтобы передать ее в руки представителей широких народных масс или для того, чтобы производить революционные преобразования с опорой на эти массы (например, Египет 1952 года). Но, с другой стороны, революции могут неожиданно заканчиваться переворотом, когда воспользовавшись ситуацией социальной нестабильности, к власти приходят группировки, не имеющие отношения к тем социальным и политическим силам, которые начинали борьбу против господствующего режима.

Революции, так же как и перевороты, всегда носят насильственный характер, поскольку предполагают радикальное перераспределение собственности и доходов в стране. А это, в свою очередь, предполагает ожесточенное сопротивление господствующего прежде слоя или класса.

Утопией следует признать попытки построить мирным путем, например, социализм. Никто и никогда не отдаст частную собственность и накопленное вследствие эксплуатации богатство без сопротивления. Об этом наглядно свидетельствуют уроки Чили времен правительства Народного единства 1970–1973 годов. Практика показывает, что даже выплата государством компенсации (какой угодно щедрой) за национализированное имущество никоим образом не снижает степени ожесточенности этого сопротивления — ведь бывший собственник теряет не только

деньги, но и общественный статус, а также власть над людьми, которые ранее на него работали или от него зависели.

После 1917 года, а особенно после 1945-го, когда СССР стал мировой державой, а США завоевали однозначное лидерство среди капиталистических стран, многие перевороты были связаны с выбором той или иной страной внешнеполитической ориентации своего развития. В условиях противоборства социализма и капитализма практически каждая насильственная смена власти в том или ином государстве была сопряжена либо с ориентацией на США и «свободный мир», либо с ориентацией на СССР и социализм.

Соединенные Штаты более системно и основательно подходили к борьбе со своим геополитическим противником, чем СССР. В Америке существовал специальный секретный межведомственный орган (называвшийся в разные годы по-разному: Специальная группа, Комитет 303, Комитет 40), который занимался тайной подрывной деятельностью против иностранных государств. Эта деятельность включала саботаж, покушения, организацию повстанческой деятельности, дестабилизацию недружественных США политических сил и т. д. «Орудием» этого межведомственного тайного органа (в который входили представители ЦРУ, госдепартамента, министерства обороны и Совета национальной безопасности) было Центральное разведывательное управление (ЦРУ) США.

Сразу же после своего создания в 1947 году ЦРУ вмешалось в парламентские выборы в Италии в 1948-м, где удалось предотвратить казавшуюся неминуемой победу коммунистов. В Греции американцы практически отстранили от власти самую популярную в народе силу — коммунистов (причем популярность эту коммунисты, как и в Италии, приобрели активным и самоотверженным участием в борьбе против немецких оккупантов), что привело к кровопролитной гражданской войне в этой стране.

Как уже говорилось выше, после окончания Второй мировой войны СССР поддерживал многие народно-освободительные движения, особенно левого толка. Но у Советского Союза не было необходимости в совершении чего-либо похожего на государственные перевороты или в организации революций в странах Восточной Европы, освобожденных им от фашистской Германии. В этих государствах реально присутствовали сильные коммунистические и социалистические партии, пользующиеся поддержкой населения. Активность СССР в основном проявлялась в том, что он выступил несколько предвзятым арбитром в разрешении местных политических споров и последовательно поддерживал левые партии, не допуская Соединенные Штаты к поддержке на этой территории антикоммунистических настроений.

Кубинская революция 1959 года и даже революция 1978 года в соседнем с СССР Афганистане оказались для Москвы полной неожиданностью. Во всяком случае, никакого участия ни один из советских государственных органов в этих событиях не принимал. Данные революции (как и многие другие) вынужденно носили антиамериканский характер просто потому, что США поддерживали в этих странах бывшие диктаторские режимы. При таких обстоятельствах любой недовольный властью человек автоматически становился и противником США, а следовательно — потенциальным союзником его врагов.

Фидель Кастро, выходец из обеспеченной семьи, стал партизаном просто потому, что проамериканский диктатор Кубы Батиста не дал ему (как и другим кубинцам) возможности участвовать в выборах. При этом, даже придя к власти в 1959 году, Кастро не являлся ни марксистом, ни коммунистом. Но встать на эту позицию его заставила настоящая необъявленная война США против Кубы. В этих условиях реальную помощь стране мог оказать и оказал только Советский Союз, что и определило дальнейшее развитие этой республики. Именно эта помощь спасла экономику Кубы от последствий американского эмбарго (СССР стал закупать отвергнутый американцами кубинский сахар).

Характерен в этом смысле и пример египетской революции 1952 года. Восстание «свободных офицеров» первоначально носило, прежде всего, националистический характер и было направлено главным образом против засилья британского и французского капитала в экономике страны (в первую очередь, в зоне жизненно важного для Египта Суэцкого канала). Американцы сначала заигрывали с Насером, так как считали, что США только выиграют, если при помощи нового режима потеснят в Египте своих европейских конкурентов, тем более что на первых порах Насер был явным антикоммунистом, что также устраивало Вашингтон.

Но Англия и Франция все же были членами НАТО, и США отказали Насеру в приобретении необходимого Египту оружия. Именно это и заставило новое египетское руководство искать помощи в социалистическом лагере — просто потому, что больше искать ее было негде. Помощь СССР в условиях франко-британско-израильской агрессии 1956 года против Египта окончательно убедила Насера, что лучшие друзья его страны находятся в Москве. Отсюда вытекал логичный вывод о необходимости социалистической ориентации Египта.

Краткое описание некоторых государственных переворотов и революций, случившихся в годы «холодной войны»

Н. Н. Платошкин

На Западе началом «холодной войны» обычно считают «коммунистический переворот» в Чехословакии в феврале 1948 года. Но нам кажется, с теми же основаниями можно сказать, что «холодная война» началась с вытеснения коммунистов из правительств Франции и Италии — сразу же после окончания Второй мировой войны (в 1947 году). Мы попытаемся предоставить краткое описание некоторых событий времен «холодной войны», которые по той или иной причине вызывают ассоциации с государственным переворотом.

Франция, май 1947 года

Французская коммунистическая партия (ФКП) была, бесспорно, главной силой антифашистского сопротивления во Франции в 1940–1944 годах. Тысячи членов ФКП были замучены оккупантами, за что ее называли в народе «партией 75 тысяч расстрелянных». Многие районы Франции были освобождены коммунистическими партизанскими отрядами «маки».

На первых свободных парламентских выборах в ноябре 1945 года ФКП (численность ее составляла 500 тысяч человек) стала сильнейшей партией, получив 26,1% голосов и 161 место в Национальном собрании (из 586). Социалисты (СФИО) набрали 23,4% (150 мест), христианские демократы (народное республиканское движение) — 23,9% (150 мест). Таким образом, две марксистские партии (коммунисты и социалисты) могли бы сформировать собственное правительство. В июне 1946 года во Франции проходят новые парламентские выборы, на которых коммунисты подтверждают свои позиции — 25,9% (153 места), но пропускают вперед христианских демократов — 28,2% (169 мест). СФИО набрала 21,1% (129 мест). Таким образом, левые партии опять практически завоевали 50% мест в парламенте. Госсекретарь США Ачесон считал, что Франция вот-вот станет «коммунистической».

Уже в ноябре 1946 года на очередных парламентских выборах ФКП снова добивается первого места — 28,2% (183 места), христианские демократы получили 25,9% голосов (167 мест), социалисты — 17,8% (105). Таким образом, видно, что две марксистские партии в целом набирали примерно 46–49% голосов, но позиции коммунистов все время укреплялись. За ФКП в ноябре 1946 года голосовали 5,4 миллиона французов, за христианских демократов — 4,98 миллиона (население Франции на тот момент составляло примерно 40 миллионов человек). При этом все три упомянутые выше партии составляли правящую коалицию и шли на выборы единым фронтом.

По конституции, ФКП имела полное право претендовать на пост премьер-министра как сильнейшая фракция парламента, однако Морис Торез (лидер коммунистов) отказался от этого поста в пользу лидера СФИО Леона Блюма (который в 30-е годы возглавлял правительство Народного фронта во Франции). В январе 1947 года кабинет сформировал социалист Рамадье. Торез стал единственным вице-премьером. Коммунисты получили министерства труда и социального обеспечения, здравоохранения и реконструкции. Таким образом, компартия вела себя более чем скромно, имея всего четыре поста в правительстве из 24 членов.

В мае 1947 года под давлением США Рамадье устранил коммунистов из правительства и разорвал трехстороннюю коалицию. Удаление коммунистов было условием США по выделению кредитов Франции в рамках плана Маршалла. К тому же коммунисты протестовали против начавшихся колониальных войн в Индокитае и на Мадагаскаре. Таким образом, сильнейшая и самая популярная партия Франции оказалась в оппозиции.

Италия, май 1947 года

Итальянская компартия (ИКП) всегда была непримиримой противницей фашистского режима Муссолини. Коммунисты составляли подавляющее большинство бойцов партизанских отрядов («гарибальдийских бригад») во время немецкой оккупации — 1943–1945 годы. Сразу после войны в рядах ИКП было 1,8 миллиона человек, и она стала самой многочисленной партией Италии.

Англо-американские оккупационные власти всячески оттягивали выборы в Италии, опасаясь победы левых сил. Практически все буржуазные группировки были объединены в Христианско-демократическую партию (ХДП) Италии, которая тем не менее заключила предвыборный союз с ИКП и социалистами (ИСП). Американцы назначили лидера ХДП де Гаспери (в 20-е годы он поддерживал Муссолини) премьер-министром Италии без всяких выборов в декабре 1945 года. Коммунисты и социа-

листы также вошли в его кабинет. Лидер ИКП Пальмиро Тольятти стал вице-премьером. Благодаря мощному влиянию Ватикана в стране ХДП набрала на первых парламентских выборах 1946 года 35% голосов (8 миллионов избирателей), ИСП — 20,7% (4,758 миллиона голосов), ИКП — 19% (4,35 миллиона голосов). Население Италии на тот момент составляло примерно 45 миллионов человек.

В январе 1947 года де Гаспери совершил 10-дневный визит в США, где ему был обещан кредит в 100 миллионов долларов в случае вытеснения коммунистов из правительства. В мае 1947 года де Гаспери удалил коммунистов из правительства.

Майские события 1947 года в Италии и Франции проходили синхронно и представляли собой фактически государственный переворот, осуществленный при поддержке и по настоянию США. В обеих странах на выборах одержал победу предвыборный блок в составе коммунистов, социалистов и левоцентристских буржуазных партий. Вытеснение одной из партий коалиции из правительства означало разрыв предвыборного блока с единой программой и должно было привести к новым парламентским выборам. Но под давлением США от выборов в тот момент отказались.

Чехословакия, февраль 1948 года

Советские войска покинули Чехословакию сразу же после ее освобождения в 1945 году. Власть перешла к правительству Национального фронта чехов и словаков в составе коммунистической партии (КПЧ), национально-социалистической (ориентировалась на президента Бенеша), народной (фактически христианско-демократическая партия) и социал-демократической (ориентировалась на сотрудничество с коммунистами).

На парламентских выборах 1946 года Национальный фронт (как и в Италии и во Франции) выступил единым блоком. Коммунисты стали сильнейшей партией, набрав в Чехии (самой промышленно развитой части страны) 43,25% голосов, в Моравии — 34,46%, в Словакии — 38,37%. Ситуация в Словакии была особой — значительная часть крестьянства и интеллигенции вообще не голосовала там за «чешские» партии, в том числе и за КПЧ — сказывались сепаратистские настроения времен «независимого» прогитлеровского «государства Словакия». Национальные социалисты (ведущая немарксистская партия) набрали соответственно 25,20% (Чехия) и 20,20% (Моравия), народная партия — 16,27% и 27,56%, социал-демократы — 14,96% и 16,7%. В Словакии победу одержала демократическая партия (62%), в которую вошли многие деятели и члены запрещенной после 1945 года профашистской глинковской партии.

В Национальном собрании коммунисты (КПЧ и КПС — словацкая компартия тогда была отдельной) получили 114 мест из 300, национальные социалисты — 55, народная партия — 46, социал-демократы — 37. Коммунисты и социал-демократы вполне могли сформировать собственное правительство, однако был сохранен кабинет с участием всех партий Национального фронта. Согласно конституции, президент Бенеш поручил лидеру КПЧ Клементу Готвальду как главе сильнейшей парламентской партии сформировать правительство. В кабинете министров из 26 членов было девять коммунистов, по четыре представителя национально-социалистической, народной и словацкой демократической партии, три социал-демократа, двое беспартийных.

В 1946–1947 годах численность КПЧ и КПС резко выросла: в рядах компартии к началу 1948 года было больше членов, чем во всех других партиях Национального фронта, вместе взятых. В ней насчитывалось 1,4 миллиона человек, в то время как у народных социалистов — 566 тысяч, у народной партии — примерно 500 тысяч, у словацкой демократической партии — 200 тысяч, у социал-демократов — 363 тысячи.

Опасаясь полной победы КПЧ на парламентских выборах в мае 1948-го, три буржуазные партии Национального фронта решили выдавить коммунистов из правительства по образцу Италии и Франции. Неожиданно вернувшийся в Чехословакию из отпуска 19 февраля 1948 года посол США Штейнгард прямо заявил, что страна получит помощь США только в случае прихода к власти нового кабинета министров.

По предварительному согласованию с президентом страны Бенешем 12 министров от национально-социалистической, народной и демократической партий 20 февраля подали в отставку. В качестве предлога называлось засилье коммунистов в органах безопасности и МВД. Согласно плану реакции, президент Бенеш должен был отправить все правительство в отставку и заменить его до выборов временным кабинетом «технократов». Но так как больше половины кабинета осталось на посту, Бенеш по конституции должен был поручить Готвальду дополнить правительство новыми министрами, что вынужденно и сделал. Немаловажную роль в этом сыграла мощная стотысячная демонстрация в Праге 21 февраля в поддержку Готвальда, прошедшая, несмотря на сильнейший для Чехии мороз — минус 25 градусов. 24 февраля по призыву профсоюзов прошла всеобщая забастовка в поддержку правительства Национального фронта и КПЧ, в которой приняли участие 2,5 миллиона человек. 25 февраля Бенеш заявил о согласии с предложением Готвальда относительно кандидатур новых министров. В новом кабинете Национального фронта у коммунистов было 11 министров.

Таким образом, успешно осуществленный американцами в Италии и Франции вариант «мирного» отстранения коммунистов от власти в Чехословакии не прошел. Но чешские события были названы «коммунистическим переворотом», в то время как произошедшее в Италии и Франции — «победой демократии».

1950-е годы

Июльская революция в Египте 1952 года

Причины: господство иностранного капитала (прежде всего английского и французского) в экономике страны, коррумпированность правящего королевского режима, контроль иностранцев (Британии) над Суэцким каналом, поражение коррумпированного режима в войне с Израилем 1948 года.

Движущие силы: тайная военная организация «Свободные офицеры» националистического толка.

Ход: в январе — феврале 1952 года в Египте прошли мощные народные манифестации против англичан и иностранцев. Англичане фактически разоружили египетскую полицию в зоне Суэцкого канала (были убиты 50 египетских полицейских, около ста ранены), после чего «Свободные офицеры» привлекли на свою сторону ряд генералов и фактически установили негласный контроль над армией, возмущенной засильем англичан в стране. Первоначально переворот был намечен на 5 августа 1952 года, но заговорщикам стало известно, что их организация раскрыта службой безопасности. 16 июля 1952-го король Фарук аннулировал выборы руководства Офицерского клуба, на которых «Свободные офицеры» одержали победу. Опасаясь арестов, «Свободные офицеры» ввели в Каир войска в ночь на 23 июля и быстро установили контроль над столицей. Население столицы поддержало восставших, никаких жертв среди гражданского населения не было.

Последствия: монархия была ликвидирована и заменена республикой. Проведена аграрная реформа. Национализация Суэцкого канала привела к тройственной агрессии против Египта Англии, Франции и Израиля осенью 1956 года. Эта война заставила Египет опереться на помощь СССР, который угрозой применения силы принудил союзников вывести войска с территории Египта. В ответ на агрессию Египет национализировал британские и французские предприятия в стране, в результате чего сложился госсектор в экономике. Так как египетская буржуазия была тесно связана с иностранным капиталом, началась национализация не только крупных иностранных предприятий, но и отечественных компрадорских. Египет

встал на рельсы социалистической ориентации. С помощью СССР была построена Асуанская плотина, сделавшая Египет энергетически независимым. Советский Союз фактически создал современные вооруженные силы Египта.

1954 год, Гватемала (операция ЦРУ PBSUCCESS)

Причины: в 1944 году в Гватемале в результате народной «октябрьской» революции был свергнут диктаторский режим генерала Убико, которого называли «латиноамериканским Муссолини». Новая демократическая конституция предусматривала аграрную реформу. Эта конституция вызвала резкое неприятие американской компании «Юнайтед Фрут компани», которая при Убико контролировала в Гватемале не только огромные земельные угодья, но и систему электроснабжения, телеграф и железные дороги. 2,2% помещиков владели 70% всех сельскохозяйственных угодий в стране. В 1950 году на президентских выборах победил либерал Хакобо Арбенс (участник революции 1944 года), набравший 65% голосов. В 1952-м Арбенс в соответствии с конституцией начал проводить аграрную реформу («закон 900»). В числе прочего было экспроприировано 1600 квадратных километров необрабатываемых земель «Юнайтед Фрут» за компенсацию, которая базировалась на декларированных доходах самой компании. Госдепартамент США счел компенсацию недостаточной и потребовал от гватемальского правительства 15,8 миллиона долларов только за часть земель «Юнайтед Фрут». Арбенс отказался, подчеркнув, что Гватемала не поступится своим суверенитетом.

Движущие силы: США, часть гватемальской буржуазии, консервативные круги гватемальского офицерства из зажиточных семей.

Ход: еще в 1951 году (то есть до аграрной реформы») ЦРУ разработало план по свержению Арбенса, так как тот, по мнению американцев, проявлял излишнюю терпимость по отношению к коммунистам. ЦРУ вооружило и обучило на территории соседней Никарагуа (которая была под властью жестокой проамериканской диктатуры клана Сомосы) небольшую группу оппозиционеров во главе с Кастильо Армасом. Боевики Армаса должны были вторгнуться в Гватемалу из Гондураса и Сальвадора (с территорий «Юнайтед Фрут»). Но один из перебежчиков предупредил Арбенса о вторжении, и правительство Гватемалы обратилось к Чехословакии с просьбой о поставках оружия. США обвинили Гватемалу в подготовке вторжения в Гондурас при помощи «советского блока» и отправили соединение ВМС для блокады гватемальского побережья.

18 июня 1954 года около 500 боевиков Армаса пересекли гватемальскую границу, рассчитывая на восстание населения против Арбенса.

Однако небольшие подразделения гватемальской армии без труда разбили наемников. Например, группа Армаса численностью в 122 человека была рассеяна подразделением в 30 человек. Колонну Армаса, наступавшую на важный порт Пуэрто-Барриос, наголову разбила местная полиция при поддержке вооруженных докеров. Но высадка американской морской пехоты в Гондурасе и варварские бомбежки нанятых ЦРУ самолетов вынудили Арбенса 27 июня 1954 года подать в отставку с целью избежать больших жертв среди гражданского населения и прямой американской интервенции (под предлогом защиты жизни и собственности граждан США).

Последствия: в течение 11 дней после отставки Арбенса власть в Гватемале попеременно захватывали пять военных хунт, каждая из которых была все более приемлемой для США. Затем власть перешла к Армасу. Генеральный секретарь ООН швед Даг Хаммаршельд признал действия США по отношению к Гватемале несовместимыми с Уставом ООН. В течение последующих 40 лет в Гватемале правили жестокие диктатуры. Были убито или «пропали без вести», по разным данным, от 140 до 250 тысяч гватемальцев.

1960-е годы

Греция, 1967 год

Причины: во время борьбы против немецкой и итальянской оккупации 1941–1944 годов ведущей политической силой Греции стала компартия, которая составляла основную военную силу греческого Сопротивления — ЭАМ (более 50 тысяч вооруженных бойцов). В 1943 году ЭАМ отвлекала на себя восемь немецких дивизий (больше, чем англо-американские войска в Италии). В 1944-м движение Сопротивления изгнало немцев из Греции, однако в стране высадились английские войска, помешавшие победе коммунистов на выборах. При поддержке США (доктрина Трумэна) и Англии в стране была развязана гражданская война, закончившаяся поражением левых сил в 1949 году. Были зверки убиты и замучены в концлагерях десятки тысяч греческих коммунистов. Компартия была распущена и объявлена вне закона. В 1952 году Греция стала членом НАТО.

В 1963 году, после почти 20-летнего правления правых сил, молодой король Константин IIназначил премьером центриста-либерала Георгиоса Папандреу, чья партия победила на выборах. На 28 мая 1967 года были назначены очередные парламентские выборы, на которых все ожидали победы Союза центра Папандреу и Единой демократической левой

партии (фактически — другое название запрещенной компартии). Руководство армии опасалось, что оно будет привлечено к ответственности за массовые расстрелы и пытки периода гражданской войны (были убиты, по разным данным, 100–160 тысяч человек, 700 тысяч греков стали беженцами). В США боялись, что Греция может выйти из НАТО. Посольство США в Греции и резидентура ЦРУ в Афинах были в курсе правого военного заговора (план «Прометей», разработанный при поддержке НАТО еще в 1959 году) и не предупредили о нем греческого короля.

Движущие силы: часть греческого офицерства, ЦРУ.

Ход: 21 апреля 1967 года группа старших офицеров греческой армии (впоследствии за ней закрепилось название «черные полковники») произвела государственный военный переворот. В Афины были введены танки, производились аресты левых политических деятелей по заранее составленным спискам (всего было арестовано более 10 тысяч человек, в том числе много ветеранов движения Сопротивления). Был арестован и главнокомандующий греческой армией генерал-лейтенант Георгиос Спантидакис. Только в течение первого месяца после переворота погибли и подверглись пыткам около 8 тысяч человек. Арестованных держали на ипподроме, где многие были убиты без суда и следствия.

Американский посол в Греции Филлипс Тэлботт осудил военный переворот, заявив, что он представляет собой «изнасилование демократии», на что Джек Мори, глава резидентуры ЦРУ в Афинах ответил: «Как можно изнасиловать шлюху?»

Пришедшая к власти правая военная хунта отменила выборы, ввела цензуру и распустила политические партии.

13 декабря 1967 года король отбыл на север страны в город Кавалу и попытался с помощью ВВС организовать контрпереворот, обратившись к стране с воззванием. Однако Константин действовал нерешительно и не стал призывать народ к массовым манифестациям. В этих условиях правящая хунта смогла подавить попытку мятежа, и король эмигрировал.

Последствия: формально военная хунта во главе с полковником Пападопулосом объясняла переворот стремлением противодействовать некоему «коммунистическому заговору». Гонения на коммунистов и всех представителей левых сил сопровождались и преследованием рок-музыки, движения хиппи как чуждых «греческому духу» проявлений культуры. Молодежи было предписано ходить в церковь, юношам велели коротко стричься, девушкам запретили носить мини-юбки. Диктатуру поддерживала православная церковь.

Греция вышла в 1967 году из Совета Европы, чтобы предотвратить таким образом свое исключение из этой организации по обвинению

в массовых нарушениях прав человека. Более 2000 арестованных были подвергнуты пыткам в застенках тайной полиции. В 1973 году войска жестоко расстреляли антиправительственную демонстрацию студентов Политехнического университета. Чтобы избежать роста народного недовольства режимом, «черные полковники» организовали в июле 1974 года военный переворот на Кипре, что привело к вводу турецких войск в северную часть острова (турки оккупировали 37% территории Кипра, на которой производилось 70% ВВП; Кипр остается разделенным и по сей день). Провал кипрской авантюры привел к падению хунты и проведению в 1974 году в Греции парламентских выборов.

В 1999 году президент США Билл Клинтон принес Греции официальные извинения от имени правительства США за поддержку режима «черных полковников», тем самым признав ответственность Вашингтона за переворот 1967 года. По данным опросов, более 50% греков считают, что военный режим был вредным для страны, и только 20% убеждены, что он имел положительное значение.

Перу, 1968 год

Причины: с 1963 году в Перу правил президент Белаунде Терри, который в августе 1968-го урегулировал спор с американской компанией «Стандарт Ойл оф Нью-Джерси» (ее наследницей ныне является крупнейшая нефтяная компания мира «Экксон Мобил») по вопросу о собственности на ряд богатых нефтяных месторождений в Перу. Общественность страны была возмущена тем, что Белаунде Терри согласился выплатить компании компенсацию. К тому же по данному соглашению Перу прощало долг компании перед бюджетом.

Три американские компании контролировали 80% горнорудной промышленности, которая, в свою очередь, приносила Перу 40% валютных поступлений. Иностранные банки осуществляли 60% кредитных операций. Население Перу страдало от инфляции — к 1968 году денежная масса увеличилась по сравнении с 1960 годом в три раза, в том числе и потому, что иностранные компании уклонялись от уплаты налогов и правительство финансировало дефицит бюджета за счет эмиссии денег. Уровень ВВП на душу населения составлял в 1968-м 368 долларов.

Экономическая политика правительства и капитуляция перед «Стандарт Ойл» привели к массовым демонстрациям протеста и отставке кабинета министров 1 октября 1968 года.

Движущие силы: демократические круги армии.

Ход: 3 октября 1968 года Белаунде Терри был свергнут в ходе бескровного военного переворота (план «Инка»). Власть взяла революционная военная хунта во главе с генералом Веласко Альварадо, выходцем

из рабочей семьи. В манифесте нового правительства главными целями революции объявлялись ликвидация зависимости Перу от иностранного капитала и проведение реформ в интересах широких народных масс.

Последствия: новый режим провел аграрную реформу (экспроприация земельных наделов свыше 150 га за компенсацию; всего экспроприировано 11 млн га). Уже 5 октября 1968 года хунта аннулировала соглашение, заключенное Белаунде Терри со «Стандарт Ойл» (действовавшей в Перу как «Интернешнл Петролеум Компани», ИПК). 9 октября был установлен контроль над нефтяными месторождениями страны. Этот день провозгласили праздником — Днем национального достоинства. От ИПК потребовали выплатить Перу долг в размере 690 миллионов долларов. В 1970–1971 годах в госсобственность перешли крупнейшие горнорудные месторождения. В 1974-м были национализированы 14 крупных американских компаний тяжелой промышленности и установлен полный государственный контроль над производством цемента, которым до того времени монопольно владела олигархия. 13 мая 1975 года декретом-законом № 21144 были прекращены операции транснациональной корпорации «Галф Ойл». Темпы экономического роста обрабатывающей промышленности составили в 1973–1974 годах 7–8% ежегодно. В 1969-м в ходе установления государственного контроля над банками удалось стабилизировать цены и создать запас свободно конвертируемой валюты в 175 млн долларов.

Индейский язык кечуа был провозглашен государственным наравне с испанским.

Военный режим опирался на поддержку массовых профсоюзных и крестьянских организаций.

В 1975 году после попытки военного переворота Веласко Альварадо ушел в отставку, и хунту возглавил генерал Франсиско Моралес Бермудес. Реформы были свернуты. При поддержке США и МВФ проводилась линия на сокращение социальных расходов и вмешательства государства в экономику. В 1980 году после выборов к власти вернулся Белаунде Терри. 80-е годы стали периодом гиперинфляции и массового обнищания населения страны.

1970-е годы

Чили, 1973 год

Причины: на президентских выборах **1970** года относительное большинство голосов набрал кандидат блока левых сил (Народное единство) бывший председатель сената Чили социалист Сальвадор Аль-

енде (36,6% голосов). ЦРУ США попыталось не допустить его вступления в должность, организовав той же осенью военный переворот. В ходе этой попытки связанными с ЦРУ заговорщиками был убит главнокомандующий вооруженными силами Чили генерал Рене Шнейдер — противник вмешательства армии в политическую жизни страны. Заговор финансировался, в том числе, и американской компанией ИТТ, владевшей телефонной сетью Чили.

В 1971 году Альенде при единогласной поддержке чилийского парламента (где у Народного единства не было большинства) национализировал меднорудную промышленность, принадлежавшую американским компаниям (медь приносила 80% валютных поступлений Чили). День национализации был объявлен государственным праздником. США выразили недовольство размером компенсации и организовали бойкот чилийской меди на мировом рынке.

Несмотря на резкое повышение зарплат рабочим и служащим (в том числе и военным), в 1971 году чилийская экономика выросла на 8%, а инфляция снизилась с 26% в 1970-м до 15%. Расходы на социальные нужды выросли с 562 до 828 млн долларов, хотя мировые цены на медь значительно упали. Альенде проводил аграрную реформу и национализацию крупных предприятий на основе принятых предыдущими правительствами законов (собственных законов на сей счет Народное единство принять не могло из-за обструкции правого большинства чилийского парламента). Национализация осуществлялась за компенсацию. Безработица в 1972 году достигла самого низкого уровня за всю историю Чили — 3,1%.

Осенью 1972 года при поддержке ЦРУ в Чили была организована забастовка торговцев и частных владельцев грузовиков. Целью было провоцирование голода в Чили, чтобы обеспечить победу правых партий на парламентских выборах в марте 1973-го. Однако на этих выборах блок Народного единства увеличил количество поданных за него голосов (почти 44%), то есть набрал голосов больше, чем Альенде на президентских выборах 1970 года. После этого ЦРУ и правое руководство чилийских вооруженных сил (все генералы проходили обучение или стажировку в США) взяли курс на насильственное свержение Альенде.

Движущие силы: чилийская буржуазия, командование вооруженными силами, США.

Ход: в сентябре 1973 года началась очередная забастовка предпринимателей при поддержке ЦРУ. Альенде собирался 11 сентября обратиться к народу с предложением провести референдум о доверии президенту. Стремясь не допустить этого, командование вооруженных сил осуществило в этот день переворот, чтобы «спасти родину от маркси-

ма». Альенде отказался покинуть страну и погиб во время штурма путчистами президентского дворца Ла-Монеда. Он не захотел призывать своих сторонников прийти к дворцу для его защиты, так как опасался многочисленных жертв среди гражданского населения. В ходе переворота 11 сентября погибли около 60 человек, в том числе 34 — со стороны путчистов.

Последствия: взявшая власть правая военная хунта во главе с генералом Аугусто Пиночетом провела массовые аресты. Тюрем не хватало, арестованными был заполнен футбольный стадион в Сантьяго (через него прошло около 40 тысяч заключенных). В 1973–1976 году в Чили по политическим мотивам арестовали 130 тысяч человек (при 10-миллионном населении). Только в первый месяц после переворота были убиты и замучены до смерти примерно 20–30 тысяч человек. Многие до сих пор числятся пропавшими без вести. Женщин насиловали на глазах мужей и родственников, заключенным прикладывали к гениталиям электроды. Людей скатывали в нефтяных бочках с гор (тела их при этом превращались в бесформенную массу) и сбрасывали с вертолетов в океан. Режим Пиночета проводил физическое устранение оппозиционеров за рубежом (например, убийство министра обороны в правительстве Альенде Орландо Летельера в Вашингтоне в 1975 году). В стране были организованы концлагеря. Каждый десятый чилиец (свыше миллиона человек) покинул страну.

Несмотря на широко распространенный миф об экономических достижениях диктатуры, при Пиночете рост ВВП Чили в расчете на душу населения был ниже, чем при Альенде, и отставал от среднего показателя по Латинской Америке. Страна оставалась полностью зависимой от мировой конъюнктуры цен на медь. В результате денационализации в Чили сложилась олигархическая модель экономики: в 1978 году пять олигархических групп контролировали более половины из 250 важнейших предприятий страны. В 1982 году хунта девальвировала национальную валюту песо, что резко увеличило платежи по обслуживанию внешнего долга. Так как правительство ориентировалось на импорт, национальное промышленное производство росло при Пиночете лишь на 1,9% в год (в среднем), а безработица к 1983 году достигла 30% трудоспособного населения.

Пиночет был диктатором Чили до 1990 года, и его режим пользовался полной поддержкой США. До 1998-го Пиночет возглавлял сухопутные войска, затем стал пожизненным сенатором. С 1998 года против Пиночета во многих странах (в том числе и в Чили) были заведены уголовные дела по обвинению в массовых убийства по политическим мотивам. Только смерть экс-диктатора в 2006 году избавила его от наказания.

Эфиопия, 1974 год

Причины: Эфиопия была фактически единственным африканским государством, сохранившим независимость. Страной управляла старинная императорская династия, которая, по официальной версии, вела свое происхождение от библейской царицы Савской и царя Соломона. Экономика Эфиопии была чудовищно отсталой даже по африканским меркам. Почти все обрабатываемые земли принадлежали помещикам, в стране процветали феодальные формы эксплуатации, включая рабство. Крестьяне выплачивали помещикам за аренду земли до 50% урожая. О промышленности в современном ее понимании говорить вообще не приходилось. С 1955 года в стране были запрещены все политические партии.

Движущие силы: демократические круги армии, студенчество, интеллигенция.

Ход: парламентские выборы 1973 года и нехватка продуктов питания привели к антиправительственным демонстрациям в столице. Императорское правительство скрывало голод в стране и отказывалось от международной гуманитарной помощи. В феврале 1974 года военные начали постепенную революцию в стране, а 12 сентября 1974-го в стране при поддержке населения произошел формальный военный переворот. К власти пришел Временный военный административный совет (ВВАС, ДЕРГ) во главе с майором Менгисту Хайле Мариамом. Характерно, что в 1967–1970 годах Менгисту учился в США (Форт Ливенворт, штат Канзас). Император Хайле Селассие I(правил с перерывами с 1930 года) был свергнут, и в 1975 году страну провозгласили республикой. Правящей партией позднее стала Партия трудящихся Эфиопии, объявившая курс на строительство в стране социализма.

Последствия: в 1975 году были национализированы крупные предприятия и проведена аграрная реформа. Для каждой семьи выделялся надел не более 10 га (такие низкие нормы связаны с тем, что орошаемой земли в Эфиопии катастрофически не хватает). Впервые в истории страны были установлены восьмичасовой рабочий день и ежегодный оплачиваемый отпуск.

Для борьбы против революционного режима при поддержке США были организованы вооруженные сепаратистские движения в провинциях Тигре, Эритрея и Огаден. В 1977 году американцы спланировали вторжение в Эфиопию войск сомалийского диктатора Барре. Эфиопия в ответ обратилась за военной помощью к СССР и Кубе. В страну прибыли советские военные советники и кубинские войска. В гражданской войне, на которую наложилась страшная засуха 80-х годов, погибло около миллиона человек.

В конце 80-х годов СССР прекратил военную помощь Эфиопии. В 1991-м сепаратисты заняли столицу страны Аддис-Абебу. Менгисту Хайле Мариам бежал в Зимбабве. Эритрея стала независимым государством, и Эфиопия утратила выход к морю.

Новый режим в Эфиопии ориентируется на США и жестко подавляет оппозицию. Выборы, по оценкам ЕС, носят формальный характер. Эфиопия находится в состоянии необъявленной войны с Эритреей, эфиопские войска по просьбе США вмешиваются в гражданскую войну в соседнем Сомали. ВВП на душу населения составлял в 1980 году 190 долларов, в 2000 году — 124 доллара, в 2002-м — 202 доллара. В промышленности создается только 4% ВВП. 80% населения заняты в сельском хозяйстве. При этом 4,6 миллиона человек выживают только за счет продовольственной помощи из-за рубежа. 38% населения, по официальным данным, живут ниже уровня абсолютной нищеты. Государственный долг превышает 106% ВВП.

События 1956 года в Венгрии: правда и мифы

Н. Н. Платошкин

После свержения диктатуры Хорти и освобождения Венгрии в 1945 году Красной армией (в боях на территории страны погибли более 140 тысяч советских солдат и офицеров) республика добилась больших успехов в социально-экономическом развитии. Аграрная реформа 1945 года дала 642 тысячам крестьянских семей 1881 тысяч га земли[81]. Среднегодовые темпы прироста промышленного производства составляли в 1951–1955 годах 13,2%, в то время как до войны они никогда не превышали 2%. Из аграрной страны Венгрия превращалась в индустриально-аграрную. До начала 50-х годов рос жизненный уровень населения. В 1947–1949 годах потребление мяса на душу населения увеличилось на 78%, сахара — на 171%, обуви — на 200%[82]. Были впервые в истории страны введены длительные отпуска для рабочих и служащих, а также курортное обслуживание населения. После секуляризации системы народного образования удалось добиться реализации на практике принципа обязательного школьного обучения для всех детей республики независимо от социального положения. В конце 1948 года в Венгрии была отменена карточная система, а в 1949-м сняты все ограничения на торговлю промышленными и производственными товарами. В результате нескольких волн национализации к 1950 году госсектор занял преобладающие позиции в экономике.

В политической сфере после парламентских выборов 15 мая 1949 года, проводившихся по единым спискам Венгерского национального фронта независимости (получившего 95,6% голосов), фактическая власть оказалась в руках Венгерской партии трудящихся (ВПТ), образованной в 1948 году путем слияния коммунистической и социал-демократической партий. Остальные партии, хотя и не были формально распущены, свернули свою деятельность. В ВПТ насчитывалось около миллиона членов, или 10% населения страны. В 1949 году под нажимом из Москвы первый секретарь ЦК ВПТ М. Ракоши (настоя-

---

81 Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века. Т. 1. М., 2000. С. 149.

82 *Нежинский Л. Н.* Очерк истории народной Венгрии. 1948–1962. М., 1969. С. 107.

щая фамилия Рот; член правительства Венгерской советской республики в 1919 году, провел 16 лет в хортистских тюрьмах, после 1940 года находился в эмиграции в СССР) организовал показательный процесс против венгерских «троцкистов» и «югославских шпионов». Жертвой этого процесса стал популярный в стране министр иностранных дел Л. Райк, казненный 1 октября 1949-го. Следует отметить, что до этого Ракоши противостоял давлению советских советников, утверждая, что в ВПТ нет троцкистов.

В начале 50-х годов в Венгрии прошла волна репрессий против представителей частного бизнеса, бывших хортистских офицеров и чиновников, зажиточных крестьян и некоторой части интеллигенции. Только в ходе принятого ВПТ курса на массовую коллективизацию на селе перед судом предстали около 800 тысяч крестьян, правда, более половины из них отделались штрафами[83].

Справедливости ради следует отметить, что венгерская реакция при поддержке Запада (прежде всего США и Ватикана) активно сопротивлялась социально-экономическим преобразованиям в стране. В ноябре — декабре 1948 года была разоблачена группа саботажников на американско-венгерской нефтедобывающей фирме «МАОРТ» — дочерней компании «Стандард Ойл». Различные клерикальные организации пытались оказывать давление на родителей и учеников, чтобы побудить их к бойкоту государственных школ. В конце октября 1949 года радиостанция «Голос Америки» распустила слухи о предстоящей девальвации венгерской валюты — форинта, что привело к массовой ажиотажной скупке населением промышленных товаров. Одновременно распространялись ложные сообщения, что ВПТ запретила выпечку белого хлеба (так как есть белый хлеб якобы «недостойно для настоящих пролетариев»). В некоторых городах люди покупали «про запас» 10–15 кг белого хлеба, что подорвало систему снабжения этим товаром в целом по стране. В 1949 году правительство США наложило эмбарго на вывоз в Венгрию и другие социалистические страны важнейших товаров.

В декабре 1949-го Государственное собрание (парламент) Венгерской Народной Республики (ВНР) утвердило первый пятилетний план экономического развития на 1950–1954 годы, по которому предусматривался рост промышленного производства на 86,4%. Показатели плана были труднодостижимы, если учесть устаревшее в целом оборудование венгерской индустрии и отсутствие в стране сырья для черной металлургии и, следовательно, для машиностроения. Тем не менее путем крайнего напряжения всего народного хозяйства в 1950 году удалось добить-

83 Венгрия 1956 года. Очерки истории кризиса. М., 1993. С. 18–20.

ся внушительных результатов: промышленное производство выросло на 35,1%, национальный доход — на 20%.

Копируя опыт СССР по преимущественному развитию тяжелой промышленности, руководство ВПТ в феврале 1951 года приняло решение о пересмотре показателей пятилетнего плана в сторону их резкого повышения. Так, промышленное производство предлагалось увеличить уже на 210% (в частности, машиностроение — на 290%). ВНР на порядок увеличила закупки по импорту угля и черных металлов и, чтобы обеспечить импорт этих товарных групп, существенно нарастила вывоз продовольствия, оголив внутренний рынок. В результате жизненный уровень населения в 1951–1953 годах сократился примерно на 20%, а в начале 1951-го снова были введены карточки на сахар, жиры, муку и т.д. Война в Корее, вызвавшая нарастание международной напряженности, заставила ВНР в несколько раз повысить военные расходы. Все это сопровождалось жестким административным давлением на частных предпринимателей и курсом на форсированное кооперирование в сельском хозяйстве.

В 1952 году в стране сократилось производство основных видов сельхозпродукции (крестьяне, задавленные обязательными госпоставками по низким закупочным ценам, не видели стимула к расширению посевной площади) и примерно в два раза выросли розничные цены на продовольствие. Весной 1953 года более 10% пахотных площадей Венгрии осталось незасеянными.

После смерти Сталина советское руководство приняло срочные меры по корректировке социально-экономической политики социалистических стран. 13–16 июня 1953 года в Москву была приглашена делегация руководства ВПТ, которая выслушала резкую критику в свой адрес. По инициативе Л. П. Берии М. Ракоши был освобожден от обязанностей главы правительства (он занял этот пост в августе 1952-го). Высший партийный пост был за ним оставлен. Новым премьер-министром стал Имре Надь, выступавший в конце 40-х годов против форсированной коллективизации и обвиненный в «правом оппортунизме». Берия считал Надя полностью подконтрольным, так как последний, будучи с 1929 года в эмиграции в Москве, был в 1930-м завербован НКВД (кличка «Володя») и поставлял информацию о венгерских сотрудниках Коминтерна.

Надь провозгласил в Венгрии «новый курс», состоявший в сокращении расходов на развитие тяжелой промышленности, прекращении давления на частнокапиталистические элементы и свертывании массовой коллективизации (точно такой же «новый курс» по требованию советского руководства стал тогда же осуществляться и в ГДР). В стране была объявлена амнистия, расширялось жилищное строительство, снова стала развиваться частная торговля.

Но из-за резкого сокращения капиталовложений в экономику национальный доход Венгрии в 1954 году по сравнению с 1953-м впервые в послевоенное время несколько снизился. По распоряжению Надя, было законсервировано строительство нескольких важных промышленных объектов, что привело к структурным диспропорциям в народном хозяйстве. Производительность труда падала, а зарплата, не обеспеченная товарами, необоснованно повышалась. Популистские меры правительства Надя, по сути, привели венгерскую экономику в состояние дезорганизации. В специальном секретном докладе американской разведки «Современная ситуация и возможное развитие событий в Венгрии» от 29 марта 1955 года констатировалось, что «введение нового курса в 1953 году не смогло решить проблемы в промышленности и сельском хозяйстве» и что «условия жизни населения в 1954 году не улучшились». Венгрия оценивалась как «наиболее проблемная» (для СССР) страна Восточной Европы[84].

Группа М. Ракоши в центральном руководстве ВПТ использовала неудачи правительства для устранения Надя с поста его главы в апреле 1955 года (до этого в январе 1955-го Надя подвергли критике за «правый оппортунизм» в Москве). После XX съезда КПСС группа Надя, идейно возглавив широко распространенное в среде венгерской интеллигенции недовольство мелочной опекой партийных органов, начинает борьбу за возвращение к власти. Инструментами этой борьбы стали Союз писателей (шесть членов его президиума подали в отставку из-за несогласия с отстранением Надя) и кружок имени Петефи, созданный венгерским комсомолом в 1955 году для пропаганды политических знаний. Имре Надь в своих статьях 1955 — начала 1956 года (тогда они не были опубликованы) уже требовал выхода Венгрии из Варшавского договора и придания ей статуса постоянного нейтралитета, по образцу австрийского.

Одновременно США, оценив Венгрию как наиболее слабое звено социалистического содружества, с 1954 года резко активизировали подрывную деятельность против ВНР. Эта деятельность против Венгрии и других стран соцлагеря осуществлялась на основе директивы Совета национальной безопасности США (СНБ) N 174 (NSC 174).

Основным инструментом этой психологической войны стала финансируемая ЦРУ радиостанция «Свободная Европа» (со штаб-квартирой в Мюнхене), в которой работали две тысячи сотрудников. Из 29 передатчиков станции шесть или семь были постоянно нацелены на Вен-

[84] Foreign Relations of the United States (FRUS). Vol. XXV. Washington, 1990. P. 16–17.

грию[85]. 8 сентября 1954 года руководство «Свободной Европы» утвердило «Директиву № 15, Венгрия, операция «Фокус». В соответствии с этой директивой была разработана программа «движения национального сопротивления» из 12 пунктов (свободные выборы, денонсация Варшавского договора и т.д.). 1 октября 1954-го миллионы листовок с этой программой посредством сотен воздушных шаров были заброшены в ВНР. «Свободная Европа» с помощью специального цикла радиопередач разъясняла программу «национального сопротивления» различным категориям населения. Нота протеста ВНР правительству США от 12 октября 1954 года была фактически отвергнута Вашингтоном.

Стратегия США в отношении Венгрии была двойной. С одной стороны, в самих США и в ФРГ при поддержке американцев были созданы эмигрантские венгерские организации, ставившие целью реставрацию капитализма. Базировавшийся в ФРГ «Союз венгерских братьев по оружию», объединявший бывших хортистских офицеров, с весны 1955 года приступил к организации и обучению в военных лагерях «добровольцев» для засылки в Венгрию.

Американцы финансировали и тренировали венгерских эмигрантов в ФРГ в рамках созданного еще в 1953 году Добровольческого корпуса свободы (Volunteer Freedom Corps, учрежден по директиве СНБ США от 20.05.1953), куда входили в основном бежавшие вместе с немцами в годы войны эмигранты из социалистических стран. За корпус отвечали госдепартамент и министерство обороны США, которые предполагали довести его численность до 30 тысяч бойцов[86]. Цель создания корпуса была определена СНБ как «создание кадрированных частей из антисоветских добровольцев, которые можно было бы быстро увеличить в случае чрезвычайных обстоятельств или широкомасштабной войны»[87].

С другой стороны, сознавая привлекательность многих завоеваний социализма для широких слоев населения Венгрии, американцы пропагандировали концепцию «национального коммунизма», т. е. социализма без советского влияния в духе югославской модели. На заседании Совета национальной безопасности США 12 июля 1956 года было прямо подчеркнуто, что США поддерживают «национальный коммунизм» не как таковой, а как средство отрыва социалистических стран от Советского Союза. Характерно, что члены СНБ сами признали эту линию «лицемерной»: если хотя бы часть директивы СНБ просочилась бы в печать, эффект для

[85] *Берец Я.* Крах операции «Фокус». М., 1986. С. 25.

[86] На март 1955 года численность корпуса составляла 25 974 человека, которые формально проходили военную подготовку под вывеской Трудовой организации — Labor Service Organization.

[87] Foreign Relations of the United States (FRUS). Vol. XXV. Washington, 1990. P. 60.

администрации США был бы «смертельным». На том же заседании СНБ вице-президент США Р. Никсон заявил, что было бы неплохо, если бы «железный кулак Советов снова опустился на советский блок».

Американцев очень тревожила новая линия советского руководства на налаживание по-настоящему равноправных отношений с социалистическими странами, которую Москва начала проводить особенно активно с 1955 года. В своей телеграмме в Вашингтон от 13 декабря 1955-го дипломатическая миссия США в Будапеште рекомендовала усилить антисоветскую радиопропаганду в Венгрии. Предлагался даже конкретный лозунг: «Неужели режимы-сателлиты должны отбирать хлеб изо рта своих граждан и отправлять его в Советский Союз?» «Опасностью для Запада» миссия считала возможное «примирение» большинства венгерских граждан с социализмом[88].

Американская миссия в Будапеште еще в своем сообщении от 12 апреля 1956 года предлагала использовать «дело Райка» (который был публично реабилитирован) для «эскалации» борьбы против лидера Венгрии Ракоши как «сталиниста»: «Тщательно подготовленное дипломатическое наступление вместе со скоординированной пропагандистской эксплуатацией (дела Райка) не только даст его (Ракоши) оппонентам ценные боеприпасы, но и, возможно, сделает его позиции неудержимыми в глазах Москвы»[89].

27 апреля 1956 года миссия США в Будапеште направила в Вашингтон развернутые рекомендации по действиям США с целью добиться скорейшей отставки Ракоши. В этом документе признавалось, что Ракоши удалось добиться стабилизации и даже улучшения социально-экономического положения Венгрии по сравнению с периодом правления И. Надя. Теперь же, на волне борьбы со сталинизмом, отмечали американские дипломаты, «...костяшки домино в Восточной Европе стали падать. Ситуация в Венгрии ухудшается быстро, бесспорно, быстрее, чем это предвидели в Москве». В связи с этим срочно рекомендовалось «усилить внутрипартийную оппозицию Ракоши», то есть поддержать группу Надя и идущую за ним творческую интеллигенцию. Подчеркивалось, что «соответствующие» действия США могут прямо повлиять на будущее Венгрии.

В самой Венгрии тем временем шли публичные и массовые дискуссии интеллигенции и студенчества, на которых со ссылкой на решения XX съезда КПСС звучали требования отставки Ракоши, как ответственного за репрессии конца 40-х — начала 50-х годов. На дискуссиях домини-

[88] Foreign Relations of the United States (FRUS). Vol. XXV. Washington, 1990. P. 104.
[89] Foreign Relations of the United States (FRUS). Vol. XXV. Washington, 1990. P. 147.

ровали представители группы Надя, требовавшие продолжения «нового курса». В Москве росла озабоченность положением в Венгрии. 13 июля 1956 года по поручению Президиума ЦК КПСС в Будапешт был направлен член Президиума А. И. Микоян. При его поддержке на пленуме центрального руководства (ЦР) ВПТ 18–21 июля Ракоши был снят с поста генерального секретаря и заменен Эрне Гере — представителем «центристского крыла» ЦР ВПТ[90]. Но это не устраивало ни группу Надя, ни Запад. Первый рвался к власти, а США беспокоили признаки начавшейся стабилизации венгерской экономики. В 1955 году на 6,1% по сравнению с 1954-м выросла производительность труда, неплохо развивалось сельское хозяйство.

В этих условиях, используя открытие австрийско-венгерской границы, США и другие западные страны еще в 1955 году наращивали заброску в ВНР шпионов и диверсантов. Если в 1954 году Управление государственной безопасности (УГБ) Венгрии вело расследование 53 дел о шпионаже, то в 1955-м — уже 162. В первом квартале 1956 года пограничники ВНР зафиксировали 191 случай нелегального перехода границы из Австрии, а в августе того же года — 438 случаев[91].

В стране возникли мелкие группы («белая гвардия», «меч и крест», «кровавый договор»), намеревавшиеся вооруженным путем свергнуть существующую власть. Тактика всех этих объединений состояла в организации массовых беспорядков и провоцировании интервенции войск НАТО. Одна из групп — «белые партизаны» — даже заготовила специальные удостоверения и нарукавные повязки с надписями на английском языке.

Американская военная разведка еще в январе 1956 года подготовила документ «Венгрия: активность и потенциал сопротивления», который рассматривал ВНР с точки зрения действий «специальных сил США». В докладе констатировались особенности политических настроений в Венгрии, которые облегчали основную задачу: «перевод недовольства в фазу активного сопротивления». Эти особенности, по мнению военной разведки США, состояли в антиславянских и антисемитских (Ракоши был евреем) чувствах значительных групп населения, а также в симпатиях к гитлеровской Германии, которая обеспечила Венгрии существенные территориальные приращения в 1940–1941 годах. Основной опорой режима ВПТ доклад считал силы госбезопасности и часть армейского офицерства.

В самой Венгрии новое руководство ВПТ пыталось вернуть в высшие партийные органы Надя, но тот отказывался признать свои ошибки (хотя

---

[90] Примечательно, что телеграмма дипмиссии США в Будапеште об отставке Ракоши была направлена командованию ВВС и сухопутных сил США.

[91] *Берец Я.* Крах операции «Фокус»... С. 42–43.

4 мая 1955 года сделал это). «Оседлав» настроения творческой интеллигенции, группа Надя теперь стремилась добиться уже всей полноты власти в стране. «Свободная Европа» приступила 7 апреля 1956 года к реализации второго этапа плана «Фокус». Предусматривалось сосредоточить пропаганду на борьбе против сталинизма и культа личности, которые оценивались как продукт самой системы, а не как ошибки и перегибы. В первой половине 1956 года над Венгрией было зафиксировано 293 воздушных шара с листовками антиправительственного содержания. 8 февраля 1956-го на заседании специально созданной межведомственной рабочей группы при СНБ США по подрыву социалистических стран (Operations Coordinating Board)[92] признавалось, что «акцию с воздушными шарами», возможно, придется несколько ограничить, так как она мешает гражданской авиации и может привести к жертвам. Радиовойну было решено, напротив, усилить. В передачах «Свободной Европы» постоянно повторялась мысль, что только Имре Надь может быть достойным лидером Венгрии.

Новое руководство ВПТ полагало, что устранение Ракоши ликвидировало нестабильность в обществе, и фактически не участвовало в организуемых кружком Петефи в различных вузах страны дискуссиях на социально-политические темы. Прошедшая в сентябре 1956 года конференция писателей Венгрии потребовала безусловной реабилитации Надя. 4 октября он был восстановлен в правах члена ВПТ. 6 октября в Будапеште состоялось торжественное перезахоронение останков Л. Райка, вылившееся в массовую демонстрацию.

30 августа 1956 года дипмиссия США в Будапеште в своем отчете о «первых 6 неделях без Ракоши» отмечала, что культа личности вокруг нового лидера ВПТ Гере нет и что заметно растет влияние нового члена руководства партии Яноша Кадара[93]. Американцы передавали мнение посла ССР в ВНР Ю. В. Андропова, который якобы сказал, что ему «очень нравится Кадар, с ударением на слове «очень». Следует подчеркнуть, что США считали Кадара самым антисталински настроенным членом высшего руководства ВПТ.

Отмечали в Вашингтоне и готовность нового венгерского руководства к существенному улучшению отношений с США (органы госбезопасности освободили двоих арестованных ранее технических сотрудников мис-

[92] После XX съезда КПСС при межведомственной группе была создана «Специальная рабочая группа по сталинизму», которая должна была использовать критику культа личности для подрыва социалистических стран. Возглавил рабочую группу заместитель госсекретаря США Бим. Именно эта рабочая группа приняла решение опубликовать и размножить в соцстранах доклад Н. С. Хрущева на XX съезде.

[93] Foreign Relations of the United States (FRUS). Vol. XXV. Washington, 1990. P. 232.

сии). Также в отчете миссии констатировалось, что новое партийное руководство хочет привлечь к сотрудничеству группу Надя, ввиду чего оно серьезно смягчило отношение к поддерживающим его интеллектуалам.

Члены кружка Петефи, представители будапештских вузов и Союза писателей посещали крупнейшие предприятия страны, пропагандируя возвращение Надя к власти. Одновременно радиостанция «Свободная Европа» в первой половине октября 1956 года резко наращивала антисоветскую агитацию, выдвигая лозунг немедленного вывода советских войск из Венгрии. Распространялись откровенно ложные данные о том, что СССР «грабит» Венгрию за счет низких цен на поставляемую в Советский Союз венгерскую продукцию. На самом деле СССР, наоборот, закупал венгерские товары по более высоким ценам, что позволило Венгрии в 1951–1955 годах получить на 723 млн валютных форинтов больше, чем в случае, если бы эти товары поставлялись на Запад. Кроме того, Советский Союз предоставил Венгрии кредиты на 100 млн рублей (в том числе 40 миллионов — в свободно конвертируемой валюте) на льготных условиях (2% годовых).

На съезде республиканской партии США в сентябре 1956 года (ожидалось, что ее кандидат, действующий президент Эйзенхауэр, легко выиграет президентские выборы в ноябре) в предвыборную платформу было включено требование об «освобождении стран социализма от советской гегемонии».

Катализатором массовых беспорядков в Венгрии стали события в Польше, где 19 октября 1956 года лидером правящей Польской объединенной рабочей партии (ПОРП) вопреки желанию Москвы был избран В. Гомулка, только что освобожденный из заключения. Советскому руководству пришлось смириться с этим. Было решено не задействовать для разрешения внутриполитического кризиса в Польше расквартированные там советские войска. Группировавшаяся вокруг Надя часть венгерской интеллигенции пришла к выводу, что в Будапеште можно повторить польский вариант.

Дипмиссия США сообщала, что 16 октября 1956 года на митинге в Дьере, где присутствовали около тысячи человек, впервые публично прозвучало требование о выводе советских войск из Венгрии.

22 октября 1956-го на собрании студентов будапештского Политехнического института, где присутствовали среди прочих два американских дипломата, было принято решение провести 23 октября демонстрацию солидарности с Польшей. Программой манифестантов стали «10 пунктов», почти совпадавшие с тиражируемой радиостанцией «Свободная Европа» программой «национального сопротивления». На собрании студентов ближайший соратник Надя Й. Силади прямо обозначил цель

демонстрантов — возвращение бывшего премьера к власти. Американские дипломаты сообщали, что настроения студентов были «яростными» и они требовали, чтобы «Советы» «убирались домой». Миссия США рекомендовала «немедленно» растиражировать через радиостанции требования студентов о выводе советских войск, чтобы «извлечь выгоду из постоянно растущих требований венгров»[94].

23 октября в 13.00 было объявлено о запрете студенческой манифестации, но уже через полтора часа она была разрешена. Сначала митинг студентов проходил вполне мирно, под лозунгами улучшения социализма. Но ближе к вечеру к демонстрантам присоединились рабочие и служащие (в основном бывшие чиновники хортистского режима или люди, недавно переехавшие в город из села). Стали звучать лозунги «Долой коммунистов!», «Вон евреев!». С общественных зданий срывались красные звезды и герб ВНР. Американские дипломаты отмечали, что колонны манифестантов специально прошли мимо миссии США, скандируя требование о выводе советских войск.

К 19.00 в различных частях Будапешта появились мобильные группы на автомашинах, распространявшие слухи, что «госбезопасность стреляет в народ»[95]. Мятежники заняли оружейный завод, международный телефонный центр и попытались захватить здание государственного радио. Его охрана сделала несколько холостых выстрелов в воздух. После этого мятежники разоружили прибывшее к зданию радио подразделение полиции и начали настоящий штурм. Ни полиция, ни охрана радио, несмотря на неоднократные просьбы, не получили разрешения применять оружие.

Вечером 23 октября на заседании руководства ВПТ было принято решение назначить Надя премьер-министром (характерно, что тот долго отказывался выйти и поговорить с демонстрантами) и просить руководство СССР оказать военную помощь для борьбы с беспорядками. Надь поддержал последнее решение, хотя потом от этого открещивался. В 23.00 23 октября по приказу министра обороны СССР были подняты по боевой тревоге пять дивизий Советской армии в Венгрии, Румынии и Прикарпатском военном округе[96]. Такая мера объяснялась тем, что в самой Венгрии было дислоцировано только две механизированные дивизии (одна из них прикрывала границу с Австрией), сведенные в Особый корпус и расположенные вдали от столицы. Между тем вечером 23 октября нападения на государственные учреждения произошли не толь-

94 Foreign Relations of the United States (FRUS). Vol. XXV. Washington, 1990. P. 263.

95 Дипмиссия США со ссылкой на неких неназванных свидетелей сообщала, что стрельбу открыли говорившие по-русски люди.

96 Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. М, 1998. С. 357.

ко в Будапеште, но и в Дебрецене и ряде других городов. В венгерской столице находились около 6000 военнослужащих и 1300 сотрудников УГБ, которые лишь ночью 24 октября получили разрешение применять оружие исключительно в целях самообороны.

24 октября дипмиссия США в Будапеште предложила госдепартаменту, чтобы правительство США сделало срочное заявление по Венгрии. В проекте заявления говорилось о поддержке США борьбы венгров за свободу против советских войск, хотя днем ранее сама миссия писала, что «русских войск не видно».

Далее предлагалось заявить в Москве протест против пребывания в Венгрии советских войск, причем не основываясь на международно-правовых аргументах, которые сама же миссия считала «слабыми» — ведь советские войска находились в стране с согласия законного правительства Венгрии. Свое более чем странное предложение миссия аргументировала тем, что «практически каждый венгр» требует теперь от США: «Дайте нам оружие!»[97]

24 октября Надь выступил по радио и потребовал от мятежников до 14.00 сложить оружие, обещая амнистию. Затем этот срок продлевался несколько раз, однако вооруженная борьба в Будапеште не прекращалась. В тот же день в столицу Венгрии прибыли А. И. Микоян и М. А. Суслов, которые в первом же сообщении в Москву расценили как «одну из серьезных ошибок венгерских товарищей» запрет стрелять по бесчинствовавшим участникам беспорядков[98].

С самого начала советские войска (в основном танки ввиду нехватки пехоты) только охраняли основные правительственные здания и применяли оружие лишь для самообороны. 24–25 октября обстановка начала стабилизироваться. В Будапеште осталось только два очага мятежа: казарма Килиана и район кинотеатра «Корвин». Надь противился попыткам их ликвидации под предлогом избежания ненужного кровопролития. Отказался он и вооружить коммунистов и бывших партизан, которые требовали оружия для самообороны. Небольшие группы повстанцев (западные корреспонденты отмечали их высокую боевую выучку) из засад стреляли по советским танкистам в основном из жилых домов (в том числе и с крыши дома, где жили американские дипломаты), стремясь вызвать их на применение тяжелого оружия. К советским танкам подсылали детей, которые забрасывали бронетехнику бутылками с горючей смесью.

25 октября «Свободная Европа» передала директиву мятежникам: «Надо отменить чрезвычайное положение (его объявило правительство

[97] Foreign Relations of the United States (FRUS). Vol. XXV. Washington, 1990. P. 272.
[98] АВП РФ, ф. 059а, оп. 4, п. 6, д. 5, л. 1–7.

Надя) и приказать советским частям вернуться в свои казармы». В тот же день произошла провокация перед парламентом, позднее получившая название «кровавый четверг». В стоявших перед зданием Госсобрания демонстрантов и охранявших парламент советских танкистов неожиданно начали стрелять с крыш прилегающих зданий. В результате завязавшейся перестрелки погибли несколько десятков человек. Группы мятежников, среди которых уже с 24 октября практически не было студентов, опять стали распускать слухи, что госбезопасность и советские войска расстреливают ни в чем не повинных людей.

25 октября, выступая в 15.30 по радио, Надь осудил вооруженное выступление «горстки контрреволюционеров» и предостерег «трудовой народ от тех, кто безответственно распространяет слухи, вызывающие панику»[99]. Одновременно Надь просил Москву срочно увеличить количество войск в Будапеште за счет пехоты. Использовав провокацию у парламента, группе Надя удалось добиться 25 октября отстранения Гере с поста генерального секретаря ВПТ. Его место занял репрессированный при Ракоши Янош Кадар (кстати, сам Надь ранее сыграл в раскручивании «дела Кадара» одну из ведущих ролей). На пленуме ЦР ВПТ 26 октября Надь и его сторонники попытались добиться переоценки событий 23–25 октября как народного восстания, но успеха не добились.

Между тем в Вашингтоне 25 октября на экстренное заседание собралась межведомственная группа по Венгрии с участием высокопоставленных сотрудников госдепартамента, ЦРУ, министерства обороны. Было принято решение поддержать Надя при условии, что он немедленно потребует вывода советских войск: «Линия должна быть таковой — судьба Надя полностью зависит от его способности избавиться от советских войск в Венгрии»[100].

26 октября на заседании СНБ США с участием президента Эйзенхауэра была подчеркнута важность событий в Венгрии, направленных, в отличие от польских, прямо против социализма, даже в его «национальной» форме. Интересно, что директор ЦРУ Даллес предположил: события в Венгрии могут стать началом охлаждения отношений между КНР и СССР. В тот же день межведомственная группа решила, что радиостанции США должны координировать действия повстанцев в различных частях Венгрии[101]. Дискутировалась и была одобрена в принципе поставка оружия по линии ЦРУ (желательно не американского, а немецкого, чтобы скрыть прямое участие США в беспорядках).

---

[99] Советский Союз и венгерский кризис... С. 383–384.

[100] Foreign Relations of the United States (FRUS). Vol. XXV. Washington, 1990. P. 278.

[101] Foreign Relations of the United States (FRUS). Vol. XXV. Washington, 1990. P. 301.

26 октября, оправившись от первоначальной растерянности, венгерская армия и силы безопасности начали ликвидацию очагов мятежа в стране. Общественный порядок был восстановлен в Пече, в Эстероме мятежников выбили из здания горсовета. 27 октября на улицах главных городов появились военные патрули. Вопреки последующим утверждениям западной историографии ни одна из частей венгерской армии в полном составе не перешла на сторону восставших. Радиостанция «Свободная Европа» и листовки мятежников утверждали, что на стороне правительства сражаются лишь переодетые в военную форму сотрудники госбезопасности. В ночь на 28 октября положение мятежников стало критическим: они были выбиты из зданий нескольких райкомов ВПТ в Будапеште. Началось вооружение рабочих и членов партии. На рассвете 28 октября был блокирован последний опорный пункт мятежников в венгерской столице — казарма Килиана.

27 октября замгоссекретаря США Мерфи принял заместителя главы венгерской миссии в Вашингтоне Задара, который подтвердил, что в Венгрии воцаряется порядок. На прямой вопрос о роли СССР венгерский дипломат подчеркнул, что советские войска первыми не открывали огонь и стреляли только в целях самообороны и с согласия венгерского правительства.

28 октября миссия США в Австрии сообщила в Вашингтон, что многие прибывающие в Австрию венгерские беженцы прямо обвиняют США и радиостанцию «Свободная Европа» (а также «акцию» с воздушными шарами) в подстрекательстве к беспорядкам[102].

25 и 26 октября в американскую миссию в Будапеште пришли представители повстанцев и напрямую попросили совета о том, как им относиться к правительству Надя, «который хочет сохранить систему». Интересно, что миссия даже не была уверена в полномочиях этих представителей, считая, что «это неважно». Однако же она рекомендовала, невзирая на риск, немедленно помочь повстанцам, иначе им придется сложить оружие, так как непонятно, против чего они, собственно, борются, если «реформатор» Надь пришел к власти. Миссия рекомендовала требовать прекращения огня (причем немедленного, иначе повстанцы потерпят полное поражение), вывода советских войск и легализации антикоммунистических партий.

Именно с этой программой неожиданно для многих и выступил 28 октября по радио Имре Надь, объявив о прекращении огня и охарактеризовав мятеж как «национально-демократическое движение». Премьер фактически признал созданные мятежниками по всей стране «советы»,

[102] Foreign Relations of the United States (FRUS). Vol. XXV. Washington, 1990. P. 319.

«ревкомы» и т.д. законными органами власти. Распускались силы госбезопасности. Суслов и Микоян, как и большинство ЦР ВПТ, поддержали это решение, так как Надь убеждал, что это кратчайший путь к ликвидации мятежа. Некоторыми членами Президиума ЦК КПСС (особенно Ворошиловым) позиция Суслова и Микояна подвергалась критике. В вышеупомянутом выступлении по радио 28 октября Надь объявил об отводе из Будапешта советских войск и о начале переговоров с целью полного вывода Советской армии из Венгрии (последний тезис не был заранее согласован с другими членами руководства ВПТ).

29–30 октября многие сотрудники госбезопасности вместе с семьями, опасаясь расправы, стали покидать Венгрию или искать убежища в гарнизонах советских войск. Легализованные Надем различного рода «ревкомы» начали в массовом порядке раздавать населению оружие. 28 октября руководство «Свободной Европы» получило из своей штаб-квартиры в США подробную инструкцию из восьми пунктов, в которой, наряду с уже реализованными Надем требованиями (роспуск сил госбезопасности, амнистия повстанцам, вывод советских войск и т.д.), выдвигалась установка на создание в Венгрии многопартийного правительства и денонсацию Варшавского договора. 29 октября все эти требования были переданы «Свободной Европой».

Между тем США, инспирируя подстрекательскую деятельность «Свободной Европы», первое время воздерживались от официальных заявлений по венгерскому вопросу. 24 октября госсекретарь США Дж. Ф. Даллес предложил президенту Д. Эйзенхауэру осудить «советскую интервенцию» и вынести эту тему на заседание Совета Безопасности ООН. Однако президент медлил, в том числе и потому, что осознавал: никакой реальной «интервенции» не происходит. К тому же как бывший генерал Эйзенхауэр понимал, что оказание США военной помощи мятежникам (те, как упоминалось, установили контакт с миссией США в Будапеште уже 25 октября и просили прислать противотанковое оружие) приведет к третьей мировой войне. После заседания СНБ США 26 октября было решено дать знать по дипломатическим каналам советскому руководству, что Вашингтон не будет вовлекать будущую нейтральную Венгрию в НАТО. Американцы медлили с передачей «венгерского вопроса» в Совет Безопасности ООН еще и потому, что уже получили данные разведки о готовящемся нападении Израиля, Франции и Великобритании на Египет. Эйзенхауэру казалось «лицемерным» осуждать СССР за «интервенцию», предпринятую с согласия правительства Венгрии на фоне предстоящей неприкрытой агрессии своих союзников по НАТО против Каира.

29 октября Израиль напал на Египет, после чего Англия и Франция стали подталкивать Вашингтон к немедленному «раскручиванию» вен-

герского вопроса в ООН, чтобы отвлечь внимание от собственной агрессии. С самого начала на секретных англо-франко-американских консультациях в Нью-Йорке шла речь именно о пропагандистском использовании ООН против СССР.

31 октября английские и французские войска присоединились к израильской агрессии против Египта, стремясь, в числе прочего, использовать и «венгерский фактор» (то есть полагая, что из-за венгерских событий Москве будет не до Каира). Франция и Великобритания стремились срочно передать венгерский вопрос на заседание Генеральной Ассамблеи ООН, а США теперь противодействовали этому, стараясь сохранить свой авторитет в арабском мире[103].

В самой Венгрии после вывода к 30 октября советских войск из крупных городов начался массовый террор легализованных Надем «ревкомов» против коммунистов, сотрудников госбезопасности, военнослужащих и полицейских. 30 октября после обстрела из танков штурмом был взят Будапештский горком ВПТ, после чего мятежники зверски замучили 25 его защитников. На глазах западных корреспондентов убитых коммунистов вешали на деревьях, вырезали им сердца, забивали насмерть сдавшихся сотрудников охраны горкома. Чтобы оправдать ставшие известными всему миру «эксцессы», был пущен слух об огромной тюрьме под горкомом. Для того чтобы ее обнаружить, даже проводились буровые работы на площади перед зданием[104].

По всей Венгрии начались неконтролируемые расстрелы и суды Линча. Убивали на улицах тех, кто был одет в защитные брюки или обут в желтые ботинки (говорили, что их носят сотрудники УГБ). Убитых коммунистов и советских военнослужащих выставляли в витринах магазинов с надписью «Мода сезона». Всего с 30 октября по 4 ноября 1956 года в Венгрии были арестованы более трех тысяч сторонников социализма.

Массовые расправы над коммунистами в Венгрии изменили настроения в Москве. Еще 30 октября Президиум ЦК КПСС утвердил текст Декларации Правительства СССР об основах развития и дальнейшего укрепления дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и другими социалистическими странами. В документе подчеркивалось стремление СССР строить отношения с партнерами по СЭВ и Варшавскому договору на основах равноправия.

1 ноября 1956 года на заседании СНБ США директор ЦРУ назвал победу повстанцев «чудом», так как советские войска могли бы легко подавить беспорядки, но вместо этого ушли из Будапешта. Декларацию

---

[103] *Bekes C.* The 1956 Hungarian Revolution and World Politics. Washington, 1996. P. 19.

[104] *Холлош Э., Лайтаи В.* Площадь Республики 1956. М., 1978. С. 163.

СССР о новых отношениях с соцстранами Даллес расценил как один из самых важных документов прошедшего десятилетия.

Но уже 31 октября под влиянием сообщений из Венгрии об уничтожении коммунистов советское руководство приняло решение о применении войск для сохранения социализма в Венгрии. 1 ноября Хрущев согласовал это решение с лидерами соцстран, в том числе КНР и Югославии. Характерно, что польское руководство, первоначально относившееся к событиям в Венгрии с симпатией, после 30 октября полностью поддержало курс на немедленное наведение в ВНР конституционного порядка. США рассматривали возможность переброски повстанцам оружия по воздуху, но отказались от этой возможности как сложно реализуемой ввиду возможного противодействия советской авиации[105]. Была лишь усилена радиопропаганда на русском языке, призывавшая советских солдат не стрелять в венгров.

1 ноября под влиянием сведений о начавшейся переброске советских войск в Венгрию правительство Надя заявило о денонсации Варшавского договора и потребовало вмешательства ООН для гарантии провозглашенного нейтралитета Венгрии. При этом Надь говорил советскому послу Ю. В. Андропову, что с трудом удерживает венгерскую армию от нападения на советские части[106].

Следует подчеркнуть, что решение Надя о выходе из ОВД противоречило конституции ВНР, так как денонсировать международные договоры мог только парламент. Само правительство Надя 30 октября — 3 ноября переживало постоянные реорганизации. В конце концов, в нем остался только сам Надь (премьер и министр иностранных дел), а остальные министерские посты были зарезервированы для возникавших некоммунистических партий. В то же время была распущена ВПТ и вместо нее создавалась Венгерская социалистическая рабочая партия (ВСРП) во главе с Я. Кадаром. Однако Кадар 1 ноября приехал в советское посольство, а затем был переправлен в Москву, где дал согласие возглавить новое правительство Венгрии (его кандидатуру предложил Хрущеву Тито). В начале ноября «Свободная Европа» уже настраивала мятежников на отстранение «коммуниста» Надя и передачу власти лидеру клерикальной оппозиции кардиналу Миндсенти, освобожденному 30 октября из-под домашнего ареста. На совещании 1 ноября в Белом доме констатировалось, что «Имре Надь потерпел крах, повстанцы требуют его ухода». Кардинал Миндсенти рассматривался в связи с этим как новый «харизматический лидер революции».

---

[105] Foreign Relations of the United States (FRUS). Vol. XXV. Washington, 1990. P. 362.

[106] АВП РФ, ф. 059а, оп. 4, п. 6, д. 5, л. 21.

В тот же день, 1 ноября, «ревком» венгерских ВВС потребовал немедленного вывода из страны советских войск, угрожая в противном случае нанести по ним бомбовые удары. Между Веной и Будапештом был организован воздушный мост, по которому наряду с продовольствием и медикаментами в страну переправлялось оружие и перебрасывались хортистские офицеры.

3 ноября миссия США в Венгрии согласовала по телетайпу с Вашингтоном заявление кардинала Миндсенти, в котором он в качестве нового лидера Венгрии требовал военной помощи США[107].

На рассвете 4 ноября на основании приказа главкома ОВС ОВД маршала И. С. Конева Советская армия приступила к проведению операции «Вихрь» (участие своих вооруженных сил предлагала Румыния). В операции участвовали 11 дивизий, отдельные части и силы авиационной поддержки. Уже в тот же день советские войска овладели всеми крупными городами Венгрии, хотя отдельные стычки продолжались до 8 ноября. Западные корреспонденты наблюдали, как уставшие от анархии венгры «стекались» в советские комендатуры, чтобы указать на места, где скрываются вооруженные группы мятежников[108]. 4 ноября к венгерскому народу обратилось Венгерское революционное рабоче-крестьянское правительство во главе с Кадаром с призывом бороться против «террористов и бандитов». Части венгерской армии не оказывали сопротивления и в основном разоружались. Отдельные группы солдат и офицеров помогали советским войскам.

Имре Надь и группа его сторонников нашли убежище в посольстве Югославии, а кардинал Миндсенти — в миссии США. Всего советские войска потеряли в ходе беспорядков в Венгрии в октябре — ноябре 1956 года 640 человек убитыми и 1251 ранеными[109]. Венгров погибло около 3000 человек, причем 48% были моложе 29 лет. Как показали опросы среди венгерских эмигрантов в Австрии (после мятежа из Венгрии бежали примерно 200 тысяч человек), более 70% участников беспорядков регулярно слушали «Свободную Европу». Американские психологи признавали, что среди опрошенных венгерских эмигрантов было очень много лиц, склонных к насилию или воспринимавших вооруженную борьбу как «спорт» и «приключения». Среди руководителей отрядов мятежников встречалось немало бывших преступников, в том числе и уголовных (всего в ходе мятежа из тюрем выпустили около 10 тысяч уголовных преступников и 3324 «политических» заключенных).

[107] 4 ноября Миндсенти уже попросил убежище в миссии США в Будапеште.
[108] *Irving D.* Aufstand in Ungarn. München, 1986. S. 528.
[109] Гриф секретности снят. М., 1993. С. 397.

Мятеж нанес Венгрии ущерб в 22 млрд форинтов, что равнялось четверти национального дохода страны в 1955 году. В ноябре 1956-го промышленное производство в республике составляло лишь 18% сентябрьского. Из-за бесконтрольных «экспроприаций» «ревкомов» были дезорганизованы финансы. Было полностью разрушено 3000 квартир, а 17 000 — серьезно повреждено.

К середине ноября 1956 года по линии советских органов госбезопасности (аналогичные венгерские структуры были по сути ликвидированы Надем) были задержаны 4700 граждан ВНР, из которых арестованы 1400 человек. Вопреки распространившимся на Западе слухам, никаких массовых депортаций венгров на территорию СССР не проводилось. В тюрьму Ужгорода в первые дни подавления мятежа были временно вывезены 846 арестованных, которых вскоре передали венгерским властям. Кстати, Специальный комитет ООН по венгерскому вопросу, созданный по инициативе западных стран, признал, что в советских тюрьмах с арестованными обращались лучше, чем в венгерских.

В 1957 году после консолидации правительства Кадара венгерскими силами правопорядка были осуждены за участие в мятеже около 16 тысяч человек. К смертной казни были приговорены 400 человек, из которых казнены 229. Имре Надь под обещание неприкосновенности со стороны правительства Кадара 22 ноября 1956 года покинул территорию югославского посольства, но был арестован советскими органами госбезопасности и переправлен в Румынию. Позднее, в 1958 году он был приговорен в Венгрии к смертной казни. В Москве не ожидали столь сурового приговора, но вмешиваться не стали. Миндсенти вплоть до 1972 года находился в посольстве США в Будапеште, после чего ему разрешили покинуть страну.

В целом события октября — ноября 1956 года в Венгрии можно трактовать как использование внутренними антиправительственными силами обоснованного экономического недовольства некоторых слоев населения для насильственного свержения существующего строя при массированной пропагандистской поддержке Запада. Именно подстрекательская пропаганда со стороны США (о чем наглядно свидетельствуют документы американского внешнеполитического ведомства) превратила мирное движение за реформы в стране в кровавую вакханалию, стоившую жизни сотням венгров и русских.

Научное издание

Эдвард Николае Люттвак

Государственный переворот: Практическое пособие

Печатается по решению Ученого совета
Университета Дмитрия Пожарского

Перевод *Платошкин Н.Н.*
Научный редактор *Платошкин Н.Н.*
Редактор *Сусид А.Д.*

Дизайн обложки *Е.А. Горева*
Макет и верстка *Б. Ю. Григорьев*

Подписано в печать 15.01.2012
Формат 70×100/16. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Печать офсетная.

Тираж 7500 экз. Первый завод 3000 экз. Заказ № 199

Русский Фонд Содействия Образованию и Науке
119435, Москва, Малая Пироговская, 13
www.s-and-e.ru

Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., д. 6

ISBN 978-5-91244-021-2

